

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2018

№ 54

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

**Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»**

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)

**Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology**

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
D.A. Katunin (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

**Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»**

Дж.Ф. Бейлин (Стони-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Вартanova (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

**Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology**

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)
M.N. Lipovetsky (Boulder, US)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, US)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Байкова О.В., Казаков А.В., Обухова О.Н. Методика определения и анализа завершенных и незавершенных интонационных фраз в спонтанной речи (на примере исследования немецких островных диалектов)	5
Бергельсон М.Б., Кибрек А.А. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции	29
Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф. Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках	42
Золотова Т.А., Поздеев В.А. Предметные реалии как жанровые маркеры поволжских обрядовых текстов («самолена / позлащена борода» и «свиньи ножки»)	59
Калиткина Г.В. « <i>Het, я не вру...</i> » vs « <i>Het, вру я...</i> ». Традиционная культура в зеркале предикатов профанной речи	67
Краснобаева-Чёрная Ж.В. Опыт осмыслиения ценностной картины мира во фразеологии: структурная организация (на материале русского, украинского, английского и немецкого языков)	98
Пупынина Е.В. Описательный компонент в объяснении маршрута (на материале английского языка)	117

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Булгакова Н.О., Седельникова О.В. Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа	125
Волков И.О., Жиликова Э.М. Предки И.С. Тургенева в качестве читателей: Н.И. Лавров и Вергилий (по материалам родовой библиотеки писателя)	147
Горбовская С.Г. Формирование художественного образа «голубой цветок» в мировой литературе XVII–XIX вв.: от Жана де Лабрюйера к Раймону Кено	160
Гребнева М.П. Ароматы жизни и смерти в произведениях русских авторов о Флоренции	182
Жиличева Г.А. Функции металепсисов в романах постсимволизма	194

ЖУРНАЛИСТИКА

Вартанова Е.Л., Смирнов С.С. Об актуальности и проблемах количественных исследований российских медиа	206
Перевалова Е.В. Блеск и нищета «русского Шеффилда»: «рабочий вопрос» в цикле очерков «Село Павлово» («Московские ведомости», 1872 г.)	222
Сидоров В.А. Ценности минувшего в историко-культурном медиадискурсе: осмысление 100-летия Октябрьской революции	238

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Дербишева З.К. Рецензия на книгу: Единство Европы по данным лексики	260
Ляпина Л.Е. Рецензия на книгу: Матяш С.А. Стихотворный перенос (enjambement) в русской поэзии: очерки теории и истории	267
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	272

CONTENTS

LINGUISTICS

Baykova O.V., Kazakov A.V., Obukhova O.N. Methods of determining and analyzing complete and incomplete intonation phrases in spontaneous speech (on the example of studying German insular dialects)	5
Bergelson M.B., Kibrik A.A. The Russian language in the Cook Inlet area: Self-identification in the situation of cultural isolation	29
Díaz Ferrero A.M., Quero Gervilla E.F. Analysis of proverbs expressing a negative view of woman in the Russian and Portuguese languages	42
Zolotova T.A., Pozdeev V.A. Object realities as genre indicators of ritual texts in the Volga region (“samolena/pozlashchena boroda” and “svinye nozki”)	59
Kalitkina G.V. “No, I am not lying” vs. “No, I am lying”: Traditional culture in the mirror of predicates of profane speech	67
Krasnobaieva-Chernaya Zh.V. Experience of understanding the axiological world image in phraseology: a structural organization (based on Russian, Ukrainian, English and German)	98
Pupynina E.V. Descriptions in route directions (in the English language)	117

LITERATURE STUDIES

Bulgakova N.O., Sedelnikova O.V. The sphere of concepts of the novel <i>Demons</i> by F.M. Dostoevsky: on revealing the main concept and its function in the poetics of the book	125
Volkov I.O., Zhilyakova E.M. Ivan Turgenev’s ancestors as readers: Nikolay Lavrov and Virgil (on the material of the writer’s family collection of books)	147
Gorbovskaia S.G. Formation of the artistic image of the “blue flower” in the world literature of the 17th–20th centuries: from Jean de La Bruyère to Raymond Queneau	160
Grebneva M.P. Fragrances of life and death in the works about Florence by Russian authors	182
Zhilicheva G.A. Roles of metalepses in post-symbolist novels	194

JOURNALISM

Vartanova E.L., Smirnov S.S. On the current importance and challenges of quantitative studies of Russian media	206
Perevalova E.V. Gloss and poverty of the “Russian Sheffield”: the “worker question” in the cycle of essays “Pavlovo Village” (<i>Moskovskie Vedomosti</i> , 1872)	222
Sidorov V.A. The values of the past in the historical and cultural media discourse: understanding the centenary of the October Revolution	238

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Derbisheva Z.K. Book Review: <i>Edinstvo Evropy po dannym leksiki</i> [The Unity of Europe According to Vocabulary]	260
Liapina L.E. Book Review: Matyash, S.A. <i>Stikhotvornyy perenos (enjambement) v russkoy poezii (ocherki teorii i istorii)</i> [Enjambement in Russian poetry (essays on theory and history)]	267

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	272
-------------------------------------	-----

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-139

DOI: 10.17223/19986645/54/1

О.В. Байкова, А.В. Казаков, О.Н. Обухова

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И АНАЛИЗА ЗАВЕРШЕННЫХ И НЕЗАВЕРШЕННЫХ ИНТОНАЦИОННЫХ ФРАЗ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ ОСТРОВНЫХ ДИАЛЕКТОВ)¹

Представлена методика определения завершенных и незавершенных интонационных фраз (ИФ), выявления тонологической структуры интонационных контуров выбранных ИФ и определение их ядерных контуров немецких островных диалектов Кировской области. Данная методика является новой и актуальной, так как опирается на неинтонационные критерии исследования, включающие семантические, синтаксические и pragматические показатели ИФ.

Ключевые слова: немецкие островные диалекты, завершенные, незавершенные интонационные фразы, интонационные контуры.

Одна из главных функций интонации – структурирование речи, которое оформляет высказывание в единое целое в соответствии со смыслом, одновременно расчленяя его на ритмические группы и синтагмы (см. [1–6]). В соответствии с данной функцией нами ставится задача представить методику анализа интонации, которая характерна для родной немецкой речи носителей верхне- и нижненемецких диалектов, проживающих в Верхнекамском районе Кировской области². Для анализа мы выбираем завершенные и незавершенные интонационные фразы (далее ИФ) (синтагмы), выступающие в качестве независимых величин исследования. Зависимой от интонационной реализации величиной является регионально-специфическая интонационная окраска рассматриваемых ИФ. Для того чтобы определить независимо от интонационной реализации завершенные и незавершенные ИФ, в исследовании мы используем неинтонационные критерии, основанные на синтаксических, семантических и pragматических особенностях ИФ. В основе представленной методики лежит методика ис-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Совета Министров Республики Крым в рамках научного проекта № 17-412-92001 «Эволюция этнокультурных маркеров малых народов Крыма».

² Исходным в исследовании послужил лингвистический материал, собранный во время диалектологических экспедиций в период с 1999 по 2015 г. в поселки Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области, где проживает немецкое национальное меньшинство (более подробно см.: [7. S. 180]).

следований немецких региональных диалектов Германии П. Гиллеса, описанная им в работе [8]. При исследовании завершенных и незавершенных ИФ немецких островных диалектов Кировской области были рассмотрены так называемые субстанциональные (содержательные) ИФ. Критерии для обозначения субстанциональности (содержательности) ИФ были введены еще У. Чейфом [9], который определял их следующим образом: 1) фраза должна быть полностью реализована с точки зрения просодии, т.е. в наличии должен быть интонационный контур с главным ударением; 2) ИФ должна содержать определенную информацию.

Согласно П. Гиллесу [8. Р. 48–52] при определении завершенных и незавершенных ИФ необходимо обращать внимание на то, что если синтаксическая незавершенность ИФ всегда указывает на абсолютную незавершенность, то из синтаксической завершенности ИФ не всегда следует, что налицо законченность мысли. Завершенность и незавершенность ИФ только тогда определяются однозначно, когда их исследование проводится в одном русле, а именно как на синтаксическом, семантическом, так и на прагматическом уровне.

При определении завершенных ИФ П. Гиллес использует неинтонационные критерии, основанные на синтаксических, семантических и прагматических особенностях ИФ (см. [10, 11]). Согласно С. Форд и С. Томпсон [12. Р. 150], чтобы признать ИФ законченной, необходимо рассмотреть ее синтаксическую структуру, которая не должна предполагать дальнейшего дополнения. На уровне семантики завершенность ИФ налицо в том случае, когда фраза имеет явную законченную мысль, например *unddawar's, soistdasebenalles*, т.е. она заканчивает более длинный речевой акт. Более точные указания на завершенность фразы выводятся из исследования прагматической структуры. По мнению С. Форд и С. Томпсон, с точки зрения прагматики высказывание только тогда закончено, когда оно как сложный речевой акт истолковывается в соответствии с контекстом, т.е. прагматическую завершенность ИФ определяет законченность речевого акта. При определении завершенных и незавершенных ИФ необходимо уделять большое внимание смене собеседников в разговоре: если происходит смена разговора, то ИФ, способствующая этому, является абсолютно завершенной. При смене говорящих в беседе нужно различать «реальную» смену собеседников, при которой слушающий вступает в разговор, и реакцию слушающего на слова говорящего посредством контактоустановливающих частиц, например *ja, mhm* и др. [8. S. 49]. Если в первом случае однозначно можно установить, что речевой акт со стороны говорящего и слушающего определяется законченным, то во втором сложно понять, считает ли слушающий представленный речевой акт законченным или же своей реакцией позволяет собеседнику продолжать разговор. Ученый предлагает отнести эти сигналы к продолжению беседы, т.е. к незавершенной структуре ИФ.

Чтобы определить незавершенные ИФ, П. Гиллес рассматривает их, прежде всего, с точки зрения синтаксиса, семантики и прагматики. Син-

таксически незавершенная ИФ определяется тем, что она содержит синтаксическую конструкцию, требующую продолжения в последующей фразе / фразах. Примером могут служить все предшествующие главному предложению придаточные предложения. В исследуемом корпусе языкового материала это часто встречающиеся придаточные предложения условия (*wenn... / dann...*). К этой же категории относятся неполные синтаксические конструкции, которые могут быть разделены из-за их длины на несколько ИФ. Согласно П. Гиллесу с точки зрения семантики незавершенность ИФ появляется в том случае, если лексический элемент фразы предполагает определенное продолжение в последующей фразе. По мнению У. Энгела, незавершенные ИФ должны включать в себя такие вводные слова, как *zwar, eigentlich, schon, sicher, erstens, vielleicht* [13. Р. 89]. Прагматическая незавершенность ИФ присуща, прежде всего, длинным речевым актам, например в рассказах, описаниях, когда говорящий использует речевые единицы, которые не позволяют закончить речевой акт.

Обобщая концепцию П. Гиллеса об определении завершенности / незавершенности ИФ на основе неинтонационных критериев, можно сделать вывод, что абсолютная завершенность определяется только в том случае, субстанциональная ИФ синтаксически и прагматически закончена и сопровождается сменой говорящих. Если смена говорящих отсутствует, можно говорить только о возможно завершенной ИФ. Абсолютная незавершенность определяется, во-первых, с точки зрения незавершенности синтаксиса и семантики. Если же говорить о возможно незавершенных ИФ, то следует принять уже не только их синтаксическую и семантическую, но прагматическую незавершенность.

С помощью методики определения и анализа интонационных фраз завершенности и незавершенности ИФ, рассмотрим на примере отрывка «Рассказ об отце» принципы использования неинтонационных критериев для определения завершенности ИФ, а также проанализируем их интонационные контуры. Допустим, что в абсолютно и возможно завершенных ИФ высота пограничного тона различна в зависимости от наличия или отсутствия смены говорящих.

В представленном ниже примере – рассказе информанта-носителя верхненемецких диалектов Кировской области (в разговоре принимают участие интервьюер (ОГ) и информант-диктор (МИБж) – для определения абсолютно и возможно завершенных ИФ используются следующие символы: абсолютно завершенные ИФ – (=>); возможно завершенные ИФ – (→); микропаузы – (.); короткие паузы до 0,25 сек. – (-); средние паузы до 0,75 сек. – (--); длинные паузы до 1,00 сек. – (---); паузы продолжительностью более 1,00 сек. обозначаются цифрами – (1,5), (2,00); растягивание слова – (und=äh); заполненная пауза – (äh); главное ударение (ядерный слог) в ИФ – выделение слога заглавными буквами (geSTORben); второстепенное ударение в ИФ – выделение гласного заглавной буквой (friIher); семантика: да – наличие семантического показателя завершенности, нет – отсутствие семантического показателя завершенности; синтаксис: да –

наличие синтаксического показателя завершенности, нет – отсутствие синтаксического показателя завершенности; прагматика: да – наличие прагматического показателя завершенности, нет – отсутствие прагматического показателя завершенности; смена разговора: да – наличие смены собеседников, нет – отсутствие смены собеседников. Транскрипция текста приведена в табл. 1.

В представленном отрывке информант-диктор рассказывает о возникновении и строительстве поселка Черниговский. Нами выбраны завершенные ИФ 6, ИФ 15 и ИФ 22, так как, во-первых, их синтаксическая и семантическая структуры являются завершенными; во-вторых, с точки зрения прагматики ИФ 6 заканчивает рассказ о брате информанта, ИФ 15 резюмирует информацию о жене брата, а ИФ 22 подводит к концу рассказ о строительстве поселка. ИФ 15 и ИФ 22 определяются как абсолютно завершенные ИФ, так как после вышеназванных ИФ происходит смена говорящих. ИФ 6 определяется нами как возможно завершенная ИФ, поскольку она не предусматривает смену собеседников. Выбранные нами абсолютно и возможно завершенные ИФ оформляются следующим интонационным контуром, полученным в программе PRAAT (более подробно см. на сайте www.praat.org).

На рис. 1 представлен линейный восходяще-нисходящий интонационный контур возможно завершенной ИФ 6, ядерный слог которого выделен заглавными буквами. Главное ударение в ИФ падает на первый слог существительного Bruder. Ядро контура включает в себя 2 слога: ядерный слог – BRU и один заядерный слог der. Ударный слог двусложного ядерного контура – BRU реализуется в начале ядерного слога на среднем уровне тона ($F_{0\min} 175.83$ Гц / $F_{0\min} 8.99$ пт), затем ко второй трети ядерного слога контур повышается до $F_{0\max} 275.49$ Гц, что соответствует $F_{0\max} 17.19$ пт, поэтому мы обозначаем его схематически МН. Восходяще-нисходящий ядерный контур можно графически обозначить как МНт%. Нисходящее движение ядерного тона до конца ИФ реализуется достаточно плавно. $F_{0\max}$ составляет 275.49 Гц / $F_{0\max} 17.19$ пт, $F_{0\min}$ равно 199.32 Гц, что составляет $F_{0\min} 9.20$ пт. Высота фразового пограничного тона т% составляет 199.32 Гц. Диапазон представленного восходяще-нисходящего контура $F_{0\text{umfang}}$ составляет 76.17 Гц, что показывает несколькоуженный диапазон голоса МИБж в представленном ИФ ($F_{0\text{umfangglobal}} 169.70$ Гц, $F_{0\text{umfangglobal}} 8.52$ пт).

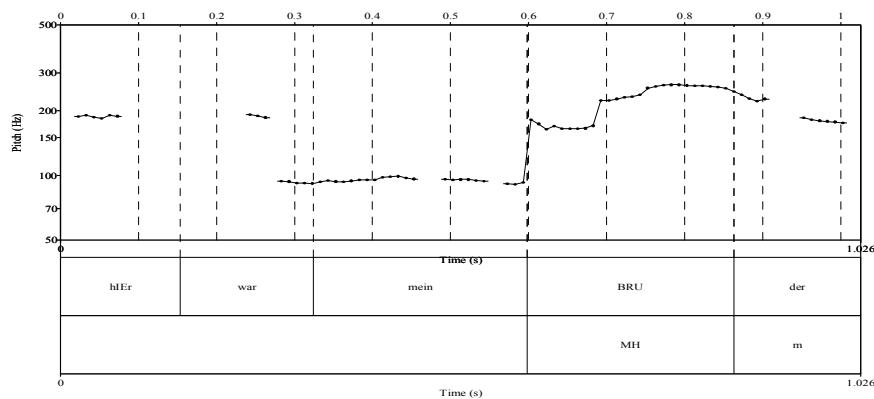
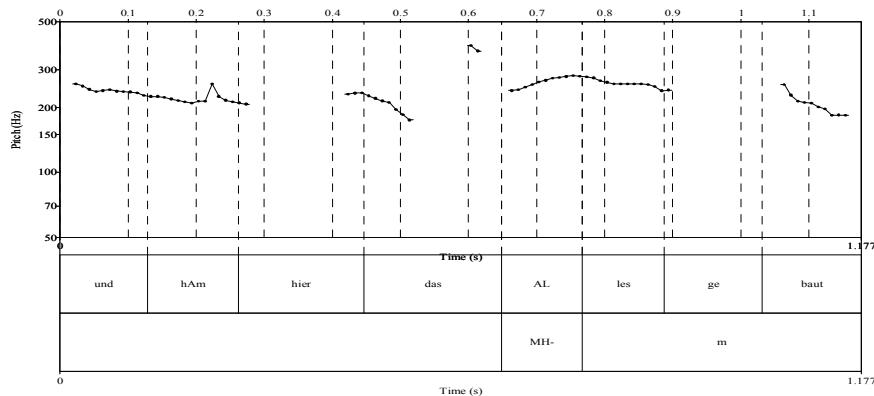
На рис. 2. представлен линейный восходяще-нисходящий интонационный контур абсолютно завершенной ИФ 22, ядро которого включает в себя 4 слога: ядерный слог AL и три заядерных слога les, ge, baut.

³ Согласно П. Гиллесу [8. Р. 157] необходимо различать линейную, дугообразную и преломляющуюся конфигурации интонационных контуров завершенных и незавершенных ИФ.

Таблица 1

МИБж: «Die Gründung der Siedlung Tschernigowski»

Тип ИФ	n / n ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
1	ОГ	МИБ	<i>Und wissen Sie, wann wurde diese Siedlung gegründet?</i> Diese SIEDlung wurde gebaut (--) im ANfang (2,0) ENde zwanziger Jahre (--) ENde zwanziger Jahre (--)				
=>	6	hIEr war mein BRUder (-) hat ein(e) FRAU von hier (--) die war aus ODEssA hergeschickt worden (---)		Да	Да	Да	Нет
	7	im DREßigsten.Jahr (---)					
	8	war DREI Jahr (--)					
	9	NEUNundzwanzigsten (--)					
	10	so war DREI Jahre alt erst ()					
	11	die ist aus dem SIEbenundzwanzigsten Jahr (1,5)					
	12	war hierher geschickt (---)					
	13	und die hatte ALles ()					
	14	<i>Ja. Und gab es auch die anderen?</i>					
=>	15	ОГ МИБ	und die Anderen waren hier aus GORKogebiet () HERgeschickt () nu das waren SO: ()	Да	Да	Да	Да
	16	waren vielleicht etwas REicher oder wie (-)					
	17	irgendwIE wurde sowas ANgesehen (--)					
	18	und hAm hier das ALles gebaut (--)					
=>	19	<i>Ugu. Die Siedlung sieht gut aus.</i>		Да	Да	Да	Да
	20						
	21						
	22						
=>	23						

Рис. 1. МИБЖИФ 6 «*hier war mein Bruder*»Рис. 2. МИБЖИФ 22 «*und haben hier das alles gebaut*»

Ударный слог четырехсложного ядерного контура – AL реализуется в начале ядерного слога на среднем уровне тона ($F0_{min} 269.15$ Гц / $F0_{min} 16.95$ пт), затем ко второй половине ядерного слога контур повышается до $F0_{max} 281.22$ Гц, что соответствует $F0_{max} 17.73$ пт, поэтому мы обозначаем его схематически МН. Восходяще-нисходящий ядерный контур можно графически обозначить как МН–м%.

Нисходящее движение ядерного тона до конца ИФ реализуется достаточно плавно. $F0_{max}$ составляет 281.22 Гц, что соответствует $F0_{max} 17.73$ пт, $F0_{min}$ равно 184.50 Гц, что составляет $F0_{min} 8.71$ пт. Высота фразового пограничного тона м%, который можно обозначить как средне-высокий, составляет 184.50 Гц, что значительно выше для фразовых пограничных тонов в речи МИБЖ ($F0_{minglobal} 109.66 / 1.59$ пт). Диапазон представленного восходяще-нисходящего контура $F0_{umfang} = 100.45$ Гц.

Рассмотрим следующий пример отрывка из диалога ЮЗКж, носителя верхненемецких диалектов Кировской области, и интервьюера КС (табл. 2).

Таблица 2

НОЗКЖ: «In Kasachstan»

Тип ИФ	n / n ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
=>	1 2	IO3K KC	so: WAR die sache (---) <i>Ja, Es war sehr schwer.</i> nur: den ERSen winter (-) haben wir ein bischen GELD gehabt (.) konnten wir sich EINkaufen () und in zweiten WINter ham gehung(e)rt (---) <i>Ja?</i>	Да	Да	Да	Да
=>	3 4 5 6 7 8 9 10	KC IO3K KC IO3K KC IO3K KC IO3K	haben wir ein bischen GELD gehabt (.) konnten wir sich EINkaufen () und in zweiten WINter ham gehung(e)rt (---) <i>Ja?</i> ja: SE:HR gehungert (---) mein grOssvater is geSTORben (-) <i>Ja?</i> ein grossvaters sein BRUDer (---) er ist geSTORben (1,5)	Да	Да	Да	Нет
=>	11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21	KC IO3K KC IO3K KC IO3K KC IO3K KC IO3K	ja war schon sieben Jahre alt (2,0) die mama war o.och ganz KRANK geworden (---) un im frHer (=im FrHling) hat mich in die trudARmja genommen (.) war ich SECHZehn Jahr alt (---) wot kam hierher auf den saWOT (-) wot der SAWOT da: war= äh: jene Zeit= äh: woJENNYj sawot (2,0) <i>Ugu.</i> mr. tsellulOsä hat=äh: ausgeARbeit(et) (-)	Да	Да	Да	Нет Нет
22 23 24 25 26	KC IO3K KC IO3K KC	<i>Das war schon hier, das war nicht in Kasachstan?</i> Ja ja der saWOT=äh: der steht (-) <i>Wie lange seit ihr in...?</i> von dreiundVIERZich (---)					

Окончание табл. 2

Тип ИФ	n / n	Участники разговора	Интонационные фразы	Семанти- ка	Синтак- сис	Прагма- тика	Смена говорящих
=>	27	KC	bin ich HIER schon (---) <i>Aha. Wie lange ward ihr dann in Kasachstan? Nur in... ein Jahr?</i>	Да	Да	Да	Да
	28		andert HALBJahr (-)				
	29		<i>AnderHalbjahr.</i>				
	30	ЮЗК	noch nicht mal GANZ (-)				
	31	KC	von jAnewar (=Januar) bis zum MAI (-)				
	32	ЮЗК	JAHR und fünf Monat				
	33						
	34						

В данном фрагменте информант описывает свое детство. При помощи неинтонационных критериев, основанных на синтаксисе, прагматике и семантике, находим несколько абсолютно и возможно завершенных ИФ. Однозначно законченными ИФ являются ИФ 1 и ИФ 27. С точки зрения синтаксиса эти ИФ имеют законченную структуру, с точки зрения прагматики на каждой из данных ИФ завершаются определенные темы, которые затрагиваются в беседе, например ИФ 27 резюмирует рассказ информанта о его работе в трудахии. ИФ 1 и ИФ 27 определяются как абсолютно завершенные, так как они способствуют смене разговора, т.е. в разговор вступает собеседник.

В представленном отрывке выбраны также две возможно завершенные ИФ, т.е. те ИФ, которые с точки зрения синтаксиса и прагматики закончены, однако отсутствует смена собеседников. В качестве возможных ИФ завершенности выступают ИФ 9, ИФ 13 и ИФ 14. С точки зрения семантики и синтаксиса представленные ИФ имеют законченную структуру, с точки зрения прагматики ИФ 9 завершает рассказ о дедушке информанта, ИФ 13 подводит к концу рассказ о смерти дяди, ИФ 14 дает полную информацию о болезни мамы.

Выбранные нами абсолютно и возможно завершенные ИФ выше представленного фрагмента оформляются нисходящим интонационным контуром, который можно рассмотреть на примере абсолютно завершенной ИФ 1 «so war die Sache».

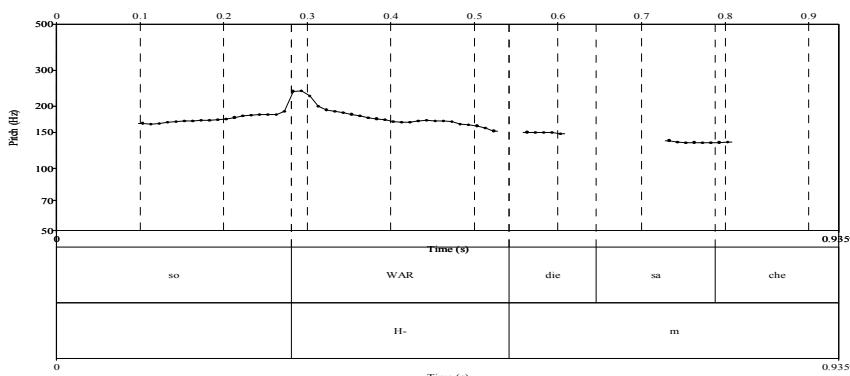

Рис. 3. ЮЗКж: ИФ 1 «so war die Sache»

На рис. 3. представлен линейный нисходящий интонационный контур абсолютно завершенной ИФ 1, ядерный слог которого выделен заглавными буквами, главное ударение в ИФ падает на глагол war, на котором наблюдается вершина интонационного контура. Направление ядерного контура (включающего в себя ядерный и заядерные слоги – общим количеством 4 слога: WAR, die, sa, che) нисходящее. Нисходящий ядерный контур можно графически обозначить как H–m%.

Нисходящее движение тона в ядерном контуре к концу ИФ происходит достаточно плавно: с $F_{0\max}$ 237. 93 Гц / $F_{0\max}$ 13.04 пт с вершины ядерного слога до $F_{0\min}$ 134.12 Гц, что составляет $F_{0\min}$ 4.55 пт к концу ИФ. Высота

фразового пограничного тона $m\%$, который можно охарактеризовать как средне-высокий, составляет 134 Гц или 5.26 пт, что несколько выше для фразовых пограничных тонов в речи ЮЗКж ($F0_{minglobal}$ 106.39 / 0.89 пт). Диапазон представленного нисходящего контура $F0_{umfang}$ составляет 103.81 Гц, т.е. низкое положение ударного ядерного слога WAR не дает возможность расширяться диапазону в представленной ИФ ($F0_{umfangglobal}$ 193.00 Гц, $F0_{umfanglocal}$ 9.87 пт).

Следующий отрывок представляет часть беседы информанта-диктора КАХж, представительницы нижненемецких диалектов, и диалектолога МК. В этом отрывке информант-диктор описывает своих родственников, которые родились в Рождество. При помощи неинтонационных критериев мы находим три возможно завершенных ИФ: ИФ 3 и ИФ 7, ИФ 13. Данные ИФ имеют синтаксически законченную структуру, с точки зрения прагматики и семантики, ИФ 3 отвечает в полной мере на поставленный вопрос собеседника (*Und Weihnachten, Ostern feiern Sie? – da: fei(e)re ich objaSatelno*). После данного ответа ожидается смена темы и смена собеседников, однако наблюдается только смена темы «Рождение родственников в Рождество», поэтому данную ИФ определяем как возможную ИФ завершенности. Что касается ИФ 7, то ее лексико-семантическая структура приводит к окончанию речевого акта – небольшой подтемы о зяте сына информанта. Затем начинается рассказ о втором зяте. ИФ 7 также является лишь возможной, так как на данной ИФ не предусматривается смена собеседников. ИФ 13 заканчивает следующую небольшую тему о втором зяте сына и затем информант-диктор ставит вопрос о длительности поста в Германии. Данная ИФ также является лишь возможной, так как смена собеседников на данном этапе не предусматривается (табл. 3).

Что касается интонационной реализации возможно завершенных ИФ, следует указать, что отобранные ИФ оформляются восходяще-нисходящим интонационным контуром.

На рис. 4 представлен линейный восходяще-нисходящий интонационный контур возможно завершенной ИФ 13, ядро которого включает в себя 2 слога: ядерный слог – SECHS и одного заядерного слога ten. Ударный слог двусложного ядерного контура – SECHS реализуется на начальном этапе ядерного слога на низком уровне тона ($F0_{min}$ 130.68 Гц / $F0_{min}$ 3.62 пт), затем ко второй половине ядерного слога контур достигает своей максимальной высоты $F0_{max}$ 256.32 Гц, что соответствует $F0_{max}$ 14.19 пт, поэтому мы обозначаем его схематически LH. Восходяще-нисходящий ядерный контур можно графически обозначить следующим образом LHI%. Высота фразового пограничного тона 1%, который можно обозначить как низкий, составляет 117.50 Гц, что характерно для фразовых пограничных тонов в речи КАХж ($F0_{minglobal}$ 106.27 / 1.02 пт). Диапазон представленного восходяще-нисходящего контура $F0_{umfang}$ – 138.82 Гц, что показывает несколько узкий диапазон голоса КАХж в представленном ИФ ($F0_{umfangglobal}$ 196.51 Гц, $F0_{umfanglocal}$ 10.17 пт).

Таблица 3

КАХк: «Die Kirchenfeste»

Тип ИФ	п / н ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
	1 2	MK KAX	<i>Und Weihnachten, Ostern feiern Sie?</i> oh: WEIHNachten(.) dat: fEI(e)re ich objaSATelno (---) ich hAbe ein=äh: (-) mein SOhn hat ein(en) SCHWIEgersohn(.) der ist o.chRUss(e) der ist gebOrEn zu UNser(e) weihnachten (---)	Да	Да	Да	Нет
→	3 4 5 6		un der ANDere(.) der ZWEite (-) der ist geBOren(.) wenn IHR weihnachten habt (---) am sEchsten net SIEbenten (1,2) heilig(en) drElkönig haben wir am SEChsten (0,7)	Да	Да	Да	Нет
→	7 8 9 10 11 12 13 14 15. 16 17 18 19 20 21 22		aber das nöchte ich EUCH fra:gen (1,0) hier die ALten (---) sind schOn alle WEGgestorben () und ich wEiss nicht und ich FIND(e) nie(.) wo geSCHRIEb(en) ist (---) WIEviel (-) fast WIEviel wochen fasten wir vor OStern (1,0) Vierzig Tage, vierzig Tage.	Да	Да	Да	Нет

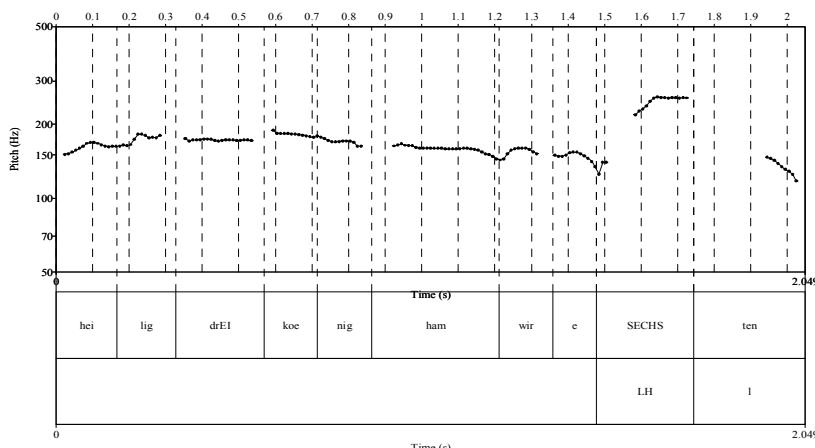

Рис. 4. КАХж: ИФ 13 «heiligen Dreikönig haben wir am sechsten»

Рассмотрим еще один фрагмент из беседы ГОДж – представительницы нижненемецких диалектов поселка Черниговский Кировской области и диалектолога ОБ (табл. 4).

Данный фрагмент представляет собой рассказ информанта-диктора о его родственниках, которые проживают в Германии. Используя неинтонационные критерии, мы находим три абсолютно и возможно завершенные фразы. Такие ИФ как ИФ 8 и ИФ 25, на наш взгляд, являются абсолютно завершенными, так как они, во-первых, синтаксически закончены, во-вторых, с точки зрения прагматики и семантики ИФ 8 заканчивает первый рассказ информанта о юности и старости, а ИФ 25 завершает рассказ о письмах родственникам в Германию, в-третьих, после каждой из представленных ИФ происходит смена собеседников. В качестве возможно завершенной ИФ выбрана лишь ИФ 4, которая имеет законченную синтаксическую структуру. С точки зрения прагматики ИФ 4 является завершающей ИФ рассказа, о том, что нужно все всегда знать. И абсолютные, и возможные ИФ выше представленного фрагмента оформляются нисходящим интонационным контуром. Рассмотрим интонационный контур возможной ИФ 4 «da muss man alles wissen».

На рис. 5. представлен линейный нисходящий интонационный контур возможной завершенной ИФ 4, ядерный слог которого выделен заглавными буквами. Главное ударение в ИФ падает на первый слог глагола wissen, где мы и наблюдаем вершину интонационного контура. Направление ядерного контура (включающего в себя ядерный и заядерный слоги – общим количеством 2 слога: WIS, sen) нисходящее. Нисходящий ядерный контур можно графически обозначить как H1%. Нисходящее движение тона в ядерном контуре реализуется несколько скачкообразно, т.е. происходит резкое падение тона с ядерного слога (227.15 Гц) к концу ИФ (122.56 Гц). $F_{0\max}$ составляет 227.15 Гц, что соответствует $F_{0\max}$ 13.78 пт, $F_{0\min}$ равно 122.56 Гц, что составляет $F_{0\min}$ 3.51 пт.

Таблица 4

ГОДЖ: «Die Verwandten in Deutschland»

Тип ИФ	n / n ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
	1 ГОД	nu: ich WEISS o:ch jetzt nicht (-) wo wer geBORen ist (-) welchen JAHR... (-)					
->	2	da muss mAN äh: ALLES wissen(.)					
	3	dAmals waren wir JUNG und dumm(.)					
	4	haben) NICHTS gebraucht(-)					
	5	JEItz sind wir ALT geworden(.)					
	6	sind wir KLÜger jetzt (--)					
=>	7	<i>Und Sie... Sie schreiben ihnen auch nicht. Ja? Diesen Verwandten?</i>					
	8	Erst hat mir geSCHRIEB(en) (-)					
	9 ОБ	mein HALBschwester (0,7)					
	10 ГОД	sie hat dort gehEirat(et) 'n REICHdeutschen (--)					
	11	und IHRen Namen(.)					
	12	wie sie jetzt hat gehabt mit ihrem Mann (--)					
	13	ihre mÜter hat noch geLEbt (.)					
	14	zwar meine TANie (.)					
	15	meiner Mutter ihre SCHWEster (.)					
	16	haben) immer auf IHR geschrieben (--)					
	17	Bis SIEbzg (-)					
	18	bis EI N und siebzg (-)					
	19	EImundsiebzg haben sie mir geSCHRIEben (-)					
	20	ich soll NICHT schreiben (-)					
	21	bis eine neue ANschrift kommt (-)					
	22	Und so ist nicht mehr (2,0)					
	23	keine nEUe ANschrift gekommen (--)					
	24	<i>Ja. Und Sie wohnen jetzt allein?</i>					
=>	25	OB					

Высота фразового пограничного тона 1% составляет 122.56 Гц или 3.51 пт, что характерно для фразовых пограничных тонов в речи ГОД ($F0_{minglobal}$ 128.03 / 3.54 пт). Диапазон представленного нисходящего контура $F0_{umfang}$ составляет 104.59 Гц, что определяет несколько суженный диапазон голоса ГОДж в представленном ИФ ($F0_{umfangglobal}$ 156.71 Гц, $F0_{umfanglocal}$ 6.76 пт).

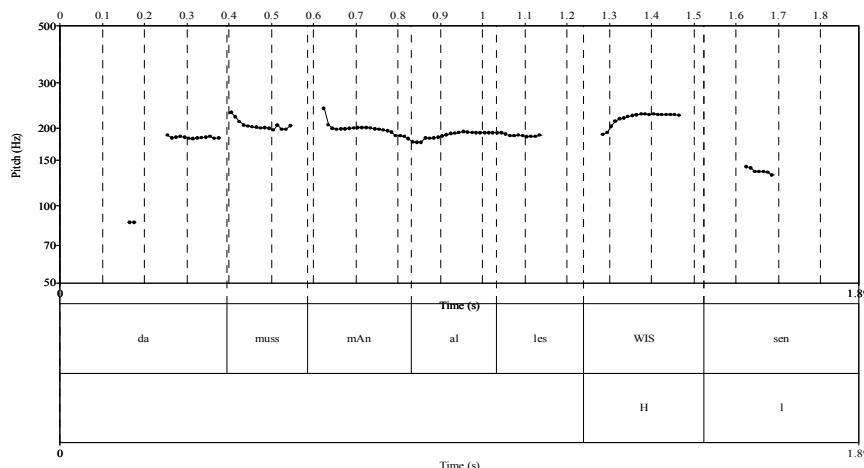

Рис. 5. ГОДжИФ 4 «da muss man alles wissen»

Таким образом, для каждого информанта-диктора, носителя верхненемецких и нижненемецких диалектов поселков Созимский и Черниговский, были проанализированы интонационные контуры завершенных ИФ, общее количество которых составило 500. Наша гипотеза о различной высоте тона в абсолютно и возможно завершенных ИФ в зависимости от наличия или отсутствия смены говорящих не подтвердилась.

На основе анализа исследуемого языкового материала были определены два интонационных контура завершенных интонационных фраз (как абсолютно завершенных, так и возможно завершенных): нисходящий ($Hm\%$), а также его вариант ($Hl\%$) и восходяще-нисходящий ($MHm\%$) и его вариант ($LHl\%$). Были выделены также их две реализации, обусловленные слоговой структурой ядерных контуров: для двусложных ядерных контуров – $Hm\%$, $MHm\%$, и их варианты $Hl\%$, $LHl\%$, для многосложных ядерных контуров – $H-m\%$, $MH-m\%$ и их варианты $H-l\%$, $LH-l\%$. Для нисходящего и восходяще-нисходящего интонационных контуров нами была определена их линейная конфигурация, которая выражается в резком непрерывно линейно поникающемся движении тона с ядерного слога к концу ИФ. Согласно П. Гиллесу линейная конфигурация характеризуется двумя контрольными цифрами: высотой основного тона на ядерном слоге и значением пограничного тона ИФ [8. S. 158].

Опираясь на эти контрольные цифры, нисходящий и восходящий интонационные контуры рассматриваются нами как линейные контуры. Как отмечает П. Гиллес, в завершенных ИФ немецкого литературного языка не наблюдается подобной линейной конфигурации, для них характерны лишь дугообразные и преломляющиеся конфигурации нисходящих и восходяще-нисходящих интонационных контуров (см. [14]).

Рассмотрим принципы использования неинтонационных критериев для определения незавершенности ИФ, а также проанализируем их интонационные контуры на приведенных ниже фрагментах рассказов. Для определения абсолютно и возможно незавершенных ИФ используются ранее приведенные символы, а также новые символы, характеризующие абсолютную незавершенность – (--->) и возможную незавершенность – (==>) (табл. 5).

В рассказе ЮЗК «In Kasachstan» при помощи неинтонационных критериев определены четыре абсолютные ИФ незавершенности: ИФ 3, ИФ 11, ИФ 26, ИФ 33. Исходя из синтаксических структур данных фраз, мы рассматриваем их как последовательно незавершенные, т.е. неполнота синтаксиса показывает, что выбранные ИФ подразумевают продолжение в следующих интонационных фразах. Незавершенные ИФ представленного фрагмента оформляются восходящим интонационным контуром. В качестве примера рассмотрим интонационный контур абсолютно незавершенной ИФ 33 «von Januar» (рис. 6).

Представленный выше ядерный контур ИФ последовательной незавершенности оформляется при помощи восходящей на ядерном слоге интонации. После некоторого понижения на первом предъядерном слоге von ($F_{0\max} 159.22$ Гц / 6.95 пт) интонационный контур снижается до $F_{0\min} 143.57$ Гц / 5.15 пт к началу ядерного слога, затем повышается во второй половине ядерного слога до $F_{0\max} 192.93$ Гц / 9.88 пт и остается практически на том же уровне до конца ИФ (189.17 Гц / 8.93 пт), поэтому интонационный контур на ядерном слоге обозначается как МН.

Высота фразового пограничного тона $h\%$ составляет 189.17 Гц / 8.93 пт. Таким образом, ядерный контур транскрибируется как МН– $h\%$. Средний диапазон основной частоты составляет 52.63 Гц. Сравнивая средние значения $F_{0\text{umfangglobal}}$ 193.00 Гц, $F_{0\text{umfangglobal}}$ 9.87 пт информанта ЮЗКж, мы наблюдаем в рассматриваемой ИФ несколько суженный диапазон голоса.

В рассказе КАХ: «Die Kirchenfeste» при помощи неинтонационных критериев определены следующие абсолютные и возможные незавершенные ИФ: абсолютные ИФ незавершенности – ИФ 2, ИФ 8, ИФ 9, ИФ 15; возможные ИФ незавершенности – ИФ 10, ИФ 17, ИФ 18, ИФ 19 (табл. 6).

Таблица 5

ЮЗКж: «In Kazakhstan»

Тип ИФ	n / n ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семанти- ка	Синтак- сис	Прагма- тика	Смена говорящих
1	2	ЮЗК KC	so: war die Sache (---) <i>Ja. Es war sehr schwer.</i> nu: den ERSten winter (-) haben wir ein bischen GELD gehabt(.) konnten wir sich EINkaufen(.) und in zweiten WINter ham gehung(e)rt (---) <i>Ja?</i>	Да	Нет	Нет	Нет
-->	3	4	ja: SE:HR gehungert (---) mein grOssvater is gestORben (-)	Да	Нет	Нет	Нет
5	6	KC ЮЗК	ja: SE:HR gehungert (---) ein grossvaters sein BRUder (---) er ist geSTORben (1,5)	Да	Нет	Нет	Нет
-->	7	8	nu: er war schon neunundSIEBzich Jahre alt (2,0) die mama war o:ch ganz KRANK geworden (---) un im ffilter (=im Frühlung)	Да	Нет	Нет	Нет
9	10	KC ЮЗК	hat mich in die trudARMija genommen(.) war ich SECHzehn Jahr alt (---) wot kam hierher auf den saWOT (-)	Да	Нет	Нет	Нет
-->	11	12	wot der SAWOT da: war= äh; jene Zeit= äh: woJENNY) sawot (2,0) <i>Ugu.</i>	Да	Нет	Нет	Нет
13	14	15	nu: isstell(Osa hat=äh: ausgeARbeit(et) (-) <i>Das war schon hier, das war nicht in Kasachstan?</i>	Да	Нет	Нет	Нет
16	17	18	Ja, ja der sawOT=äh: der steht (-) <i>Wie lange seid ihr m...?</i>	Да	Нет	Нет	Нет
19	20	21	von dretundvierZich (--)	Да	Нет	Нет	Нет
-->	22	23					
24	25	26					

Окончание табл. 5

Тип ИФ	н / н	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
27		KC	bin ich HIER schon (---) Aha. Wie lange ward ihr dann in Kasachstan? Nur in... ein Jahr?				
28		ЮЗК	andertHALBjahr (-)				
29		ЮЗК	AnderHALBjahr.				
30		KC	noch nicht mal GANZ (-)				
31		ЮЗК	von jAnewar (=Januar) (-)				
32			bis zum MAI (-)	Да	Нет	Нет	Нет
-->	33		ein JAHR unfinf Monat(e)				
34							
35							

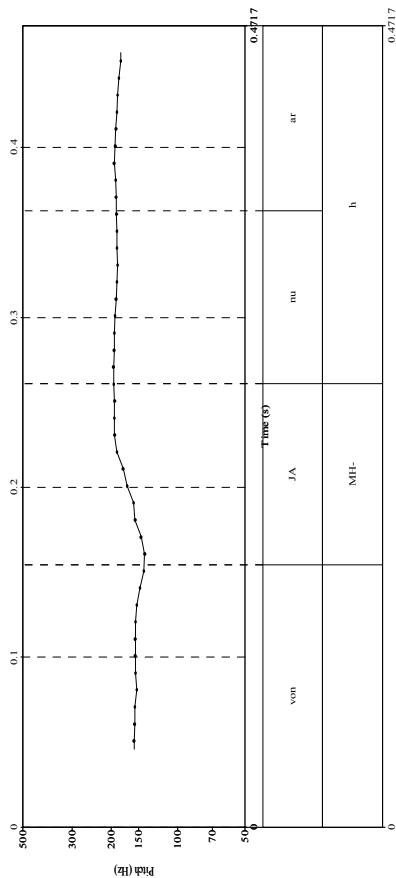

Рис. 6. ЮЗК: ИФ 33 «von Januar»

Таблица 6

КАХя: «Die Kirchenfeste»

Тип ИФ	п / н ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
--->	1 2	MK KAX	<i>Und Weihnachten, Ostern feiern Sie?</i> oh: WEiHnachten () da: EI(e)re ich objaSATelno (---) ich hAbe ein=äh: (-) mein SOhn hat ein(en) SCHWIEgersohn () der ist ochrUss(e) der ist gebOren zu Unser(e) weihnachten (---) un der ANdere () der ZWEite (-)	Да	Нет	Нет	Нет
--->	3		der ist geBOren () wenn IHR weihnachten habt (---)	Нет	Нет	Нет	Нет
--->	4		am sEchsten net SIEbenten (1,2)	Да	Да	Нет	Нет
==>	5 6		heilig(en) dERkönig haben wir am SECHsten (0,7)	Да	Да	Нет	Нет
--->	7 8		aber das möchte ich EUCH fra:gen (1,0) hier die ALten (---)	Да	Нет	Нет	Нет
--->	9 10		sind schOn alle WEGgestorben () und ich wEiss nicht ()	Да	Да	Нет	Нет
==>	11 12		und ich FND(e) nie () wo geSCHRIEB(en) ist (---)	Да	Да	Нет	Нет
==>	13 14		WIEviel (-) fast WIEviel Wochen fasten wir vor OStern (1,0)	Да	Да	Нет	Нет
==>	15 16		Vierzig Tage, vierzig Tage.	Да	Да	Нет	Нет
==>	17 18			Да	Да	Нет	Нет
==>	19 20			Да	Да	Нет	Нет
==>	21 22			Да	Да	Нет	Нет
23	MK						

Синтаксические структуры представленных ИФ требуют продолжения в последующих фразах, и мы рассматриваем их как последовательно незавершенные, за исключением ИФ 9 («der zweite»), которая является уточняющей незавершенной ИФ, т.е. ИФ 9 дополняет предшествующую ИФ 8, при этом общий смысл содержания не изменяется.

Выбранные незавершенные ИФ из представленного фрагмента оформляются восходящим интонационным контуром, например интонационный контур возможно незавершенной ИФ 10 «der ist geboren», которая определяется как последовательно незавершенная (рис. 7).

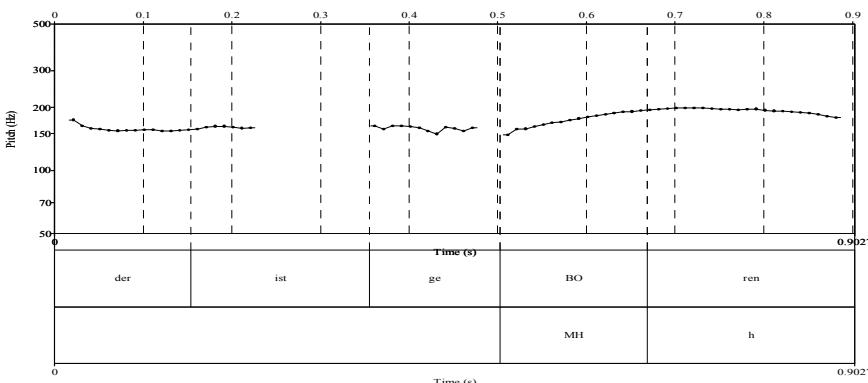

Рис. 7. КАХЖ: ИФ 10 «der ist geboren»

Представленный выше ядерный контур ИФ последовательной незавершенности определяется как дугообразный восходящий интонационный контур, который характеризуется относительно низким положением к началу ядерного слога ($F_{0\min}$ 147.95 Гц / 6.77 пт) и повышением к концу ядерного слога до $F_{0\max}$ 198.87 Гц / 11.90 пт. Поэтому мы обозначаем интонационный контур на ядерном слоге схематически МН. Высота фразового пограничного тона $h\%$ составляет 187.20 Гц / 9,62 пт. Главное ударение падает на второй слог причастия *geboren* (ВО), который рассматривается как ядерный слог ИФ 10. Последующий слог заканчивается высоким пограничным тоном, которым обозначается $h\%$. Таким образом, ядерный контур схематично можно представить как МН $h\%$. Средний диапазон составляет 50.12 Гц. Сравнивая средние значения $F_{0\text{umfangglobal}}$ 192.12 Гц, $F_{0\text{umfangglobal}}$ 10.17 пт информанта КАХЖ, мы наблюдаем в рассматриваемой ИФ относительно узкий диапазон голоса.

На рис. 8. представлена еще одна возможно незавершенная ИФ дугообразной конфигурации, которая определяется как ИФ последовательной незавершенности и также оформляется восходящей мелодией. На ядерном слоге интонационный контур повышается до $F_{0\max}$ 178.80 Гц / 6.77 пт и остается на том же уровне до конца ИФ, поэтому этот интонационный контур можно обозначить как Н. Высота фразового пограничного тона $h\%$ составляет 178.80 Гц / 9,62 пт. Таким образом, ядерный контур передается следующими символами: Н $h\%$. Средний диапазон составляет 34.20 Гц.

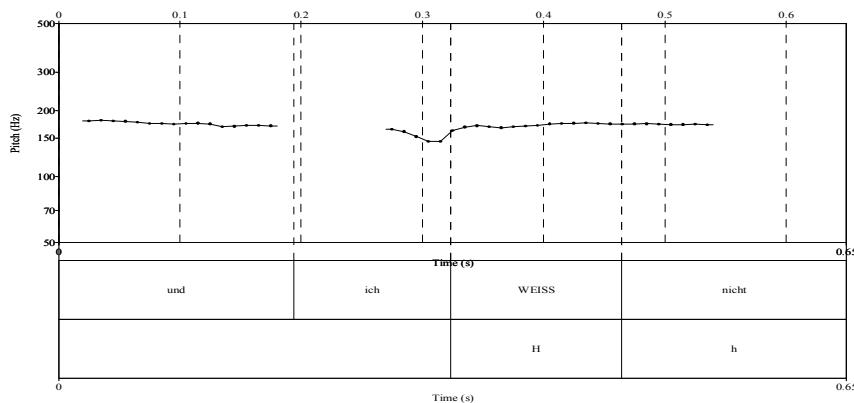

Рис. 8. КАХЖ: ИФ 17 «und ich weiss nicht»

В то время как последовательная незавершенность ИФ в языковом материале представлена большим количеством примеров (235 ИФ), ИФ уточняющей незавершенности обнаружены лишь в небольшом количестве (15 ИФ). Рассмотрим пример ИФ уточняющей незавершенности:

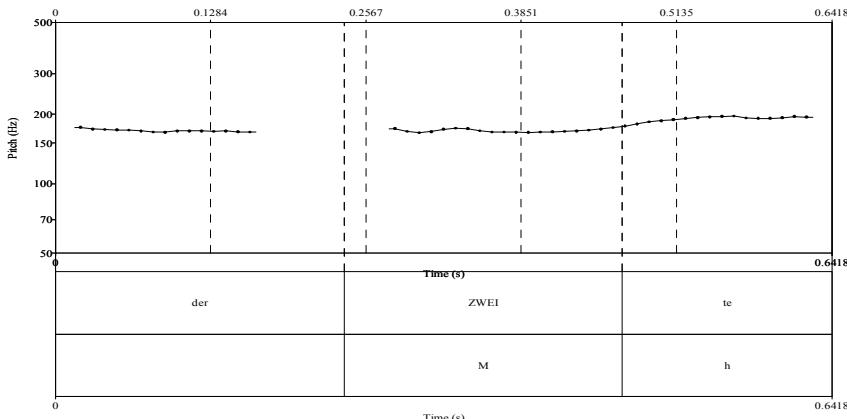

Рис. 9. КАХЖ: ИФ 9 «der zweite»

Интонационная реализация ИФ 9 уточняющей незавершенности определяется несколько низким положением ядерного слога *zwei-* ($F0_{min}$ 166.50 Гц / 8.82 пт), к концу которого наблюдается подъем. На заядерном слоге *-te* интонационный контур повышается до $F0_{max}$ 196.84 Гц / 11.69 пт и остается на том же уровне до конца ИФ. Таким образом, уточняющая незавершенность в данном примере оформляется при помощи конечной восходящей мелодии. Высота фразового пограничного тона *h%* составляет 196.84 Гц / 11.69 пт. Ударный слог двусложного ядерного контура реализуется на среднем уровне тона, и лишь к концу ядерного контура

начинает повышаться, поэтому обозначаем его как М. Таким образом, ядерный контур оформляется Mh%. Средний диапазон составляет 30.34 Гц, что определяет в рассматриваемой ИФ суженный диапазон голоса. Данный интонационный контур определяется нами как интонационный контур дугообразной конфигурации, характеризующейся тремя контрольными цифрами: низким положением начала ядерного слога, высоким положением в конце ядерного слога и значением пограничного тона в ИФ.

Проанализировав интонационные контуры абсолютно и возможно незавершенной ИФ в количестве 250 (235 ИФ – последовательно незавершенные ИФ, 15 ИФ – уточняющие незавершенные ИФ), мы выявили только один интонационный контур – восходящий интонационный контур Hh% и его вариант MHh%. Кроме того, установлены две реализации вышеназванного интонационного контура, которые обусловлены слоговой структурой ядерных контуров: для двусложных ядерных контуров – Hh%, и его вариант MHh%, для многосложных ядерных контуров – H-h%, и его вариант MH-h%. Восходящий ядерный контур последовательной незавершенности, как абсолютной, так и возможной, начинается с высокого уровня частоты основного тона на ядерном слоге, который к концу ядерного слога повышается или остается на том же самом уровне до конца ИФ. Для абсолютно уточняющей незавершенной ИФ также выявлен лишь один интонационный контур – восходящий интонационный контур Mh% и его вариант MHh% (для двусложных ядерных контуров), M-h%, MH-h% (для многосложных ядерных контуров). В исследуемом языковом материале отсутствуют ИФ возможно уточняющей незавершенности. Вышеназванные ядерные контуры незавершенных ИФ последовательно отражаются в речи носителей как нижненемецких, так и верхненемецких диалектов рассматриваемого региона.

Опираясь на контрольные точки восходящего интонационного контура, установили его дугообразную конфигурацию, которая выражается в плавном повышении высоты основного тона с ядерного слога к концу ИФ (ср. [15]).

Таким образом, методика П. Гиллеса, используемая ученым при исследовании немецких региональных диалектов Германии на супрасегментном уровне, нами применяется при изучении немецких островных диалектов Кировской области, т.е. представленная в работе методика является новой по сфере ее применения. Опираясь на результаты данной методики определения и анализа завершенных и незавершенных ИФ, выявления тонологической структуры их интонационных контуров, а также определения их ядерных контуров, можно сделать следующий вывод: в речи одних и тех же информантов-дикторов в полной мере реализуются все вышеназванные интонационные контуры. При этом анализ и сопоставление завершенных и незавершенных ИФ в рассматриваемых диалектах показали отсутствие дифференциации диалектов по данному параметру, что свидетельствует о смешанном характере немецких диалектов рассматриваемого региона.

Литература

1. Crystal D. Prosodic System and Intonation in English. Cambridge : Cambridge University Press (Cambridge studies in linguistics 1), 1969. 381 p.
2. Danes F. Sentence intonation from a functional of view // Word. 1974. P. 3–54.
3. Essen O. Grungzüge der hochdeutschen Satzintonation. Ratingen : Henn, 1964. 112 s.
4. Grice M., Baumann S. Deutsche Intonation und GToBI // Linguistische Berichte. 2002. N. 191. S. 267–298.
5. Ladd D. Robert Intonational Phonology. Cambridge : Cambridge University Press (Cambridge studies in linguistics 79), 1996. 334 p.
6. Liberman M., Pierrehumbert J. Intonational Invariance under Changes in Pitch Range and Length // Aronoff Mark, Oehrle Richard T. Language Sound Structure: studies in phonology presented to Morris Halle by his teacher and students. Cambridge/Mass. : MIT Press, 1984. P. 157–233.
7. Baikova O. Der Sprachgebrauch von russlanddeutschen Sprecherinnen in Gebiet Wjatka in der Textsorte Erlebnisbericht // Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs VIII: Sprachliches Agieren von Frauen in approbierten Textsorten / Internationale Fachtagung Magdeburg 10, 11.09.2007. Stuttgart : Verlag Hans-Dieter Heinz, 2008. S. 179–187.
8. Gilles P. Prosodie der Deutschen Regionalsprache. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. 382 s.
9. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago : University Press, 1994. 332 p.
10. Brenner K. Die Verwendungsbereiche von instrumentalphonetischen Methoden in der Sprachinsel forschnung // Gesprochene und geschriebene deutsche Stadtsprache in Südosteuropa und ihr Einfluss auf die regionalen deutschen Dialekte: Internationale Tagung in Pécs, 30.03–2.04.2000. Herausgegeben von Zsusanna Gerner, Manfred Michael Glauninger, Katharina Wild. Wien, 2002. S. 11–21.
11. Peters J. Intonation deutscher Regionalsprachen. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2006. 360 s.
12. Ford C.E., Thompson S.A. Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns // Ochs Elinor, Schegloff Emanuel A., Thompson Sandra A. Interaction and grammar. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. P. 134–184.
13. Engel U. Deutsche Grammatik. Heidelberg : Groos, 1988. 888 s.
14. Wunderlich D. Der Ton macht die Melodie. Zur Phonologie der Intonation des Deutschen // Altmann, Hans. Intonationsforschungen. Tübingen : Niemeyer (Linguistische Arbeiten 200), 1988. S. 1–40.
15. Zimmermann G. Die „singende“ Sprechmelodie im Deutschen. Der metaphorische Gebrauch des Verbums „singen“ vor dem Hintergrund sprachwissenschaftlicher Befunde // Zeitschrift für Germanistische Linguistik 26, 1998. S. 1–16.

METHODS OF DETERMINING AND ANALYZING COMPLETE AND INCOMPLETE INTONATION PHRASES IN SPONTANEOUS SPEECH (ON THE EXAMPLE OF STUDYING GERMAN INSULAR DIALECTS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 5–28. DOI: 10.17223/19986645/54/1

Olga V. Baykova, Andrey V. Kazakov, Olga N. Obukhova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: olga-baykova@yandex.ru / kazakov.andrey.bonus@yandex.ru / obuchova.75@mail.ru

Keywords: German insular dialects, complete and incomplete intonation phrases, intonation patterns.

The paper aims to develop mechanisms for studying sounding material. In this regard, it seems relevant to develop methods and techniques for documenting dialectal material. This paper presents a methodology for determining complete and incomplete intonation phrases (IP), for detecting the tone structure of the intonation patterns of selected IPs and for determining their nuclear contours. The method presented in the article is based on the methodology of research of German regional dialects described by P. Gilles in his work *Regionale Prosodie im Deutschen: Variabilität in der Intonation von Abschluss und Weiterweisung*. This technique is new as for the sphere of its application, and relevant as it relies on non-intonational research criteria, including semantic, syntactic and pragmatic indices of IP.

The analysis of complete and incomplete IPs resulted in singling out two intonation patterns of complete intonation phrases (both absolutely complete and possibly complete): the falling pattern (Hm%) and its variant (HI%), the fall-rise pattern (MHm%) and its variant (Lhl%), and two of their implementations caused by the syllabic structure of the nuclear patterns: for disyllabic nuclear contours – Hm%, MHm%, and their variants, HI%, LHI%, for polysyllabic nuclear contours – H-m%, MH-m%, and their variants H-l%, LH-l%. For the falling and fall-rise intonation patterns a linear configuration was discovered, which is expressed in a sharp continuously linearly decreasing movement of the tone from the nuclear syllable to the end of the IP. There is no such linear configuration in the complete intonation phrases of the German literary language. The study of an absolutely and possibly consistent incomplete IP resulted in singling out only one rising intonation contour Hh%, and its variant Mhh%; in establishing two implementations of this pattern: for disyllabic nuclear patterns – Hh%, and its variant MHh%, for polysyllabic nuclear patterns – H-h%, and its variant MH-h%. For an absolutely clarifying incomplete IP only one intonation contour was detected: the rising intonation Mh%, and its variant Mhh% (for disyllabic nuclear patterns), M-h%, MH-h% (for polysyllabic nuclear patterns). In the linguistic material under review, a possibly clarifying incomplete IP was not found. For the rising intonation contour of the incomplete IP, an arc-shaped configuration was established, which is expressed in a smooth increase of the pitch of the nuclear tone from the nuclear syllable to the end of the IP. Such an arc-shaped configuration of the rising intonation contour is also observed in the German literary language. In the speech of the same informant-speakers, all the aforementioned intonation patterns are fully realized. At the same time, analysis and comparison of complete and incomplete IPs in the dialects under review showed the absence of differentiation of dialects in this parameter, which indicates a mixed character of the German dialects of the region in question.

The given methodology is effective in the study of German insular dialects at the suprasegmental level. Studies of this kind have not been conducted so far in Russia and abroad.

References

1. Crystal, D. (1969) *Prosodic System and Intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge studies in linguistics 1).
2. Danes, F. (1974) Sentence intonation from a functional of view. *Word*. 16. pp. 3–54.
3. Essen, O. (1964) *Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation* [Fundamentals of High German sentence intonation]. Ratingen: Henn.
4. Grice, M &, Baumann, S. (2002) Deutsche Intonation und GToBI [German intonation and GToBI]. *Linguistische Berichte*. 191. pp. 267–298.
5. Ladd, R.D. (1996) *Intonational Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press (Cambridge Studies in Linguistics 79).
6. Liberman, M &, Pierrehumbert, J. (1984) Intonational Invariance under Changes in Pitch Range and Length. In: Aronoff, M. & Oehrle, R.T. (eds) *Language Sound Structure: studies in phonology presented to Morris Halle by his teacher and students*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
7. Baikova, O. (2008) Der Sprachgebrauch von russlanddeutschen Sprecherinnen in Gebiet Wyatka in der Textsorte Erlebnisbericht [The linguistic usage of Russian-German spoke-

spersons in the Vyatka region in the text type experience report]. In: *Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs VIII: Sprachliches Agieren von Frauen in approbierten Textsorten* [Building blocks to a history of female language use VIII: Linguistic action of women in approved texts]. International symposium. Magdeburg. 10–11.09.2007. Stuttgart: Verlag Hans-Dieter Heinz. pp. 179–187.

8. Gilles, P. (2006) *Prosodie der Deutschen Regionalsprache* [Prosody of German regional language]. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

9. Chafe, W. (1994) *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: Chicago University Press.

10. Brenner, K. (2002) Die Verwendungsbereiche von instrumentalphonetischen Methoden in der Sprachinselforschung [The uses of instrumental phonetic methods in insular dialect research]. In: Gerner, Z., Glauninger, M.M. & Wild, K. (eds) *Gesprochene und geschriebene deutsche Stadtsprache in Südosteuropa und ihr Einfluss auf die regionalen deutschen Dialekte* [Spoken and written German urban language in Southeastern Europe and its influence on regional German dialects]. Proceedings of the International Conference. Pécs. 30 March – 2 April 2000. Wien, pp. 11–21.

11. Peters, J. (2006) *Intonation deutscher Regionalsprachen* [Intonation of German regional languages]. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

12. Ford, C.E. & Thompson, S.A. (1996) Interactional units in conversation: syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns. In: Ochs, E., Schegloff, E.A. & Thompson, S.A. (eds) *Interaction and grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.

13. Engel, U. (1988) *Deutsche Grammatik* [German grammar]. Heidelberg: Groos. “

14. Wunderlich, D. (1988) Der Ton macht die Melodie. Zur Phonologie der Intonation des Deutschen [The sound makes the melody. On the phonology of the intonation of German]. In: Altmann, H. (ed.) *Intonationsforschungen* [Intonation research]. Tübingen: Niemeyer (Linguistische Arbeiten 200).

15. Zimmermann, G. (1998) Die “singende” Sprechmelodie im Deutschen. Der metaphorische Gebrauch des Verbums “singen” vor dem Hintergrund sprachwissenschaftlicher Befunde [The “singing” speech melody in German. The metaphorical use of the verb “sing” against the background of linguistic findings]. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 26, pp. 1–16.

УДК 81.27-81-28
DOI: 10.17223/19986645/54/2

М.Б. Бергельсон, А.А. Кибрик

РУССКИЙ ЯЗЫК НА БЕРЕГАХ ЗАЛИВА КУКА: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯЦИИ¹

Описан долговременный проект по изучению современного состояния аляскинского варианта русского языка с особым вниманием к результатам последних экспедиций 2014 и 2017 гг. Исследование аляскинского извода русского языка дополняет мозаичную картину русского языкового разнообразия. Так как данный вариант русского языка находится в крайне угрожающем состоянии (осталось менее 20 носителей в возрасте восьмидесяти и более лет), то его документирование, описание условий формирования, а также прослеживание его истории на протяжении более двухсот лет существования является важной и насущной задачей.

Ключевые слова: русский язык, Аляска, документация исчезающих языков, культурная самоидентификация, процессы креолизации.

Введение

С середины XVIII в. по 1867 г. происходила русская колонизация Аляски. Она протекала в нескольких измерениях. В первую очередь речь шла об экономическом освоении территорий, направленном на добычу пушнины, что вовлекало в эту деятельность различные автохтонные народы Аляски: изначально алеутов, населявших Алеутские острова, а затем и эскимосов, и атабасков, проживавших на территориях, близких к центрам экономической деятельности русских промышленников. Эта деятельность неизбежно вела к социокультурным сдвигам, закономерным при межкультурной коммуникации представителей более технологически развитой культуры колонизаторов и автохтонного населения. Как и везде, эти сдвиги были достаточно резкими, вынужденными. Но во многом они были смягчены, а затем и упрочены в результате цивилизаторской деятельности русской православной миссии на Аляске и принятия православия многими этнокультурными группами населения. Последствия цивилизационного влияния Русской Америки на автохтонное население Аляски проявляются и в XXI в., во-первых, в сохранении православия и связанной с этим духовной и материальной культуры, а во-вторых, в истории существования особого диалекта русского языка, служившего в Русской Америке средством межкультурного общения.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01649).

Паства православной церкви на Аляске к середине XIX в. представляла собой четыре социокультурные группы. Во-первых, это были российские граждане, служащие Российской-американской компании, как штатские, так и военно-морские офицеры. Вторую группу составляли *колониальные граждане*. Так с 1835 г., когда было официально учреждено «свободное сословие колониальных граждан», назывались «вольнонаемные русские мещане и крестьяне, находящиеся в американских колониях по найму компании, кои женились на креолках и алеутках» [1. С. 57]. Третья группа – креолы, которыми в Российской Америке и позднее в целом на Аляске «называли людей, родившихся от браков русских с местными уроженками. В 1821 г. их причислили к подданным России и освободили от повинностей и уплаты налогов» [Там же]. И наконец,aborигены Аляски, представители разных этноязыковых сообществ – алеуты, эскимосы и атабаски, принявшие православное крещение. Первые три группы – это носители особого диалекта русского языка. Его уместно назвать реликтовым диалектом, поскольку на данный момент мы можем наблюдать лишь его осколки (или даже только следы) в качестве исчезающего средства коммуникации, языка детства, старшего поколения жителей деревни Нинильчик.

Кто такие креолы

По совокупности признаков русский язык на Аляске представляет собой остаточный диалект (или группу диалектов). Это язык потомков русских поселенцев на Аляске, которые в большинстве были сотрудниками Российской-американской компании. В течение многих десятилетий они смешивались с коренным населением этого региона, образовав особую этническую группу, точнее – сословие «креолов». Весьма вероятно, что особая форма русского языка, выработанная ими, могла быть их социальным маркером, в этом смысле – социолектом. Кроме того, аляскинский русский может содержать контактные признаки, возникшие в результате взаимодействия с коренными языками Аляски, такими как алеутский и алютик (юпикская группа эскимосско-алеутской семьи). Креолы являлись православными христианами, они сохранили свои религиозные и культурные ценности в последующих поколениях (фото 1). Это, в свою очередь, также способствовало сохранению русского языка их предков, несмотря на неблагоприятные условия англоязычного окружения. Более того, оказалось, что после того как Аляска перешла под американское управление, и православие, и русский язык стали для креолов важнейшим средством самоидентификации и воспринимались ими (а также пришлым населением) как важнейшая часть местной, традиционной, коренной культуры [2]. Промежуточное положение между русскими и аборигенами позже сменилось промежуточным положением между белыми американцами и коренным населением. Но если статус креолов Российской-американской компании давал им ряд привилегий, фактически открывая разные образовательные и карьерные возможности, то в американскую эпоху – вплоть до

1924 г., они стали просто «местными», т.е. «не-американцами», будучи приравнены в этом к коренным жителям чисто атабаскского, эскимосского и алеутского происхождения. И это несмотря на религиозную принадлежность, русские имена и фамилии, язык и образ жизни, выделявшие их из массы местного населения.

Фото 1. Церковь Преображения Господня в д. Нинильчик

Язык креолов

Русский диалект потомков русских поселенцев сохраняется по настоящее время в нескольких населенных пунктах Аляски, из которых главным является деревня Нинильчик на полуострове Кенай. Носители русского языка относятся к старшей возрастной группе (как правило, старше 80 лет) и, за редкими исключениями, используют английский язык как предпочтительное средство общения. Русский диалект современной Аляски относится к крайне «угрожаемым» языковым формам и требует незамедлительной документации.

Поселение Нинильчик было основано на Кенайском полуострове в 1847 г., вскоре после посещения Кеная православной миссией (1844 г.) (рис. 1). Не с первой попытки, но всё же оно стало местом, где пенсионеры Российской-американской компании стали селиться со своими семьями, открывая тем самым новую главу существования русской культуры и русского языка на Аляске.

Рис. 1. Полуостров Кенай с проходящим вдоль него шоссе Стерлинг, заканчивающимся в г. Хомер

После продажи Аляски Соединённым Штатам Америки в 1867 г. жители Нинильчика около двадцати лет провели в полнейшей изоляции. За это время ни один корабль не заходил в эти воды, что не могло не сказаться на том, как в условиях такой изоляции и столь незначительной группы носителей развивался местный вариант русского языка. Чуть позже изоляция была нарушена усилиями Русской православной церкви, открывшей в 1893 г. в городе Кенай в 40 километрах от Нинильчика последнюю по времени церковно-приходскую школу при Церкви Успения Богородицы (*Holy Assumption of the Virgin Mary Russian Orthodox Church*).

Школа, которая способствовала сохранению в том числе и русского языка, просуществовала до 1917 г. Уже в 1910-е гг. в Нинильчике была открыта американская школа с преподаванием на английском языке. Детям, посещавшим школу, запрещалось говорить на «дьявольском наречии», которое в нинильчикском случае означало русский язык. Как и во многих таких ситуациях, на территории США и в ряде других мест (включая Советский Союз), где в XX в. местное население подвергалось насильственному отлучению от родного языка, произошел довольно резкий слом всей системы функционирования местного, русского, языка с переходом младшего поколения на английский.

Строительство в 1950 г. Стерлингского шоссе через Нинильчик (см. рис. 1), сделавшего Кенайский полуостров местом, доступным для отдыха туристов, окончательно уничтожило экологическую нишу существования уникального русского диалекта.

Фото 2. Надпись на воротах при входе в православную церковь в г. Кенай

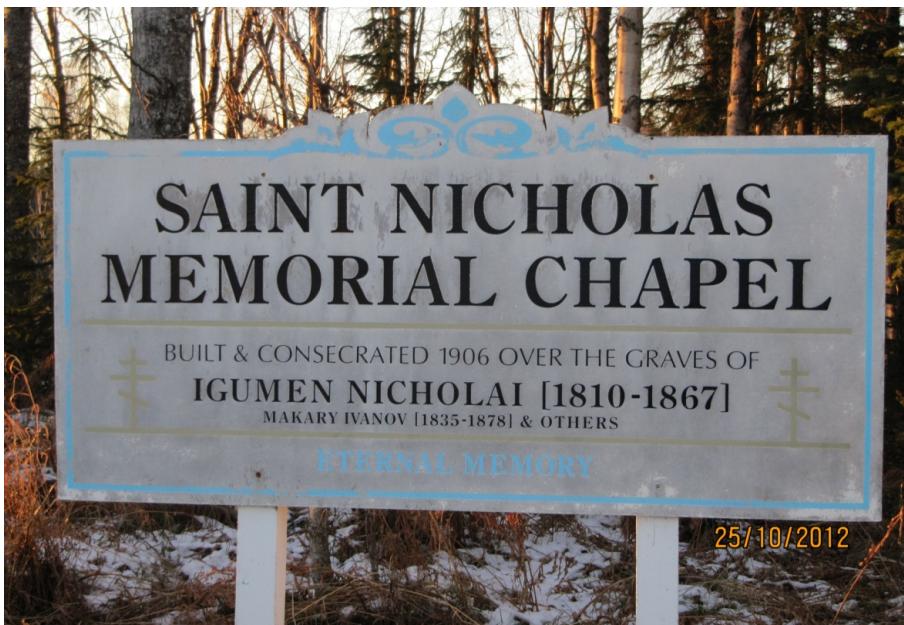

Фото 3. Часовня Св. Николая в г. Кенай

Сейчас об особой судьбе Нинильчика, скорее, рассказывают фотографии церкви Преображения Господня, ставший уже широко известным благодаря тиражированию его в Интернете стенд на русском языке на дороге при въезде в поселок, а также – фамилии его обитателей: Осколов, Квасников, Де-

мидов. При более близком знакомстве с его старшими обитателями на слуху оказываются крестильные имена – Мавра, Аграфена, Леонтий.

Аляскинский русский

Один из главных магистральных вопросов лингвистического описания нинильтчика диалекта русского языка заключается в том, является ли он одним из «осколков» той языковой системы, которая служила *lingua franca* для Русской Америки? Был ли это язык (диалектный континуум), общий для всех креолов Аляски, язык, фактически определивший само существование этой социокультурной группы?

В нашей работе по документированию аляскинского русского мы исходим из такого способа изучения разнообразия форм одного языка, при котором жёсткие границы между региональными, социальными и контактными формами признаются необязательными (ср. [3]).

Формы русского языка на Аляске – как исторические, так и современные – почти неизвестны отечественной науке. При этом представление о варьировании русского языка и разнообразии его существования, безусловно, не может быть полным без учёта аляскинской составляющей. Исследование аляскинского извода русского языка дополняет мозаичную картину русского языкового разнообразия, включающего ряд ныне исчезнувших русских пиджинов, языков алеутов о. Медный, а также активно изучаемых в последнее время русских идиомов, используемых эмигрантами в разных странах мира и недавними иммигрантами в Россию [4, 5].

Наше исследование даёт возможность по-новому оценить влияние России на исторические, культурные и языковые процессы Нового Света. Наконец, изучение форм русского языка на Аляске представляет самостоятельный интерес с точки зрения описательной лингвистики и русистики, поскольку там засвидетельствованы некоторые фонетические, грамматические и лексические процессы, нигде более на русском языковом пространстве не отмечаемые. К ним относятся исчезновение корреляции по палатализации в ряде позиций, значительная деградация женского рода, заимствования из коренных языков Америки, семантические и формальные трансформации лексики, а также некоторые другие – ср. (1) – (4):

- (1) *Náshiy láyda kras'íway* – ‘Наш берег (пляж) красивый’.
- (2) *u nas bul takúy lámpa* – ‘у нас была такая лампа’
- (3) *béyb'ichka nag'ishkóm pr'ishól* – ‘ребенок пришел раздетый’
- (4) *an'i parátk'im n'i gawar'út ya dúmayu* – ‘они неправильно говорят, я думаю’

Системное описание фонетики, грамматики и лексики современных форм аляскинского русского представлено нами в [6]. Помимо описанных там явлений, таких как палатализация всех согласных (кроме /l/) перед /i/, особые правила согласования по роду, значительное число диалектных (в том числе социолектных и устаревших) лексем, восходящих к разным диалектным группам континентального русского, а также наличие слов и фра-

зем, возникших в период самостоятельного развития (см. примеры выше), можно отметить отличную от стандартного русского систему видовых противопоставлений и особую падежную систему с нейтрализацией (утерей?) падежных противопоставлений, характерных для стандартного русского языка, а также отсутствие грамматического рода у существительных, объясняющее особенности согласования – см. некоторые примеры в (5) – (6).

(5) *i nas n'é bul mashina b'il'ó st'irát'... m'i st'irál'i na t'órk'i...* – ‘у нас не было стиральной машины, (чтобы) белье стирать ... мы стирали на доске...’

(6) *swar'il'i... sa s saharam... drugoy ras an'i ih pr'ama ub'iral'i... patom posl'i ih swar'il'i... i mozhna bula pai zd'elat'* – ‘варили с сахаром... в других случаях они прямо (так) хранили... потом после их варили... и можно было ягодный пирог сделать’

История изучения нинильчикского русского и словарный проект

В области изучения русского языка Аляски первые результаты были получены ирландским лингвистом Конором Дейли (Conor Daly) в 1980-х гг. Он обнаружил основные социолингвистические и грамматические факты относительно языка, собрал некоторые текстовые материалы. Копии этих материалов хранятся у известного слависта Джоханны Николос в университете Беркли, и в ходе реализации данного проекта мы получили доступ к этим материалам, которые Дейли оцифровал и предоставил в наше распоряжение, хотя и без права публикации. Работа с его материалами, происходившая намного позже, дала нам уникальную возможность ознакомиться с состоянием русского языка на Аляске в 1980-е гг., когда носителей было гораздо больше и они пользовались языком в значительно более разнообразных коммуникативных ситуациях.

Важную работу по документации русского языка на Аляске провел американский лингвист У. Лиман, происходящий по отцу из русской семьи (Нинильчик), но сам русским языком как родным не владеющий (он является специалистом по алгонкинскому языку шайенн). Лиман собрал некоторый лексический материал, который он и предоставил в наше распоряжение, поскольку его обработка и публикация требовали участия лингвистов, знающих русский язык. Наша совместная работа в ходе экспедиций 2012–2017 гг. оказалась весьма плодотворной, она привела к существенному пополнению и уточнению базы данных словаря, а также повышению качества звуковых фрагментов словарных статей.

В 2009 г. российский лингвист, известный специалист по алеутским языкам Е.В. Головко также побывал в д. Нинильчик, кроме того, он записал интервью с последними носителями аляскинского русского на о. Кадьяк [7].

Другие, более ранние, исследования русского языка Аляски были осуществлены авторами данной статьи. В 1997 г. мы провели в деревне Нинильчик первое (после визита Конора Дейли в 1980 г.) пилотное лингвистическое исследование. В ходе него были собраны лексические и текстовые материалы, установлены некоторые существенные характеристики

этого русского идиома, отличающие его от других региональных вариантов и диалектов [6, 8, 9]. Материалы для именного словаря демонстрируют значительное совпадение лексики со стандартным русским (75–80%), но вместе с тем были выделены категории имен, отличающихся по одному или нескольким параметрам (семантика, форма, источник заимствования и др.) от единиц современного литературного языка – см. (7):

(7) *d'ósna* ‘челюсть’, *táska* ‘рюкзак’, *róbr'ik* ‘погреб’, *gr'imón'chik* ‘тармоны’, *kazná* ‘рысь’, (заимствование из денайна), *n'ún'ik* ‘дикообраз’ (заимствование из алютик), *rababútsi* ‘резиновые сапоги’ (заимствование из английского)

Когда в 2012 г. нам удалось вернуться в Нинильчик для проверки и пополнения имеющихся материалов, то необходимость закончить работу над словарем как можно быстрее стала очевидной. Многих наших прежних информантов уже не было в живых. К настоящему моменту нинильчикский русский представлен примерно двадцатью носителями. Наши основные информанты в прошлом и сегодня – это Леонтий Квасников (Louie Kwasnikoff) (†), Харитон Лиман (Harry Leman) (†), Арни Осколков (Arnie Oskolkoff), Николай Лиман (Nick Leman) (†), Елизавета Портер (Betty Porter), Сесил Демидов (Cecil Demidoff) (†), Иосиф Лиман (Joe Leman), Соломонида Лиман (Selma Leman), Павел Осколков (Paul Oskolkoff) (†), Николай Купер (Nick Cooper). Именно им и их любви к родному языку мы обязаны тем, что уже существует версия словаря русского языка деревни Нинильчик для широкого пользователя и что у нас есть ещё возможность довести эту работу до конца, создав, в первую очередь, мультимедийный интерактивный словарь современного состояния аляскинского русского языка.

Выпущенный в 2017 г. словарь Нинильчикского русского языка (Dictionary of Ninilchik Russian) (см. [10]), вобрал в себя как материалы предыдущих экспедиций, так и данные, полученные в результате экспедиций 2012–2017 гг. Описывающие словарь вспомогательные материалы и сама его реализация произведены на английском языке и на базе латинского алфавита, так как аудитория этой версии словаря не знает русского языка и не владеет кириллическим письмом. В (6) с сохранением формата представлены три словарных статьи словаря, доступного как в печатном, так и в электронном вариантах:

(8) *askl'íska* *adv.* slippery, icy. *variant* *skl'íska*. *See:* *kl'ískay*; *l'ot*.

astáfk'i *n.* cloth pieces; remains. *singular* *astáfka*; *variant* *astátk'i*. *See:* *kusóchik*.

astalóp *n.* silly, clumsy and stupid person; nerd. *M'in'á mnóga raz astalóp naz'iwál'i* ‘I was many times called nerd’. *Kazhí shamán'il – astalóp* ‘When you were mischievous – (you were called) nerd’.

С другой стороны, поскольку нашей целью является создание полноценного, лингвистически корректного продукта, использование фонематического письма на основе романских букв позволяет не упустить фонетическую специфику русского языка деревни Нинильчик начала XXI в.

Последние находки экспедиции 2017 г.

В рамках экспедиции 2017 г., в которой помимо авторов данной статьи принимала участие М.К. Раскладкина, нами были поставлены и отчасти решены следующие задачи:

- выявление латентных носителей 60–70-летнего возраста, не пользующихся русским языком, но фактически владеющих им;
- снятие вопросов по ранее зафиксированным лексическим единицам словаря;
- семантический и грамматический анализ местоимений, частиц, фразовых единиц;
- создание фонетических записей для тех словарных единиц, для которых в предыдущих записях отсутствовал качественный аудиофайл;
- сбор лингвокультурных комментариев к словарным и фразовым единицам;
- фиксация языковых изменений (в грамматике, в речевой компетенции носителей) со времени первых записей нинильчикского диалекта (К. Дели, 1980-е гг.);
- целенаправленный сбор дискурса, в результате которого нам впервые удалось получить рассказы о детстве, школе, жизни в семье, праздновании церковных праздников.

Кроме того, в дополнение к основной работе в д. Нинильчик авторами было предпринято пилотное исследование распространения аляскинского русского за пределами Нинильчика. На основании анализа источников [11] мы совершили поездку в пос. Нанвалек, где проживают представители эскимосской этнической группы алютик, одновременно являющиеся потомками русских, и где до недавнего времени звучал аляскинский русский. Получены совершенно новые социолингвистические и языковые данные о распространении русского языка и культуры в отдаленных поселениях эскимосов залива Кука. Здесь тоже проявился «нинильчикский след», поскольку тремя из четырех русскоговорящих креолов в пос. Нанвалек в середине XX в. являлись Джон Квасников (John Kwasnikoff) и его дети Альма (Alma) и Сарж (Sarj) Квасникова – представители одной из первых семей, поселившихся в середине XIX в. в Нинильчике. Отзвуками жизни аляскинского русского языка можно считать и процветающую православную общину в Нанвалеке со своей церковью, в которой их потомки (практически все 300 человек, составляющие население Нанвалека), в том числе маленькие дети, поют гимны на русском языке, и уважительную память о Николае Мунине (Nicholas Moonin), духовном лидере общины на протяжении многих лет. Он был тестем Саржа Квасникова, а его внучки, сестры Паулина, Кэти, Сэлли (Pauline, Cathy, Sally) – все бывшие учительницы местной школы, помнят, как отец и дед обменивались русским приветствием – *kak d'ilá star'ik*. Это плюс несколько строк из детских стишков «Ладушки» и «Чижик-Пыжик» сохранилось в их памяти и представляет собой последние свидетельства существования аляскинского русского среди потомков эскимосского этноса алютик (сугпиак).

Фото 4. Церковь в пос. Нанвалек – вид снаружи

Фото 5. Церковь в пос. Нанвалек – вид изнутри

Заключение

Что предопределило особую судьбу аляскинского варианта русского языка? На обширном пространстве Сибири и Дальнего Востока зафиксированы разнообразные формы языковых контактов. Современный представитель аляскинского русского – русский язык деревни Нинильчик, нинильчикский русский – образует полноценный, хотя и исчезающий на наших глазах русский диалект.

Он обладает собственной фонемной системой, практически обязательной палатализацией согласных перед /i/, особой просодией, отличающимся от современного языка интонационным контуром. Ему присущи особые грамматические черты: измененная падежная система, отсутствие грамматического рода у существительных, особые правила согласования и отличная от стандартного русского система видовых противопоставлений. В области словаря его характеризуют значительное число диалектных (в том числе социолектных и устаревших) лексем, восходящих к разным диалектным группам континентального русского, а также наличие слов и фразем, возникших в период самостоятельного развития. В настоящий момент русский язык, еще используемый в Нинильчике, характеризуется высокой степенью индивидуального варьирования, контекстно обусловленным смешением кодов, но по-прежнему выполняет важную роль культурной самоидентификации его носителей и их потомков.

Важно, что он принадлежит семье русских диалектов и представляет собой один из многочисленных вариантов существования русского языка. Было бы странно считать нинильчикский русский «неправильным» или «недоразвитым» языком (одно из распространенных заблуждений жителей Нинильчика, которое сильно осложняет работу лингвистов, говорящих на «правильном» русском языке). Наоборот, нинильчикский русский обладает особенной ценностью, поскольку в течение многих десятилетий он развивался без всякого контакта с основной массой носителей русского языка, поэтому сохранил много черт языка XIX в. и до недавнего времени (до 70-х гг. XX в.) ассоциировался с языком православного богослужения.

Сегодня у нас есть все основания утверждать, что русский язык Нинильчика – это сохранившийся фрагмент аляскинского русского. Несмотря на то, что носители русского языка были в абсолютном меньшинстве, что после 1867 г. были отделены от общерусской ойкумены, они сохраняли свой язык на протяжении нескольких поколений. И спустя более чем пол века после начала его умирания, уже в наши дни, поколение, которое не говорило в детстве по-русски, сохраняет память о нём как драгоценный культурный артефакт. Именно их интерес к собиранию, сохранению и передаче следующим поколениям своего культурно-языкового наследия помогает открывать его для международного научного сообщества.

Литература

1. Корсун С.А. Русское наследие на Аляске // Кунсткамера: Этнографические тетради, 2003. Вып. 13. С. 57–69.
2. Бергельсон М.Б. Нarrативы в культуре северных атабасков // Материалы Междунар. конф. «Лаврентий Алексеевич Загоскин и исследования Русской Америки. Экспедиции и путешествия отечественных исследователей в международном контексте. К 200-летию со дня рождения русского путешественника, морского офицера, общественного деятеля Л.А. Загоскина». Рязань, 2008.
3. Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М. : Новое изд-во, 2004. 292 с.
4. Перехальская Е.В. Русские пиджины. СПб. : Алетейя, 2008. 363 с.

5. *Slavica Helsingiensia* 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova, Nikolai Vakhtin. Helsinki, 2010. 457 p.
6. Bergelson M., Kibrik A. The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska. *Slavica Helsingiensia* 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010. P. 299–313.
7. Головко Е.В. Russian as a minority language: A case from Alaskan old-settler communities. От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки: Экспедиционные этюды в честь Елены Всеиволодовны Переходальской / отв. ред. В.Ф. Выдрин, Н.В. Кузнецова. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 141–154.
8. Кибрік А.А. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик // Язык. Африка. Фульбе. М. ; СПб., 1998. С. 36–52.
9. Bergelson M., Kibrik A. Alaskan Russian: The Story of the Ninilchik Community as Told by its Language. Over the Near Horizon. Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America // Sitka Historical Society. 2013. P. 217–227.
10. Dictionary of Ninilchik Russian: 2017 version. Mira Bergelson, Andrej A. Kibrik, Wayne Leman, Marina Raskladkina. Anchorage : Minuteman Press, 2017. 142 p.
11. Luehrmann S. Alutiiq villages under Russian and U.S. rule. Fairbanks University of Alaska Press, 2008.

THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE COOK INLET AREA: SELF-IDENTIFICATION IN THE SITUATION OF CULTURAL ISOLATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 29–41. DOI: 10.17223/19986645/54/2

Mira B. Bergelson, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: mbergelson@hse.ru

Andrej A. Kibrik, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: aakibrik@gmail.com

Keywords: Russian language, Alaska, documentation, endangered languages, cultural self-identification, creolization.

Ninilchik Russian is a unique variety of the Russian language. The authors believe it is a remnant of Alaskan Russian – a language that emerged at the end of the 18th century as a result of Russian colonial presence in Alaska and served as a means of communication in Russian America until the end of the Russian period in 1867. By that time Alaskan Russian became the native language for the people of mixed Russian/Native origin (Creoles) residing in various parts of Alaska. As a result, some varieties of Alaskan Russian kept developing and serving as a means of communication, creating and maintaining cultural identity of local communities long after the “Russian period”. Ninilchik was one such places and, due to many factors combined, became a major location where this linguistic variety survived till the beginning of this century.

It is obvious that in Russian colonial times some forms of Russian were spoken in every place where Russian presence was noticeable. What is not obvious and demands special research is proving that at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries there existed a lingua franca which emerged as a result of contact between Russian and the indigenous languages of Alaska. The authors believe that this lingua franca was a specific variety of the Russian language of that time. At the beginning of the 21st century, we can only glimpse that variety by the “iceberg tip” in the form spoken by representatives of the Ninilchik community. This situation is like what archaeologists face when they reconstruct a culture from the presently available remnants. In this paper, The authors provide new data from their 2017 field-work including two stages of the creolization/de-creolization process: Alutiiq-Russian bilingualism and Russian monolingualism.

Contacts between the Alutiiq population around the Kenai Peninsula and the Russian-speaking Ninilchik residents continued up to the 20th century; in such communities as Nan-

walek and Port Graham Russian was spoken until recently. As always in the case of sparsely populated areas, the role of individuals and specific circumstances would have crucial impact on the linguistic choices in the community. The authors explored such an individual case in Nanwalek.

In exploring the Russian monolingual stage of Alaskan Russian, The authors pay attention to the fact that the so-called “Russian” population of Russian America represented many regional, social and ethnic groups, which influenced the development of Alaskan Russian, its resulting form, and its significant variation among families and individuals.

The second, less discussed, but probably even more important fact is that Alaskan Russian has always existed as an oral language. For a number of years crucial to its development Ninilchik Russian did not experience any influences of any kind from written languages: it was a monolingual community where the overwhelming majority was illiterate.

References

1. Korsun, S.A. (2003) Russkoe nasledie na Alyaske [Russian heritage in Alaska]. *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradи*. 13. pp. 57–69.
2. Bergelson, M.B. (2008) [Narratives in the culture of northern Atabasques]. *Lavrentiy Alekseevich Zagoskin i issledovaniya Russkoy Ameriki. Ekspeditsii i puteshestviya otechestvennykh issledovateley v mezhdunarodnom kontekste. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya russkogo puteshestvennika, morskogo oficera, obshchestvennogo deyatelya L.A. Zagoskina* [Lavrenty Alekseevich Zagoskin and the study of Russian America. Expeditions and travels of Russian researchers in the international context. To the 200th anniversary of the birth of L.A. Zagoskin, a Russian traveler, naval officer, public figure]. Proceedings of the International Conference. Ryazan: [s.n.]. (In Russian).
3. Vakhtin, N.B., Golovko, E.V. & Shvajcer, P. (2004) *Russkie starozhily Sibiri: Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya* [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-consciousness]. Moscow: Novoe izd-vo.
4. Perehval'skaya, E.V. (2008) *Russkie pidzhiny* [Russian pidgins]. St. Petersburg: Alteyya.
5. Mustajoki, A., Protassova, E. & Vakhtin, N. (eds) (2010) *Slavica Helsingiensia 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki: Helsinki University Press.
6. Bergelson, M. & Kibrik, A. (2010) The Ninilchik variety of Russian: Linguistic heritage of Alaska. In: Mustajoki, A., Protassova, E. & Vakhtin, N. (eds) *Slavica Helsingiensia 40: Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki: Helsinki University Press.
7. Golovko, E.V. (2014) Russian as a minority language: A case from Alaskan old-settler communities. In: Vydrin, V.F. & Kuznetsova, N.V. *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki: Ekspeditsionnye etudy v chest' Eleny Vsevolodovny Perekhval'skoy* [From Bikin to Bambaluma, from the Varangians to the Greeks: Expedition studies in honor of Elena Vsevolodovna Perekhvalskaya]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
8. Kibrik, A.A. (1998) Nekotorye foneticheskie i grammaticheskie osobennosti russkogo dialektka derevni Ninilchik [Some phonetic and grammatical features of the Russian dialect of the village Ninilchik]. In: Vydrin, V.F. & Kibrik, A.A. (eds) *Yazyk. Afrika. Ful'be* [Language. Africa. Fulbe]. Moscow; St. Petersburg: Evrop. dom.
9. Bergelson, M. & Kibrik, A. (2013) Alaskan Russian: The Story of the Ninilchik Community as Told by its Language. Over the Near Horizon. Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America. *Sitka Historical Society*. pp. 217–227.
10. Bergelson, M., Kibrik, A.A., Leman, W. & Raskladkina, M. (2017) *Dictionary of Ninilchik Russian: 2017 version*. Anchorage: Minuteman Press.
11. Luehrmann, S. (2008) *Alutiiq villages under Russian and U.S. rule*. Fairbanks University of Alaska Press.

УДК 81'37, 811.134.3, 811.161.1
DOI: 10.17223/19986645/54/3

А.М. Диас Ферреро, Э.Ф. Керо Хервилья

АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕГАТИВНУЮ ОЦЕНКУ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОМ И ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматривается образ женщины в португальских и русских паремиях. Как явление народной культуры, паремии выражают идеалы и ценности той или иной социальной группы или индивидуального сознания. Анализ негативной оценки женщины в русских и португальских пословицах и поговорках показал, что в обоих языках женщина предстает существом низшего рода по сравнению с мужчиной и считается его принадлежностью; и в той и другой культуре ей предписываются схожие отрицательные качества. Несмотря на то, что на протяжении многих веков русский и португальский языки развивались и функционировали достаточно изолированно друг от друга, сравнительный анализ свидетельствует, что образ женщины в пословицах и поговорках обеих лингвокультур имеет много общих черт.

Ключевые слова: женщина, отрицательная оценка, паремиология, португальский язык, русский язык.

Введение

Тема женщины постоянно находилась в поле зрения социологов и литературных критиков на протяжении всей истории ее изучения, а в последние десятилетия стала приоритетной прежде всего в сфере этнологии и социологии в силу растущего интереса исследователей к вопросу о роли женщины в современном обществе. На Западе он изучается главным образом посредством анализа различных дискурсивных практик. Т.А. Демешкина и М.А. Толстова утверждают, что «в фокусе исследований современной гендерной лингвистики находятся две группы проблем: гендерная специфика речевого поведения человека, исследуемая с учетом дискурсивных практик, и презентация гендера в системе языка» [1, С. 84]. Характерным примером этого являются многочисленные работы, связанные с языковым выражением гендерной и сексуальной тематики. Напротив, в тех обществах, которые не относятся к странам Запада, в том числе и в России, проблеме женщины в современном языковом сознании до сих пор не уделялось достаточного внимания со стороны исследователей [2, 3]. Однако следует отметить, что существуют интересные сопоставительные исследования русского и итальянского [4], русского и немецкого [5], русского и английского языков [6], анализирующих образ женщины во фразеологизмах.

Данная работа была проведена в рамках исследования, направленного на изучение образа женщины, создаваемого во фразеологических единицах

в разных языках. Целью исследования было определить, есть ли сходства или различия между двумя разными по типу культурами в образе женщины, отраженном во фразеологии, в частности в паремиологии, т.е. в пословицах и поговорках. Мы рассматривали следующие вопросы: используются ли схожие образы для описания женщины в португальском и русском языках; восхваляются ли одни и те же качества; проводятся ли одни и те же сравнения; одинаковые ли черты характера считаются отрицательными и положительными в обоих языках. В пословицах и поговорках отображаются позитивные и негативные особенности поведения женщины. Среди положительных аспектов обычно выделяют роль матери и хранительницы очага, а негативные связаны главным образом с отношением между женщиной и мужчиной, который указывает на ее многочисленные пороки (болтливая, капризная, лживая, опасная и т.д.). В рамках данной статьи мы проанализируем лишь те русские и португальские паремии, в которых выражена негативная оценка женщины.

Материал исследования. Обоснование

Выбор паремий в качестве источника исследования обусловлен тем, что пословицы и поговорки наиболее полно отражают особенности народной культуры, передавая ценности, обычаи и модели поведения, одобряемые обществом, которое их создает, сохраняет и распространяет. Как утверждает Хавьер Паскуаль Лопес, «паремиологический фонд можно определить как хранилище значительной информации о своеобразии определенной культурно-языковой общности, что способствует его изучению с межкультурной точки зрения» [7. Р. 174]. Соответственно, в данном фонде выражается мировоззрение коллектива, что позволяет получить исчерпывающую информацию об отношении человека к своей культуре. «В естественном языке ее реалии и установки рассеяны в содержании наименований культурных «вещей» и концептов, явлены в прескрипциях народной мудрости – в пословицах, поговорках, в различного рода языковых стереотипах, эталонах, символах, а также в прецедентных текстах – в крылатых выражениях, сентенциях и т.п.» [8. С. 238]. Эстер Форгас Бердеть считает, что пословицы и поговорки воспроизводят, сохраняют и распространяют культуру народа, прежде всего ту часть, которая тесно связана с повседневным трудом, являющимся исключительно женской прерогативой [9. Р. 35]. Пословицы отражают определенное представление о действительности, и часто говорящий произносит их, чтобы высказать свое мнение по поводу того или иного субъекта, а также в качестве защиты своей точки зрения или же точки зрения коллектива на тот или иной предмет, почитаемый за истину. Произнося поговорку, говорящий делает это с установкой на мнение народного большинства: «Я так думаю и уверен, что и многие думают так же, как и я». Поэтому все пословицы, по сути дела, отражают один и тот же уровень коллективного сознания. Кроме того, они, как правило, имеют оценочный и поучительный характер, а потому используются

в качестве указания, совета или предупреждения по отношению к слушающему. Иными словами, пословица – это один из путей проекции общено-родного мировоззрения на индивидуальное сознание. Обладая информативным и прескриптивным характером, она описывает женщину, ее роль в обществе и в стенах дома, ее сильные и слабые стороны.

В современной паремиологии одни исследователи выделяют поджанры «описательной» и «предписывающей» поговорок [10. Р. 27–30]; другие, к примеру Мария Ньевес Вила Рубио [11. Р. 216–217], предлагают подразделять их на «денотативные» и «коннотативные». К первой категории паремий (описательной, или денотативной) относятся описательные поговорки, передающие информацию, относящуюся к той или иной сфере человеческой деятельности (метеорология, сельское хозяйство, медицина и т.п.), без оценочных суждений, например: *A água corre sempre para o mar* (Вода всегда стремится к морю), *Dos Santos ao Natal é inverno natural* (От Дня всех святых до самого Рождества – настоящая зима). Пословицы, относящиеся ко второй категории (предписывающей, или коннотативной), содержат поучения или пожелания, отражая систему взглядов и верований, и, следовательно, несут определенную эмоциональную нагрузку. Как полагают Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, этот выбор национально своеобразен и связан с культурными реалиями и множеством других экстралингвистических факторов, определяющих жизнь и функции языка, равно как и характерные для него семантические преобразования формального и функционального характера [12. С. 14].

Для анализа мы отобрали прескриптивные паремии с негативной эмоциональной оценкой, т.е. те, в которых прослеживается определенная идеология общества и порицается поведение женщины. Необходимость такого анализа вызвана тем, что, по нашему мнению, сравнительное изучение одного и того же жанра устной традиции на двух языках, в историческом прошлом существовавших изолированно друг от друга, может привести к интересным выводам о том, какие аспекты образа женщины отражает каждая из данных языковых культур, а также выяснить, какими языковыми средствами она для этого пользуется, одинаковыми или различными.

Чтобы осуществить первоначальный замысел исследования, был составлен корпус лексических единиц, число которых превысило 1000 паремий, апеллирующих в русском и португальском (включая европейский и бразильский варианты) языках напрямую к женщине. В качестве источников настоящего исследования нами были использованы словари, сборники пословиц и поговорок со ссылкой на посвященные им работы на русском и португальском языке как официальном языке Португалии. В числе португальских источников мы опираемся на работы А. Деликадо [13]; Ф. Ролланда [14]; Ф. Лимы [15]; М.С. Карруска [16]; М.Д. Гомеша [17]; Д.П. Мачадо [18]; А. Морейры [19], Д.Р. Коста [20] и С. Паренте [21]. Для анализа российских паремий использованы следующие словари и справочники, авторами которых являются А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова [22], В.И. Даляр [23]; Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов [24]; В.П. Жуков [25] и В.И. Зимин [26, 27].

Из всего собранного корпуса паремий мы отобрали те, в которых прослеживается негативная оценка, в результате чего получилось 238 единиц в португальском языке и 225 единиц в русском языке. Многие из этих высказываний вышли из употребления и не бытуют в повседневной речи, однако это не означает исчезновение пережитков подобного отношения к женщине в общественном сознании. Без сомнения, данные стереотипы являются частью нашей истории и нашего мировоззрения и уже потому заслуживают внимания. Для того чтобы выяснить, в какой мере негативное видение женщины в традиционной пословичной культуре актуально в настоящее время, в качестве дополнительного источника информации мы также проанализировали и некоторые поговорки, идиомы и идиоматические выражения, функционирующие в современной живой разговорной речи и являющиеся частью общекультурного языкового фонда.

Сравнительный анализ корпуса пословиц и поговорок на русском и португальском языках

Проанализировав корпус собранных единиц, мы обнаружили, что в оценке женщины в русских и португальских паремиях функционируют общие элементы: используются аналогичные сравнения и метафоры, что определяет сходство создаваемого образа. В обоих языках встречается целый ряд пословиц и поговорок, изображающих женщин как болтливых, злоязычных, глупых, лживых, склонных к фантазии, ветреных, капризных, раздражительных, плаксивых, опасных, хитрых, коварных существ, которым нельзя доверять, умело манипулирующих мужским полом: *Do mar se tira o sal, e da mulher muito mal* (От моря соль, а от женщины зло); *Do vinho e da mulher, livre-se o homem, se puder* (Человеку стоит, если сможет, избавиться от вина и от женщины). Прибегающие ко всевозможным хитростям, свойственным их природе, женщины в русской устной традиции также предстают перед нами существами опасными, не меньше дьявола способными сбить человека с верного пути. Другие изображают женщину как существо хитрое и изворотливое, под стать черту: *Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет; Где сатана не сможет, туда бабу пошлет; Баба¹ да бес – один у (в) них вес: до добра не доведет*. Когда хотят освободиться от

¹ В русской пословице к женщине обращаются при помощи существительных «женщина» и «баба», с явным преобладанием второго над первым. Существительное «баба» первоначально обозначало женщину замужнюю и занятую крестьянским трудом в поле, а потому заимствовано из лексики, исторически связанной с сельской жизнью. Данное существительное приобретает уничижительный оттенок лишь по отношению к женщине городской, но малообразованной и дурно воспитанной. В современном русском языке это слово уже используется для обозначения любой бескультурной и грубой женщины безотносительно к месту ее проживания. В составе русских пословиц «баба», по-видимому, не несет негативной семантики. В рамках данной статьи рассматриваются пословицы не потому, что они содержат лексему «баба», а потому, что они апеллируют к женщине как культурному концепту.

времени забот, русские говорят: *Баба с возу – кобыле легче*, а португальцы – *O que o diabo não pode, consegue-o a mulher* (Что черту не сподручно, женщина сладит); *A raposa tem sete manhas e a mulher a manha de sete raposas* (У лисы семь уловок, а у женщины уловки семи лисиц); *Ao diabo e à mulher nunca falta que fazer* (Бес и жена без работы не останутся). Сходный образ женщины, умело пользующейся своим положением, возникает в речи героев фильма «Человек с бульвара Капуцинов»: «Если женщина чего-то хочет, то надо ей непременно дать, иначе она возьмет сама». Это выражение, трансформируясь, звучит так: *Если женщина чего-то хочет, дай ей*. Когда в пословице встречаются два женских образа, народная мудрость всегда на стороне молодой: *Ночная кукушка* (по отношению к жене) *дневную перекукует* (по отношению к свекрови). Здесь содержится намек на то, что свекровь не должна вмешиваться в дела сына и его жены.

Еще один семантический компонент анализируемых пословиц – это способность женщины в любой ситуации, даже будучи зависимой, соблюдать свой интерес, вызывая у мужчины опасение, что она всегда возьмет над ним верх и добьется своего: *Баба пьяна, а суд свой помнит*; *Женщина свою выгоду знает всегда*; *Женщина слово в простоте не скажет*; *Женщина захочет – мертвый захочет*. То же самое мы видим на примере португальских пословиц: *O que a mulher quer, Deus o quer* (Что женщина желает, тому Бог потакает); *Três coisas mudam o homem: a mulher, o estudo e o vinho* (Три вещи способны изменить мужчину: женщина, ученье и выпивка); *Não há como a mulher para fazer do homem o que quer* (Кто, кроме женщины, умеет лучше из мужчины веревки вить!). «Все, что предпринимает женщина, – пустая трата времени, ждать от нее нечего», – словно хочет сказать русская поговорка: *Не было забот – купила баба поросся*; *От нашего ребра нам не ждать добра*; *Бабье-то промыслы, что неправые помыслы*; *Бабье-то ремесло, что неправое ремесло*. Вторит ей и португальская: по причине своего превосходства над умственными и деловыми качествами женщины мужчина не будет просить у нее совета: *Conselho de mulher é rouco e quem o toma é louco* (Совет женщины ничего не значит, а кто ему последует, сам себя одурачит). Женщинам из русских и португальских пословиц свойственны горячность, раздражительность и стремление выказать свой норов: *Баба, что горишок: что ни влей – все кипит*; *Баба, что глиняный горишок: вынь из печи, он пуще шипит*; *A mulher e o rapaz são roucos amigos da raz* (Что женщина, что юнец, – обоим неймется). Поэтому пословица советует либо не связываться с женщиной (*Лучше раздразнить собаку, нежели бабу*), либо применить силу (*Убил бы, уже бы вышел*). В других случаях пословица рекомендует мужчине в споре попросить у нее прощения, даже если она не права: *Если женщина не права, мужчина должен извиниться*.

В русских и португальских пословицах, по наблюдению исследователей, «женщина предстает, как правило, существом ничтожным, целиком зависящим от мужчины, ему принадлежащим» [28. Р. 8]. Исходя из представления об ограниченных умственных способностях женщины, русские

и португальские пословицы отождествляют ее с животными, чаще всего с домашними, или с теми, что служат пищей человеку [28. Р. 9]. При описании образа женщины в португальском материале фигурируют курицы, овцы, мул, козы, а из класса водных животных – сардинки: *A mulher e a sardinha, quer-se requeenina* (Женщинам и сардинкам лучше быть миниатюрными). Женщина часто предстает в невыгодном свете по аналогии с животными, имеющими какой-то изъян: *A mulher e galinha são bichos interesseiros: a galinha pelo milho e a mulher pelo dinheiro* (Женщина что курица: у той на уме маисовые зернышки, а у этой денежка). Чтобы добиться своего, мужчине следует поступать с женщиной так же, как и с выючными животными: *Com afagos, a mula e a mulher fazem o que o homem quer* (Лаской и мугла, и жену укротишь, будут делать все, что велишь). Русские женщины, как правило, сравниваются с кошкой, курицей, кобылой и вороной. О здоровой, цветущей женщине в России говорят, что она *здрава как кобыла*; склонность женщины к пустословию отражена в пословице *Курица гогочет, а петух молчит*.

Иногда в русском просторечии для обозначения пустой болтовни используют глагол «каркать», употребляемый обычно по отношению к вороне. Подмечая, что женщина более словохотова, чем мужчина, пословица видят в этом ее недостаток, к примеру: *Волос долог, а язык длинней* (у бабы); *Курица гогочет, а петух молчит*. Семантика глагола «гогочет», который характеризует нечленораздельное гусиное гоготание, высмеивает чрезмерный и бесконтрольный характер словесной активности женщины. В случае, когда пословица описывает встречу двух и более женщин, она создает образ хаоса, беспорядка, Содома и Гоморры: *Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Гусь да баба – торг, два гуся, две бабы – ярмарка; Где баба, там рынок, где две, там базар; Где две бабы, там суконь (сейм, сходка), а где три, там содом*. То же и в португальском материале: *Duas mulheres fazem um mercado, quatro uma feira* (Где две женщины, там рынок, где четыре, там базар); *Três mulheres e um pato fazem uma feira* (Три бабы да одна утка – вот тебе и базар); *A mulher e a pega falam o que dizem na praça* (Баба да сорока твердят все, что на площади говорят). Португальской женщине, как и русской, свойственно быть более разговорчивой, чем мужчине: *As mulheres, ainda as mais caladas, são sempre mais faladoras do que os homens* (Молчаливая женщина говорит больше, чем разговорчивый мужчина); *Mulher só cala o que não sabe* (Женщина молчит лишь о том, чего не знает); *No falar a mulher requeira ganha à grande* (Коротышка в разговоре берет верх над высокой). Пословицы также осуждают свойственную женщинам болтливость: *Женское слово, что клей, пристает; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Бабий язык – чертова помеха; Vai a moça ao rio, conta o seu e o de (o) seu vizinho* (Идет молодка к речке, рассказать о себе и о соседке); *Segredo em boca de mulher, é o mesmo que escrever em papel* (Тайна в устах женщины все равно, что на бумаге). Поэтому молчаливость – главная женская добродетель: «Ты такая красивая, когда молчишь» (реплика из фильма «Ищите женщину»); *Por muito bem que a mulher fale, é preferível*

que esteja calada (Как бы гладко женщина не говорила, лучше бы она молчала). Мужчина знает, что с женщиной невозможно договориться и что он ее не переговорит: *Бабу не переговоришь.* (В настоящее время бытует в основном вторая часть поговорки: *ее не переговоришь.*)

Пословица также учит, что слову женщины нельзя доверять, так как ей вообще свойственны лживость, склонность к фантазии и непостоянство во мнении: *Кто бабе (свахе) поверит, трех дней не проживет.* В этой пословице обычно приводится лишь первая фраза: *Кто бабе (свахе) поверит...;* *Женщины лгут, даже когда молчат.* В русских пословицах женщины, кроме того, злозычны, т.е. дурно отзываются о людях. Приведем примеры из португальского: *Quem segura a enguiia pelo rabo e a mulher pela palavra, pode dizer que não segura nada* (Кто подцепит рыбу за хвост, а женщину за язык, ничего не поймает); *Três manhas tem a mulher: mentir sem cuidar, chorar sem querer, mijar onde quer* (У женщины три свойства: врать не задумываясь, плакать без причины, мочиться, где вздумается). Подмечено также, что женщины часто прибегают к плачу для достижения своих целей: *Баба слезами беде помогает; Женский обычай – слезами беде помогать; Lágrimas de mulher, valem muito e custam-lhe pouco* (Слезы женщины дорого стоят, а ей ничего не стоят); *A mulher ri quando pode e chora quando quer* (Женщина смеется, когда можно, а плачет, когда захочет). Поэтому пословица часто расценивает женские слезы как неискренние и советует им не верить: *Em manqueira de cão e lágrimas de mulher, não há que crer* (Ляю собаки и женским слезам веры нет); *Não creiais lágrimas de mulher que chora* (Не верьте слезам женщины, если она плачет); *Sol de inverno, chuva de Verão, choro de mulher e palavra de ladrão, ninguém caia, não* (Солнцу в январе, дождю по весне, женским слезам и воришкиным словам один ответ: веры нет). Кроме того, в пословицах проводится мысль, что унять женский плач невозможно: *Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже; плач – чисто женский атрибут, так что пословица учит, что мужчины не плачут; дорого стоит мужская слеза;* с презрением отзывается пословица и о пьяных слезах, сравнимых разве что с неискренним женским плачем, оба ничего не стоят: *У баб да у пьяных слёзы дешево стоят.*

Русские и португальские пословицы свидетельствуют о том, что в мужскую привычку вошло недоверие к женщине до такой степени, что *Женщине верить – себя не уважать; Quando vires uma mulher fala mas não escutes* (Когда женщина говорит, не слушай). Хотя, возможно, самое характерное в поведении женщины, что отмечает пословица, – это непостоянство мысли, стремление постоянно менять свое мнение, так что ее слово теряет смысл: *Девичьи (женские) думы изменчивы; Меж бабым ‘да’ и ‘нет’ не проденешь иголки; Бабка надвое сказала; У жениницы семь пятниц на неделе,* т.е. семь различных решений одного и того же вопроса. То же самое мы видим и в португальских примерах: *Mulher, vento e ventura, assimha se muda* (Женщина, ветер и удача изменят быстро); *Muitas vezes a mulher varia; bem tolo é quem nela se fia* (Женщина меняется ежесчасно; глупец тот, кто ей поверит). Непостоянство и неуверенность в себе как типичное свойство женской природы

влечет за собой мысль о том, что мужчине трудно ей угодить: *На женский нрав не угодишь; На женский норов нет угадчика; Сама придумала, сама обиделась*. Женские капризы доводят ее до того, что она хочет именно того, что муж ей не велит: *O que o marido proíbe, a mulher o quer* (Жена всегда хочет того, что муж не велит); *Minha filha Tareja, quanto vê deseja* (У моей Тарехи горят глаза на все, на что ни поглядит); *Maria 'lambiça', quanto vê quanto cobiça* (Мария 'Ламбиса' (Перевод: которая все желает) желает все, что она видит); *A mulher, ainda que rica seja, se é pedida mais deseja* (Женщине сколько ни дай, все будет мало). Возможно, именно это непостоянство, которое пословица приписывает женщине, становится причиной того, что она начинает выглядеть загадочной в глазах мужчины, непредсказуемой, а значит, и не внушающей доверия: *Женину умом не понять; Женщина имеет совершенно иную точку зрения на мир: Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Melão e mulher difíceis são de conhecer* (Дыню и женщину понять трудно); *Ainda está para nascer, quem de mulheres e ovelhas há-de entender* (Еще не родился тот, кто в женщинах и в овцах разбирается).

Как показывает анализ паремий, и в русской, и в португальской картинах мира женщина рассматривается как вещь, собственность мужчины. Женщина сравнивается с животными, причем данное сравнение аналогично в обеих культурах. По традиции место женщины всегда в доме, у очага, в то время как мужчина рассматривался как добытчик средств к существованию. Таким и изображают его португальская и русская поговорки: *Do homem a praça, da mulher a casa* (Мужу площадь, жене дом); *Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*. Если женщины дома нет, то пословица тут же напоминает, что к вечеру она должна вернуться в дом: *A mulher e a galinha, com o sol recolhida* (Жена и курица с заходом солнца в курятник); *A mulher e a ovelha, com o sol à cortelha* (Жена и овца с заходом солнца в клеть); *A mulher e o passarinho com o sol ao ninho* (Женщина и птица с заходом солнца – каждая в свое гнездо). Некоторые русские пословицы до такой степени унижают женщину, что полностью лишают ее человеческого достоинства: *Курица не птица, а баба не человек; Кобыла не лошадь, баба не человек*. Женщине не суждено быть мужчиной, брать на себя его роль: *Курице не быть петухом, а бабе мужиком*. Отсюда в русском языке такие выражения по отношению к женщине, как *курица безмозглая*, свидетельствующие о полном отсутствии у женщины ума. Женщины выглядят в пословицах глупыми, по уму уступающими мужчинам: *У бабы волос долог, да (а) ум короток; Длинный волос – короткий ум; Cabelos compridos, ideias curtas* (Длинные волосы, короткие мысли). В русской традиции идеалом женской красоты всегда были длинные волосы. В пословицах этот атрибут женской красоты связывается с отсутствием у женщины ума: чем длиннее волосы, тем меньше ума: *У Бабы ума – что волос на яйце; У Бабы ума – что волос на камне; Бабий умок короткий*. В португальских пословицах женская красота – признак высокомерия и отсутствия интеллекта, в них есть намек на то, что красота таит в себе какой-то существенный изъян интеллектуального или морального

свойства: *Mulher formosa, ou doida, ou presunçosa* (Красивая женщина либо глупа, либо высокомерна); *Não há bela sem senão* (Нет красоты без изъяна). Любопытно, что и в русском и португальском материале присутствие или отсутствие ума, как правило, связано с цветом волос. Отсюда обилие русских анекдотов о женщинах-блондинках; существительное блондинка используется как синоним глупости: *Блондинки дуры, даже если они брюнетки*. Считается, что блондинки, как правило, ничего не решают без помощи мужчин. Поэтому в современном русском языке для обозначения подобного типа беспомощной и нерешительной женщины используется существительное *Барби* (Barbie). Только в редких случаях находим пословицы, с одобрением отзывающиеся о свойствах женского ума: *Женский ум лучше всяких дум*. Подобное отношение к женщине в каком-то смысле закономерно. Общество возлагало на нее заботу о доме, муже и детях, поэтому ее умственные способности не были востребованы, более того, они считались помехой в семейной жизни, поэтому женщине не полагалось развивать свой ум, вмешиваться в дела мужа. Пожалуй, нет более харakterного в этом отношении примера, чем португальская поговорка *Guarda-te da mula que faz him, e da mulher que fala latim* (Берегись кобылы, которая ржет, и женщины, знающей латынь).

Чувство неполноценности женщины компенсируется в пословице мыслью о том, что соответствие женскому идеалу послушания идет ей на пользу: *A mulher que é boa e terna obedecendo governa* (Жена добрая и мягкая всегда возьмет верх над мужем); от женщины требуется полное подчинение мужчине, и в этом ее идеалом, согласно русской пословице, должна быть собачья преданность: *Собака умней бабы: на хозяина не лает*. Держать женщину под контролем в Португалии вошло в привычку до такой степени, что в эпоху диктатуры Саласара на почтовых открытках с долей иронии появлялись такого рода карикатуры:

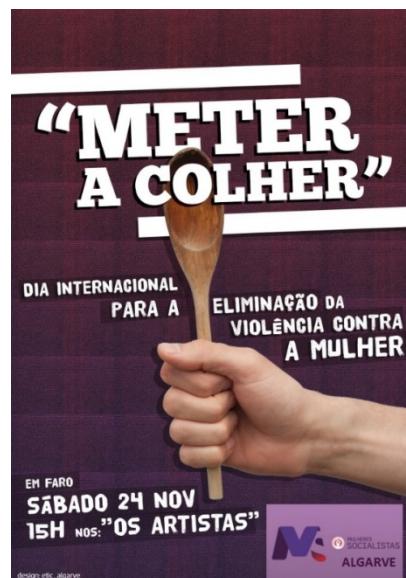
В России стереотип неполноценности женщин по сравнению с мужчинами в ироническом смысле воспроизводится в современных фильмах, например в фильме «Кавказская пленница», где в устах одного из героев звучит фраза «Женщина – друг человека» по аналогии с поговоркой «Собака – друг человека» с намеком на то, что женщина – все равно что собака: «Как говорил наш замечательный сатирик Аркадий Райкин: женщина – друг человека».

В португальской языковой культуре довольно устойчив стереотипный образ женщины как собственности мужчины, который обязан ее охранять, как вещь: *A quem tem mulher formosa, castelo na fronteira e vinha na carreira, nunca lhe falta canseira* (У кого жена красавица, на меже сторожевая башня, виноградник на обочине, забот не оберешься). С тем же явлением мы сталкиваемся и в русских поговорках: *Кто имеет жену красную и лошадь хорошую, всегда не без мысли бывает;* за неподчинение сильному полу народная мудрость учит наказывать женщину, дабы проучить ее: *Бабий быт – за все бит;* *Бей бабу молотом – будет баба золотом;* *À mulher e à galinha, torce-lhe o pescoço se a quiseres fazer boa* (Сверни голову курице и женщине, если хочешь, чтобы она была добра); *A mula e a mulher, com pancada se quer* (И кобыле, и женщине кнут). Традиция также оправдывает физическое насилие мужчины над женщиной из ревности, исходя из убеждения «ревнует – значит любит»: *Quanto mais me bates mais gosto de ti* (Чем больше ты меня бьешь, тем сильнее люблю). В народной культуре России и Португалии испокон веков одинаково бытовало представление о насилии над женщиной как знаке внимания к ней со стороны мужа и о свидетельстве супружеской любви, поэтому рекомендовалось не вмешиваться в отношения между ними. Общество не только мирилось с таким положением дел, но даже брало мужчину под защиту. По словам Жоао Педросо и Патрисии Бланко, «традиционно уголовное право старалось не вмешиваться в семейные дела» (считавшиеся делом частным, интимным) [29. Р. 73], так что от насилия в семье не было никакой правовой защиты. Португальская поговорка *Entre marido e mulher não se mete a colher* (Между женой и мужем ложки не просунешь) прекрасно иллюстрирует тенденцию оправдания мужского насилия и невмешательства в супружеские разборки и разногласия. К счастью, в последнее время эти стереотипы постепенно начинают изживаться. Упомянутая пословица в ходе проведенной в Португалии кампании по предотвращению домашнего насилия легла в основу поэтики плаката.

В последние годы внесены изменения и в португальский уголовный кодекс, предусматривающий наказание за домашнее насилие как уголовное преступление: «Если раньше так называемая народная мудрость гласила, что “между мужчиной и женщиной ложки не просунешь”, сегодня в защиту равенства между мужчиной и женщиной мы решительно ратуем за то, чтобы в качестве регулятора отношений между ними встало уголовное право» [26. С. 73].

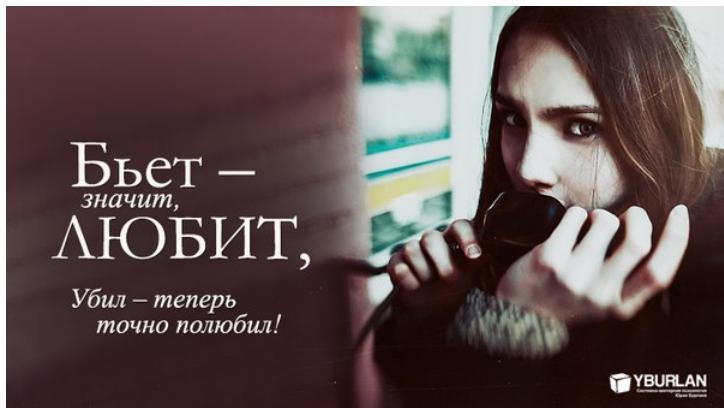
Семинар по вопросам домашнего насилия «Просунуть ложку, задуматься о домашнем насилии, вмешаться». 25 ноября 2008 г.
Комиссия по защите и молодежи и детства. Vizela (CPCJ). Администрация Визелы

Семинар под названием «Просунуть ложку». Ноябрь 2012 г.
Федеральный департамент женщин-социалисток (DFMS) Алгарве

Что касается русской культуры, то со всей уверенностью можно утверждать, что хотя проблема домашнего насилия встала в современном обществе во весь рост, она никогда не считалась приоритетной ни в обществе, ни в эшелонах власти, и это в стране, где после Октябрьской революции 1917 г. женщины получили такие права, которые и не снились женщинам во всем мире.

Революция сделала всех членов общества «товарищами», без различия полов, с равными правами и обязанностями постольку, поскольку они были в равной степени участниками общественной жизни и строителями коммунизма. Но народная традиция, несмотря на этот прогресс, была и остается достаточно консервативной в сфере частной жизни, выражая через пословицы и поговорки традиционно бытующее в обществе мнение, что жену следует наказывать: *Люби жену как душу и бей как грушу; Люби жену как душу и бей как шубу*. Эта поговорка, широко распространенная в настоящее время, особенно во втором варианте, означает, что женщину нужно бить как можно сильнее, любя. Более того, похоже, и сама женщина склонна принимать побои как должное, терпеть насилие над собой, оправдывая его поговоркой: *Если бьет – значит любит*. Как и в Португалии, в России эта поговорка также стала частью пропагандистской кампании против гендерного насилия в защиту прав женщины.

Плакат проекта YBURLAN (Системно-векторная психология Юрия Бурлана)
для оказания психологической помощи женщинам, столкнувшимся
с проблемой домашнего насилия

В России всегда бытовало мнение, что домашнее насилие – дело частное и что за любым раздором в семье кроются любовь и взаимопонимание: *Милые бранятся (ругаются) – только тешатся, как и в испанской поговорке Los amores reñidos son los más queridos* (В споре рождается любовь), вследствие чего считается нецелесообразным вмешиваться в супружескую жизнь: *Муж с женой бранится да под одну шубу ложится*, т.е. в конечном счете супруги сами между собой разберутся.

Заключение

Проанализировав корпус собранных единиц, мы можем заключить, что в паремиях португальского и русского языков прослеживается схожий образ женщины, когда речь идет о ее отношениях с мужчиной, оценке ее качеств и негативных чертах, которые ей приписываются. В паремиологическом фонде обоих языков встречаются аналогичные пословицы и поговорки, характеризующие женщину сходным образом. В результате настоящего исследования было выявлено, что культурные ценности, которые отражаются в пословицах, совпадают. Оценка женщины как в русском, так и в португальском языках содержит общие элементы, что представляется неожиданным с учетом того, что речь идет о языках, далеких друг от друга; эмоционально-оценочный компонент, являясь основой паремий пре скриптивного характера, отвечает специфическим этнокультурным чертам. Иначе говоря, носители португальского и русского языков, желая выразить эмоциональную оценку объекта (в данном случае женщины), создают аналогичные паремии. В пословицах и поговорках обоих языков женщина предстает болтливой, злозычной, глупой, лживой, склонной к фантазии, ветреной, капризной, раздражительной, плаксивой, опасной и хитрой. Она считается низшим существом, принадлежащим мужчине и зависящим от него. Отсюда и сравнение с животными, встречающееся во многих паремиях. В португальском языке ее сравнивают с курицей, овцой, ослицей, козой и сардиной, а в русском – с кошкой, курицей, кобылой, вороной и т.д. Подобное женоненавистное отношение, возможно, связано с преобладающей в обществе на протяжении долгого времени властью мужчины. Пословицы и поговорки описывают то, что мужчины ждут от женщин, а также то, что ждет от них общество, управляемое мужчинами. Кроме того, было интересно отметить, что многие паремии, проанализированные в рамках настоящего исследования, продолжают являться частью коллективного сознания в португальской и русской лингвокультурах, так как часто используются в рекламных кампаниях, в чем мы смогли убедиться ранее. В заключение можно сказать, что наше исследование подтверждает тот факт, что пословицы и поговорки являются ценным хранилищем языковых и экстралингвистических знаний говорящего и отражают видение мира определенного социума.

Литература

1. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. Р. 83–105.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 р.
3. Вальтер X. Образ женщины в русских «антипословицах» // *Słowo. Tekst. Czas VII. środki nominacji w nowej Europie*. Новые средства номинации в новой Европе. Neue Phraseologie im neuen Europa. Materiały VII Miedzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 21–23 listopada 2003 г. / pod redakcją Michała Aleksiejenkim i Marzanny Kuczyńskiej. Szczecin ; Greifswald, 2004. С. 327–338.

4. Демешкина Т.А. Базовые концепты в традиционной культуре и дискурсивных практиках (на материале русских и итальянских пословиц) // Беспокойные музы: К истории русско-итальянских отношений XVIII–XX вв. / под ред. А. д'Амелия. Салерно, 2011. С. 165–176.
5. Вальтер Х. Женщина в русских и немецких сравнениях // Kobieta. Wzwierciadle języka i kultury / pod red. Ally Archhangelskiej i Mirosławy Hordy. Szczecin, 2017. С. 19–35.
6. Сереброва Г.А. Образ женщины во фразеологизмах русского и английского языков // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1.
7. Pascual López, X. El refrán como producto lingüístico-cultural // Lingüística española en Polonia: Líneas de investigación. Janusz Pawlik & Jerzy Szałek (eds.). Colección Filología Románica. № 51. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu), 2014. P. 169–178.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 р.
9. Forcat Berdet, E. Cultura popular y cultura material: el refranero // Paremia. 1993. Vol. 1. P. 35–44.
10. Conca M. Paremiología. Valencia : Universitat de Valencia, 1987. 112 p.
11. Vila Rubio M. N. El refrán: Un artefacto cultural // Revista de Dialectología y Tradiciones Populares. 1990. № 45. P. 211–224.
12. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. : Рус. яз., 1990. 247 с.
13. Delicado A. Adágios portuguezes reduzidos a lugares communs. Lisboa : Officina de Domingos Lopes Rosa, 1651. 268 p.
14. Rolland F. Adagios, proverbios, riscões e anexins da lingua portugueza, tirados dos melhores authores nacionaes, e recopilados por ordem alfabetica por F.R.L.E.L. Lisboa : Typographia Rollandiana, 1780. 144 p.
15. Lima F. Adagiário Português. Lisboa : Fundação Nacional para a Alegria no Trabalho, 1963. 183 p.
16. Carrusca M.S. Vozes da Sabedoria. 3 vols. Lisboa : União gráfica, 1974. Vol. 1. 354 p.; Vol. 2. 359 p.; 1977. Vol. 3. 319 p.
17. Gomes M.J. Nova recolha de provérbios e outros lugares comuns portugueses. Lisboa : Afrodite, 1974. 385 p.
18. Machado J.P. O Grande Livro dos Provérbios. Lisboa: Editorial Notícias, 1996. 613 p.
19. Moreira A. Provérbios Portugueses. Lisboa : Ed. Notícias, 1996. 407 p.
20. Costa, J. R. O livro dos provérbios portugueses. Lisboa : Presença, 1999. 551 p.
21. Parente S. O Livro dos Provérbios. Lisboa : Âncora Editora, 2005. 758 p.
22. Бирюх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
23. Даль В.И. (1862). Пословицы русского народа. М., 1994. URL: <http://www.aphorism.ru/dal/>
24. Добропольский Д.О., Карапул Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М. : Поморский и партнёры, 1994. 120 с.
25. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Рус. яз., 2000. 544 с.
26. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа: Большой толковый словарь. 2-е изд., стер. Ростов н/Д : Феникс ; М. : Цитадель-трейд, 2005. 544 с.
27. Зимин В.И. Словарь-Тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : Аст-Пресс, 2005. 729 с.
28. Díaz Ferrero A.M. La mujer en el refranero portugués. Salamanca: Luso-española de ediciones, 2004. 217 p.
29. Pedroso J., Branco P. Mudam-se os tempos, muda-se a família. As mutações do acesso ao direito e à justiça de família e das crianças em Portugal // Revista Crítica de Ciências Sociais. 2008. № 82. P. 53–83.

ANALYSIS OF PROVERBS EXPRESSING A NEGATIVE VIEW OF WOMAN IN THE RUSSIAN AND PORTUGUESE LANGUAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 42–58. DOI: 10.17223/19986645/54/3

Ana María Díaz Ferrero, Enrique Federico Quero Gerville, University of Granada (Granada, Spain). E-mail: anadiaz@ugr.es / efquero@ugr.es

Keywords: woman, negative view, paroemiology, Portuguese, Russian.

The present work focuses on the analysis of the image of Woman in Portuguese and Russian paroemias. As a phenomenon of folk culture, paroemias express the ideals and values of a certain social group or individual consciousness. In addition, they are often instructive or evaluative. For this reason, they are used as directives, pieces of advice or warnings to the listener. In other words, paroemias and above all proverbs are a powerful means of projecting the national world view on the individual consciousness. The motive for this study stems from the authors' view that the comparative analysis of paroemias in two languages, historically isolated from each other, may reveal aspects of the image of Woman reflected by each linguistic culture, and to show similarities and differences in the language tools used for this purpose. For this propose, the authors analyzed Russian and Portuguese sources, including dictionaries and compilations of proverbs and sayings with reference to the related works in Russian and Portuguese. In order to carry out this work, a corpus was compiled of more than 1000 paroemias referring directly to women in the Russian and Portuguese languages (including European Portuguese and Brazilian Portuguese). From this corpus of paroemias, the authors selected those that reflect a negative assessment, resulting in 238 samples in Portuguese and 225 in Russian.

Although most of these expressions are old-fashioned and no longer used in everyday speech, this does not mean that the echoes of such an attitude towards women have faded away in the national consciousness. Without a doubt, these stereotypes are part of history and world view, and are therefore worth noting. Moreover, in order to assess the extent to which negative interpretation of Woman persists in the contemporary traditional proverb culture, the authors used additional sources of information and analyzed some idioms and idiomatic expressions which function in modern colloquial speech and constitute part of the worldwide cultural linguistic fund. The comparative analysis reveals that the image of Woman in paroemias in the two linguistic cultures has many features in common. In both cultures Woman is represented as being of inferior gender compared to Man, and is considered as his possession.

References

1. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2017) Gender dialectology and dictionaries as its source. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 12. pp. 83–105. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/5
2. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: the linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology, RAS.
3. Walter, H. (2004) [The image of a woman in Russian “antiproverbs”]. *Slowo. Tekst. Czas VII. środki nominacji w nowej Europie. Noye sredstva nominatsii v novoy Evrope. Neue Phraseologie im neuen Europa* [New means of nomination in the new Europe]. Proceedings of the VII International Conference. Szczecin. 21–23 November 2003. Szczecin: Greifswald. pp. 327–338.
4. Demeshkina, T.A. (2011) Bazovye kontsepty v traditsionnoy kul'ture i diskursivnykh praktikakh (na materiale russkikh i ital'yanskikh poslovits) [Basic concepts in traditional culture and discursive practices (on the basis of Russian and Italian proverbs)]. In: D'Amelia, A. (ed.) *Bespokoynye muzy: K istorii russko-ital'yanskikh otnosheniy XVIII–XX vv.* [Restless muses: On the history of Russian-Italian relations of the 18th–20th centuries]. Salerno: [s.n.].

5. Walter, H. (2017) Zhenshchina v russkikh i nemetskikh sravneniyakh [A woman in Russian and German comparisons]. In: Archhangelskaja, A. & Horda, M. (eds.) *Kobieta. W zwierciadle języka i kultury* [Woman. In the mirror of language and culture]. Szczecin: Greifswald.
6. Serebrova, G.A. (2007) Obraz zhenshchiny vo frazeologizmakh russkogo i angliyskogo jazykov [The image of a woman in the phraseology of Russian and English]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 1.
7. Pascual, L.X. (2014) El refrán como producto lingüístico-cultural [The saying as a linguistic-cultural product]. In: Pawlik, J. & Szałek, J. (eds.) *Lingüística española en Polonia: Líneas de investigación* [Spanish linguistics in Poland: Research lines]. *Colección Filología Románica*. 51. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu). pp. 169–178.
8. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury.
9. Forbat Berdet, E. (1993) Cultura popular y cultura material: el refranero [Popular culture and material culture: the proverb]. *Paremia*. 1. pp. 35–44.
10. Conca, M. (1987) *Paremiología* [Paremiology]. Valencia: Universitat de Valencia.
11. Vila Rubio, M.N. (1990) El refrán: Un artefacto cultural [The saying: A cultural artifact]. *Revista de Dialectología y Tradiciones Populares*. 45. pp. 211–224.
12. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990) *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: Rus. yaz.
13. Delicado, A. (1651) *Adágios portuguezes reduzidos a lugares communs* [Portuguese adages reduced to common places]. Lisbon: Officina de Domingos Lopes Rosa.
14. Rolland, F. (1780) *Adágios, proverbios, riscões e anexins da lingua portugueza, tirados dos melhores authores nacionaes, e recopilados por ordem alfabetica por F.R.I.L.E.L.* [Adages, proverbs, and anexines of the Portuguese language, drawn from the best national authors, and compiled by alphabetical order by F.R.I.L.E.L.]. Lisbon: Typographia Rollandiana, 144 p.
15. Lima, F. (1963) *Adagiário Português* [Portuguese adages]. Lisbon: Fundação Nacional para a Alegria no Trabalho.
16. Carrusca, M.S. (1977) *Vozes da Sabedoria* [Voices of Wisdom]. In 3 vols. Lisbon: União gráfica.
17. Gomes, M.J. (1974) *Nova recolha de provérbios e outros lugares comuns portugueses* [New collection of proverbs and other Portuguese commonplaces]. Lisbon: Afrodite.
18. Machado, J.P. (1996) *O Grande Livro dos Provérbios* [The Great Book of Proverbs]. Lisbon: Editorial Notícias.
19. Moreira, A. (1996) *Provérbios Portugueses* [Portuguese Proverbs]. Lisbon: Ed. Notícias.
20. Costa, J.R. (1999) *O livro dos provérbios portugueses* [The book of Portuguese proverbs]. Lisbon: Presença.
21. Parente, S. (2005) *O Livro dos Provérbios* [The Book of Proverbs]. Lisbon: Âncora Editora.
22. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (1998) *Slovar' russkoy frazeologii: Istoriko-etimologicheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological reference book]. St. Petersburg: Folio-Press.
23. Dahl, V.I. (1862) *Poslovitsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. [Online] Available from: <http://www.apho-rism.ru/dal/>.
24. Dobrovolskiy, D.O. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Assotsiativnyy frazeologicheskiy slovar' russkogo jazyka* [Associative phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow: Pomovskiy i partnyory.
25. Zhukov, V.P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Rus. yaz.

26. Zimin, V.I. (2005) *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda: Bol'shoy tolkovyy slovar'* [Proverbs and sayings of the Russian people: A big explanatory dictionary]. 2nd ed. Rostov-on-Don: Feniks; Moscow: Tsitadel'-treyd.
27. Zimin, V.I. (2005) *Slovar'-Tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [Dictionary-Thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. Moscow: Ast-Press.
28. Díaz Ferrero, A.M. (2004) *La mujer en el refranero portugués* [The woman in the Portuguese proverb]. Salamanca: Luso-española de ediciones.
29. Pedroso, J. & Branco, P. (2008) Mudam-se os tempos, muda-se a família. As mutações do acesso ao direito e à justiça de família e das crianças em Portugal [The times change, the family changes. Mutations of access to the law and to justice for family and children in Portugal]. *Revista Crítica de Ciências Sociais*. 82. pp. 53–83.

УДК 398.331
DOI: 10.17223/19986645/54/4

Т.А. Золотова, В.А. Поздеев

ПРЕДМЕТНЫЕ РЕАЛИИ КАК ЖАНРОВЫЕ МАРКЕРЫ ПОВОЛЖСКИХ ОБРЯДОВЫХ ТЕКСТОВ («САМОЛЕНА / ПОЗЛАЩЕНА БОРОДА» И «СВИНЫЕ НОЖКИ»)¹

Рассматривается одна из составляющих понятия «концепт текста» – этническая компонента. Анализ текстов обрядовых песен русских и финно-угров Поволжья свидетельствует о регулярном появлении в ряду атрибутивных признаков коляды ее бороды (золотой / позлащенной / шелковой / самоленой). В текстах таусеневых песен обязательны упоминания об обрядовых угощениях в виде свиных ножек. Из двух групп русских текстов – колядных (с мотивом бороды) и таусеневых (с мотивом свиных ножек) особенно популярными в Поволжье являются последние. В результате авторы приходят к выводу, что обрядовые феномены (позлащена / самолена борода и свиные ножки) маркируют для носителей традиций принадлежность текстов к одному из типов обходов домов – рождественских или новогодних.

Ключевые слова: Поволжье, концепт текста, обрядовые песни, предметные реалии, дифференциация.

Исследования локальных традиций не утратили актуальности в настоящее время. Это связано с тем, что они раскрывают механизмы функционирования, инерционные и новационные процессы в этнокультурных традициях у разных этносов. Фольклорный текст во многом обусловлен внелингвистической реальностью, которая является толчком для его порождения. В основании первоначального фольклорного текста лежит «концепт текста», или рефлексивное ментальное образование, возникающее под воздействием экстралингвистической действительности, ситуации, которая в конечном счете определяет функциональные, структурные и семантические особенности текста [1. С. 57]. В сложном по своей природе понятии «концепт текста» важную роль играют и этнические маркеры: языковые, диалектные, фольклорно-этнографические компоненты традиции. Такие элементы действительности способствуют появлению коммуникативной единицы (текста), которая также представляет принадлежность к тому или иному этносу.

В настоящей статье осуществляется попытка показать, как этнические / предметные реалии становятся дифференциирующими показателями традиционных обрядовых текстов.

Поволжские (финно-угорские и русские) обрядовые тексты являются собой целый мир, чрезвычайно динамичный, исполненный разнообразных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00137.

звуков, неожиданных и ярких обрядовых символов. Среди составляющих этого мира особое место занимают реалии, имеющие традиционно устойчивый статус, – ***золотая борода и свиные ножки***.

«Золотая (позлащенная)» / «смоляная (самоленая)» борода – это особым образом приготовленная и украшенная свинья голова; главное блюдо **рождественского** стола у мордвы: сваренную отдельно свиную голову украшают: в рот кладут крашеное яйцо и распаренный березовый прутик с листьями, а под голову – в виде бороды пучок ниток, окрашенных в красный цвет [2. С. 92]. Попытка систематизации воззрений, связанных с использованием ниток в обрядовых практиках финно-угров, осуществлена Н.С. Поповым [3. С. 164]. С их помощью умерший мог, например, обустроить проход над котлом с кипящей смолой (смоляная / самолена борода). Что касается цвета ниток, обычно красного, иногда черного, то он, по мнению ученого, обусловлен символикой солнца – утреннее (красное) и вечернее (черное). Однако более убедительной в данном случае представляется точка зрения Б.А. Успенского, показавшего связи желтого / красного в первую очередь с потусторонним миром [4. С. 60–61].

«Свиные ножки» – основная ритуальная еда Нового года. Обобщая материал по Поволжью, А.Н. Розов отмечал, что в отдельных местах данного региона за «овсеньканье» одаривали круглыми пресными лепешками в виде птиц [5. С. 33]. В Саратовской области такие лепешки назывались «калядашки» [6. С. 36]; в Нижегородской – «кокурки», «клюжечки-кочерюжечки» [7. С. 66]. Без уточнения формы изделия известны в данной области и «козульки», «коньки», «каракульки», «свинки», «коровки», «усеньки» «таусеньки» (в виде кренделей, булочек-витушек) [8. С. 66; 9. С. 148]. Т.М. Аниничева также называет «таусеньки», но иного способа изготовления (в виде баранок), добавляет к ним кусочки курника [10. С. 27]. В Ульяновской области популярны «кокурки» (сушки) и «таусеньки» (орешки из теста). Однако и К.Е. Корепова, и Т.М. Аниничева наряду с изделиями из теста в качестве обрядового угощения уже обязательно называют святочных поросят, кишки (домашняя колбаса из свинины), свиные ножки [8. С. 66; 10. С. 27]. В Татарстане (Тетюшский район) участниками фольклорных экспедиций Московского университета отмечено бытование «таусей» – треугольных пирожков, начиненных кишками. По свидетельству П.В. Шахова (1901 г. р., Тетюшский район, Татарстан), «тауськи» – *пироги с кишками; у кого есть ноги поросячьи – туда же загнут*» [11¹. Тетрадь 14. С. 30]. Можно предположить, что тексты русских колядных и кёлядных песен мордвы с мотивом золотой бороды и его эквивалентами смоляной, посконной и т.п. являются в данном регионе собственно рождественскими. Главное обрядовое угощение колядовщиков под Новый год – свиные ножки, орешки, их обязательное упоминание в песнях праздника тавунсямо мордвы вплоть до XX в., а у русских – в таусеневых песнях, возможно, также составляет их исконную черту. Другими словами,

¹ На первом месте год записи, далее номер тетради и номер текста.

колядки в Поволжье исполнялись на Рождество и в них обязательным был мотив бороды; таусени – на Новый год, соответственно главный их мотив – свиные ножки.

Подтверждается ли данное положение материалом?

В первую очередь обратим внимание на ряд сюжетов, в которых термины «коляды», «овсень», «таусень» взаимозаменяемы. К ним относятся тексты, объединенные мотивами поисков **Коляды / Овсения / Таусеня** (*Мы ходили, / Мы искали, / По проулочкам, / Закоулочкам*) и мощения мостов (*Ехали бояры, / Сосенку сломали, / Мосты настилали*). Первый из них зафиксирован на территории Нижегородской, Ульяновской областей, представлен в нескольких разновидностях и в издании И.И. Земцовского [12]. Формула поисков двора в них представляет собой трансформацию широко известного в обрядах обходов славян мотива *прихода издалека*. При этом в поволжских текстах она крайне редко бывает развернутой, выражена традиционными словосочетаниями типа «мы ходили, мы искали», «ходил-походил» и некоторых других. Искомый двор, как правило, оказывается огороженным железным тыном, в центре его (в нескольких текстах) – «трава шелковая», но чаще – три терема:

*В одном терему –
Светит месяц,
В другом терему –
Ясно солнце,
В третьем терему –
Часты звездочки.*

Большинство вариантов подобной формулой и заканчивается. Лишь в отдельных текстах представлена и вторая часть известного художественного уподобления. Второй сюжет **«мосты мостили...»** зафиксирован на территории Владимирской, Нижегородской, Саратовской и Ульяновской областей. В рамках его закличка праздника (*Бай авсень! Овсей! Таусень! Таузи! Коляда!*) соединяется с формулой описания сосны:

*В бору, в бору
Там стояла сосна,
Всего вышеине,
Всего зеленее.*

Далее появляются бояры / ребята / братья / братцы-миряне / сам Овсей и, наконец, колядовщики, действия которых однотипны:

*Сосенку сломали,
Мостик настилали,
Гвоздем прибивали.*

При помощи вопросительной конструкции: «*Кому этот мост-от?*» или «*Кому этом мостом ехати*» вводится основная формула, содержащая сообщение о торжественном въезде «трех святителей» (Рождества Христова, Крещенья, Василия Кесаринского), реже – «Петра, Василия, Овсения

и Нового года». Лишь в одном варианте дается сниженный образ Василия, которого «вожжают гузенной кишкой» и «погоняют цуцким поросенком» [12. С. 74]. Завершаются варианты данной группы обычно благопожеланиями приплода скота и птицы:

*Туши да уши,
Поросят да гусят,
Девяноста уят.*

За исключением этих двух сюжетов имеющиеся в нашем распоряжении тексты в целом свидетельствуют о регулярном появлении в ряду атрибутивных признаков коляды ее бороды: *Коляда, колядка, / Посконна борода, / Самолена борода, / Смолена борода, / Шелкова борода, / Позлащена борода, / Золотая борода* [13¹. Ф. 17, 26. Оп. 4, 5. № 372; Ф. 4. Оп. 4. № 54, 440; 1, 4. № 13; Ф. 6. Оп. 4. № 269; Ф. 23. Оп. 4. № 119]. Такие же атрибутивные признаки представлены в «Традиционных обрядах и обрядовом фольклоре русских Поволжья» [14]. В текстах таусеневых песен обязательны упоминания об обрядовых угощениях в виде свиных ножек:

*Пышки-лепешки,
Свиные ножки
В печи сидели,
На нас летели*

[14. С. 12; 19. С. 32; 20. Ф. 5. Оп. 4. № 281; Ф. 4. Оп. 4. № 448, 474; Ф. 4. Оп. 23. № 132 (б)]. Из двух групп русских текстов – колядных (с мотивом бороды) и таусеневых (с мотивом свиных ножек) особенно популярными в Поволжье являются последние, а среди них – песни-просьбы об угощении. Они одновременно демонстрируют модель текстопорождения, непосредственно связанную с архаической мифологией и ритуально-мифологической практикой [15]. Указанная выше формула («Пышки-лепешки, / Свиные ножки...»), отличаясь поразительной стабильностью (название обрядовых угощений + метафорическое описание процесса их изготовления: «в печи сидели, на нас глядели»), извлекает из сюжетного континуума календарно-обрядового фольклора строго определенные содержательные и формальные мотивы и стилистические клише. Она, как правило, соединяется с закличкой праздника, может быть усиlena вопросами и повелительными восклицаниями, что влечет за собой включение в ее состав просьб о вознаграждении. Как таковых благопожеланий в такого рода текстах сохранено немного, но достаточно четко прослеживается связь одаривания и богатого урожая, одаривания и возможности иметь здоровое потомство, одаривания и поддержки представителей иного мира, одаривания иуважения окружающих. Встречаются и разнообразные угрозы (увести со двора скотину, разорить жилище и даже погубить самих хозяев). Устойчивой является просьба одарить коньком, в противном случае раздавались угрозы

¹ № фонда. № описи. № текста.

лишить возможности продолжения рода. Органичными для таусеневых песен являются мотивы сокола (петушка), обращения птицы к бабушке, занятой изготовлением ритуальной пищи для гостей. Появляется и некая девица. Уже к ней обращается соколок с просьбой об обрядовом подаянии. Отказы девицы осмысляются исполнителями либо отсутствием времени в связи с подготовкой к свадьбе («*Недосуг подавать: / Пойду шубку шить, / Ожерелье низать...*»), либо в категориях перевернутого мира («*Недосуг подавать: / Я к обедне спешу, / Косырем лапшу крошу, / В решете воду ношу...*»). Зачастую приготовленное для обходчиков угощение утаскивает кошка: «*Поросячы ножки / лежали на окошке, / Утащили кошки...*»). Упоминаются такие локативы, как печь, окно, сени / мост. На временной аспект указывают закличка таусеня, предваряющие текст комментарии исполнителей и отдельные временные привязки типа «Я к обеденке спешу». Любопытно, что многие из перечисленных «странныстей» таусеневых песен русских находят объяснение в мордовских песнях-таунсях, дающих довольно полное представление о последовательности действий хозяев и гостей: напоминают первым о необходимости изготовления обрядовой пищи, дают ее перечень, называют главных исполнителей обряда, воспроизводят обстановку иного мира, в форме обрядовых диалогов реализуют идею обмена (гости требуют обрядовой еды и сообщают о будущем (поражающем воображение) урожае и приплоде скота, рождении детей и пр. [12].

В фольклорной коммуникации, которая, на наш взгляд, наглядно отражает речемыслительные процессы во время исполнения фольклорного текста, роль предтекстов (образы восприятия или предметно-изобразительный код) выполняют своеобразные следы опыта, которые возникают в результате отражения внешней действительности. Это могли быть образы вещей и других предметов, а также тех ситуаций, в которые попадали сами, или о которых знали авторы / исполнители. Психологи показали, что как только мысль переработана в форму натурального языка, то кодовый мыслительный прием может быть забыт. Таким образом, перед автором / исполнителем обрядовых текстов и действий возникают два плана: первый – образ ситуации (стереотипный опыт других или самого автора), второй план – «клише» текста о ситуации. Для представителей национальных культур и языка должны быть известны такие «клише», в которых отразились стереотипное восприятие персонажей и предметный код.

Таким образом, вышеназванные обрядовые феномены (**позлащеніа / самолена борода и свиные ножки**) маркируют для носителей традиций принадлежность текстов к одному из типов обходов домов (рождественских или новогодних), различающихся как по смыслу, так и по характеру включенных в орбиту их влияния вербальных формул.

Литература

1. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998 С. 5–7.

2. Мельников С.П. Очерк мордвы. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. 136 с.
3. Попов Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начала XX вв. // Археология и этнография Марийского края. Вып. 5: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981. С. 154–174.
4. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 248 с.
5. Розов А.Н. Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. Т. 1–2.
6. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. 143 с.
7. Библиографический указатель материалов фольклорного архива. Вып. 2, ч. 1: Календарные обряды. Горький : Горьковский госуниверситет, 1982. С. 66–71.
8. Новые поступления в фольклорный архив. 1976–1982. Календарные обряды. Горький : Горьковский госуниверситет, 1982. Ч. 1. С. 110–113.
9. Календарные обряды. 1983–1996 / сост. К.Е. Корепова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 1997. 154 с.
10. Ананичева Т.М. Зимние величально-поздравительные песни с обращениями и рефренами «Таусень» и «Коляда» в русских и мордовских пограничных селах // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. Вып. 60: Вопросы типологии. М., 1982. С. 146–157.
11. Фольклорный архив Московского госуниверситета им. М.В. Ломоносова.
12. Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. Л. : Сов. писатель, 1970. 636 с. (Библиотека поэта).
13. Фольклорный архив Ульяновского гос. пед. университета им. И.Н. Ульянова.
14. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / отв. ред. Б.Н. Путилов. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. 340 с.
15. Гилярова Н. Новогодние поздравительные песни Рязанской области. М. : Сов. композитор, 1985. 44 с.
16. Неклюдов С.Ю. О мифологических моделях в устной традиции. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov79.htm> (дата обращения: 30.04.2017).
17. Золотова Т.А. Таусеневые песни русских Поволжья. Йошкар-Ола : МарГУ, 1987. 206 с.

OBJECT REALITIES AS GENRE INDICATORS OF RITUAL TEXTS IN THE VOLGA REGION (“SAMOLENA/POZLASHCHENA BORODA” AND “SVINYE NOZHKI”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 59–66. DOI: 10.17223/19986645/54/4

Tat'iana A. Zolotova, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Viacheslav A. Pozdeev, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: slavapozd@yandex.ru

Keywords: Volga region, text concept, ritual songs, object realities, differentiation.

This article is focused on one of the important components of the “text concept” notion, which is an ethnic component. The authors focus their attention on Russian and Finno-Ugric ritual texts of the Volga region. The winter calendar ritual poetry of these peoples is represented by a series of door-to-door songs. Within the scope of the Christmas cycle (December, 24 – January, 6 by the Old Style), they were usually performed at night before Christmas (Christmas door-to-door rites) and in the so-called Vasily’s evening (*Vasil’ev vecher*) (New Year homestead-to-homestead rites). These songs may be referred to by various terms depending on the geographical region: Russians call them *koliadkas* (Christmas carols) and *tausens*, while the Mordvins name these songs *keliadnyi* and *tavunsiai*, respectively.

Researchers cannot clearly differentiate these two types of songs from each other. And still, the boundary between them can be drawn on the basis of certain object realities used in the ritual practices of the peoples of the Volga region during the aforementioned calendar period. The authors of the article pay attention to the two images often used in *koliadkas* (*keliadnyi*) and *tausens* (*tavunsiai*): the “gilded beard” (*pozlashchena boroda*) and “pig’s knuckles” (*svinye nozhki*). According to them, these images can be correlated with the food code of the door-to-door rites in Christmas and the new year. The “gilded beard” is a pig head cooked in a special way and decorated with birch branches and red threads. The Mordvins served it for Christmas. As for “pig’s knuckles”, a dish of them – the galantine – has become the main ritual New Year food.

The analysis of the text of the ritual songs shows clearly that the image of Kolyada is often characterized by the presence of the “beard” (*golden/gilded/silk/tarred*). The texts of *tausen* songs contain the mentions of the ritual food in the form of “pig’s knuckles” (*crumpets, flatbread / pig’s knuckles / were sitting in the oven / and looking at us*). Of the two types of Russian text – *koliadkas* containing the mentions of the “beard” and *tausen* containing the mentions of “pig’s knuckles” – the latter is the most popular in the Volga region. The most wide-spread type of these songs is treat requests. They demonstrate text-creation connected simultaneously with the archaic mythology and the ritual mythological practices. The above-mentioned formula (“*crumpets, flatbread / pig’s knuckles*”) is characterized by the striking stability (the name of the ritual food + the description of its cooking). It reveals strictly determined semantic and formal motives and stylistic clichés from the plot continuum of the calendar ritual folklore.

The authors come to a conclusion that the above-mentioned phenomena (*golden/tarred beard* and *pig’s knuckles*) mark the texts’ belonging to one of the types of door-to-door rites (Christmas or New Year) differentiating from each other both in the meaning and in the character of the verbal formulae included into their influence area.

References

1. Krasnykh, V.V. (1998) *Ot kontsepta k tekstu i obratno (k voprosu o psikholingvistike teksta)* [From concept to text and back (to the question of the psycholinguistics of the text)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 1. pp. 5–7.
2. Mel’nikov, S.P. (1981) *Ocherk mordvy* [Essay on the Mordovians]. Saransk: Mordov. kn. izd.-vo.
3. Popov, N.S. (1981) *Pogrebal’nyy obryad mariytsev v XIX – nachale XX vv.* [Burial rite of the Mari in the 19th – early 20th centuries]. *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya*. 5. pp. 154–174.
4. Uspenskiy, B.A. (1982) *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskih drevnostey* [Philological research in the field of Slavic antiquities]. Moscow: Moscow State University.
5. Rozov, A.N. (1978) *Pesni russikh zimnikh kalendarnykh prazdnikov: Problemy klassifikatsii kolyadok* [Songs of Russian winter calendar holidays: Problems of the classification of carols]. Philology Cand. Diss. Vols 1–2. Leningrad.
6. Propp, V.Ya. (1969) *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian agrarian holidays]. Leningrad: Leningrad State University.
7. Gorky State University. (1982) *Bibliograficheskiy ukazatel’ materialov fol’klornogo arhiva* [Bibliographic index of the materials of the folklore archive]. Is. 2. Pt. I. Gorky: Gorky State University. pp. 66–71.
8. Gorky State University. (1982) *Novye postupleniya v fol’klornyy arxiv. 1976–1982. Kalendarnye obryady* [New units for the folklore archive. 1976–1982. Calendar rites]. Pt. I. Gorky: Gorky State University. pp. 110–113.
9. Korepova, K.E. & Shevarenkova, Yu.M. (eds.) (1997) *Kalendarnye obryady. 1983–1996* [Calendar rites. 1983–1996]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.

10. Ananicheva, T.M. (1982) Zimnie velichal'no-pozdravitel'nye pesni s obrashcheniyami i refrenami "Tausen" i "Kolyada" v russkih i mordovskikh pogranichnykh selakh [Winter praising congratulatory songs with addresses and refrains "Tausen" and "Koliada" in Russian and Mordovian border villages]. *Traditsionnoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo i sovremennost'*. 60, pp. 146–157.
11. Folklore archive of Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
12. Zemtsovskiy, I.I. (ed.) (1970) *Poeziya krest'yanskikh prazdnikov* [Poetry of peasant holidays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
13. Folklore archive of Ulyanovsk State Pedagogical University.
14. Putilov, B.N. (ed.) (1965) *Tradisionnye obryady i obryadovyy fol'klor russkih Povolzh'ya* [Traditional rituals and ritual folklore of the Russians of the Volga region]. Leningrad: Nauka.
15. Gilyarova, N. (1985) *Novogodnie pozdravitel'nye pesni Ryazanskoy oblasti* [New Year's Greeting Songs of Ryazan Oblast]. Moscow: Sov. kompozitor.
16. Neklyudov, S.Yu. (2013) *O mifologicheskikh modelyah v ustnoy traditsii* [On mythological models in the oral tradition]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov79.htm>. (Accessed: 30.04.2017).
17. Zolotova, T.A. (1987) *Tausenevyye pesni russkikh Povolzh'ya* [Tausen songs of the Russians of the Volga region]. Yoshkar-Ola: Mari State University.

УДК 811.161.1'28
DOI: 10.17223/19986645/54/5

Г.В. Калиткина

«НЕТ, Я НЕ ВРУ...» vs «НЕТ, ВРУЯ...». ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПРЕДИКАТОВ ПРОФАННОЙ РЕЧИ

Проанализированы цели, условия и сфера автореферентного употребления в «низких» текстах диалектного дискурса многочисленных общерусских, просторечно-диалектных и собственно дисалектных предикатов лжи и болтовни. Выявлены причины преобладания выражаемой ими этической или истинностной оценки речеповеденческого акта. Вскрыта связь данных оценок с яркой «словоцентричностью» русской культуры.

Ключевые слова: традиционная культура, диалект, речеповеденческий предикат, профанская речь, перформатив.

1. Homo loquens. Человек, будучи существом говорящим¹, сопровождает речью все акты интеракции, и вполне очевидно, что подлинное взаимодействие между людьми без речи вообще невозможно. Однако доля речевого компонента в структуре той или иной деятельности регулируется национально-культурными нормами. Впервые, видимо, внимание к этому привлек в 1952 г. К. Леви-Стросс: «Во время дискуссий ни разу не рассматривалась проблема конкретного отношения какой-либо культуры к ее языку. В качестве примера обратимся к нашей цивилизации, где речью пользуются, так сказать, неумеренно: мы говорим кстати и некстати, нам достаточно любого повода, чтобы выражать свои мысли, задавать вопросы, комментировать… Это злоупотребление языком совсем не универсально,

¹ Большинству этнических культур известна глубоко архаичная оппозиция тишины (молчания) и звука (речи), которые выступают в качестве атрибутов соответственно мира чужого, нечеловеческого, мертвого и присвоенного, человеческого, живого. Многие создаваемые человеком звуки и шумы имеют функции символов, и особенно сильно семиотически нагружены элементы «голосового поведения» [1] (см. также работы А.К. Байбурина, С.Е. Никитиной). Оппозиция «речь / молчание» важна для самых разных ритуальных практик: это и необходимые речевые компоненты обряда, и запрет на его звуковое сопровождение (вплоть до полной тишины), и запрет отзываться на звучание во время тех или иных магических действий: *А можно и так вылечить. Я-то не знаю [точно]. Молчанну воду [для этого надо взять]. Молчать надо. Сходить на реку и процедить от на пороге и этим умывать. И она не будет тосковать. Молча чтобы. Ни с кем, ни с кем не говорит. И так пройти, вот так. Человек скажет [что-нибудь], что попадёт стречуто, а ей молчать надо. Вот это молчанна вода. Дак молчанну воду можно попозже привести.* (Без указания локалов приводятся текстовые примеры, взятые из Среднеобского диалектного архива Томского государственного университета (1947–2016 гг.), остальные снабжаются указанием на ареал функционирования говора). Ср. еще один текст: *Собирать-то её [лекарственную траву] далёко от деревни, чтоб петухи не опевали [не лишили силы своим пением], тогда она толькъ поможет* (среднеурал.).

оно встречается не так уж и часто. Большинство культур, называемых нами первобытными, часто пользуется языком весьма бережливо. Там не говорят где попало и о чем попало. Словесные выражения там часто ограничены предусмотренными обстоятельствами, вне которых к словам относятся экономно» [2. С. 64]. Глава структурализма, как видим, поставил вопрос в диахроническом ключе, сравнивая стадиально различающиеся культуры, но и на синхронном срезе подобные отличия оказываются существенными, о чем позже писал Д.Х. Хаймс [3].

Вместе с тем следует учитывать, что на национально-культурных нормах речевого поведения сказываются и конфессиональные постулаты. Т.И. Вендина [4] настаивает на том, что русская элитарная культура и народная традиция, т.е. отечественная культура, взятая как универсум, формировалась не просто под влиянием христианской этики Средневековья, но конкретно кирилло-мефодиевского наследия. На этом же основании В.Н. Топоров [5] отмечает «словоцентричность»¹ славянского мира Средневековья, который, впрочем, не был абсолютно монолитным, и Н.Б. Мечковская [6] противопоставляет «словоцентричности» русских «недоверие или равнодушие к слову» белорусов.

С другой стороны, в восточнославянском ареале столетиями ощущались отголоски исканий и учений раннехристианских гностиков и мистиков, была воспринята духовная практика исихазма. «Византийские, афонские и киеворусские исихасты отказом от говорения, речения, «слова будничного» аскетически и эстетически приближались к сакральному содержанию тишины, молчанию, внутреннему постижению Слова Божьего. Ведь произнесенное слово теряет свое метафизическое содержание, становится пустой звуковой оболочкой – *мысль изреченная есть ложь*» [7. С. 120]². В послевизантийский период исихазм стал феноменом культуры

¹ «Культуры соответствующего типа <...> ставят в своем начале Слово как высшую реальность данного модуса существования, поскольку оно, облекаясь плотью, воплощается в «разыгрываемом» им мире», – пишет В.Н. Топоров [5. С. 5]. Симптоматична рецепция древнерусским языком греческих калек: *'ἀλογία → безсловесие 'неразумие, безрассудство'*, *'ἀλόγως → безсловесно 'неразумно, бессмысленно'*, *'ἄλογον → безсловесный 'неразумный, бессмысленный'*. Ср. уже русские переводы данных церковнославянismов: *Ω немже извѣстное что господину не имамъ: тѣмже и приведохъ его пред васъ, наипаче же пред тя, Агриппо царю, яко да разсуждению бывшу имамъ что писати: Безсловесно бо мнится ми, посылающу юзника, а вины, яже нань, не сказать* (Деян., 25, 26–27). В Синодальном переводе (1862) для *безсловесно* выбрано наречие *нерассудительно*. Конструкция из 1-й песни Великого канона Андрея Критского (вторая половина VII в. – начало VIII в.) *Окаянная душа <...> останися прочее преждняго безсловесія* разными переводчиками передается как *воздержись от прежнего бессловесия / безрассудства / неразумия / безумия*.

² Ср. Пандекты Никона Черногорца (1296 г.): *Ихъ же житъе есть безмолъво. И что иже сочтавшияся Богу. Яремъ мнишъскыи взяти. И сѣсти единому и мольчати* (СДЯ. С. 127). В тексте Нового Завета прямо сформулировано и отношение к профанному слову (*Не входящее во оуста сквернить человѣка: но исходящее изо оустъ, то сквернить человѣка* (Мф., 15, 11); *Глю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще речуть человѣцы, воздадять о немъ слово въ день судный: От словесъ бо своихъ оправои-*

как таковой – не только тех ее форм, которые принципиально не существуют без вербальной речи, как философия, литература, но и тех, которые опираются на несловесные коды, – живопись, архитектура [7]. Носители традиционной культуры в бесчисленных селах и деревнях России не были знакомы с догматами и принципами исихазма, разделяемыми в Оптиной Пустыни, Сарове, на Валааме, но основные конфессиональные тексты, бесспорно, были известны и неграмотным людям.

Так, например, в **повседневном** исповедании грехов¹ после общей формулы: *Исповѣдаю <...> вся моя грѣхи, яже содѣяхъ во вся дни живота моего, и на всякий часъ, и въ настоящее время, и въ прешедшия дни и нощи, дѣломъ, словомъ, помышлениемъ...* – перечисляются 23 вида прегрешений. Из них 5, трактуемы как грехи против ближнего и против себя самого, прямо связаны с речевым поведением. Это «празднословие», а также «прекословие», «оклеветание», «осуждение», «неправдоглаголание». Таким образом, под категорию греха подведены лживая, пустая и неуместная речи.

Если исходить из аксиомы, что лексически типизируются в первую очередь отступления от всех норм и идеалов – от уровня телесного, плотского до уровня душевного и духовного, то показателен набор концептов русской лингвокультуры с именем «слово»: БЛАГОСЛОВЕНИЮ противостоят БАСНОСЛОВИЕ, ГОЛОСЛОВИЕ, ЗЛОСЛОВИЕ, МНОГОСЛОВИЕ², ПРАЗДНОСЛОВИЕ, ПРЕКОСЛОВИЕ, ПУСТОСЛОВИЕ, СКВЕРНОСЛОВИЕ, СЛАВОСЛОВИЕ³, СРАМОСЛОВИЕ, СУЕСЛОВИЕ⁴, а так-

*шия и от словесъ своихъ осудишися. (Мф., 12, 36–37); Аще кто въ словѣ не согрѣшасть, сей совершень мужъ, силенъ обуздати и все тѣло. (Иак., 3, 2); Молящеся же не лише глаголите, яко же язычницы: мнятъ бо, яко во многоглаголії своемъ оуслышани будуть (Мф., 6, 7)), и отношение к слову сакральному (*Аще вы пребудете во словеси Мое, воистину очицы Мои будете* (Ин., 8, 31); *Отметаясь Мене и не приемляй глаголь Моихъ имать судящаго ему: слово, еже глахъ, то судить ему въ послѣдній день* (Ин., 12, 48); Всяко даяніе бѣго и всякъ дарь совершень свыше есть, сходи от Оца свѣтловъ <...>. Восхотѣвъ бо породи нась словомъ истины, во еже бытии намъ начатокъ нѣкій созданій Еѡ (Иак., 1, 17–18); Порождени не отъ сѣмене истилнна, но неистилнна, словомъ живаго Бга и пребывающа во вѣки (1 Пет., 1, 22)). Вторую семантическую линию поддерживает еще одна греческая традиция: Слово – обозначение Бога (второй ипостаси Троицы – Бога Слова, воплощенной в Христе). Так, ЛСВ Слово ‘о Христѣ’ фиксируется не только в САР (1789–1794), но и спустя век в словаре В.И. Даля (1880–1882): «В Евангл. tolкуется ‘Сын Божий; истина; премудрость и сила’».*

¹ Грех, с точки зрения православной церкви, – это деяние, недостойное христианина, некая болезнь души. Строгой классификации грехов в православии нет.

² МАС дает другое имя этого концепта – МНОГОРЕЧИВОСТЬ, а РСС – МНОГОГЛАГОЛАНИЕ с пометами «кустар.», «ирон.», РАЗГЛАГОЛЬСТВОВАНИЕ с пометами «разг.», «неодобр.».

³ За исключением ЛСВ, который в терминосистеме православия обозначает высшую форму молитвы.

⁴ Функциональную нагруженность данной деривационной модели в целом ярко раскрывает вокабул ПУСТОСЛОВИЕ из СРЯ: *Ниединоя истиннныя рѣчи иматъ> отъ звѣздословия и поустоиннословия [вар. по семи спп. XV–XVIII вв. ‘пустословия’] (ματαιολογίας) и отъ> баснънословия твоегъ> (τὸ... μιθολόγημα) Хрон. Г. Амарт., 83.*

же СЛОВОБЛУДИЕ¹, СЛОВОИЗВЕРЖЕНИЕ, СЛОВОПРЕНИЕ и СЛОВЕСА². (Ср. нейтральность не столь многочисленных научных понятий типа *богословие, послесловие, предисловие, сословие*, а также *словоизменение, словообразование, словосочетание, словоупотребление, словоформа*). «Это восприятие вошло в плоть и кровь русской культуры, превратилось в ее повседневный компонент, определяющий ее жизнь», — полагает Т.И. Вендина [4. С. 39]. Справедливость такого вывода не раз подтверждалась «высокие тексты» национальной литературы. Например, оно преломилось в каждом известном из школьной программы пушкинском противопоставлении *грешного языка, и празднословного, и лукавого, языку, предназначенному пророку, чтобы жечь глаголом сердца*. Отзываются ли, отсвечивают ли эти этические постулаты в «низких текстах», порождаемых в повседневной жизни носителями традиционной [речевой] культуры, социальную базу которой всегда представляло крестьянство?

2. Коммуникативная этика. Речевые нормы, свойственные диалектным коллективам, или «языковым сообществам» (по Л. Вайсгерберу)³, описаны О.Ю. Крючковой, Р.Ф. Пауфошими, С.Е. Никитиной, Е.В. Иванцовой, Р.Н. Порядиной и др. Однако прежде всего следует назвать работы В.Е. Гольдина, предложившего сам термин «традиционная сельская культура речевого общения» и обратившегося к «месту речи в составе деятельности и характеру рефлексии диалектоносителя над речью» [8]. Основные положения, развиваемые В.Е. Гольдиным, кратко можно передать следующим образом. «Злоупотребление языком» (в терминах К. Леви-Страсса) у носителей традиционной культуры ограничено рядом установок:

(1) знания, сформированные непосредственной предметно-практической деятельностью, считаются более достоверными и важными, чем полученные в дискурсивной практике (исключая фольклорные и сакральные тексты)⁴;

XIII–XIV. Пустословлю, -ие (*βαττολογέ*). Влх. Словарь, 101. XVIII в. [СРЯ, также см. СДЯ вocabula БАСЬНОСЛОВИЕ].

¹ Второе имя концепта ЯЗЫКОБЛУДИЕ при отсутствии в МАС зафиксировано в ОСРЯ и Д.

² РСС дает значение ‘многословная и бессодержательная речь’ с пометами ‘устар.’, ‘ирон.’ и помещает связанное выражение НЕДЕРЖАНИЕ СЛОВЕС ‘неудержимое многословие’ с пометой ‘ирон.’

³ Этикет регламентирует разные стороны коммуникативного акта, начиная с круга допустимых собеседников (*Только увидела, так и заговорила. А это нельзя. Надо только со знакомыми разговаривать*) до способов апелляции к ним (*Я их навеличивала [называла по имени и отчеству], и пускай меня навеличивают*) и тактик развертывания темы (*Поговорят про чё-нибудь. Всё наплетут. Сперва же сыздали, не сразу, а помаленьку; Всем, старуха, я тебя когда хвалю, придавивать надо*) и речевых жанров (*За здешнего выходила, сватали меня, сватали. По-простому и рассказать надо*).

⁴ *От боталы ничё доброго не познешь* (забайк.); *От такой барабанщ ничего путного не узнаешь* (владимир.). *От набрёханного [научившегося складно говорить] человека правды не жди* (сарат.).

(2) плоды стереотипного жизненного опыта не требуют развернутого речевого выражения¹;

(3) правдивость (искренность) нуждается в постоянной декларации, в специальных показателях данной речевой стратегии² [10].

Вместе с тем представляется, что последний тезис требует некоторой оговорки. В русской традиционной культуре, конечно же, действует наднациональный общетеатический запрет на сознательное говорение неправды. Вместе с тем ее установки, дискурсивно развернутые в паремиях, амбивалентны, а иногда асимметричны (*Было бы кому врать, а слушать станут; Не хочешь слушать, как люди врут, ври сам; Люди врут – только спотычка берет, а мы врем, что и не перелезешь; Что меньше врется, то спокойней живется; Вранье не введет в добро; И враньем люди живут да еще не ухвалятся*).

Нормативные ориентиры крестьянского сообщества далеко не во всех ситуациях приветствуют выражение, обнародование что называется «в глаза» своих сомнений в правдивости информации собеседника. Показательны записи, сделанные диалектологами задолго до работ Дж. Лича и Г.П. Грайса, в которых информанты фактически формулируют максиму согласия (*Придакивать должны. Тот плохой человек, который не придачиват... Придачивай, хто и врёт* (с. Трубачево Шегарского р-на Томской обл. в 1958 г.) и максиму качества и релевантности информации (*Буробить лишино я не могу, а правду и по делу говорить люблю* (с. Рыбалово Кривошеинского р-на Томской обл., 1959 г.).

Однако конвенции и нормы той или иной культуры относительно вербального поведения бытуют не только в дискурсивном развертывании³, они предсказуемо «закодированы» в глаголах, именах и сверхслововых единицах (перифразах), обозначающих речевую деятельность в целом и отдельные речевые акты, как, например, *придакивать* и *болтать* в приведенных выше примерах. Такие лексемы-дескрипции разных аспектов вер-

¹ В псковских говорах функционирует фразеологизм, включающий дериват глагола *баяти*, – *и бай сломан* (*сломался*) со значением ‘нечего и говорить’ (К). Данная норма, впрочем, имеет свои отголоски и в иных дискурсивных практиках начиная от пушкинского *К чему рассказывать, мой сын, чего пересказать нет силы?* – до положения из 7-го раздела «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» [9. С. 73].

² В целом это противоречит заповеди, неоднократно сформулированной в текстах Нового Завета: *Паки слышасте, яко рѣчено бысть древнимъ: не во лжсу кленешися, воздаси же Гсдви клятвы твоя. Азъ же глю вамъ не клятися всяко <...> Буди же слово ваше: ей, ей, ни, ни: лишие же сего от непрѣязни есть* (Мф., 5, 33, 34, 37); *Прежде же всѣхъ, братіе моя, не кленитеся ни нбомъ, ни землею, ни иною коею клятвою: буди же вамъ еже ей, ей, и еже ни, ни: да не въ лицемѣріе впадете* (Иак., 5, 12).

³ Этику ответственности, сопряженную с речевым поведением в сфере современно-го научного дискурса, в 2014 г. постулирует Л.О. Чернейко, рассматривая примеры извинений по поводу речи (метаизвинений) [11]. Но этот аспект разработан и в диалектной культуре: *Бахало и есь бахало, я сижу с сусѣдкой разговариваю, а он: «Хватит болтать». Мне-ка неудобно за его стало* (тюмен.).

бальной передачи информации группируются исследователями по некоторым основаниям ([12–14]; см. также (ТСРГ)).

3. Предикаты профанной речи. Данная статья сосредоточена на сегменте глагольной лексики, который представлен агентивными (поведенческими) предикатами речи, сопряженными с этическими моментами¹. Н.Б. Мечковская встраивает их в очень широкое понятие «метаязыковые глаголы, обозначающие процессы устного общения» [12]. Для учета деятельностиного фона в 1992 г. предложила свои термины Н.Д. Арутюнова – речеповеденческие предикаты, которые «характеризуют и содержание высказывания со стороны его истинности, и говорящее лицо со стороны совершенного им действия» [15. С. 588]. В более поздней ее работе добавлен важный для нас тезис: «Истинностная оценка выражается преимущественно грамматически (модальностью), этическая – лексически» [16. С. 572].

В древне- и старорусских памятниках, т.е. в «высоких текстах», речевые акты, обозначенные глаголами говорения² по параметру истинности, могли маркироваться несколькими способами. На лексическом уровне «раздельнооформленно» данную характеристику эксплицировали существительные в В.п. в функции дополнения *правда, истина, лжса / ложь, неправда*, а также наречия *право, неправо, истинно, лестно, по криву, хульно* и т.д. Аналогично обозначались бессмысленность, пустота или же непотребность сказанного [18], вновь подпадающие под негативную этическую оценку. Кроме того, в этот период функционировали калькированные композиты с прозрачной внутренней формой, которые характеризовали содержательную сторону передаваемой информации и отчасти ее количество (*велерѣчествовати, велерѣчевати, ‘хулить, поносить’, ‘хвастаться’, велерѣчить ‘говорить много и красиво’, ‘пустословить’, великорѣчевати*³ ‘быть многоречивым’, *злорѣчити, злословити, злословесити, злословесовать, злоязычествовать* ‘злословить, клеветать’ [18], *пусторѣчити ‘вести пустые разговоры’, пустословити ‘пустословить’, пустоин словити ‘говорить пустое, празднословить’* [СРЯ]). К настоящему времени они, за исключением *злословить*, в русском языке устарели.

Что касается профанной устной речевой коммуникации (за пределами фольклорного и обрядового дискурса), которая заполняет пространство

¹ Все прочие глаголы, обозначающие артикуляционные особенности говорения типа *басить, бубнить, шепелявить* или эмоциональные состояния говорящего типа *брязкать, бурчать, цедить*, остаются за рамками исследования.

² «Основных» глаголов *dicendi* в славянских языках насчитывается не более десятка. Все они принадлежат к древнейшему праславянскому фонду <...>. Показательно, что большинство этих глаголов являются деноминативными, и, следовательно, столь важное отличительное свойство человека, как способность говорить, и сама «деятельность» говорения не имели в праславянском собственного обозначения, кроме **rekti* [17. С. 173]. В древнерусских и старорусских письменных памятниках зафиксированы глаголы речи *бесѣдовати, глаголати, говорити, казати, молвити, повѣдати, повѣсти-ти, речи / реци, съказати* [18], а также содержащие отсылку к речевому жанру *отвѣщати, проповѣдати, славити, ругатися, оукорити* [19].

³ Данный глагол в [18] не рассматривается, его приводит СДЯ.

повседневности, сопровождает обыденную жизнь, порождая «низкие» тексты, то ее веками обслуживали и отчасти продолжают обслуживать и сегодня бесчисленные говоры русского языка. Хотя для них характерны иные предикаты речи, вполне очевидно, что «речеповеденческие» глаголы находятся в зоне «актуального внимания», в «фокусе» традиционной культуры. Доказательством выступает высокая номинативная плотность этого участка лексической системы в любом говоре¹.

Выборка основного материала исследования сделана из 2-го (*Б – Блазниться*) и 3-го (*Блазнишка – Бяшутка*) томов сводного СРНГ. Она дополнена данными Среднеобского диалектного архива и материалами, введенными в научный оборот указанной в статье литературой и рядом региональных словарей. Опираясь на тезис С.М. Толстой об «общей когнитивной (смысловой в широком понимании) основе диалектов одного языка»² [20. С. 115], мы получаем открытую лексическую группировку, образованную (а) общерусскими глаголами, (б) территориально ограниченными глагольными единицами русских народных говоров, а также (в) функционирующими в них диалектно-просторечными глаголами.

Она представляет собой презентативный для решения поставленной задачи, хотя и искусственно ограниченный алфавитным порядком пласт предикатов, объединенных интегральной семой ‘говорить’, ‘сообщать что-либо (сведения, мысли и т.д.) посредством речи’ и семой адресативности [13] (подчеркнем, что для многих глаголов характерны и экспрессивно-оценочные семы). Дифференцированы данные единицы разноуровневыми семантическими компонентами, отражающими оцениваемое с точки зрения морали содержание и качество информации. Основания их классификации в целом можно свести к двум оппозициям: «соответствие / несоответствие сообщаемого действительности» и «содержательность / бессодержательность сообщаемого».

Указанные параметры противопоставления выделены с опорой на дефиниции региональных диалектных словарей, фиксирующих состояние русских говоров преимущественно во второй половине прошлого столетия, и сводного СРНГ. Последний опирается на широкий круг источников сер. XIX–XX в. Часть помещенных в него материалов была уже осмыслена и описана лексикографами, другая выбрана из первичных записей живой диалектной речи, которые сделаны весьма различающимися по профессиональным навыкам собирателями. В результате авторский коллектив СРНГ признал, что «во многих случаях трудно определить, имеем ли мы дело с оттенками значения или же наблюдатели по-разному сформулировали од-

¹ См. вышедшие в последние годы работы Л.А. Ивашко, Т.И. Вендиной, Ю.А. Бессоновой, Н.И. Ершовой, Н.Ю. Баженова, Ж.К. Гапоновой, Ю.А. Ермолаевой и М.А. Короткевич, О.А. Чупряковой и С.С. Сафоновой и др.

² Аналогичную точку зрения исповедует и авторский коллектив СРНГ: «Объединение в одной словарной статье разрозненных по разным говорам значений диалектного слова оправдывается единством происхождения этих значений и развитием их в рамках общей системы русского языка» [СРНГ. Т. 1. С. 12].

но и то же значение. Нередко также в источниках оттенки значения отделяются друг от друга нечетко <...> нет уверенности в том, что за разными формулировками определения значений не скрываются реально существующие значения или их оттенки» [СРНГ. Т. 1. С. 13]. При этом способы семантизации лексем в СРНГ оказываются довольно разнородными, что будет показано дальше.

4. Оппозиты по достоверности. Итак, самую малочисленную из полученных нами групп создают глаголы, у которых в толковании эксплицирована только архисема речевой деятельности и не указаны компоненты, которые маркировали бы достоверность / недостоверность передаваемой информации. (Впрочем, в разных говорах современного русского диалектного континуума их семный состав может не совпадать.) Это диалектные и диалектно-просторечные единицы *бавить*, *базлать*, *басть*, *байкать*, *бакать*, *бакудить*, *бакулить*, *балакать*, *балаять*, *бахорить*, *бачить*, *баюнить*, *баять*, *бормотать*, *брехать*, *буровить*, *бякать*¹. Они вербализируют немаркированный полюс первой оппозиции, т.е. сообщение «правды». Такое речевое поведение трактуется культурой как типичное, обыкновенное, рядовое, нормальное, привычное, ожидаемое.

Перечисленные предикаты описывают профанную речь, передачу не высокого оцениваемого с точки зрения его важности содержания. *Вчера сидим бормочем. Она пришла. Долго бормотали, потом сели ужинать* (Пар. Гор. 1959). Аналогичные примеры употребления можно встретить в опубликованных записях практически любой диалектной системы: *Ой, долго мы с тобой бормотали* (амур.); *Вечером баба на лавочке со старушками балакает* (амур.); *На вечёрках девки вяжут, а ребяты балдкают с имя* (амур.); *Сидели, балякали до полночи* (алт.); *Мы, бывало, по всей ночи баталили* (краснояр.); *Байкали по деревне, что зямлю надо вновь делить* (смол.); *Садись, бахорь* (киров.); *Забегайте бахорить-то* (перм.); *Это так народ брехает* (новг.); *Ён, бавют, приде домой* (псков.). *Набаял ты дядя, мне диковинок-то три короба, да у тебя три дни слушать дак не переслушать* (перм.). Как видим, данные диалектные глаголы речи оказываются семантическими аналогами функционирующих во всяком говоре наиболее частотных общерусских предикатов *говорить*² и *рассказывать*, а также устаревшего в литературной подсистеме глагола *сказывать*.

¹ Группа «сжимается» и за счет того, что единицы постепенно уходят в пассивный фонд. Приведем запись, сделанную в 1960 г. в селе Максимкин Яр Верхнекетского р-на Томской обл.: «Я ему бачил, он не послушал», – молоды так не говорят, стари так говорят.

² По мнению И.И. Макеевой, *говорить* и *сказать* обрели свою высокую частотность «после и в связи» с утратой *rечи* / *реции* и *глаголати*. В восточнославянской письменности в канонических, церковно-учительских источниках предикат *говорити* не употреблялся. Секулярный статус привел к его широкому распространению уже к XVI в. [18]. Лексема *сказати* начала появляться в письменных светских текстах с XIV в., однако при обращении автора к строкам из Библии или словам святых по-прежнему использовались словоформы, образованные от *rечи* / *реции* или *глаголати* [19].

Выделенным оппозитом выступает говорение чего-либо неистинного или лживого, т.е. отступление от этической и коммуникативной общечеловеческой нормы «правильной» коммуникации (П. Грайс, Д. Гордон и Дж. Лакофф, Дж. Лич, Н.Д. Арутюнова, Г.А. Копнина, Л.Е. Тумина и др.). Впрочем, ненамеренное¹ искажение подлинного, настоящего положения дел, считаясь ошибкой, оплошностью, невольным заблуждением или неосведомленностью, незнанием, не подпадает под этическую регуляцию. Умысел же сказать неправду (мотивируемый самыми разными причинами: малодушием, страхом, опасениями или же более существенными в повседневной коммуникации тщеславием, завистью, неприязнью, жадностью, выгодой и т.д.) меняет все, и такое речевое действие мораль расценивает как недостойное, порочное, гнусное, а религия – греховное².

Полученное лексическое множество предикатов «сообщения неправды» оказывается более внушительным. Характеризуя его, отметим, что восходящий к и.-е. корню **leugh-*, **lugh-* глагол *лгать* с его довольно узким семантическим объемом в диалектном дискурсе остается практически невостребованным (красноречиво выглядит, например, его отсутствие в полных по типу среднеобских ВС и ПСДЯЛ).

Зато общерусская лексема *врать* функционирует в нем активно. К.Г. Красухин [21] полагает, что исходным ее значением было ‘колдовать словом, предсказывать’, затем развивается ‘болтать, говорить не то, что должно’, а пейоративное значение ‘лгать’ имеет довольно позднее происхождение³. В словаре СДЯ глагола *врати* нет, СРЯ датирует помещенный контекст *А онъ мужикъ очюнной вреть и самъ себѣ не вѣдаетъ* 1578 г. и формулирует лексическое значение глагола как ‘говорить вздор, пусто-

¹ Намеренное, но не злонамеренное искажение информации не преследует получения выгоды. Отступление от истины ради забавы, потехи, развлечения коммуникантов – это балагурство. Оба семантических компонента красноречиво объединены в СРНГ при семантизации фраземы *балагуры разводить* ‘шутить, врать’, синонимичные обороты: *балясы (балясины) разводить*, *балясы точить*, *баты точить*, *балагуры вести*. В говорах функционируют и глагольные универбы: *балберить*, *балберничать*, *балантрясить*, *балантрясничать*, *балентрясить*, *балентрясничать*, *балясать*, *балясить*, *балясничать*, *бакулить*, *бахвалить*: *Пойдешь в магазин – балагурит, рассказывает*; *Да всего с час и балантрясили, а потом каждая по своим делам ушла, дак чё, только умные разговоры вести?* (краснояр.).

² Впрочем, в новозаветной трактовке неправдаглаголание не причислено к смертным грехам: *Всяка неправда грѣхъ есть, и есть грѣхъ не къ смерти* (1 Ин., 5, 17). В народной культуре связь пустых и лживых речей с категорией греха парадоксально просматривается даже в самом факте ее отрицания. Ср.: *Грешино от Бога брякать языком* (Л); *Да и не грех, если балентрясничали, чё им всё брови супить, [ведь они] молодые* (краснояр.).

³ Показательно, что этот путь семантического развития не чужд и глаголу *бузить* (в результате они оказываются, в терминах С.М. Толстой [22], парадигматическими партнерами): в пермских, уральских, тюменских говорах он имеет значение ‘лгать, обманывать’ (*Я бузить зря не буду* (тюмен.); *Я не модишка была, бузить не буду* (тюмен.)), в амурских – ‘заговаривать, колдовать’ (*Один раз мне пришло к бабке обращаться. Она бузила, бузила там чё-то, я уж и не помню. После этого мне лучше стало* (амур.)).

мелить'. САР фиксирует уже *врать* и *вракать* (снабжая последний вариант пометой «простонародное») в З ЛСВ: (1) ‘суесловить, пустословить, болтать, говорить что на ум попадет’; (2) ‘лгать, сказывать то, чего совсем не бывало’; (3) ‘непристойное рассказывать о ком-либо’.

В.И. Даль приводит самый широкий список предосудительных в разной мере коммуникативных целей, обозначаемых этим предикатом, и изменяет приоритетность лексических значений и их оттенков: ‘лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить; хвастать, сказывать небывальщину за правду’¹. То, что перечисленные значения могут до сих пор оставаться актуальными в некоторых говорах, показывает запись, сделанная в 1975 г. в селе Цыганово Зырянского р-на Томской обл. от Евдокии Ивановны Бабенко (1901 г.р.): *Каждый дома пряд, а молоденъкими на посиденки бегали. Но прялки не таскали – тяжело. Больше [там] вышивали. Соберёмыся, балясы точим, а не работам. Один врёт, другие слушают*². Откупали у кого-нить специально избу. *Заплатим, тогда уж каждый вечер ходим.* Ср. ответы, полученные томскими диалектологами с интервалом в 20 лет: *Я тверёзова ничё не напою. Надо выпить, тогда заврussy не знаю чё* (с. Кожевниково Кожевниковского р-на Томской обл., 1963 г.); *Ну чё вам наврать? Мне кажется, и до войны жись была неплохая* (п. Нарга Молчановского р-на Томской обл., 1984 г.). Данные примеры вполне соотносимы с крыловским прецедентным текстом: *И тот дурак, кто слушает людских всех врак* (1815), где *враками* названы ‘не внушающие доверия рассказни, выдумки, небылицы’, но никак не ‘ложь’.

Наконец, и МАС формулирует лексическое значение и его оттенок (употребление) *врать*₁ ‘говорить неправду; лгать’ || ‘говорить вздор, пустяки; болтать’. (ЛСВ *врать*₂ ‘фальшивить, ошибаться (в пении, музыке)’ и *врать*₃ ‘неверно показывать, быть неточным’ не являются речеповеденческими глаголами.)

В отличие от *врать*, глагол *баяти* сразу имел два исходных значения – ‘говорить’ и ‘выдумывать’³. Именно к *баяти* от *ba- или к праславянским

¹ Отметим, что убран 3-й ЛСВ, хотя в XX столетии СРНГ помещает вокабулы *врать* ‘говорить что-либо неприличное, непристойное’. Луж. Петерб., 1871, и *врачить* ‘говорить что-либо неприличное, непристойное’ «Говорить скабрезности, делать намеками гнусные предложения» Шадр. Перм. [год и автор неизвестны]. Кроме того в этом лексиконе появляется ЛСВ *вракать*₃ в значении ‘предсказывать будущее’ Шадр. Перм. 1895.

² В.И. Даль фиксирует ЛСВ *проврался* ‘проговорился’.

³ В говорах и сейчас встречается существительное *басня* в значении ‘сказка’: *Под Рождество, под Крещенье басни слушали* (прииртыш). СРНГ дает для него следующие локалы: Том., Влад., Новг., Смол., Калуж., Тамб., Курс., Ворон. Среднеобский фразеологизм *басни распускать* создан по общерусской модели *распускать сплетни, слухи, враки*: *Басни – а также когда врёт человек – сидит, басни распускает свои и болтает, что не следует. Ну про него и говорит [кто-нибудь], что вот, басни распустил.* Существительное *байка* словарь В.И. Даля толкует как ‘побасенка, прибаска, сказочка, присказка’ (без указания локала).

звукоподражаниям **balbol / *balbal/ *bolbol, *bъlt* и др. А.Г. Преображенский и М. Фасмер возводят значительную долю русских предикатов неистинной, а также праздной и неуместной речи.

Помимо этого, в говорах сформировались метафорические универбы и связанные сочетания. Например, *базарничать* ‘торговать на базаре’ → ‘проводить время в пустых разговорах’ (прииртыш.), *балабонить* ‘звонить в колокола’ → ‘пустословить, говорить пустяки, вздор’ (курск.), *бараборить* ‘звонить (о колокольчике для лошадей и коров)’ → ‘болтать, говорить вздор’ (свердл.), *блавостить* (благовестить) ‘оповещать колокольным звоном о начале церковной службы или о каком-л. важном событии’ → ‘сплетничать’,¹ (tüмен.), *блеять* ‘издавать блеяние’ → ‘говорить неправду’ (карел.); *боронить* ‘рыхлить землю’ → ‘говорить вздор, глупости, пустяки’ (волог., калуж., тул., перм., свердл.), ‘лгать’ (волог., сев.-двин.), ‘сплетничать’ (волог.), *боронить всякую борону* → ‘вести пустые, ничего не значащие разговоры’ (прииртыш.); *ботать* ‘бить по воде, мутить, болтать воду’ → ‘лгать’ (пенз., сев.-двин.), ‘говорить вздор, чепуху’ (краснояр.), ‘напрасно трята время, рассказывать’ (амур.); *булькать* ‘издавать характерные для жидкости звуки’ → ‘говорить пустяки, глупости’ (perm., тюмен.) и т.д. органично дополняют просторечный слой сухих метафор типа *городить, заливать, молоть, плести, собирать, травить, трепать(ся)*.

Диалектные и диалектно-просторечные глаголы, в толкованиях которых авторы СРНГ эксплицируют дифференцирующие и уточняющие семантические компоненты ‘ложь’, ‘неправда’, ‘обман’, ‘наговоры’, ‘клевета’, условно распадаются на группы *‘лгать’* и *‘сплетничать’*. Второй речеповеденческий акт подразумевает распространение (*распускание*) слуха, основанного на заведомо неточных или неверных, вымышенных сведениях, направленного на кого-л. в стремлении очернить.

Некоторая условность разделения глаголов на данные группы объясняется тем, что их семантическое толкование в словарях не выдерживает какого-либо строгого формата. Например, первые согласно алфавитному порядку единицы из полученной нами группы *‘лгать’* описаны в СРНГ следующим образом: *базлать ‘врать’*. Барнаул., Том., 1919; *балабошить ‘говорить пустяки, врать’*. Калуж., 1905–1921; *барахвостить ‘врать, говорить вздор, небылицы’*. Волог., Свердл. Помимо них, данная группа включает предикаты: *баламутить, барапдать, батить, батышстить, ба-хать, башить, ботать, брандахлыстить, брендить, брехать, брешишть, брусить, брухать, бручинть, брякать, брянчать, бузить, бузовить, буробить, буровить, бутить, буторить, бухать, бухвостить, бухорить, бухтерить, бухтить* и сверхсловные связанные единицы *басни расpusкать, барабару нести, балы точить, бухтину сказать*.

Сходным образом выстроены словарные дефиниции глаголов из группы *‘сплетничать’*: *балаболить ‘сплетничать’* Даль [без указ. места]; *бала-ганить ‘наговаривать на кого-л.’* Свердл., 1964; *балухвостить ‘пусто-*

¹ МАС при этом ЛСВ дает пометы «фразг. устар.».

словить, сплетничать’. Тамб., 1850. У формальных вариантов *балентрестить*, *балентрясить* СРНГ фиксирует два значения: (1) ‘**говорить, болтать о пустяках, вести несерьезный разговор**’. Вят., Перм., 1834, Свердл., Арх., Волог., Новг., Твер.; (2) ‘**сплетничать**’. Арх., 1961, Свердл. Данную группу представляют также лексемы: *бабничать*, *балаболить*, *балаганить*, *балагурить*, *балухвостить*, *барахвостить*, *баруздить*, *басничать*, *бахвостить*, *блавостить*, *благовестить*, *боронить*, *бранныхлыстить*, *брехать*, *брешить*, *брязжать*, *бурохвостить*, *бурусить*, *буторить*, *бухвостить*, *бухвостить* и ряд фразеологических оборотов, например: *басни разводить*.

5. Оппозиты по содержательности. Второй этический параметр оценки информации – это ее содержательность (МАС трактует данное понятие как ‘большой внутренний смысл’). Положительный полюс оппозиции и здесь предсказуемо оказывается лексически не типизированным, противоположный же – отмеченным многочисленными специальными единицами. В зависимости от ядерных семантических компонентов здесь могут быть выделены группы ‘говорить вздор, глупости’ и ‘пустословить’. Их близость и взаимосвязь в поле русского этического сознания ярко показана в СРНГ при семантизации предиката *балабонить*. Стоит привести ее полностью: ‘**пустословить, говорить вздор, пустяки, шутить, болтать**’. Ряз., Тул., 1820, Курск., Калуж., Брян., Влад., Волог., Олон., Свердл. В целом, однако, пустословие и неумная, нелепая, абсурдная информация разнятся.

Глаголы, которые обозначают передачу последней, имеют в лексическом значении семантические компоненты ‘глупости’, ‘вздор’, ‘чепуха’, ‘ерунда’, ‘нелепица’, ‘небылица’. Полученная группа состоит из предикатов *базарничать*, *балаболить*, *балабонить*, *балабосить*, *балабошить*, *балакать*, *баламонить*, *баламотить*, *балантрысить*, *балботать*, *балентрестить*, *балентрясить*, *балмошить*, *балобонить*, *балякать*, *балясничать*, *бакулить*, *барафонить*, *бараборить*, *барабошить*, *бармить*, *баруздить*, *баячить*, *басалаить*, *благолить*, *блекотать*, *болонить*, *боронить*, *боталить*, *ботать*, *бредить*, *бринчать*, *брисить*, *брякать*, *брякотать*, *бубнить*, *бузать*, *бузгать*, *бузить*, *булюбенить*, *буровить*, *бурузнить*, *буторить*, *бухтеть*, а также фразеологизмов *барабару нести*, *бить языком*, *брякать языком*.

Наконец, бессодержательная, ничтожная, пустая, пустячная, несерьезная, не стоящая внимания (и в известной мере излишне многословная) информация «закодирована» русским языком наиболее последовательно. В его литературной подсистеме при этом нередки примеры частичного параллелизма, что еще раз подтверждает значимость для русского лингвокультурного сообщества попираемой нормы: *пустословить – пустословие*, *пустозвонить* (разг.) – *пустозвонство* (разг.) – *пустозвонный* (разг.), *празднословить – празднословие – празднословный*, *суесловить* (устар.) – *суесловие* (устар.) – *суесловный* (устар.), *сумудрие* (устар.), *болтать – болтовня*, также нарушение нормы стоит за номинациями *словоблудие* (книжн., пренебр.), *многоглаголание* (устар. и ирон.) *многословие*, *многогречивость*.

Группа собственно диалектных и диалектно-просторечных предикатов со значением ‘пустословить’ (‘болтать’) оказывается чрезвычайно многочисленной: базальничать, базюкать, байболить, байборить, бакулить, бакульничать, балаболить, балабонить, балабосить, балабошить, балагонить, баламотить, баламутить, баландать, баландить, баланить, балантресить, балантресничать, балантрысить, баласить, балберить, балдыкать, балендрясить, балентресничать, балетрясить, балить, балыхвостить, балякать, балянтрясишь, балясить, балясничать, бамишить, барабать, барапдить, басать, басить, белебелить, белебенить белендрясничать, белентрясить, белентресничать, блебетать, блекотать, блюзгать, блюзнишь, бляндить, болботать, болкать, болмотать, болтословить, бормить, боронить, боталишь, ботать, бренъкать, брешишь, брусячить, брякать, буробить, буровить, бурохвостить, бухтишь. Вновь встречаются фразеологизмы типа *балясы вести*, *молоть балаболу*, *балы распускать* (*строить*). Способ их семантизации в СРНГ по-прежнему варьирует от приведения нескольких синонимов до однословного толкования. Например: *базанишь ‘болтать, говорить о пустяках, переливать из пустого в порожнее’*. Волог., 1822, Твер., Перм., Сиб.; *базальничать ‘пустословить’*. Пенз., 1852.

Нет сомнений в том, что древний синкретизм значений ‘*facere*’ и ‘*dicere*’ (см. работы К.Г. Красухина, Т.И. Вендиной, Н.Б. Мечковской и др.)¹ в славянском мире постепенно сменился их жесткой оппозицией, которая многократно эксплицирована прецедентными текстами разного уровня – начиная с отточенной богословами устойчивой формулы *дѣломъ, словомъ, помышлениемъ* до бесчисленных вариантов фольклорных формулировок типа *скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; либо дело делать, либо сказки сказывать; кто словом скор, тот в деле не спор; складно бает, да дела не знает; не по словам судят, а по делам; от слова до дела сто перегонов; не все то творится, что говорится; говорит прямо, а делает криво; на словах – что на гуслях, а на деле – что на балалайке*. Интересно, что при семантическом толковании глагола *балагурничать* авторами СРНГ вслед за первоисточником середины XIX в. сохранено прямое противопоставление этих поведенческих актов: ‘**балагурить, заниматься болтовней, а не делом**’. Орл., 1860. Концепт РАБОТА (ДЕЛО) предстает одним из центральных в крестьянской (народной) этической си-

¹ В новозаветных текстах можно встретить своеобразную перекличку тезисов, отрицающих синкретизм ‘говорить’ и ‘делать’ (*Чадца моя, не любим словомъ ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Ин., 3, 18); *И все, еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Гѣда Іиса Хреста* (Кол., 3, 17)) и, напротив, утверждающих синкретизм ‘слышать’ и ‘делать’ (*В кротости пріимите всажденное слово, могущее спсти души ваши. Бывайте же творцы слова, а не тощіо слышателіе, прельщающее себе самъхъ. Зане аще кто есть слышатель слова, а не творецъ, таковъ оуподобия мужу смотрящу лицо бытія своего въ зерцалѣ: Оусмотри бо себе и отиде, и абие забы, каковъ бѣ. Приникъ же въ законъ совершиенъ свободы и пребывъ, сей не слышатель забытишъ бывъ, но творецъ дѣла, сей блаженъ въ дѣланіи своемъ будеть* (Иак., 1, 21–25)).

стеме, и это, вероятно, вызвало обильное лексическое маркирование рече-поведенческих актов говорения вместо работы, осмыслиемого как безделье, бесплодная трата времени¹, а также стереотипность дискурсивного развертывания данной темы: *Мастер он болтать, а работать – погоди да помешай* (прииртыш.); *Болтать можешь, а на работе тебя нету* (забайк.); *Он лясник, лясничать любит. Любит разговаривать. Он там про лясничат и делать ничё не будет* (татар.); *Сидел да балясил, мало наробыл* (арх.); *Приедешь куды на вечер да колотышиш там. Весь вечер проколотышиш, рушник не напрядёшиш. Вот я вчера носок связала, а сёдни проколотырила* (татар.); *Языком балабонит, а толку мало* (владимир.); *Боронят всяку борону, а дела не видать* (прииртыш.); *Брякала бы с вами, да робить надо* (tüмен.). Ну, мужики, поговорили, побалантрясили, и за работу (краснояр.); *Да всего с час и балантрясили, а потом каждая по своим делам ушла* (краснояр.); *По целым дням за жизнь размаячиваю, [как будто] других забот не стало* (краснояр.); *Пора рабочая, балы разводить не-досуг* (сарат.). Ср. помещенный в диалектном словаре контекст актуализации просторечного фразеологизма в речи носительницы говора: *В электричке едешь сорок пять минут, так чем баланду травить, лучшие выиинять* (амур.). Истинностная оценка в семантике данных глаголов оказывается редуцированной, а актуальной становится квалификация самого акта говорения как непродуктивной, безрезультатной, бесполезной и потому недостойной деятельности.

Несмотря на то, что ложь и пустословие – это разные зоны этического поля, МАС, не признавая в семантическом объеме единиц *врать* и *болтать* общую сему ‘лгать’, довольно последовательно постулирует наличие у них сегодня общего смыслового оттенка ‘пустословить, говорить пустяки, вздор’, подаваемого через знак «||»². Указанное сходство семантики зафиксировано также для общерусских имен *вруша*, *врун*³ и *болтуша*, *болтун*; *враки* и *болтовня* в значениях ‘результат’ и нарушается только оппозицией $\emptyset \leftrightarrow \text{болтливый}$: *А он говорит, этот хромой-то: «Вот залезли воровать <...> А у меня тамо-ка семь миллионов лежало». Неужели семь миллионов оставили здесь [в селе]? Врёт. Наверно, болтливый*. В контекстах актуализации диалектных и просторечных лексем независимо от

¹ За балаканьем и время прошло (курск.)

² Сходный тип развития полисемии демонстрирует предикат *трекать* со значениями ‘болтать попусту’ (свердл., ярослав., краснояр., новос., иркут., алт., перм., новг., мурман.) и ‘обманывать’ (свердл.).

³ СРНГ вскрывает регулярную полисемию диалектных отлагольных имен, которые либо образуют соотносительные по grammaticalному роду пары, либо трактуются как существительные общего рода. Первый ЛСВ единиц *вракала*, *вракуша*, *вракуика*, *вра-ла*, *враль*, *врасья*, *враха*, *врахотка*, *врач*, *врачка*, *врачун* определяется как ‘лгун, обманщик’, а второй, развивающийся прежде всего в севернорусских говорах, как ‘говорун, рассказчик, забавный пустослов, шутник’. ЛСВ ‘рассказчик’ не зафиксирован у лексем *врака*, *вракалка*, *вралина*, *врало*, *вралья*, *вралюха*, *враля*, *врасня*, *врачовка*. Лексемы *врач* (перм.) и *враль* (арх., псков.) имеют соответственно ЛСВ ‘сказочник’ и ‘сказочник в рыболовной артели’.

их частеречного статуса диффузия семантических компонентов ‘лгать’ и ‘болтать’ выражена сильнее: «Чё попало так **болтают**. Уже трактор [будто бы] пустили». – «Да, **врут**». – «Так, чё попало **треплют**, ёлки»¹.

Итак, анализируемые предикаты профанной речи отражают нравственный посыл традиционной культуры, обозначая аморальные отклонения от должной коммуникации с ее императивами достоверности, осмысленности и дозированности сообщаемого.

6. Стандартные коммуникативные цели (иллокутивные силы). В пределах относительно компактных, сплоченных коллективов, какими являются диалектные языковые сообщества, отчетливо распределяются социокоммуникативные роли типа «молчун», «балагур», «сквернослов», «сплетник» и т.п. Местные обманщики, лгуны, вруны, брехуны, хлопушки, несамостоятельные, а также пустомели, ботала и балабоны известны каждому: *Да мужик не шибко самостоятельный, врёт, скажет, где огонь, а там вода; Врёт она. А я понимаю, что она така, несамостоятельна [способная лгать]; Чё-нибудь она может прибавить, то ли прихвастинуть, то ли как ли – ну, неправду сказать, может; Она <...> соберёт с полок, с лавок, где чё и не было – наврёт; Этот балабола всегда и на себя и на людей наговорит (олон.); Прокоп Петрович – вруша здоровый; Баба-то у Васьки – чистое трёкало, рот-от не закрывается (perm.); Ты не верь Ольке, он такой ведь брехало, только слушай, наговорит, что и в три короба не сложишь (волог.); Не наша ли барахвостиха тётка Орина тебе это всё набаяла-то? (волог.); Экая врасья, эта Анютка! (волог.); Грех сказать и*

¹ Об этом свидетельствуют и текстовые, и метатекстовые их актуализации:

Попова Екатерина Ивановна (1896 г.р.) с. Белый Яр Верхне-Кетского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтовня* – болтун когда говорит. *Болтун* – он **болтает** о людях правду и **неправду** болтает.

Арбузова Прасковья Ананьевна (1900 г.р.) с. Зырянское Зырянского р-на Томской обл., 1978 г.: *Ну, болтушай* звали <...> Всё болтуша. <...> *Ну, пустая, чё-нибудь врёт*, она чё попало **болтает**, по-пустому всё.

Вершинина Вера Прокофьевна (1909) с. Вершинино Томского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтушка* он, прямо **несамостоятельный** [способный лгать]; *Таки трепачки, не дай Бог, несамостоятельны* люди.

Коновалова Анфиса Филипповна (1918 г.р.) с. Белый Яр Верхне-Кетского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтовня* – когда **собрал** что-нибудь, наболтал на человека. Такую **болтобину** и слушать не надо, а он **болтат** и **болтат**.

Деулина Галина Александровна (1924 г.р.) с. Белый Яр Верхне-Кетского р-на Томской обл., 1978 г.: *Болтовня* – когда один человек на другого **наболтат**, **неправду** всяку; Когда **неправду** говорят, говорят: «Дичь **болтает**», – чепуху всякую значит; *Болтовня* – **болтун** когда говорит. *Болтун* – он **болтат** о людях правду и **неправду**.

Мартынова Мария (1934 г.р.) с. Барабаково Колпашевского р-на Томской обл., 1979 г.: *Болтунья* – **врёт**, **наврала**. **Наболтат**. <...> *Ну, чертовщину всякую **болтат***.

Молокова Акулина Яковлевна (1920 г.р.) с. Зырянское Зырянского р-на Томской обл., 1988 г.: *По радику **болтатом** помогать престарелым* <...> *По радику будут передавать. А что они нам? Деду сказали: «Дедушка, тебе квартира – два метра на кладбище». Всё равно уж. Хоть бы по радику **меньше болтали** [про заботу о ветеранах]. Пусть бы не **врали**. Да нам хоть бы и посадили [за такие смелые речи]. Нам всё равно уж.*

стыд утаить: она хлопат много (тюмен.); Девка-то ихна степенна, не любит болтать да врать, а брат – большой брякун. Братец-от сболтнёт и соврёт (тюмен.); Ты его не слушай, он барабошка известный (краснояр.); Балабон он у нас (смол.); Да балоболка он первосортный, болтать только и умеет (талиц.); Балаболка така эта баба, трепачиха, балаболит что попало (ленингр.).

В приведенных выше текстах оценка человека, даваемая «за глаза», выносится именно с точки зрения его привычного, устойчивого коммуникативного поведения. Грамматически это выражается формами 3-го лица «настоящего постоянного» или будущего времени глаголов *врать, болтать* и их синонимов: *Сегодня на сиверу медведя видел Ванька, говорил. Брешет чёрт (алт.); Славик, я не знаю, вчера, правда-неправда, рассказывает: «Я, гыт, не задевал его». Не задевал? А кто задел? Он чё-то врёт, так-то я думаю тоже; «Как неохота стариться! И мне уже за сорок и...» [сказал о себе односельчанин] Ага... А... бышно сказал, сорок пять [лет ему]. Как вроде бы с [19]53-го году – врёт он; Помню, как он врал нам про бредень; А я думаю, Сашка врёт, что они в кино пошли; А потом мне рассказывают: «Аксинья-то, гыт, врёт, что картошки уташили»; Может, он врёт. А я не знаю.* Актуальный же речеповеденческий акт (конкретное утверждение собеседника) чаще всего оценивается при помощи иных грамматических форм.

При этом императивные жанры¹, различаясь категоричностью волеизъявления, представлены эталонно краткими воплощениями:

«Веление (требование)»: *Не хлопай, бригадир уже пришёл (урал.); Да не ври ты, хлонуша, покос у тебя хороший (урал.); Не ври, всё любишь врать. Не ври, не ври!*

«Увещевание (с целью образумить)»: *Будет собирасть-то, собирай больше² (урал.); Полно тебе балабошить! Будет бараборить-то! (свердл.); Да полно тебе барахостить-то! (волог.); Полно городить, врать-то! (новг.); Будёт вам баландать-то! (ворон.); Будет тебе барандать, что не местная (селиг.)*

«Урезонивание»: *Не хлупай хошь в глаза-те (урал.); Сиди уж, не собирай щё не надо (урал.); Не барузди, щё не надо (свердл.); Ну уж не бации, пожалуйста (арх.);*

Индикативные жанровые воплощения вновь оказываются короткими, видимо, сильная этическая позиция не требует многословия:

«Обличение (обвинение, инвектива)»: *А это уж собираешь, ничё боле – не приезжала она (тюмен.); А барабару несёшь, мил друг (алт.); Сама не знаешь, что балабонишь (тюмен.); Люди счас злы, как пойдут брехать,*

¹ Описываемые речевые жанры используются также при обличении пустословия и вздорности речи: *Чё ты боронишь-то, Марья! Ничё онε мне не плотят [за постой]. Студенты, дак чё с их взять? (тюм.); Полно бутрить-то, говори лучшие дело-то (волог.); Сиди не балаболь, говори по делу (тюмен.); Не базлиз пустого-то! (олон.); Что ты балабонишь пустяки! (курск.).*

² Пример осложнен так называемым «побуждением к запрещаемому».

что было и чего не было. Раньше говорили и счас так говорят [в подобных обстоятельствах]: «Вот брехня, ты брешешь»; Брешешь ты всё: не так это было (краснояр.)

«Вопрос»: *Ты вчера ломал черёмуху? Не врёшь?; Ты наврала мне поди про Ленку?*

«Риторический вопрос»: *Что ж ты, хлопун этакой, врёшь-то! Я ведь видела тебя там (урал.); Что ты врёшь-то, вральца ты! (кольск.); Чё ты трёкашь, трёкало? (урал.); Хлопушка ты, хлопуша, врёшь, болтшишь, что же ты врёшь, обманываешь? (амур.); Чё буровишь всяку ерунду? (тюмен.); Межедворка-та, что брешешь? (брян.).*

Как видим, данные примеры укладываются в реализацию тактики разоблачения неправды с ее так называемой «прерогативой слушающего» [15]. Грамматически она связана с красноречивыми формами 2-го лица и незначительной по объему периферией, представленной глаголами прошедшего времени, как в первичных диалогах: «У меня вот пять сынов». – «Чё **врёшь-то**, чё **врёшь**, откуда пять?» – «А как же: Василий, Константин, Николай, Пётр». – «Четыре!» – «Четыре и правда. Четыре сына». (Том. Верш. 1985); «Ну что **врёшь**?» – «Я не вру». – «Да как же, нагольно-то [точно] наврала» (Галич. Костром. 1975), – так и в диалогах, воспроизведимых нарратором: «Чё, Прокоша, медвежонка убил?» – «Убил, – говорю, – в бору». – «А матуху-то не видал?» – «Никого больше не видал...» – «Чё **врёшь**?» – «Да ничё не вру». (Шег. Кайт. 1966); *Пришли два пулемётчика [колчаковских]: «Давай коня!» Старик говорит: «Конев у меня нету больше». – «**Врёшь**, старик, у тебя серый конь большой есь. Сусед сказал.* (Том. Верш. 1972).

Обратимся теперь к автореферентным конструкциям. Они возникают в пограничных между «присягой» и «характеристикой» текстах (конкретные реализации ближе то к одному жанровому образованию, то к другому), актуализуя отрицание в 1-м лице «с狠狠енно настоящего» времени индикатива, либо представляют собой риторический вопрос. Типичные примеры из Среднеобского диалектного архива снабжены нами указанием на время записи, что вскрывает устойчивость данных коммуникативных тактик: *Ей-богу, не вру. Уж на моих памятях было* (1955); *Да разе я вру про это? Ну скажи-ка? Всё я про это честно сказал* (1970); *Мы все босиком бегали [раньше]. Ей-богу, не вру, а сейчас гляжу...* (1972); *Правда, правда, это я уже не вру, а по чистой совести говорю* (1980); *Я нисколько вам даже не вру. Ага.* (1985); *Мотю бьёт! От ей-богу, я не вру* (1993); *Чё, не-правда я говорю? Я же не вру. Правда так было* (1997); *Вот уж мне-то поверь, я не вруша, никода не вру ничё* (2002). Многочисленные диалектные и просторечные синонимы *врать* употребляются в диалектном дискурсе аналогично: *Я ведь нисколь **не хлопаю*** (среднеурал.); *Вот ты думашь: брехня. А я не бреши, ты кого хоши спроси.*

Характерная (или даже единственно возможная?) самооценка говорящего при помощи оператора **никогда** сводится к декларации безусловной и неизменной правдивости. Постулатом традиционной речевой культуры

выступает текст: **Я не вру никогда, и не хвастаю, и ничё...** (Том. Верш. 1995).

7. Диалектная специфика: уникальные иллокутивные силы ↔ этос культуры. Казалось бы, невозможность прямого перформатива, т.е. знаменитое открытие З. Вендлером «причудливых глаголов говорения, которые нельзя употребить для говорения»¹, иначе случится «иллокутивное самоубийство», не имеет национально-культурной специфики.

Вместе с тем любая национальная культура, подобно национальному языку, – это всего лишь абстракция, реально воплощаемая рядом функциональных вариантов. И функциональная стратификация культуры может оказаться не менее значимой и резкой, чем национальная. Переходим к примерам, нарушающим «прерогативу» неперформативных позиций для элементов рассмотренного выше лексического множества (образцами (модельными) представителями которого выступают предикаты *врать* и *болтать*) и приводящим в недоумение человека, далекого от русской традиционной культуры.

Рассматривая автореферентное употребление перформативов, закономерно будет обратиться к содержанию вранья и болтовни и к текстам, в которые они «помещаются».

Во-первых, это нарративы о профанных объектах вещного мира или же рядовых событиях и положении дел в прошлом. Такого рода тексты создаются говорящим в рамках обыденного речевой деятельности. В них предикат *врать* и его синонимы отрицают истинность сообщаемого, но одновременно эксплицирована неумышленность искажения информации. Посредством глагола *врать* оценивается вовсе не тактика коммуникативного поведения говорящего – на первый план выдвигается сама интерпретация (описание) действительности: *Пачески [вычески после вторичного чесания льноволокна щёткой] эти ткали на ручные полотенцы, вру, – посудные* (1956); *Зните чё, Валюшка третьеводни аванец получил и опять налакался [напился], как свинья. Полночи шумел, да матерился, да упал, видать. Загремело у них сильно чё-то. Знаешь чё: вру, вру я. Это в четверик. Он это в четверик пьяной пришёл, а в пятницу до обеда спал и на работу не ходил. А Федосья-то скрыват, вишь* (1975); *И было масло растительно. Нет, вру. Как же было?* (1981); *Юбку первую мне сшили, восемнадцать годов [мне] было. Я по улице шла – ни на кого не глядела. Тогда думала, что ног подо мной нету. Восемнадцать годов. А серьги тятя не купил. Сколь обещал, надери воз дуба [коры ивы, из которой получали красящие и дубильные вещества], что продадут его и купят золотые серьги. А сам купит чё по хозяйству. Шесть возов я, семь возов [надрала]… Шесть, – вру я, прости, Господи, грех. Три рубля серьги золотые стоили, больши*

¹ З. Вендлер [27] сосредоточился на форме 1 лица ед. числа настоящего времени – как первичной и самой характерной для перформативов, так называемой «перформативной рамке». Считается, что ее нарушают (а) грамматическое прошедшее время, (б) инфинитив, (в) пассивный залог. Мы учтываем и указанные периферийные зоны.

деньги [по тем временам] (1981); Да^к она семь человек, однако, вру, восемь человек за стол посадила, всех угостила. Восемь человек. Наутре опять старушек собрала (1985); Но только не верю сама себе, я, наверное, вру. Я сказала, что в Троицу набрала [ягоду] (1988); Аня увидела [родственников соседки]. Или Аня ли, Маня ли? Нет, сказала «Аня», однако. Уж тоже забыла, тоже вру (1994); Нет, вру я, это уж под утро, ну, так в часа четыре приехал он (1997); Внук-то мой, Олег-то, Осподи, ну Петра [сын], Олег Петрович. Оне мебель покупали, ну и стару-то вынесли, а новую-то не везут, [потому] что машина поломалась. Ну и спали все на полу. Ага. Три ночи спали. Ой, вру, две, две (2008); В тем году я в третий класс, в третьем классе... вру, в четвёртым или в какем? В четвёртым... ну и не ходил, как обувки-то нет. А ох^{от}ка была, конечно, в школу, а виши чё, беднось задавляла. Мать одна с нами колотилась. После ешио ма-лость ходил [в школу] (2008); Ну я потом в Колпашево, это в [19]55-м году я приехала в Колпашево, нет, вру, не в Колпашево, в Асино даже (2016).

В данных примерах перед нами, скорее, оттенок *врать*³ ‘неверно показывать, быть неточным’. Говорящий сообщает неверную, неточную (неистинную, ложную) информацию о минувших событиях по объективной причине: он не помнит всех деталей ситуации за давностью времени. Добросовестное же заблуждение, ошибка выводятся из сферы этики – они не допускают ни порицания, ни презрения, ни насмешки. Как следствие, у предиката *врать* отсутствует речеповеденческий аспект, поскольку у говорящего нет намерения обмануть: **эмпатия перенесена с человека на текст**, с субъекта действия на результат. Перед нами не ложь, вранье, обман, выдумки (семантика данных имен имплицирует процесс – некто лжет, врет, обманывает, выдумывает), а неправда, которая не соотносится с человеческим поведением и в силу этого оценивается мягче. Носитель элитарной речевой культуры, вероятно, актуализировал бы болеедержанную этически оценку «ошибки». Ср. с ситуацией, когда нарратор описывает целенаправленную ложь (хотя грамматическая форма глагола оказывается не совсем в центре перформативной рамки), оправдывая ее нравственно выигрышной точкой зрения, праведной целью. Запись сделана в 1983 г. от Ульяны Васильевны Рожковой (1918 г.р.), имеющей 1 класс образования, в г. Колпашево Томской обл.: *Ну, и вот, остался сыночка у меня [а муж уехал неизвестно куда]. Остались мы с ним, нянчились так. Ну ничё, вот теперь... До школьного возраста. В школу ходил, учился. Сначала глянулась учёба, а потом начал отваливать с друзьями там с этими. С пути сбивают тоже там: «Давай, Толик, бросим школу, пойдём куда глаза глядят». Ну а я-то на работе. Ну как я могу работу бросить и побежать чего-то там наказывать? Прихожу домой, ему готовила поесть. Теперь я ему начинаю: «Учёба не идёт почему?». Ну врать, зачала врать: «Если ты бросишь школу...» До 3-го класса доучился, дальше не хочет ни в какую. Хоть его в угол оставь, и это бесполезно. Там такой же напарник у него. Слушат напарника, [решил] бросить школу. Я говорю: «Он пускай*

бросает, у него отец есь. У тебя нету. Ты подумай, это. А я старая, говорю, ты бросишь школу, а меня в тюрьму посадят. Вот тогда будешь знать, как с этими ходить, бродяжничать». Автор лжёт, пытаясь вызвать у сына жалость и страх за судьбу матери.

Во-вторых, на этом фоне резко контрастируют речевые произведения иного рода. Так, примерами: (а) *Одни и те же [частушки] начала буробить;* (б) *Старинные песни спрашивают. Буробим старые...* – авторы среднеобского ВС иллюстрируют оттенок значения ‘рассказывать о пустом, второстепенном’ у глагола *буробить*. В данном случае решение лексикографов вызывает возражение, поскольку содержание текста – материал народной традиции – по определению не может расцениваться ее носителями как нечто малозначимое.

Подобные контексты актуализации с достаточной регулярностью встречаются в опубликованных архивах диалектных записей и словарях, независимо от ареала функционирования говора: *Чего вам ещё трёхать-то надо?* (волог.); *Куда-нибудь ещё сходите, может, кто вам чё побрешиет.* *Мы уж вам всё выбрехали, и к лету-то не накопим брехать;* *Чё же ещё побреҳать? Я про людей не знаю, только про себя;* *Чё же я [вам] ешио совру-то...;* *Много буровила уже, а больше, девки, буровить* нечего (амур.). Показательно, что в той же вокабуле СРГП, откуда извлечена последняя иллюстрация, помещен и пример «правильного» употребления глагола *буровить*, когда он обозначает именно передачу незначительной, возможно, даже лишенной логики и смысла информации: *Он умом помешался, он чё буровил, они не обращали внимания и не трогали его. Маленько полежит и опять забурюват.*

Почему же «иллоктивное самоубийство», исследованное З. Вендлером, не пугает диалектносителей и они в описании собственных речевых действий и действий своей «мы-группы» актуализируют предикат, который коннотирует и имеет пейоративные элементы значения?

В такой коммуникативной тактике следует видеть прямые проявления этоса традиционной культуры. Объем данного термина неустойчив. К. Гирц [24] к понятию «этос» сводит этические и аксиологические аспекты мировоззрения, тогда как гносеологию, онтологию и космологию связывает с понятием «картина мира». Однако чаще всего этос отсылает к нормативно-ценностной составляющей в сословных или профессиональных практиках [25]. Социология трактует этос как стиль жизни общественной группы, принятую в той или иной культуре иерархию ценностей, которая выражена открыто или может быть выведена из поведения ее носителей.

Мы ориентируемся на позицию А. Кребера, подразумевавшего под термином «этос» то, что люди одобряют и ожидают: «Когда мы говорим об этосе культуры, мы имеем в виду не столько специфический моральный и этический кодекс, сколько то ее всеобъемлющее свойство, которое способно создавать характер и нрав индивидуумов, ту систему идеалов и ценностей, которые господствуют в этой культуре. <...> Этос – это описание

внешним наблюдателем того, каким образом представители данного народа судят, что хорошо и что плохо. Люди сами могут отдавать себе в этом отчет, но по большей части это безотчетно присутствует в их обыденной жизни со всеми ее поворотами. Этическая система, таким образом, является частным случаем этоса. **Этос есть система открытых и подсознательных суждений, характерных для данной группы. И среди них суждение о том, какими люди должны быть** (выделено мною. – Г.К.), в отличие от заключения внешнего наблюдателя-психолога, что они собой реально представляют» (цит. по: [26. С. 10]).

Вернемся к ситуации, когда сомнения в достоверности и содержательности передаваемой информации у говорящего возникать не могут. Вместе с тем коммуникация протекает в специфических (искусственных) для носителя традиционной культуры условиях. Ее классическая установка – речевое общение в своем кругу. Анализируемые же тексты порождены в ходе интервьюирования немолодого, как правило, информанта незнакомыми или малознакомыми людьми. Начиная с примера из СРНГ, датированного XIX столетием: *Он те бухтёвин **насгораживает**, а ты записывай*. Тотем., Кадн. Волог., 1892, – вплоть до свежих экспедиционных материалов диалектологов, публикуемых в современной научной периодике: *Ой, что я вам, девки, **набуротовила** (самар.); Наша говоря кажется им интересна, [думают, наверное] не поймёшь, це **лекционт** (печор.); Набрать разную пишете* (псков.), – вопрошающую (взыскивающую истины?) сторону представляют этнографы, диалектологи или фольклористы – чужаки в контактирующем с ними языковом сообществе. Кроме того, психологическое напряжение создает сам факт фиксации разговора, что сразу лишает происходящее заурядности: *Так и ждёшь, когда включите [магнитофон]. Хаха. Чтоб записать враньё мужиков; Вы выключили там [магнитофон]? А то я чё попало буроблю.*

В результате в актуализуемых глаголах речи на первый план выходит именно речеповеденческий аспект, нравственная оценка коммуникативного процесса и самооценка говорящего, но никак не правдивости текста. На выбор предиката лжи и пустословия влияют ряд факторов, которые могут быть выделены посредством анализа развиваемых дискурсивных мотивов.

Прежде всего, это недостаточное понимание говорящим конечной цели [навязанной ему] беседы с приезжими (*Вакам и вакам, сами не разберём зачем* (морд.), неуверенность в дальнейших действиях мало знакомых людей, а еще более – в себе: *Чё-то я всё говорю да говорю. Потом будете говорить: **намолол вам старый**; От будут читать – скажут: «**Набуробила холеру каку-то**»*). Сюда же следует приплюсовать сомнения в допустимости, дозволительности темы беседы: *Даеч как ушли вы, девки, старики мой очуманел и говорит: «Мать, не **наболтал** ли чего лишнего?»; Трёкам мы уже тут долго, девки, может, и не так чё, а вы всё пишете кого-то* (среднеурал.); *Не осудите, что **набалякала** я вам, чё **наплела** (perm.); Не осудите меня, я **наборонила** вам тут всякую всячину (perm.); Не осудите меня, я **набулькаю** да, наговорю чё надо и не надо (perm.). Последняя*

коммуникативная формула извинения регулярно фиксируется исследователями на протяжении всего периода изучения русских говоров. Так, в СРНГ помещен датированный контекст: *Ни бессудьте, чего не накалякали* (Симб., 1895–1896).

Существенным оказывается психологический дискомфорт от предположения, что беседа нарушает те нормы, которые Р. Мертон назвал «социально ожидаемыми длительностями». Такие ожидания регулируют продолжительность значимых для общества актов, процессов, деятельности, в том числе речевой коммуникации – разговоров, бесед, рассказов, исповедей, жалоб. Метонимически слишком длительный разговор обозначается через большой объем сказанного: *Вы уж извините, что нагомонили много* (амур.); *Много я вам намолола; Я уж тут вам много наколоколила* (арх.); *Много я вам бороную? Надоело меня слушать?* (мурд.).

Речевое поведение трех лиц, отсутствующих в пространстве данного коммуникативного акта, равным образом описывается информантами через предикаты лжи и пустословия, поскольку односельчане, соседи, родственники входят в «мы-группу» говорящих: *А вы вот к снохе моей сходите, та уж вам набалагурит; Вот мать мою испроси, она что-нибудь набалакает вам; К Анне Абросимовне идите. Она вам наболтат; Сходите вон к той башке, она вам много навталкивает* (волог.); *Она вам сколемесит чё-нибудь (среднеурал.); Позвали бы, так она бы побрякала [вам] (среднеурал.); Миневна да Александра [в]двое побольше [вам] набрякали, а то ведь поодиночке живут, не с кем поговорить* (арх.); *Сейчас старик [мой] приехал, он тебе набалакат* (карел.); *Ой, набаталит она много, подите к ей (иркут.); Ты иди к нему, он тебе с беса [много] наболтает* (селиг.); *Сходите к ней, дак она наворокосит досюльного до* (карел.); *Хозяйка тебе накатает песен* (карел.); *Она [вам] чё-нибудь набуробит, токо слушай её.*

Если по отношению к членам «мы-группы» – неким индивидам, которые способны точно, полно, искусно, мастерски передать материал и ценности традиции, все же допустимы немаркированные предикаты речи (*Дед, тот-то маленько чё-нибудь скажет про старину-матушку. А я как трещотка трещу; К Лиды пойдёте? А то мы-то тут, мы с Сашкой можем болтать, знаешь, до вечера. Мы болтать можем. <...> К Никитшине идите, она вам про тот берег расскажет, а Потовский чё – он ничё вам не расскажет; Ну, чё ешё [с вами] баякать будешь? Старик [вот] у меня мастер сказки сказывать*), то от говорящего лица это требует самоидентификации как человека, не [вполне] владеющего теми или иными гранями традиции как таковой¹, и сомнений в правомочности исполнения социокоммуникативной роли умелого рассказчика: *Кабы умела, дак набайкала бы всего* (карел., 1870). *Могла бы, дак я накостыляла бы вам слов* (карел., 1960).

¹ Ср. запись, сделанную от Анфусы Степановны Егонькиной (1914 г.р.): *Я петь-то не умела, а частушки-то брякала понемногу* (Мол. Мол. 1975).

Позиционирование себя как красносолова или просто говоруна этос диалектной лингвокультуры заставляет чем-то уравновешивать, например указанием на реакцию слушателей, далекую от тривиального одобрения и похвал: *А тот год девки приезжали, уж я им **наговорила**, уж я **наговорила**. Они **прехохотались** надо мной.* Однако чаще «противовесом» похвальбе становятся именно коннотирующие предикаты речи, как сопровождаемые дополнительным снижением самооценки (*Я, прости Господи, озорна старуха, я **булькну** что, оне [студенты] **надсадятся** хохотать* (тюмен.), так и актуализуемые без поддержки каких-либо вспомогательных средств: *Вам бы со мной месяц [поговорить]: я-то бы вам **набузила*** (новос.); *Мы, старухи, много **напецеем**, вы записывайте* (волог.); *Да мы бы вам **набаяли**, **наболтали*** (моск.); *Летом приедешь – я тебе **назвоню** толстые тетради две-три* (казаки-некрасовцы).

Упомянутая выше семиотическая оппозиция ‘facere’ vs ‘dicere’ также накладывает свои ограничения на выбор предикатов речи. Праздный разговор не требует труда, усилий, прилежания, старания, усердия, он сильнее всего противопоставлен делу. Следовательно, разговор и не может быть достоин благодарности, уважения. Эта установка может быть высказана открыто: *А за что тут спасибо, **толюкай**, **барабонь** да **барабонь**, что знала, то рассказала, **лоскатать**-то можно не работать* (селиг.), но чаще в виде имликатуры она вводится контекстами актуализации: *Мы на два журнала **мелем**; Ежели я буду **болтать**, тетради **этой** не хватит [для записи разговора]; **Накропаем** всего, то будет книга большая* (карел.); *Вот на старости лет **буробишь** им [диалектологам]; Я **набуробил** вам и теперь **ещё** не знаю, чё взять [еще]; Ну, **наколодил** я вам (свердл.); Вот я вам **набрякала** невесть сколько* (костром.); *Мы **могем** всяко **накарзать*** (псков.); *Чё тебе **ешио** [добавить]? Забываю, чё **и бормочу**; И так вам **нахлопала** чё попало; Ну, чё **ещё** **балякать** будешь?; А вы надолго [к нам] приехали? Чё-нибудь **блжнем**; Может, я что **накорю**, я ведь неграмотная* (псков.).

Приведем довольно объемный текст, в котором последовательно разворачиваются почти все выделенные выше мотивы. Запись сделана в 1978 г. в селе Зырянском Зырянского р-на Томской обл. от С.Г. Онуфриевой (1897 г.р.) при разговоре со студентами, которые провели в селе несколько дней: *Ой, горе с вами. Не вводите бабку в греха. Всё учите, всё знаете, а ходите с дураков ум собирать. Десять лет окончаете в деревне, да в городе пять летов. <...> Всё знаете-перезнаете. Учителя-то пятнадцать лет [учат их], да всё ешио по дуракам ходют старым. Ой, Господи прости. <...> Ой, горе с вами! Ступайте! А в конце напишите: бабка врала, безумна была. Да, живёшь, живёшь, ум проживёшь. Жаль, что не ушла, избу на замок не заперла. Ну, я думаю, это скажут: «Бабка врала, врала», – а я на ваши вопросы отвечала. <...> Хмы. Ну, за чё «спасибы». Глядите, чтоб меня куды не засудили. Не серчайте на старуху, еслив чё не так [з]де сказала.*

Созерцаемая через призму морали реальность – этическая картина мира – предстает многомерной и далеко не «черно-белой»: с одной стороны,

речь, болтовня противопоставлены делу, но с другой – речь и молчание равным образом являются актом, действием. Как видим, предикатом *врала* дискредитируется не содержание высказываний, а сам речеповеденческий акт в ряду других поступков (*не ушла, не заперла избу, на вопросы отвеча-ла*) и его субъект (*безумная, дура старая*). Тем более неоднозначны те суждения, где автор вербально разворачивает вступающие друг с другом в конфликт культурные нормы. Под давлением этоса, трактующего разговор, который ведут без какой-либо нужды (без ясного предметно-практического целеполагания), как праздность, говорящий выбирает предикаты лжи или болтовни, а во исполнение требования истинности сообщает, что его речь правдива и компетентна. В результате оценка текста становится несущественной, а в фокус внимания попадает его автор: *Чё знаю, болтать-хлопать могу, а тако [неизвестное мне лично] не могу [описывать]* (Омск. Тар. 1966); *Ага, ну я не досказала, ишь, я чё попало буроблю. Только что справедливо всё, я врать не вру* (Том. Верш. 1988); *Я, может, чего навру вам. А потом меня за шкирку потянут, под ста-ростью-то. Ну, я-то правду говорю* (Том. Верш. 1991).

Таким образом, этическая и истинностная оценки речевого поведения и текста как его результата, налагающиеся на тот или иной коммуникативный акт, являются неравновесными. Их важность может различаться вплоть до элиминирования, исключения, «снятия» утратившего актуальность аспекта. Как итог употребление речеповеденческих предикатов лжи и болтовни **в рамках традиционной культуры** связано с несколькими функциями.

Наиболее простая роль подобных глаголов в диалектном дискурсе заключается в выражении универсального, лишенного какой-либо яркой национальной специфики убеждения в возмутительности, недопустимости и даже греховности лжи и достоинствах правды. Данная установка культуры воплощается при актуализации неперформативных позиций глагольной лексемы (*врёши, врёт, не ври*) и автореферентного отрицания (*я не вру*). Очевидно, что для выбора говорящим лицом анализируемых предикатов лжи и болтовни не имеют особого значения тема разговора или статус его адресата. Оценка, обличенная говорящим в форму глагольного слова, ориентирована на его собственное мнение, установки и предпочтения, сформированные культурой, и направлена на внешний универсум. Предикаты лжи и болтовни дают возможность или право сообщать об аморальности как поступка человека, так и содержания его речи – обличаемый, зная правду, подменяет ее гнусной ложью, подлым обманом или клеветой, и предикаты несут осуждение этой нравственно-поведенческой тактики.

С ядерной перформативной формой *вру* более сложно сопряжены уже функции-антагонисты. Перформатив обслуживает фундаментальную семиотическую оппозицию «свой / чужой», вливаясь в ряд ее многочисленных и разнокодовых языковых коррелятов, и служит для консолидации или же разъединения говорящего и собеседника (собеседников). Здесь приобретает важность фактор темы разговора. Если в дискурсивном фоку-

се находятся обыденная действительность, повседневная жизнь, рядовые события, привычные вещи, то говорящему лицу допустимо полагать, что и сам дискурс разворачивается внутри присвоенного им «жизненного мира». Чужое и чуждое – *в сей час* – отступает за пределы пространства коммуникации, оказывается несущественным и несуществующим. Разговор идет на равных: социовозрастной статус собеседников вне эмпатии говорящего, и даже максимально возможные различия между ним и другими участниками разговора нивелированы. Содержание сообщения, введенное перформативом *вру*, конечно, воспринимается как неправда, появившаяся, однако, в результате невольного заблуждения, и нравственные качества автора утверждения не подпадают под этическую оценку. А поскольку в общении между своими нет препон и помех, указать на неправду, т.е. выполнить чужую задачу (адресата), может и сам автор. Ведь искажение истины в данных обстоятельствах – это не циничное бесстыдство, а только ошибка. Речеповеденческий акт при этом интерпретируется односторонне, лишаясь своей деятельностной ипостаси.

Самая специфичная функция описываемых лексем реализуется при воздействии сразу двух факторов. Во-первых, с точки зрения говорящего, он и его собеседники принадлежат к разным «жизненным мирам» и граница между ними крайне резка, отчетлива, несомненна. Коммуникантов разделяют очень многие аспекты, связанные с базовым уровнем идентичности: возраст, жизненный опыт, образование, место жительства и пр. Во-вторых, важна тема беседы, ведущейся о своем для одной из сторон мире. Предикаты речевого поведения дают говорящему возможность продемонстрировать это диалектного лингвокультурного сообщества – то «должное», которое ориентировано уже не на внутреннюю оценку, а на феномен «Другого» – оценку внешнюю. При этом меняется и объект оценки, выражаемой глаголом: говорящий указывает на личную неидеальность (несовершенство, изъяны, пороки, недостатки, слабые стороны или даже грехи), т.е. выносит приговор не миру вокруг себя, а собственному месту в нем. Эта оценка и находит свое отражение и выражение в семантической системе языка. Следовательно, посредством актуализации предикатов лжи и болтовни в перформативной позиции парадоксальным образом начинает действовать двунаправленный механизм отчуждения говорящего от адресата и одновременно его объединения с собственной «мы-группой». «Подрывной фактор» (З. Вендлер) глаголов *врать*, *болтать* и их синонимов направлен на дискредитацию не содержания (правдивости) речи, а на правомочность трактовки этого содержания говорящим и даже более того – правомочность самой речи в данных обстоятельствах. Оценка речеповеденческого акта вновь оказывается неполной, но на сей раз выхолощена, устранена за ненадобностью ее истинностная составляющая.

Ценности национальной культуры, ее предпочтения, скрепы и константы не всегда явлены прямо, зачастую они раскрываются и осмысляются человеком «от противного», от оппозита, без которого невозможны целостность и полнокровность этической картины мира. Чем обильнее типи-

зирован лексикой и фразеологией отрицательный полюс той или иной моральной дилеммы, тем более для данной лингвокультуры значим ее положительный полюс, и осуждаемые разновидности изъянов и пороков дают каждому представление о читых добродетелях и уважаемых достоинствах. Таким образом, предикаты лжи и пустословия высовечивают, показывают важность правды и глубокого смысла, которые якобы профанируются ими. Широта и частотность употребления в диалектном дискурсе предикатов речевого поведения из представленных лексических группировок свидетельствуют о важности восприятия и оценки не только правды / неправды, но и постоянном учете должного состояния окружающей действительности. Утвердившаяся (в том числе под влиянием православия) «словоцентричность» русского мира позволяет носителю традиционной культуры маркировать свое предполагаемое несоответствие высоким этическим идеалам – разного плана – через несоблюдение речеповеденческих установок. При этом сложная природа двойственной оценки, выражаемой предикатами лжи и болтовни, более ярко прописывает в «низкой» дискурсивной практике, которая допускает употребление коннотирующих перформативных форм, невозможное для «высоких» текстов. Своебразие русской культуры, вырабатывавшееся в течение столетий, обнаруживает свою глубинную природу в том числе и в функционировании глаголов речевого поведения.

Локалы

Алт. – алтайские, амур. – амурские, арх. – архангельские, брян. – брянские, владимир. – владимирские, волог. – вологодские, ворон. – воронежские, забайк. – забайкальские, иркут. – иркутские, калуж. – калужские, киров. – кировские (вятские), кольск. – кольские, костром. – костромские, краснояр. – красноярские, курск. – курские, ленингр. – ленинградские, моск. – московские, мурман. – мурманские, новг. – новгородские, новос. – новосибирские, олон. – олонецкие, пенз. – пензенские, перм. – пермские, печор. – печорские, прииртыш. – прииртышские, псков. – псковские, самар. – самарские, сарат. – саратовские, свердл. – свердловские (екатеринбургские), сев.-двин. – северо-двинские, селиг. – селигерско-торжковские, смол. – смоленские, среднеур. – среднеуральские, талиц. – талицкие, тул. – тульские, тюмен. – тюменские, урал. – уральские, ярослав. – ярославские говоры; карел. – русские говоры Карелии, морд. – русские говоры Мордовии, татар. – русские говоры Татарстана.

Литература

1. Толстая С.М. Звуковой код традиционной культуры // Мир звучащий и молчящий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 9–16.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. 536 с.
3. Хаймс Д.Х. Два типа лингвистической относительности (с примерами из этнографии американских индейцев) (1966) // Новое в лингвистике. Вып. 7: Социолингвистика. М., 1975. С. 229–298.
4. Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007. 336 с.
5. Топоров В.Н. Санскрит и его уроки // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М., 1985. С. 5–29.

6. Мечковская Н.Б. Чем белорусы отличаются от русских? // Мячкоуская Н. Мовы и культура Беларусі. Мінск, 2008. С. 159–172.
7. Личковах В.А. Эстетические транспозиции идей исихазма в отечественном авангарде и постмодерне // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2014. № 3 (15). С. 115–124.
8. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : дис. в виде науч. докл., представленная на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 1–73.
10. Гольдин В.Е. Речь в традиционной сельской культуре // Аванесовские чтения. М., 2002. С. 77–79.
11. Чернейко Л.О. Культура речи в свете этики ответственности // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2014. № 2-1. С. 245–260.
12. Мечковская Н.Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе // Язык о языке. М., 2000. С. 363–380.
13. Хороненко С.С. Глагольная лексика со значением передачи сообщения адресату: семантический язык и классификация лексико-семантической группы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. Филологические науки. Языкоznание. 2010. С. 166–175.
14. Чупрякова О.А., Сафонова С.С. Семантика и функционирование глаголов речемыслительной деятельности в русском диалектном пространстве Республики Татарстан // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 164–172.
15. Арутюнова Н.Д. Речеповедческие акты и истинность // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 585–616.
16. Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 557–574.
17. Толстая С.М. Славянские параллели к русским *verba* и *nomina dicendi* // Язык о языке. М., 2000. С. 172–190.
18. Макеева И.И. Языковые концепты в истории русского языка // Язык о языке. М., 2000. С. 63–155.
19. Батурина Т.М. Глаголы речевой деятельности в древнерусском житийном тексте: функционально-семантический аспект // Вестник Волгоградского университета. Сер. 2. Языкоznание. 2009. № 2 (10). С. 38–42.
20. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.
21. Красухин К.Г. Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские источники // Язык о языке. М., 2000. С. 23–44.
22. Толстая С.М. Многозначность // Толстая С.М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 15–49.
23. Арутюнова Н.Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 574–585.
24. Гирц К. Интерпретация культуры. М., 2004. 560 с.
25. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М. : Мысль, 2001.
26. Редфилд Р. Малое сообщество: Крестьянское общество и культура // Отечественная история. 1994. № 6. С. 7–18.
27. Ведлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238–250.

Словари

(В) Воробьев Б.Д. От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд»: Словарь синонимов, характеризующих человека. Екатеринбург, 1999. 75 с.

- (ВС) Вершининский словарь. Томск, 1998–2002. Т. 1–7.
- (Д) Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. (1880–1882). М., 1978.
- (К) Королева Е.Е. Диалектный словарь одной семьи (Пытоловский район Псковской области). Даугавпилс, 2000. Ч. 1–2.
- (Л) Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000. 188 с.
- (МАС) Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1983.
- (ОСРЯ) Обратный словарь русского языка. М., 1974. 944 с.
- (П) Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1910–1914.
- (РСС) Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998–2007. Т. 1–4.
- (С) Селигер. Материалы по русской диалектологии: словарь : в 2 т. СПб., 2003–2004.
- (САР) Словарь Академии Российской. 1789–1794. М., 2001. Т. 1–6.
- (СДЯ) Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Авансов. М., 1988–2012.
- (СРГП) Словарь русских говоров Приамурья. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007. 544 с.
- (СРГС) Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. Новосибирск, 1999–2006.
- (СРЯ) Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
- (СРНГ) Словарь русских народных говоров. М., 1965–2016. Вып. 1–49.
- (ТСРГ) Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999. 704 с.
- (Ф) Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : пер. с нем : в 4 т. (1950–1958). М., 1964–1973.

“NO, I AM NOT LYING” VS. “NO, I AM LYING”: TRADITIONAL CULTURE IN THE MIRROR OF PREDICATES OF PROFANE SPEECH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 67–97. DOI: 10.17223/19986645/54/5

Galina V. Kalitkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dasty2@yandex.ru

Keywords: traditional culture, dialect, speech behaviour predicate, profane speech, performatives.

The article analyses the predicates of profane speech behaviour, which occupy an important place in the “word-centred” Russian culture and function in modern everyday discourse. The aim of the article is to identify the purpose of their self-reference forms in the linguistic culture. The study focuses on verbs that are relevant to dialect discourse practice. Taking into account the common cognitive basis of dialects of one language, the author used Volumes 2 and 3 of SRNG, a number of regional dictionaries and the Central Ob Dialect Archive to compile an open lexical group of predicates with an integral seme “to speak”, “to inform the addressee about something (information, thoughts, etc.) through speech”, and with different semantic components that create two oppositions: “conformity/discrepancy of the reported to reality” and “meaningfulness/meaninglessness of the reported”. The all-Russian verbs *vrat'* [to lie] and *boltag'* [to chatter] can be considered bright representatives of this group.

To solve standard communicative tasks, the speaker uses the analysed words in non-performative positions (*vresh' / boltaesh'*, *vret / boltaet, ne vru / ne boltayu*). In this case, the verbs express the speaker's inner position, which unites ethical and truthful assessment aimed at the outside world (a speech-behavioural act).

Using discourse analysis, it was found that the ethos of the dialect linguistic culture, under certain conditions, prescribes the actualisation of the predicates of lying and chattering, even within the strict performative framework. The self-referential use of the verbs *vrat'*, *boltat'* and their numerous synonyms leads to the unevenness of the expressed ethical and true/liel assessment and the change of their object. The study of the contexts of actualization revealed the conditions and reasons for the shift of empathy in the direction “author → text” and “text → author”. Both the classic performative form *vru / boltayu* and word forms which go beyond the present tense indicative and are supplemented with variations of modality are equally designed to serve the fundamental semiotic opposition “Us vs. Them”; they become a kind of its language correlates. When speakers include the addressee in the universe of their “life world”, the interpretation of the speech act is deprived of its “behavioural” component. The author ceases to be the object of assessment of the lie- or chatter-predicate. With the recognition of its estrangement from the interlocutor, the ethos of traditional culture makes speakers explicate an external assessment of themselves and their place in the world. As a result, assessment expressed by the predicates *vrat'* and *boltat'* loses its truth component, since the author becomes the object of assessment.

Thus, the functional importance and the complex nature of the predicates *vrat'* and *boltat'* better shows in the “low” texts of culture, which allow their performative actualization, which is not characteristic of its “high” precedents.

References

1. Tolstaya, S.M. (1999) *Zvukovoy kod traditsionnoy kul'tury* [The sound code of traditional culture]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan* [The sounding and silent world: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow: Indrik.
2. Levi-Strauss, C. (1985) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Translated from French. Moscow: Nauka.
3. Hymes, D. (1975) Dva tipa lingvisticheskoy otnositel'nosti (s primerami iz etnografii amerikanskikh indeytsev) (1966) [Two types of linguistic relativity (with examples from the ethnography of American Indians) (1966)]. *Novoe v lingvistike*. 7. pp. 229–298.
4. Vendina, T.I. (2007) *Iz kirillo-mefodievskogo naslediya v yazyke russkoy kul'tury* [From the Cyril and Methodius legacy in the language of Russian culture]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.
5. Toporov, V.N. (1985) *Sanskrit i ego uroki* [Sanskrit and its lessons]. In: Bongard-Levin, G.M. (ed.) *Drevnyaya Indiya: Yazyk. Kul'tura. Tekst* [Ancient India: Language. Culture. Text]. Moscow: Nauka.
6. Mechkovskaya, N.B. (2008) *Movy i kul'tura Belarusi* [Languages and culture of Belarus]. Minsk: Prava I ekonomika. pp. 159–172.
7. Lichkovakh, V.A. (2014) *Esteticheskie transpozitsii idey isihazma v otechestvennom avangarde i postmoderne* [Aesthetic transpositions of the idea of Hesychasm in Russian avant-garde and postmodernism]. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova*. 3 (15). pp. 115–124.
8. Gol'din, V.E. (1997) *Teoreticheskie problemy kommunikativnoy dialektologii* [Theoretical problems of communicative dialectology]. Philology Dr. Diss. Saratov.
9. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Pt. 1. Moscow: Gnozis. pp. 1–73.
10. Gol'din, V.E. (2002) [Speech in traditional rural culture]. *Avanesovskie chteniya* [Avanesov Readings]. Proceedings of the International Conference. Moscow: MAKS Press. pp. 77–79. (In Russian).
11. Cherneyko, L.O. (2014) *Kul'tura rechi v svete etiki otvetstvennosti* [Culture of speech in the light of the ethics of responsibility]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova – Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2-1. pp. 245–260.

12. Mechkovskaya, N.B. (2000) Metayazykovye glagoly v istoricheskoy perspektive [Meta-language verbs in the historical perspective]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
13. Khoronenko, S.S. (2010) Verbal lexis with the meaning of message transfer to the addressee: semantic language and classification of a lexicosemantic group. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki. Filologicheskie nauki. Yazykoznanie – Vestnik of Polotsk State University. Series A: Humanitarian Sciences. Linguistics*. 7. pp. 166–175. (In Russian).
14. Chupryakova, O.A. & Safonova, S.S. (2016) Verbs of saying and thinking in the Russian dialect space of the Republic of Tatarstan: semantics and functioning. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1 (43). pp. 164–172.
15. Arutyunova, N.D. (1999) Rechepovedenchеские акты и истинность [Speech behavior acts and truthfulness]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
16. Arutyunova, N.D. (1999) Istina i etika [Truth and Ethics]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
17. Tolstaya, S.M. (2000) Slavyanskie parallel'i k russkim verba i nomina dicendi [Slavic parallels to the Russian verba and nomina dicendi]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
18. Makeeva, I.I. (2000) Yazykovye kontsepty v istorii russkogo yazyka [Language concepts in the history of the Russian language]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
19. Baturina, T.M. (2009) Glagoly rechevoy deyatel'nosti v drevnerusskom zhitiynom tekste: funktsional'no-semanticheskiy aspekt [Verbs of speech activity in the Old Russian hagiographic text: a functional-semantic aspect]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Ser. 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2 (10). pp. 38–42.
20. Tolstaya, S.M. (2002) Motivatsionnye semanticheskie modeli i kartina mira [Motivational semantic models and the picture of the world]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1 (3). pp. 112–127.
21. Krasukhin, K.G. (2000) Slovo, rech', yazyk, smysl: indoevropeyskie istoki [Word, speech, language, meaning: Indo-European sources]. In: *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: [s.n.].
22. Tolstaya, S.M. (2008) *Prostranstvo slova: Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoy perspektive* [The space of the word: Lexical semantics in the all-Slavic perspective]. Moscow: Indrik. pp. 15–49.
23. Arutyunova, N.D. (1999) Vtorichnye istinnye otsenki: pravil'no, verno [Secondary truth estimates: correct, right]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
24. Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kul'tury* [The interpretation of cultures]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
25. Stepina, V.S. (ed.) (2001) *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl'.
26. Redfield, R. (1994) Maloe soobshchestvo: Krest'yanskoe obshchestvo i kul'tura [A small community: Peasant society and culture]. Translated from English. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 7–18.
27. Vendler, Z. (1985) Illlokutivnoe samoubiystvo [Illocutionary suicide]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 238–250.

Dictionaries

- (V) Vorob'ev, B.D. (1999) *Ot abaltusa do uglanchika, i kto takoy "yad": Slovar' sinonimov, kharakterizuyushchikh cheloveka* [From abaltus to uglanchik, and who is yad: Dictionary of synonyms, characterizing a person]. Ekaterinburg: [s.n.].

- (VS) Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Vols 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
- (D) Dahl, V.I. (1978) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. (1880–1882)* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols (1880–1882)]. Moscow: Russkiy yazyk.
- (K) Koroleva, E.E. (2000) *Dialektnyy slovar' odnoy sem'i (Pytalovskiy rajon Pskovskoy oblasti)* [Dialectal dictionary of one family (Pytalovsky District, Pskov Oblast)]. Parts 1–2. Daugavpils: Saule.
- (L) Lyutikova, V.D. (2000) *Slovar' dialektnoy lichnosti* [Dictionary of a dialect personality]. Tyumen: Tyumen State University.
- (MAS) Evgen'eva, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Rus. yaz.
- (OSRYa) Vasmer, M. (ed.) (1974) *Obratnyy slovar' russkogo yazyka* [The reverse dictionary of the Russian language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- (P) Preobrazhenskiy, A.G. (1910–1914) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 2 vols]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.
- (RSS) Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998–2007) *Russkiy semanticheskiy slovar': Tolkovyy slovar', sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian semantic dictionary: Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Moscow: Azbukovnik.
- (S) Gerd, A.S. (ed.) (2003–2004) *Seliger. Materialy po russkoy dialektologii. Slovar': v 2 t.* [Seliger. Materials on Russian dialectology. Dictionary: in 2 vols]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- (SAR) RAS. (2001) *Slovar' Akademii Rossiiyskoy. 1789–1794* [Dictionary of the Russian Academy. 1789–1794]. Vols 1–6. Moscow: MIKh.
- (SDYa) Avanesov, R.I. (ed.) (1988–2012) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries): in 10 vols]. Moscow: Rus. yaz.
- (SRGP) Galuza, O.Yu. et al. (eds) (2007) *Slovar' russkih govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Amur region]. 2nd ed. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.
- (SRGS) Fedorov, A.I. (ed.) (1999–2006) *Slovar' russkih govorov Sibiri: v 5 t.* [Dictionary of Russian dialects of Siberia: in 5 vols]. Novosibirsk: Nauka.
- (SRYa) Krys'ko, V.B. (ed.) (1975–2008) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Is. 1–28. Moscow: Nauka.
- (SRNG) Filin, F.P. (ed.) (1965–2016) *Slovar' russkih narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Is. 1–49. Moscow: Nauka.
- (TSRG) Babenko, L.G. (ed.) (1999) *Tolkovyy slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST PRESS.
- (F) Vasmer, M. (1964–1973) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. (1950–1958)* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols (1950–1958)]. Translated from German. Moscow: Progress.

УДК 81'373.7: 124.5
DOI: 10.17223/19986645/54/6

Ж.В. Краснобаева-Чёрная

**ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО,
АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Реконструируется ценностная картина мира с актуализацией ее структурной организации во фразеологии на материале русского, украинского, английского и немецкого языков. Ценностная картина мира представлена 6 уровнями и 12 общечеловеческими ценностями (деньги, дружба, закон, здоровье, красота, любовь, мир, свобода, семья, справедливость, успех, честность). Описание ценностей осуществлено с помощью метода параметрического анализа семантической структуры фразеологизма с акцентуацией оценочного макрокомпонента и метода тематических полей.

Ключевые слова: оценочная категоризация, фразеологическая аксиологическая оппозиция, фразеологическая единица, ценность, ценностная картина мира.

Теория языковой картины мира находится в центре интересов лингвистов уже достаточно длительное время и не теряет своей актуальности. Современные исследования языковой картины мира (ЯКМ) ведутся в двух направлениях: 1) реконструкция системы представлений, отраженной в конкретном языке (безотносительно к тому, является она специфичной или универсальной), на основании системного семантического анализа лексики определенного языка (см. работы Ю.Д. Апресяна [1], Н.Д. Арутюновой [2], А.Д. Огужа [3] и др.); 2) изучение «ключевых» для данной культуры языковых явлений (см. работы А. Вежбицкой [4], А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева [5], О.А. Корнилова [6], В.М. Русановского [7] и др.).

Термин *языковая картина мира* получил многочисленные интерпретации, что обусловило разные взгляды на закономерности проявления и соотношения с другими типами картин мира. В статье за рабочую принимаем дефиницию В.А. Масловой, которая под ЯКМ понимает «целостный, глобальный образ мира, находящий знаковое отображение в системе национального языка и запечатлённый в лексике, фразеологии, грамматике» [8. С. 50]. ЯКМ по отношению к конкретному языку всегда национальноязыковая. В любом из естественных языков находят отражение исторические, географические, культурные, социальные и индивидуальные факторы развития нации. Воспринимаемые человеческим сознанием, они, по мнению Ю.С. Степанова, подвергаются воздействию ментальных процессов категоризации и концептуализации, в результате чего и возникает национальноязыковая картина мира [9. С. 43].

Современное языкознание актуализирует необходимость исследования ценностной картины мира (см. работы Е.В. Бабаевой [10], С.Н. Виноградова [11], В.А. Масловой [12], Л.А. Сергеевой [13], В. Телия [14]), которая (как и концептуальная картина мира) функционирует в пределах национально-языковой картины мира и выполняет функцию источника знаний о национальном характере и менталитете через систему ценностей. Описанию ценностной картины мира (ЦКМ) посвящен целый ряд специальных работ, основанных на идеях В.И. Карасика, согласно которым: 1) ЦКМ в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины характеризуется различной номинативной плотностью объектов, различной оценочной квалификацией объектов, различной комбинаторикой ценностей; 2) ЦКМ в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами; 3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры; 4) в ЦКМ существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке; 5) ЦКМ в рамках одной языковой культуры представляет собой неоднородное образование, поскольку у различных социальных групп могут быть различные (порой контрадикторные) ценности; 6) ценностные картины мира существуют как в коллективном, так и в индивидуальном сознании [15. С. 5].

О.В. Герасимович предлагает описание аксиологической триады «вера, надежда, любовь» (на материале восточнославянских лингвистических словарей), которая служит для обозначения высших христианских добродетелей, принадлежит сфере человеческих отношений и отношения к Богу и поэтому наиболее полно отражает духовное богатство народа [16]. О.А. Емельянова рассматривает структуру типа *Life is about people* как средство доступа к ЦКМ, как одну из словесных моделей ценностей, создаваемых носителями языка (по данным, приводимым на сайте Ngram Viewer, примерам из Британского национального корпуса и текстам современных англоязычных художественных произведений) [17]. Я.О. Сулейманова анализирует оценочную семантику русских пословиц с компонентами *огонь, вода, земля и воздух* с целью выявить ценности русской культуры, содержащиеся во внутренней форме фольклорных афоризмов [18]. В основе экспериментального исследования «Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира» Н.С. Федосюткиной лежит психолингвистический подход, что даёт возможность связать вербальное описание осознаваемых ценностных представлений с психикой человека. С опорой на теорию языкового сознания, концепцию лексикона и картины мира человека лингвист предложила новый взгляд на фиксацию и функционирование ценностного компонента и его базовые составляющие [19].

Потенциал прецедентных феноменов как средства выражения новых ценностных ориентиров молодежи в условиях культурной и языковой экспансии изучает М.А. Фокина [20]. Автор делает вывод, что прецедентные феномены в текстах молодежных журналов отражают трансформацию ценностной картины мира современной молодежи.

Проблема реконструкции ЦКМ с актуализацией ее структурной организации во фразеологии на материале русского, украинского, английского и немецкого языков не исследовалась ни в отечественном, ни в зарубежном языкоизнании, что определяет цель и актуальность статьи.

Объектом исследования выступает ценностная картина мира во фразеологии. Предметом исследования являются фразеологизмы-репрезентанты ценностей в русском, украинском, английском и немецком языках.

Материал исследования составляют 6206 фразеологизмов-репрезентантов категории ценности (1549 ед. русского, 1555 ед. украинского, 1550 ед. английского, 1552 ед. немецкого языков), зафиксированных в авторитетных фразеографических изданиях русского [21], украинского [22], английского [23] и немецкого [24] языков. Описание ценностей осуществлено с помощью метода параметрического анализа семантической структуры фразеологической единицы (ФЕ) с акцентуацией оценочного макро-компоненты и метода тематических полей, т.е. через фразеосемантические поля, группы и подгруппы.

ЦКМ рассматривается в статье как осмысление мира человеком, фрагментов этого мира и статуса человеческой личности в этом мире через оценочную категоризацию в оппозиции ценностей и неценостей. Квалификационные признаки ЦКМ, выделенные нами в рамках аксиофразеологической прагматики [25], можно обобщить и сформулировать так:

1. Доминирующую роль в создании ЦКМ играет оценочная категоризация – формирование ценностей вследствие оценочного осмысления объектов окружающей среды.

2. ЦКМ предстает как ментальная структура, сформированная блоками оценочных категорий. Ценность измеряется в системе «возможных оценок» на разных уровнях языка (морфологическом, лексическом, синтаксическом и т.д.).

3. Категория ценности – это лингвофилософская и лингвокультурологическая категория с присущими ей значимостью, интенциональностью и биполярностью, которые предполагают обязательное апеллирование к антиномии «ценность – неценность» (например, мир – война, здоровье – болезнь, честность – обман и т.д.).

4. Ценности в ЦКМ имеют релятивный характер, определяемый через связь с неценностью, т.е. раскрытие содержания ценности, ее структурной организации зависит от оппозиционной единицы: понятия «хорошо» и «плохо» имплицируют наличие друг друга и формируют вокруг себя семантическое пространство, представленное в статье фразеологическими единицами.

5. Ценность состоит из различных темпоральных и генетических слоев и является динамичным явлением, поскольку ее содержание и структура,

взаимосвязи с другими ценностями зависят от изменений в сознании человека и общества. Проследить характеристику качественных изменений процесса трансформации ценностей позволяет именно фразеология.

6. ЦКМ характеризуется уровневой структурой. Ценности в ЦКМ расположены по уровням, основой формирования которых являются типологические параметры ценности. В исследовании применена классификация ценностей с выделением социальных, витальных, этических, эстетических, материальных и других ценностей.

Таким образом, ЦКМ представлена в статье 6 уровнями (социальным, витальным, материальным, этическим, правовым, эстетическим) и 12 общечеловеческими ценностями: «деньги», «дружба», «закон», «здоровье», «красота», «любовь», «мир», «свобода», «семья», «справедливость», «успех», «честность» (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Структура ЦКМ во фразеологии: количественная презентация, %

Уровень ЦКС	Ценность	Общее кол-во единиц ценности	Общее кол-во единиц уровня
Социальный	Свобода	29,1	54
	Семья	10,7	
	Успех	5,9	
	Любовь	4,7	
	Дружба	1,9	
	Мир	1,7	
Витальный	Здоровье	27,4	27,4
Материальный	Деньги	9,2	9,2
Этический	Честность	3,4	4,9
	Справедливость	1,5	
Правовой	Закон	3	3
Эстетический	Красота	1,5	1,5
Всего		100	100

ЦКМ может быть расширена познавательными, гедонистическими, утилитарными, религиозными, политическими уровнями и дополнена ценностями «вера», « власть », « истина », « наслаждение », « патриотизм », « слава », « счастье », «уважение» и др. с заполнением сегментного пространства меньше 0,5%. В работе количественным критерием избран 1,5%. Это, в свою очередь, сделало невозможным целесообразность учета указанных ценностей. Итак, сегментное пространство ЦКМ распределяется таким образом: «свобода» (29,1%), « здоровье » (27,4%), « семья » (10,7%), « деньги » (9,2%), « успех » (5,9%), « любовь » (4,7%), « честность » (3,4%), « закон » (3%), « дружба » (1,9%), « мир » (1,7%), « красота » (1,5%), « справедливость » (1,5%).

Каждая из 12 ценностей ЦКМ охарактеризована через фразеологические аксиологические оппозиции (ФАО), под которыми понимаем единство двух блоков, представленных ФЕ: первый составляют ФЕ, семантика

которых коррелирует с ценностями, а второй – ФЕ, семантика которых коррелирует с неценостями. Иерархия ФАО отражает особенности кодирования информации о ценностных стратегиях человека в семантике ФЕ сопоставляемых языков. Удельный вес ФАО в распределении информации о ЦКС того или иного языка представлен в табл. 2.

Таблица 2
Количественная презентация фразеологических аксиологических оппозиций
в ЦКС: сопоставительный аспект, %

Ценность	Фразеологическая аксиологическая оппозиция	Язык			
		укр.	рус.	англ.	нем.
Свобода	Свободный (от гнета, власти, воли) – зависимый	6,3	10,5	5	3,2
	Физическая свобода – лишение свободы как вид наказания	0,4	0,7	1	2,3
	Психологическая свобода – ограничение свободы как проявление страха	12,1	8,7	13,2	11,6
	Свободное время – рабочее время	13,7	12	7,5	5,5
Семья	Брак – отсутствие брака	7,5	7,8	7	6,1
	Иметь семью – не иметь семьи	3,4	2,7	3,8	5,4
Успех	Наличие успеха – отсутствие успеха	3,8	5,1	13,4	5,3
Любовь	Любить – не любить	6,2	3,1	4,5	3,2
Дружба	Быть в дружеских отношениях – поссориться	0,6	1,7	4,8	2,2
Мир	Мир – война	0,2	1,5	4,3	3
Здоровье	Физически здоровый – физически нездоровый	9,7	9	5,6	9,6
	Психически здоровый – психически нездоровый	10,2	13,4	7,8	7
	Здоровый образ жизни – вредные привычки	4,5	10,9	5	9,9
	Правильно питаться – неправильно питаться	3,6	1,6	0,5	2,6
Деньги	Наличие денег – отсутствие денег	8,5	4	6	13,8
Честность	Честные действия – нечестные действия	3,5	4,1	4,3	2,1
Справедливость	Справедливые действия – несправедливые действия	2,2	1	0,7	1
Закон	Действовать по закону – нарушать закон	1,3	1,3	4,6	4,9
Красота	Красивый – некрасивый	2,3	0,9	1	1,3
Всего		100	100	100	100

По данным табл. 2, первые три позиции в русской фразеологии занимают ФАО «Психически здоровый – психически нездоровый», «Свободное время – рабочее время», «Здоровый образ жизни – вредные привычки»; в украинской фразеологии – ФАО «Свободное время – рабочее время», «Психологическая свобода – ограничение свободы как проявление страха», «Психически здоровый – психически нездоровый»; в английской фразеологии – ФАО «Наличие успеха – отсутствие успеха», «Психологическая

свобода – ограничение свободы как проявление страха», «Психически здоровый – психически нездоровий»; в немецкой фразеологии – ФАО «Наличие денег – отсутствие денег», «Психологическая свобода – ограничение свободы как проявление страха», «Здоровый образ жизни – вредные привычки». Итак, определенно значимыми являются ФАО «Психологическая свобода – ограничение свободы как проявление страха» ценности «свобода» и ФАО «Психически здоровый – психически нездоровий» ценности «здоровье». Акцентируем внимание на актуальности ценностей «успех» для английской культуры и «деньги» для немецкой, что полностью совпадает с интерпретацией ЦКМ во фразеологии.

Последнее место (по количественной представленности) в русской фразеологии занимает ФАО «Физическая свобода – лишение свободы как вид наказания», в украинской – ФАО «Мир – война», в английской – ФАО «Правильно питаться – неправильно питаться», в немецкой – ФАО «Справедливые действия – несправедливые действия».

В идеографической парадигме компоненты ФАО соответствуют фразеосемантической группе с последующим членением на фразеосемантические подгруппы (ФСПГ). Последние рассматриваются в статье как совокупность ФЕ, объединенных дифференциальной семой, по которой различают единицы одного и того же класса и которая связывает их оппозиционными отношениями сходства или противопоставления. Далее предлагаю перечень ФСГ и ФСПГ по уровням ЦКМ, что позволит увидеть ее целостный, глобальный образ и всесторонне осмыслить то, что важно / неважно для носителей анализируемых языков.

1. Социальный уровень ЦКС представляет формат «человек – общество», основанный на недеструктивных формах сосуществования человека в обществе, и включает ценности «свобода», «семья», «успех», «любовь», «дружба», «мир».

Ценность «свобода» во фразеологии анализируемых языков сформирована 4 ФАО:

1) ФАО «Свободный (от гнета, власти, воли) – зависимый»:

а) ФСПГ «Быть независимым, иметь свободу действий» (*вольная птица [пташка]*; укр. *сам собі пан* (голова, хазяїн і т. ін.); англ. *a free agent*; нем. *die Fesseln abstreifen*);

б) ФСПГ «Быть зависимым, подчиняться» (*в лапах*; укр. *під чоботом*; англ. *be wax in smb.'s hands*; нем. *in die Klemme geraten*);

в) ФСПГ «Давать свободу действий» (*давать волю* (1)¹; укр. *вирвати з пазурів*; англ. *give a (the) green light to smb.*; нем. *die Fesseln sprengen*);

г) ФСПГ «Лишать свободы действий, подчинять, порабощать» (*вить верёвки*; укр. *держати (тримати) [як (наче)] на цепу (на ланцюг)*; англ. *twist (wind, wrap) smb. around (round) one's little finger*; нем. *j-n unter dem Daumen halten*);

¹ Здесь и далее количественный показатель около фразеологизма указывает на значение многозначной ФЕ, подданное в словаре.

2) ФАО «Физическая свобода – лишение свободы как вид наказания» (англ. *at large* (1); нем. *auf freiem Fuß sein* и *брать под стражу* [*под караул*]; укр. *забити в кайдани* (*в колодку*), уст.; англ. *up the river*, разг.; нем. *durchs Sieb gucken*, жарг.);

3) ФАО «Психологическая свобода – ограничение свободы как проявление страха»:

а) ФСПГ «Испытывать страх» (*поджилки трясутся*; укр. [аж] *холоне / захололо* (*захолонуло, похолонуло*) *серце* (*в серці*); англ. *give smb. the creeps*, разг.; нем. *das Herz fiel ihm in die Hosen*);

б) ФСПГ «Пугать, нагонять страх» (*вгонять в пот* (2); укр. *наганяти* (*нагонити*) / *нагнати холоду*; англ. *chill one's (the) spine*; нем. *j-m weiche Knie machen*);

в) ФСПГ «Ужас» (*небо с <в> овчинку кажется*, прост.; укр. [аж] *волосся піднімається* (*підймається, встає, лізе і т. ін.*) / *піднялося* (*встало, полізло і т. ін.*) *вгору* (*догори*); англ. *curl smb.'s hair*, разг.; нем. *mir schaudert die Haut*);

г) ФСПГ «Проявлять беспокойство, беспокоиться, волноваться» (*как будто, словно, точно*] на иголках; укр. *душа (серце) не на місці*; англ. *sick at heart*; нем. *einen Stachel im Fleisch haben*);

д) ФСПГ «Вызвать волнение, тревожить» (*выворачивать душу*; укр. *кидати / кинути жарину в серце* (*в груди*); англ. *keep smb. on tenterhooks*; нем. *j-m Sorge machen*);

е) ФСПГ «Быть в опасности» (*висеть [держаться] на волоске [на ниточке]*; укр. *під ударом*; англ. *be at stake*; нем. *der Boden brennt ihm unter den Füßen*);

ж) ФСПГ «Быть в безопасности» (*укр. вскочити і вискочити*; англ. *out of the wood*; нем. *weit vom Schuß sein*);

з) ФСПГ «Успокоиться, перестать беспокоиться, волноваться» (*как будто, словно, точно*] *гора с плеч <свалилась>*; укр. *душа стала на місце*; англ. *smooth one's (smb.'s) ruffled (rumpled) feathers*; нем. *sich selbst finden*);

и) ФСПГ «Успокаивать» (*отводить душу*; укр. *грити серце* (*душу*)); англ. *lift a load from smb.'s mind*; нем. *j-m Mut sprechen*);

й) ФСПГ «Смелый (храбрый)» (*бедовая голова (головушка)*, прост.; укр. *не з заячого пуху*; англ. *(as) bold (brave) as a lion*; нем. *eine brave Haut*);

к) ФСПГ «Несмелый (пугливый, робкий)» (*заячья душа*; укр. *страшків син*, преим. ирон.; англ. *be afraid of one's own shadow*; нем. *einen Hasen im Busen haben*);

4) ФАО «Свободное время – рабочее время»:

а) ФСПГ «Заставлять кого-либо много и напряженно работать, изнурять непосильной работой, эксплуатировать» (*выжимать [выгонять] пот*; укр. *свати кишки* (*жили*); нем. *j-n (tückig) ins Joch spannen*);

б) ФСПГ «Напряженно, усиленно работать» (*умываться потом*, прост.; укр. *натирати (набивати) мозолі*; англ. *work one's fingers to the bone*; нем. *er ist ein guter Karrengaul*);

в) ФСПГ «Озабоченный» (*не видеть (не видать) света <белого>* (1); укр. *нема коли й слова вимовити*; англ. *be dead on one's feet*, разг.; нем. *viel um die Ohren haben*);

г) ФСПГ «Бездельничать, избегать труда» (*лежать на боку [на печи]*; укр. *ледаря празнувати*, шутл.; англ. *twiddle one's thumbs*; нем. *Dauten drehen*).

Семантическое разнообразие и структурная сложность характеризируют ценность «свобода» (ФАО «Свободный (от гнета, власти, воли) – зависимый» (22,7%), ФАО «Физическая свобода – лишение свободы как вид наказания» (2%), ФАО «Психологическая свобода – ограничение свободы как проявление страха» (37,8%), ФАО «Свободное время – рабочее время» (37,5%), по выборке ценности) с абсолютным доминированием негативной оценки, т.е. подробной фиксацией проявлений неценности «несвобода» (в основном ограничение страхом и рабочим временем). В рамках ценности представлено два типа свободы: 1) «свобода от» (или «отрицательная» свобода), предусматривающая освобождение от внешней зависимости, от внешнего принуждения, свобода выбора; 2) «свобода для» («позитивная свобода»), предполагающая осознание цели использования нравственной свободы.

Ценность «семья» в анализируемых языках формируют 2 ФАО:

1) ФАО «Брак – отсутствие брака»:

а) ФСПГ «Ухаживать» (*строить куры*, шутл.; укр. *ханьки м'яти*, шутл.; англ. *dance attendance on smb.* (1); нем. *j-t die Kur machen*);

б) ФСПГ «Свататься» (*делать предложение*; укр. *слати* (*засилати, присилати, посылати*) / *заслати* (*прислать*) *старостів* (*людей*) [*за рушинами*], этн.; англ. *ask for a lady's hand*; нем. *auf Freiersfüßen gehen*);

в) ФСПГ «Согласие на брак» (*отдавать руку <и сердце>*, уст.; *подавати / подати рушини*; англ. *win smb.'s hand*; нем. *das Jawort erhalten*);

г) ФСПГ «Отказ от брака» (*подавать карету*, уст.; укр. *давати (підносити) / дати (піднести)* [*печеного*] гарбуза, шутл.; англ. *give smb. his walking (-)papers (the bird, the sack)* (2); нем. *einen Korb bekommen*);

д) ФСПГ «Вступить в брак» (*составить [сделать] партию*, уст.; укр. *уступати / уступити у закон*, уст.; англ. *a marriage of convenience*; нем. *sich ins Joch der Ehe beugen*, шутл.);

е) ФСПГ «Не вступить в брак» (*христова невеста*, уст. (2); укр. *світити волоссям* (*волосом*) (2); англ. *an old maid*; нем. *ein spätes Mädchen*, эвф.);

ж) ФСПГ «Расторгнуть брак» (укр. *роздбити (побити)* глек (глека, горщик, горщика, *макітру і т. ін.*) (2); англ. *turn over a new leaf*; нем. *ein Ehepaar von Tisch und Bett trennen*);

2) ФАО «Иметь семью – не иметь семьи»:

а) ФСПГ «Родной человек» (*кровь от крови* (1); укр. *своя кістка*; англ. *one's kith and kin*; нем. *die Bande des Blutes*);

б) ФСПГ «Неродной человек» (укр. *сояк з лівої щоки*, ирон.; нем. *Geschwister von beiden Banden*);

в) ФСПГ «Сродниться» (*врастать [прирастать] корнями; укр. серцем (душиою) приrostи; англ. a twin soul; нем. verwandte Seelen treffen sich zu Wasser und zu Lande*).

Структура ценности «семья» (ФАО «Брак (74%) – отсутствие брака (26%)» и ФАО «Иметь семью (86%) – не иметь семьи» (14%), по выборке ценности) отображает традиционный взгляд на природу семьи и фиксирует переключение ценностных ориентаций с традиционно кровных параметров семьи на параметры партнерства и личных предпочтений. В рамках ценности актуализированы вопросы продолжения рода, происхождения, отношений в семье, сходства с родителями, родства, социального одиночества, официального оформления брака и рождения внебрачных детей. Основными семейными ценностями являются счастье, согласие, продолжительность брака, верность. Около 80% украинских ФЕ-репрезентантов данной ценности представляют свадебные обрядодействия (сватовство, согласие или отказ во время сватовства, смотрины, брачная церемония и т.д.). В немецкой фразеологии реализованы проблемы сознательного прерывания беременности, усыновления, опекунства и наследства. В английской фразеологии внимание акцентируется также на семейных реликвиях и праздниках по случаю рождения детей.

Ценность «успех» представлена ФАО «Наличие успеха – отсутствие успеха:

а) ФСПГ «Достичь успеха» (*далеко пойти [уйти]; укр. добувати (здобувати) / добути (здобути) [собі] лаврів (лаври); англ. bring home the bacon, разг.; нем. den Vogel abschießen*);

б) ФСПГ «Не иметь успеха, потерпеть неудачу» (*поломать [сломать] зубы (1); укр. обпалити / обпалювати [собі (свої)] крила; англ. take a (the) knock; нем. in die Maschen geraten*);

в) ФСПГ «Создавать кому-то необходимые условия для достижения успеха» (*прокладывать [пролагать, проторять] дорогу [путь]; укр. виводити / вивести на орбіту; англ. be the making of smb. (1); нем. j-m (einer Sache) den Weg (die Wege) ebnen*);

г) ФСПГ «Препятствовать кому-либо в достижении успеха» (*вставлять [ставить] палки в колеса; укр. підставляти / підставити стілець (стільця); англ. steal the show, разг. (2); нем. j-s Pfad kreuzen*).

Ценность «успех» (ФАО «Наличие успеха (45%) – отсутствие успеха (55%)», по выборке ценности) характеризуется незначительным преимуществом негативной оценки в украинском, русском и немецком языках. В английской фразеологии успех имеет значительное количественное проявление (35% от выборки ценности) с доминированием положительно оценочного блока. В украинской и русской ЦКМ внимание в основном акцентируется на наличии / отсутствии успеха, а в английской и немецкой – еще и на признаках успеха, разновидностях успешных действий и контроле за успешностью. Это говорит об интегральности атрибуции успеха, которая отображает взаимосвязь ценностных ориентаций, личностных характеристик и поведенческой стратегии человека.

Ценность «любовь» во фразеологии образует ФАО «Любить – не любить»:

а) ФСПГ «Любить» (*открывать сердце* (1); укр. *прикипіти до серця*; англ. *lose one's heart (to smb., smth.)*; нем. *j-m zu tief ins Auge geschaut haben*);

б) ФСПГ «Сильно любить» (*не чаять души*; укр. *запалилося серце*; англ. *be (dead) nuts on*, разг. (2); нем. *bis über die Ohren verliebt sein*);

в) ФСПГ «Влюблять в себя» (*крутить голову* (1); укр. *зводити / звести з розуму (з ума)* (3); англ. *win smb.'s heart*; нем. *j-n verrückt machen*);

г) ФСПГ «Лютко ненавидеть» (*всеми фибрами [силами] души*; укр. *держати (тримати) камінь за пазухою*; англ. *hate smb. (smth.) like poison*; нем. *j-n scharf haben*, разг.).

Ценность «любовь» (ФАО «Любить (90%) – не любить» (10%), по выборке ценности) отличается от других составляющих социального уровня ЦКС значительным доминированием положительной оценки, что свидетельствует о признании ее безусловной ‘ценности’, самой сильной из всех эмоциональных потребностей человека. Ценность «любовь» во фразеологии наделена семантической емкостью (любовь к Богу, любовь к людям, любовь к Родине, любовь к искусству, родительская и сыновняя любовь и т.д. и, конечно, любовь между мужчиной и женщиной) и сопровождается отсутствием рационального обоснования.

Ценность «дружба» актуализирует ФАО «Быть в дружеских отношениях – поссориться» (*водой не разольёшь*; укр. *водити хліб-сіль* (*хліб і сіль*); англ. *a bosom friend*; нем. *Zusammenhalten wie Pech und Schwefel* и *на ножах*; укр. [*чорна*] *кішка пробігла*; англ. *a house divided against itself*; нем. *miteinander im Eisen liegen*). Акцентируем внимание на важности ценности «дружба» (ФАО «Быть в дружеских отношениях (48%) – поссориться (52%)», по выборке ценности) с отображением различных путей примирения и характеристик друга для англичан и немцев.

Ценность «мир» предстает как ФАО «Мир – война» (*складывать [слагать] оружие*; англ. *bury the hatchet*; нем. *Ruhe stiften* и *под ружьем* (2); укр. *брати / взяти зброю (меч) в руки*; англ. *(the) hot war*; нем. *Feindseligkeiten eröffnen*). В данном фрагменте ЦКМ доминирует негативный оценочный блок (ФАО «Мир (31,5%) – война (68,5%)», по выборке ценности).

2. Витальный уровень ЦКС – уровень, охватывающий комплекс медико-биологических, психологических, философских, культурных, валеологических, эзотерических, религиозных и под. знаний и определяемый проблемой поиска путей к сбалансированному существованию человека, включая гармонию души и тела.

Ценность «здоровье» представлена в исследовании 4 ФАО:

1) ФАО «Физически здоровый – физически нездоровий»:

а) ФСПГ «Крепкий, здоровый» (*здрав как бык*; укр. [*i (ще ї)*] *довбнею (поліном) не доб'єш*, ирон.; англ. *(as) sound as a bell* (1); нем. *gesund (stark) wie ein Bär*);

- б) ФСПГ «В расцвете физических сил» (во *цвете лет [сил]*; укр. *в самому соку*; англ. *(as) hard as steel*; нем. *in den besten Jahren sein*);
- в) ФСПГ «Болеть, быть истощенным» (лежать в лежку, прост.; укр. *трусилися (тирати та тримати і т. ін.) як (мов, ніби і т. ін.) у пропасниці*; англ. *far gone* (1); нем. *aus dem letzten Loch pfeifen*, разг.);
- г) ФСПГ «Физически слабый» (в чём <только> душа держится; укр. *дмухни і розспілеться (похилиться, полетить і т. ін.)*; англ. *catch a cold*; нем. *die alten Knochen wollen nicht mehr*);
- д) ФСПГ «Быть безнадежно больным» (смотреть *[глядеть] в могилу [в гроб]*; укр. *лежати на смертному (смертнім) ложі (одрі)*, книжн., уроч. (1); англ. *churchyard cough*; нем. *mit einem Bein im Grabe stehen*);
- е) ФСПГ «Худой» (живые мозги; укр. *стягнутися на нитку*; англ. *(as) thin as a lath*; нем. *vom Fleisch kommen*);
- ж) ФСПГ «Выздороветь» (набраться сил; укр. *вийти (видряпатися) з того світу*; англ. *be over the hill*, разг. (1); нем. *wieder zu Kräften kommen*);
- з) ФСПГ «Способствовать выздоровлению, вылечить» (возвратить к жизни; укр. *поставити на ноги* (2); нем. *j-n wieder auf den Damm bringen* (1));
- 2) ФАО «Психически здоровый – психически нездоровий»:
- а) ФСПГ «В нормальном психическом состоянии» (в *полном [здравом, твёрдом] рассудке*; укр. *з разумом*; англ. *be in one's right mind*; нем. *seine fünf Sinne beisammen haben*);
- б) ФСПГ «Психически ненормальный, сумасшедший» (тронутый умом [*мозгами*]; укр. *прибитий [щє] на цвіту*; англ. *(as) mad as a hatter (as a March hare)*; нем. *Spatzen im Kopf haben*);
- в) ФСПГ «Потерять способность разумно мыслить, реально воспринимать действительность» (ум *за разум заходит*; укр. *як (мов, неначе і т. ін.) розум розгубити*; англ. *come (go) all to pieces* (3); нем. *in einem Wahn befangen sein*);
- г) ФСПГ «Лишать кого-либо способности нормально мыслить или воспринимать что-то» (кружить голову (1); укр. *замемновати / заменити свідомість (розум)*; нем. *j-n von Sinnen bringen*);
- д) ФСПГ «Вернуться к состоянию нормального восприятия окружающей среды» (*падать с неба на землю*; укр. *скидати / скинути полууду з очей*; нем. *j-m seinen Wahn abenehmen*);
- е) ФСПГ «Умственно полноценный, умный» (голова [*котелок*] варит; укр. *є лій у голові*, шутл.; англ. *have (got) a (good) head on one's shoulders*; нем. *ein Mann von Kopf*);
- ж) ФСПГ «Умственно ограниченный, неумный» (набитый [*круглый*] *дурак*, прост.; укр. *не родить у черепку*, зневажл.; англ. *a silly Billy*, разг.-фам.; нем. *bei ihm ist eine Schraube locker*);
- 3) ФАО «Здоровый образ жизни – вредные привычки»:
- а) ФСПГ «Быть трезвым» (как *стёклышко* (3); укр. *хміль вийшов (вилетів, вивітрився і т. ін.) / виходить (вилітає, вивірюється і т. ін.) з голови*; англ. *(as) sober as a judge* (1); нем. *den Rausch ausschlafen*);

б) ФСПГ «Употребить алкогольный напиток» (*муху раздавить [зашибить, задавить], прост.; укр. пополоскати / полоскати в роті* (зуби, горло і т. ін.), шутл.; англ. *wet one's whistle*, разг.; нем. *etwas Pulver auf die Pfanne schütten*, шутл.);

в) ФСПГ «Находиться в состоянии опьянения» (*заливать [наливать] шары; укр. під газом, ирон.; англ. have (take) a drop, разг.; нем. einen unter der Mütze haben*, шутл.);

г) ФСПГ «Быть сильно пьяным» (*как сапожник; укр. ні рак ні жаба, шутл.; англ. (as) drunk as a lord, разг.; нем. zechen wie ein Faßbinder*);

д) ФСПГ «Проявлять пристрастие к алкогольным напиткам» (*пить как бочка, прост.; укр. молитися скляному богові (богу), шутл.; англ. drink like a fish; нем. j-n unter den Tisch trinken*);

4) ФАО «Правильно питаться – неправильно питаться»:

а) ФСПГ «Наедаться досыта» (*до отвала; укр. набивати (напихати) / набити (напхати) пельку (кендюх, черево і т. ін.); англ. make a hog (pig) of oneself; нем. essen wie ein Dachs*);

в) ФСПГ «Голодать» (*щелкать зубами, прост.; укр. класти / покласти зуби на полицю (на мисник); англ. keep body and soul together; нем. (an den) Hungerpfoten saugen*).

Квалификационным признаком данного уровня ЦКМ является подробная фиксация неценности «нездоровье» (в основном физическое и психическое): ФАО «Физически здоровый (10%) – физически нездоровий» (21%), ФАО «Психически здоровый (11%) – психически нездоровий» (25%), ФАО «Здоровый образ жизни (9%) – вредные привычки» (16%), ФАО «Правильно питаться (2%) – неправильно питаться» (6%), по выборкам ФАО), что интерпретируется во фразеологии как болезнь, паралич, безумие, умственная неполноценность, плохое самочувствие, высокая температура, головная боль, головокружение, обморок, болезненный внешний вид, наличие синяков, кашель, физические недостатки, вредные привычки (например, пристрастие к спиртным напиткам) и т.д.. В сферу негативной оценки попадают и морфологические особенности человека, в частности худоба, коррелирующая с семой ‘истощение’ и являющаяся показателем нездоровья человека.

3. Материальный уровень ЦКС – это уровень, определяющий материальное состояние человека и актуализирующий ряд важных проблем: возможность достижения благополучия и соблюдения моральных и социальных норм, соотношение понятия «деньги» и духовности человека, взаимосвязь системы ценностей человека с характером материальной перспективы, влияние уровня дохода на иерархию ценностей.

Ценность «деньги» представлена ФАО «Наличие денег – отсутствие денег»:

а) ФСПГ «Иметь деньги» (*толстый [тугой] карман; укр. повна (непорожня, набита і т. ін.) кишеня (калитка); англ. be made of money; нем. Geld hat er wie Mist*);

- б) ФСПГ «Не иметь денег» (*карманная чахотка*, прост.; укр. *без шеляга за душою*; англ. *be in low water*; нем. *mein Beutel hat die Schwindsucht*, шутл.);
- в) ФСПГ «Богатый» (*тряхнуть мошной [казной, карманом]*, прост.; укр. *міряти мірками (міркою, ковшем) гроши*; англ. *deep pockets* (2); нем. *viel Spieße haben*, жарг.);
- г) ФСПГ «Бедный» (*не с чего жить*, прост.; укр. *голий, босий і простоволосий*; англ. *take (both) ends meet*; нем. *auf dem Hund sein*, разг.);
- д) ФСПГ «Богатеть» (*становиться [вставать, подниматься] на ноги* (3); укр. *вбиватися / вбитися в колодочки (в палки, в пір'я і т. ін.)* (2); англ. *strike it rich* (2); нем. *ein Vermögen machen*);
- е) ФСПГ «Обеднеть, разориться» (*в одной рубашке*; укр. *загрузнути / рідко загрузати в злиднях*; англ. *lose one's shirt*, разг. (2); нем. *an den Bettelstab kommen*);
- ж) ФСПГ «Обеспечивать материально» (*вытаскивать из грязи*; укр. *тримати на своєму горбі* (2), фам.; нем. *j-m den Beutel spicken*);
- з) ФСПГ «Разорить» (*снимать <последнюю> рубашку*; укр. *пустити з торбою (з торбами) [по світу (по миру)]*; англ. *take the bread out of smb.'s mouth*; нем. *j-n an den Bettelstab bringen*);
- и) ФСПГ «Жить на собственные деньги» (*сводить концы с концами*; укр. *добувати хліб [свій]*; англ. *keep the pot boiling* (1); нем. *sein eigenes Brot essen*);
- й) ФСПГ «Быть на содержании» (*садиться на шею* (1); укр. *їсти чужий хліб*; англ. *be on smb. back*, разг. (2); нем. *die Beine unter fremden Tisch stecken*).

В системе ценностей большое количество денег является желательным, а маленькое – нежелательным. На фразеологическом уровне ЦКМ понятия «хорошо – много» / «плохо – мало» и «хорошо – наличие (денег)» / «плохо – отсутствие (денег)» образуют универсальные диады и соотносятся с богатой жизнью, достатком, роскошью, хорошим заработком и бедной жизнью, нуждой, лишениями, голодом, попрошайничеством, мизерным заработком (ФАО «Наличие денег (39%) – отсутствие денег» (61%, по выборке ценности), а также отображают стремление человека к обладанию деньгами. Фразеологическая амбивалентность ценности «деньги» ярко выражена в украинской фразеологии: при условии, что отсутствие денег имеет когнитивный маркер «считай, что это плохо», наличие денег должно интерпретироваться как «считай, что это хорошо», а большое количество денег – признаваться желанным; однако в исследовании зафиксировано отрицательное отношение и к богатству, и к бедности, обозначенное коннотативными семами ‘пренебрежительное’, ‘фамильярно’, ‘ироническое’.

4. Этический уровень ЦКС – это уровень нравственных идеалов, высших принципов человеческой жизни, отвечающих за здоровье общества и безопасность существования в нем и поддерживающихся моральными регулятивами.

Ценность «честность» формирует ФАО «Честные действия – нечестные действия» (*стоять на своём посту*; укр. *око в око* (4); англ. *have clean*

hands (one's hands are clean); нем. *Ehre im Leibe haben* и *втирать очки;* укр. *брати / взяти на Бога* (2); англ. *under false pretences;* нем. *j-n auf den Leim locken).*

Ценность «справедливость» актуализирует ФАО «Справедливые действия – несправедливые действия» (укр. судний день; англ. *a fair deal* (1); нем. *nach Recht und Billigkeit* и *вешать собак на шею;* укр. *ляпами грязюкою* (гряззю, болотом і т. ін.); англ. *a bad deal;* нем. *sich in den Erdboden hineinschämen).*

Уровень характеризуется доминированием негативной оценки ценностей «честность» (ФАО «Честные действия (10%) – нечестные действия (90%)», по выборке ценности) и «справедливость» (ФАО «Справедливые действия (28,2%) – несправедливые действия (71,8%)», по выборке ценности). Почти 55% ценности «честность» составляют ФЕ английского языка, а обман как проявление нечестности довольно емко представлен в украинской и немецкой фразеологии. Анализируемый фрагмент ЦКМ англичанина характеризуется также корреляцией честности, справедливости и прямоты; честности, справедливости и порядочности; честности и добросовестности. Представление о справедливости в русской и украинской фразеологии апеллирует к понятию «судьба». Соблюдение принципов честности и справедливости контролирует совесть. Нечестность и несправедливость вызывают страдания и глубокую обиду, а также чувство стыда.

5. Правовой уровень ЦКС – уровень ценностей, основанных на обязанностях и правах членов общества, регулирующих отношения между ними через законодательную базу.

Ценность «закон» предстает как ФАО «Действовать по закону – нарушать закон» (*по праву*¹; англ. *be (keep) on the right side of the law;* нем. *zu Recht bestehen* и *на месте преступления;* укр. *впійматися (пійматися, спійматися, попастися і т. ін.) на гарячому;* англ. *drive a coach and four through;* нем. *dem Teufel ein Licht anzünden).*

Отрицательный блок ценности «закон» (ФАО «Действовать по закону (13%) – нарушать закон (87%)», по выборке ценности) доминирует в украинском, русском и английском языках, в немецкой фразеологии законные действия (ФАО «Действовать по закону (85%) – нарушать закон (15%)», по выборке ценности в немецком языке) реализуются в основном путем обращения в суд и имеют типичный характер. В ЦКМ нарушение закона сравнивается с грехом и проявляется в осуществлении незаконных действий (воровство, взяточничество, подкуп, махинации, убийство), подстрекательстве к незаконным действиям, причастности к преступлению или чему-то противозаконному.

6. Эстетический уровень ЦКС – уровень ценностей, связанный с синтезом сенсорных и психологических оценок, основанных на увиденном.

Ценность «красота» образует ФАО «Красивый – некрасивый»:

а) ФСПГ «Внешне привлекательный, красивый» (*пальчики (пальцы) оближешь* (2); укр. *хоч з лица води напитися (воду пий)*; англ. *May Queen;* нем. *ein Bild von einem Mann);*

б) ФСПГ «Внешне неприглядный, невзрачный» (*ни кожи ни рожи;* укр. *ні з плечей ні з очей;* англ. *an ugly duckling;* нем. *ein eckiger Kerl*).

Семантическое пространство положительной оценки ценности «красота» (ФАО «Красивый – не красивый») составляет 85% (по выборке ценности «красота»), что свидетельствует о чувственной природе человека, его эстетическом вкусе, способности переживать красоту и получать наслаждение.

Предложенный подход к структурной реконструкции ЦКМ позволяет очертировать ее параметрическую модель (6 уровней – 12 ценностей – 19 ФАО – 38 ФСГ – 71 ФСПГ) и определить ценностные ориентиры человека / этноса во фразеологии русского, украинского, английского и немецкого языков. Важность ценности определяется количественными показателями ФЕ-репрезентантов ценности. Так, наиболее значимыми в русской ЦКМ являются ценности «здравье» и «свобода», в украинской – ценности «свобода» и «здравье», в английской – ценности «успех», «свобода» и «здравье», в немецкой – ценности «деньги», «свобода» и «здравье». В рассматриваемых этносах доминируют социальные ценности, что доказывает актуальность для человека формата «человек – общество».

Фразеологические универсалии структуры ЦКМ характеризуются ассоциативным характером человеческого мышления и связанны: 1) с психофизиологическими особенностями человека (строением и функционированием человеческого организма; одинаковыми или подобными невербальными элементами и их типичной интерпретацией в лингвокультурологии, коммуникативной лингвистике; механизмами эмоциональной и когнитивной деятельности человека и под.); 2) категориями пространства ('верх – низ', 'правый – левый', 'впереди – сзади', 'близко – далеко' и др.) и членением времени (суточный, недельный, годовой циклы, жизненный цикл человека и др.); 3) внешним видом, поведением и повадками животных; 4) чувственным образом цвета и символическими значениями цвета, закрепленными в мировой практике; 5) типичными характеристиками явлений и состояний природы. Различия в ЦКМ обусловлены национальной спецификой культуры (образом жизни, восприятием окружающей среды и под.) носителей рассматриваемых языков.

Таким образом, анализ структуры ценностей показывает, что ценности реализуют феномен личностной и общественной значимости, подтверждая тезис об уникальности восприятия ценности, переживания ее отдельным субъектом (в рамках исследования – носителем определенного языка), наполнения общественно значимым смыслом (в рамках исследования – общечеловеческим), что олицетворяет наличие единичного и общего в ЦКС.

Перспективу исследования видим в выявлении прагматических особенностей социального, витального, правового, нравственного, эстетического, материального уровней ЦКМ во фразеологии различных языков с установлением коррелятивных и некоррелятивных зон.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М. : Школа «Языки славянских культур», 2009. 568 с.
2. Арутюнова Н.Д. Аномалии и языки: (К проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 1987. №3. С. 3–19.
3. Огуй О.Д. Мовна картина світу: проблема організації складників // Мовознавство. 2013. № 4. С. 15–26.
4. Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition, Universal Human Concepts in Culture Specific Configuration. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1992. 487 р.
5. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М. : Языки славянских культур, 2012. 696 с.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
7. Русанівський В.М. Мовна картина світу в етнокультурній парадигмі // Мовознавство. 2004. №4. С. 3–7.
8. Маслова В. Когнитивная лингвистика. Минск : ТетраСистемс, 2005. 256 с.
9. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. М. : Академический проект, 2001. 990 с.
10. Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2002. Вып. 2. С. 25–34.
11. Виноградов С.Н. Парадигматика языка как модель оценочной деятельности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2009. № 1 (2). С. 14–18.
12. Маслова В.А. Лингвокультурология: [учеб. пособие для студентов высших учебных заведений]. М. : Академия, 2001. 208 с
13. Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики. М. : Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. 140 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
15. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: [сб. науч. тр.]. Волгоград ; Архангельск, 1996. С. 3–16.
16. Герасимович О.В. Восточнославянская семантическая аксиология (вера, надежда, любовь). Минск : Беларусская наука, 2013. 249 с.
17. Емельянова О.А. Об одной модели выражения ценностных представлений в современном английском языке (Life is about people) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. Вып. 2. С. 105–112.
18. Сулейманова Я.О. Ценностная картина мира русской культуры в паремиологическом контексте (на материале пословиц с компонентами-наименованиями природных стихий) // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2017. № 6 (40). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4930> (дата обращения: 08.11.2017).
19. Федосюткина Н.С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира: Экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2005. 160 с.
20. Фокина М.А. Категория прецедентности в массмедиийном дискурсе и ценностная картина мира современной молодежи // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь, 2014. Ч. 2, вып. 12. С. 58–68.
21. Фразеологический словарь русского языка / [под ред. А.И. Молоткова]. М. : Сов. энцикл., 1987. 543 с.
22. Словник фразеологізмів української мови / [уклад. В.М. Білоноженко, І.С. Гнатюк, В.В. Дятчук та ін.]. Київ : Наукова думка, 2003. 1104 с.
23. Oxford Dictionary of Idioms / [ed. by J. Siefring]. Oxford : Oxford University Press, 2004. 340 p.

24. Schemann H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. 1040 S.

25. Краснобаєва-Чорна Ж.В. Лінгвофраземна аксіологія: парадигмально-категорійний вимір. [2-е вид., доп.]. Вінниця : Нілан-ЛТД, 2016. 416 с.

EXPERIENCE OF UNDERSTANDING THE AXIOLOGICAL WORLD IMAGE IN PHRASEOLOGY: A STRUCTURAL ORGANIZATION (BASED ON RUSSIAN, UKRAINIAN, ENGLISH AND GERMAN)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 98–116. DOI: 10.17223/19986645/54/6

Zhanna V. Krasnobaieva-Chernaya, Vasyl' Stus Donetsk National University (Vinnitsa, Ukraine). E-mail: zh.krasnobaieva@gmail.com

Keywords: estimated categorization, phraseological axiological opposition, phraseological unit, value, axiological world image.

The article is devoted to the reconstruction of the axiological world image (AWI) with the actualization of its structural organization in phraseology on the material of Russian, Ukrainian, English and German. The AWI is positioned as an understanding by a person of the world, fragments of this world and the status of the person in this world through an assessment categorization of values and non-values in opposition.

The object of the study is the AWI in phraseology. The subject of the study is phraseological units representing values. The description of values is realized using the method of parametric analysis of the semantic structure of the phraseological unit (PhU) with the accentuation of the estimated macrocomponent, and the method of thematic fields, that is, through phraseosemantic fields, groups and subgroups. Phraseological axiological opposition is interpreted as the unity of the two blocks represented by PhUs: the first consists of PhUs, the semantics of which correlates with values, and the second of PhUs whose semantics correlates with non-values.

This methodology allows outlining the parametric model of the AWI and establish the value orientations of a person / ethos in phraseology: *freedom* (29.1%), *health* (27.4%), *family* (10.7%), *money* (9.2%), *success* (5.9%), *love* (4.7%), *honesty* (3.4%), *law* (3%), *friendship* (1.9%), *peace* (1.7%), *beauty* (1.5%), *justice* (1.5%). The quantitative indicators of PhUs that represent the value determine the importance of the value. Thus, the most significant values in the Russian AWI are *health* and *freedom*, in Ukrainian *freedom* and *health*, in English *success*, *freedom* and *health*, in German *money*, *freedom* and *health*. In the ethnoses under consideration, social values dominate, which proves the relevance of the “human – society” format to the individual.

Phraseological universals of the AWI structure are determined by the associative character of human thinking and are associated with the psychophysiological features of a person, categories of space and time, appearance and habits of animals, sensual image of color and symbolic meanings of color, fixed in world practice; typical characteristics of phenomena and states of nature. Differences in the AWI are due to the national specificity of culture (way of life, perception of the environment, etc.) of the speakers of the compared languages.

The analysis of the value structure shows that values express the phenomenon of personal and social significance, thus confirming the thesis of the uniqueness of the perception of value, of experiencing it by a separate subject (the speaker of a certain language in the research), of filling it with socially significant meaning (universal in the research), which personifies the existence of the unique and the common in the AWI.

The prospect of research lies in revealing pragmatic features of the social, vital, legal, moral, aesthetic, material levels of the AWI in the phraseology of various languages with the establishment of correlative and non-correlative zones.

References

1. Apresyan, Yu.D. (2009) *Issledovaniya po semantike i leksikografii* [Studies on semantics and lexicography]. Vol. 1. Moscow: Shkola “Yazyki slavyanskih kul’tur”.
2. Arutyunova, N.D. (1987) Anomalii i yazyk: (K probleme yazykovoy kartiny mira) [Anomalies and language: (To the problem of the language picture of the world)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–19.
3. Oguy, O.D. (2013) Movna kartina svitu: problema organizatsii skladnikiv [Language picture of the world: the problem of organizing the components]. *Movoznaystvo*. 4. pp. 15–26.
4. Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture and Cognition, Universal Human Concepts in Culture Specific Configuration*. New York; Oxford: Oxford University Press.
5. Zaliznyak, A.A., Levontina, I.B. & Shmelev, A.D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul’tur.
6. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional’nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow: Cherno.
7. Rusanivs’kiy, V.M. (2004) Movna kartina svitu v etnokul’turnij paradigm [Language picture of the world in the ethnocultural paradigm]. *Movoznaystvo*. 4. pp. 3–7.
8. Maslova, V. (2005) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: Tetra-Sistems.
9. Stepanov, Yu. (2001) *Konstanty: Slovar’ russkoy kul’tury: Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
10. Babaeva, E.V. (2002) Otrazhenie tsennostey kul’tury v yazyke [Reflection of cultural values in language]. *Yazyk, kommunikaciya i social’naya sreda*. 2. pp. 25–34.
11. Vinogradov, S.N. (2009) Paradigmatika yazyka kak model’ otsenochnoy deyatel’nosti [Paradigmatics of language as a model of evaluation activity]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*. 1 (2). pp. 14–18.
12. Maslova, V.A. (2001) *Lingvokul’turologiya* [Linguistic culture studies]. Moscow: Akademiya.
13. Sergeeva, L.A. (2003) *Problemy otsenochnoy semantiki* [Problems of evaluation semantics]. Moscow: Moscow State Regional University.
14. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya: Semanticheskiy, pragmatischeskiy i lingvokul’turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoy kul’tury”.
15. Karasik, V.I. (1996) Kul’turnye dominanty v yazyke [Cultural dominants in the language]. In: Karasik, V.I. (ed.) *Yazykovaya lichnost’: kul’turnye kontsepty* [Language personality: cultural concepts]. Volgograd; Arkhangelsk: Peremeny.
16. Gerasimovich, O.V. (2013) *Vostochnoslavyanskaya semanticheskaya aksiologiya (vera, nadezhda, lyubov’)* [East Slavic semantic axiology (faith, hope, love)]. Minsk: Belaruskaya knyazevskaya.
17. Emel’yanova, O.A. (2015) Life is about people – a model of expressing the speaker’s values. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Vestnik of St. Petersburg State University. Language and Literature*. 2. pp. 105–112. (In Russian).
18. Suleymanova, Ya.O. (2017) The value world image of the Russian culture in the paremiological context (on the material of proverbs with the names of natural elements). *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie*. 6 (40). [Online] Available from: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/4930>. (Accessed: 08.11.2017).
19. Fedosyutkina, N.S. (2005) *Slova-tsennosti kak sredstvo dostupa k tsennostnoy kartine mira: Eksperimental’noe issledovanie* [Words-values as a means of access to the value picture of the world]. Philology Cand. Diss. Kursk.

20. Fokina, M.A. (2014) Kategoriya pretsedentnosti v massmediynom diskurse i tsenostnaya kartina mira sovremennoy molodezhi [The category of precedent in mass media discourse and the value picture of the world of modern youth]. *Yazyk. Tekst. Diskurs.* 2(12). pp. 58–68.
21. Molotkov, A.I. (ed.) (1987) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow: Sov. entsikl.
22. Bilonozhenko, V.M. et al. (2003) *Slovnik frazeologizmiv ukrains'koi movi* [Dictionary of phraseologisms of the Ukrainian language]. Kiev: Naukova dumka.
23. Siefring, J. (ed.) (2004) *Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford: Oxford University Press.
24. Schemann, H. (2011) *Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext* [German Idiomatics: Dictionary of German idioms in context]. Berlin; Boston: De Gruyter.
25. Krasnobaeva-Chorna, Zh.V. (2016) *Lingvofrazemna aksiologiya: paradigmal'no-kategoriynyi yimir* [Linguophrase axiology: paradigm-categorical dimension]. 2nd ed. Vinnytsya: Nilan-LTD.

УДК 811.111.81'37; 811.111.81'42
DOI: 10.17223/19986645/54/7

Е.В. Пупынина

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБЪЯСНЕНИИ МАРШРУТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается роль описаний в объяснении маршрута. Последний определяется как тип дискурса о пространстве. Выявляются две категории исследуемого явления и устанавливаются их различия по двум критериям: функциональной нагрузке и релевантности. Исследование показывает, что роль описательного компонента объяснения маршрута состоит не только в обеспечении представления о пространстве, в котором осуществляется поиск пути, но и в непосредственной вербальной локализации пути.

Ключевые слова: пространственная когниция, презентация пространства в языке, семантика пространства, дискурс о пространстве, описание маршрута, описательный компонент.

Введение

Существует множество коммуникативных ситуаций, в которых естественный язык привлекается для передачи пространственного знания. Среди ситуаций, требующих описания «стандартно-бытового» (термин В.Н. Топорова [1]) варианта пространства, центральное место занимают объяснения маршрутов. Исследованию подвергались разные аспекты описания маршрутов, однако в этой области существует много нерешенных вопросов, поэтому проблема сохраняет свою актуальность.

Один из аспектов касается содержания описаний. M. Denis отмечает наличие в описаниях маршрута трех компонентов содержания: 1) инструкции, предписывающей действия пользователя; 2) непосредственно описательного компонента, уточняющего свойства ориентиров в окружающем пространстве, пространственные отношения между двигающимся субъектом и окружающими ориентирами, а также между ориентирами; 3) оценочной и энциклопедической информации, не имеющей прямого отношения к основной цели сообщения маршрута движения [2. Р. 412–413].

Идея выделения подобных компонентов в содержании описаний развивалась и другими исследователями на материале разных языков (например, [3, 4]). Однако ведущая роль в исследованиях отводится первому компоненту – инструкции, вследствие чего описание маршрута считается вариантом процедурного дискурса, а описательный компонент в основном рассматривается в контексте пространственных ориентиров, т.е. односторонне, что значительно уменьшает его значение в представлении верbalной картины маршрута.

Данная статья ставит целью исследование описательного компонента содержания маршрутов, что предполагает уточнение данного понятия, раскрытие его функционального потенциала и определение роли в содержании объяснения маршрута.

С теоретической точки зрения исследования данной области необходимы для получения достоверного научного знания о взаимодействии двух качественно разных систем – системы восприятия пространства, представляющей опору для других перцептивных, а также когнитивных процессов, и системы порождения дискурса о пространстве (в отличие от дискурса в пространстве и дискурса пространства, например, у А. Лефевра [5]).

Практическая польза исследований подобного рода заключается в возможности применения данных, полученных лингвистикой в области вербализованных пространственных представлений, при создании геоинформационных систем, лежащих в основе ГИС-технологий. Такая возможность существует, поскольку исследование содержания описаний и изображений маршрутов показывает, что в основе и тех и других лежат одни и те же ментальные представления о пространстве [6]. В рамках этой большой области решения прикладных задач актуальна проблема приближения текстовых описаний маршрутов, генерируемых компьютером, к интуитивно понятным, легко воспринимаемым и запоминаемым описаниям, сделанным человеком.

Описание маршрута как тип дискурса о пространстве

Описание маршрутов представляет собой тип дискурса о пространстве, поэтому разделяет с последним ряд важных свойств.

Несмотря на то, что система вербализации пространственных представлений, а следовательно, формирования пространственных значений характеризуется качественным своеобразием, она не существует изолированно. «Оторвать язык, слово от действия, от чувственно-практического отношения личности к действительности – значит рассматривать его как замкнутую и абсолютно самостоятельную систему, в которой знаки обладают лишь тем значением, которое определяется формальными правилами их сочетаний. Но в том-то и дело, что индивид всегда использует знаки в реальной, предметной ситуации, организуя совместное действие, помогающее достичь общую цель. В постоянном взаимопроникновении слова и дела, в постоянной их взаимообусловленности выверяется совпадение их значений для жизнедеятельности общества» [7. С. 249–250].

Объяснение маршрута требует от говорящего пространственной рефлексии, т.е. активации с целью дальнейшей вербализации собственных представлений о фрагменте пространства, границами которого являются отправной пункт и пункт назначения. Несмотря на то, что объяснение маршрута представляет собой тип информативного дискурса, в основе которого лежит объективная реальность, вербально воссозданное пространство обладает субъективными чертами. «...Общественно выработанные

словесные значения, усваиваясь субъектом, приобретают как бы новую свою жизнь, новое движение в его индивидуальной психике. В этом движении они вновь и вновь, но особым образом соединяются с чувственной тканью, которая непосредственно связывает субъекта с предметным миром, как он существует в объективном пространстве и времени» (А.Н. Леонтьев, цит. по: [8. С. 16–17]). Создавая вербальную копию пространственного фрагмента, говорящий задает его параметры исходя из собственных ментальных ресурсов и способности к транспозиции пространственных представлений, которые определяют субъективный отбор реальных фактов и формы их вербализации.

В целом вербально представленный пространственный фрагмент не может быть точным слепком с соответствующего фрагмента объективного пространства. Одно из наиболее фундаментальных представлений человека о действительности – представление о пространстве – связано, прежде всего, с телесным опытом, входит в состав имплицитного знания, позволяющего почти интуитивно решать практические задачи. Этот факт, однако, не делает пространство самоочевидным, простым и ясным понятием, когда речь идет о его подробном эксплицитном определении в языке. Оно с трудом поддается вербализации, поскольку природа языковых знаков позволяет наметить лишь контуры, оставляя воображению работу по восстановлению полной (насколько это возможно) картины. Вербальное представление пространственного фрагмента не обладает той точностью, наглядностью и в то же время лаконичностью, которые свойственны рисунку, картинке. Последние, по мнению Е.В. Рахилиной, представляют собой «простейший пример «неприспособленности» естественного языка для точного воспроизведения окружающей человека среды» [9. С. 18].

Итак, описание (объяснение) маршрута – это тип дискурса о пространстве, порождаемый в ситуации социального взаимодействия, основанный на субъективном характере отбора реальных фактов и формы их вербализации, имеющий свойство «недоопределенности».

Приведенное определение базируется на понимании общих свойств вербализованных пространственных знаний и отражает субъектный принцип выстраивания дискурса о пространстве. Обращение к семантической стороне исследуемого явления позволяет выделить элемент, связывающий линии смыслообразования.

Структурообразующий элемент объяснения маршрута

В семантике пространства выделяют ряд элементарных семантических единиц, позволяющих исследовать содержательную сторону языка пространства. В отношении их номенклатуры и интерпретации отсутствует единое мнение, тем не менее можно выделить те единицы, существование которых почти не вызывает разногласий. К ним относятся:

Trajector (= Figure) – локализуемый предмет / лицо / действие;

Landmark (= Ground, = Relatum) – ориентир для локализации предмета / лица / действия;

Motion – движение;

Path – путь;

Direction – направление.

Приведенный список применим к исследованию описаний маршрута. Содержание описания делится на сегменты [2], которые по структуре подобны друг другу и всему маршруту, так как включают начальный пункт, движение в определенном направлении, конечный пункт.

Таким образом, описание маршрута предполагает вербальную локализацию пути (Path) на определенном участке пространства. Путь (Path), трактуемый в широком смысле как траектория движения, локализуемого (Traector) по отношению к ориентирам (Landmark), является структурообразующим элементом в объяснении маршрута.

Данный вывод позволяет полагать, что функциональный потенциал описательного компонента в объяснении маршрута может быть установлен на основании выявления его роли в вербальной локализации пути (Path).

Функциональный потенциал описательного компонента

В описаниях маршрутов, которые были получены из материалов сайтов, посвященных национальным паркам Соединенного Королевства (<http://www.breconbeacons.org/>, 36 маршрутов, текст описания которых составил 57 страниц), были выделены части, не называющие действия, которые необходимо совершить субъекту. В следующих примерах понятие движения выражено эксплицитно, типичным для инструкции способом – глаголом в повелительном наклонении: *Pass along a waymarked path, over another stile and past another pond on your right until you reach the main road. / Cross at the zebra crossing, go up the steps, turn left and follow the path and road up to the left of the primary school.* Все случаи, в которых отсутствует подобная экспликация действий, были отнесены к описательному компоненту, например: *The track heads uphill past a pond toward a prominent field wall.*

Дальнейший анализ полученных данных позволил выявить роль подобных фрагментов в вербализации маршрута. Были выделены две категории описаний на основании того, какую функцию в определении пути они выполняют.

1. Первая категория представлена описаниями, которые имеют дополняющий характер: не определяют путь в узком смысле, т.е. не называют траекторию движения, а дают дополнительные сведения об окружающем субъекта пространстве. Внутри данной категории можно выделить несколько групп описаний. Рассмотрим их более подробно.

1. Указания на ориентиры, обеспечивающие обзор окружающего пространства, например: *Directly before you is the imposing north face of Pen-y-Fan.* Такие ориентиры могут возникать на разных отрезках пути:

– в пункте изменения направления движения, где принимается решение о дальнейшем отрезке пути, поэтому необходимы ориентиры в окружаю-

щем пространстве, как в предыдущем примере или в следующем: *There are a few paths radiating out from here;*

– на отрезке пути во время движения возникает необходимость в ориентирах, предоставляющих возможность убедиться в правильности выбранного направления: ...you will only be walking on the main road for a short distance. *To your right on a large loop of old road is the Gwyn Arms;*

– в начальном пункте движения: *With the main road through Talybont on your left and the canal on your right, follow the towpath to the bridge...;*

– в конечном пункте: ...stay with this path ...all the way to a stile that leads onto a broad track.

2. Детализация линейных объектов, составляющих часть пути. Несмотря на то, что в данной группе встречаются указания на направление, они не определяют путь, а конкретизируют пространственный объект, по которому осуществляется движение. Это сближает их с первой группой описаний, но поскольку характеристика выходит за рамки обозреваемого пространства, их можно отнести к отдельной группе. Приведем пример описания, входящего в данную группу: ...then you take the grassy path *leading down to the right that curves around the lower slopes of Table Mountain.*

3. Описания-определения: *Climb for 200m alongside forestry in the direction of a trig point at 642m – it's a steep and often muddy path / ...stay with this path – which can get muddy – all the way to a stile...* К этой группе были отнесены те случаи, в которых контекст не показывает причину включения той или иной характеристики в объяснение маршрута. Описания, в которых намерение автора при указании на качественные свойства отрезка пути «читается» в контексте, рассматривались отдельно (группа 4).

4. Описания-предупреждения: *The descent into the cwm is steep. The path here may be subject to route change.*

5. Описания-прогнозы: *Sugar Loaf's summit should soon be in view along with an old boundary wall off to the right.*

Итак, важной составляющей объяснения маршрутов являются описания, дополняющие инструкции. Они не участвуют напрямую в конструировании пути, а создают образ пространства, в котором осуществляется поиск пути.

II. Вторая категория представлена описаниями, определяющими путь. Не называя действий, которые необходимо совершить субъекту, такие фрагменты позволяют выстраивать картину дальнейшего сегмента маршрута. Рассмотрим несколько примеров: *After a short distance the road swings right and descends steeply to cross a bridge over the Nant Camlais-fawr river. Follow the road up... / The path drops down, crosses the front of a house and recrosses the Nant Garw to a track. Turn left here...* Примечательным здесь является то, что инструкция дается только в отношении второго отрезка пути, первый сегмент пути субъекту предлагается построить исходя из конфигурации неподвижных составляющих пространственного фрагмента.

Описания данной категории встречаются для разных элементов маршрута:

- целого сегмента пути: *A rough stony path leads down Craig Cwm Sere to the col between Pen-y-Fan and Cribyn. At the col you have a choice;*
- начальной точки сегмента: *Where the road swings right take the path up to the left beside house number 56;*
- конечного пункта на отрезке пути: *...until the path drops to cross a tree-lined track by a large stone post.*

В нашем корпусе объяснений все подобные случаи оказались связаны с передачей фиктивного (в другой терминологии, абстрактного, или виртуального) движения, т.е. употребления глаголов движения в отношении неподвижных объектов. При передаче фиктивного движения происходит семантическая мена фактически находящегося в движении субъекта (гетерогенно присутствующего в маршрутном дискурсе и в данном случае выраженного имплицитно) и неподвижного объекта.

Описания данной категории выполняют двойную функцию: сообщают о пространстве и одновременно локализуют в нем траекторию движения субъекта. Элиминация такого описания из объяснения маршрута ведет к нарушению последовательности его сегментов.

В отличие от первой категории данные описания не просто создают образ местности, в которой осуществляется поиск пути, но и, являясь имплицитными инструкциями, обеспечивают структурную целостность маршрута. Последнее наделяет их более высокой степенью релевантности по сравнению с первой категорией.

Заключение

Объяснение маршрута является типом дискурса о пространстве, порождаемым в ситуации когнитивно-коммуникативного взаимодействия, основанным на субъективном характере отбора реальных фактов и формы их вербализации, имеющим свойство «недоопределенности». Данные особенности обеспечивают гибкость составляющих объяснения как в концептуальном плане, так и в плане языковых средств.

В объяснении маршрута присутствуют два ведущих компонента: инструктивный и описательный. Описательный компонент представлен двумя категориями: 1) описаниями, которые не определяют путь в узком смысле, а имеют дополняющий характер; 2) описаниями, которые сообщают о пространстве и одновременно локализуют в нем траекторию движения субъекта.

Исходя из этого, можно выявить отличие между категориями описаний по двум критериям: по функциональной нагрузке (вторая категория выполняет двойную роль: описывает и имплицитно инструктирует), по релевантности (вторая категория превосходит первую, так как обеспечивает структурную целостность маршрута).

Таким образом, роль описательного компонента объяснения маршрута состоит не только в обеспечении представления о пространстве, в котором осуществляется поиск пути, что само по себе важно, но и в непосредственной вербальной локализации пути.

Литература

1. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–285.
2. Denis M. The description of routes: A cognitive approach to the production of spatial discourse // Cahiers de Psychologie Cognitive. 1997. Vol. 16, № 4. P. 409–458.
3. Brosset D., Claramunt C., Saux E. Wayfinding in natural and urban environments: a comparative study // Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization. 2008. Vol. 43, № 1. P. 21–30.
4. Rehrl K., Leitinger S., Gartner G., Ortag F. An Analysis of Direction and Motion Concepts in Verbal Descriptions of Route Choices // Spatial Information Theory. Proceedings of the 9th International Conference: COSIT 2009 / ed. by K.S. Hornsby, Ch. Claramunt, M. Denis, G. Ligozat. Berlin : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. P. 471–478.
5. Левеэр А. Производство пространства / пер. с фр. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
6. Tversky B. Telling tales, or journeys // From Mental Imagery to Spatial Cognition and Language / ed. by V. Gyselinck, F. Pazzaglia. East Sussex, NY : Psychology Press, 2012. P. 3–16.
7. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого Я. М. : Политиздат, 1976. 287 с.
8. Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. 5-е изд. М. : ЛиброКом, 2013. 120 с.
9. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 27 с.

DESCRIPTIONS IN ROUTE DIRECTIONS (IN THE ENGLISH LANGUAGE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 117–124. DOI: 10.17223/19986645/54/7

Elena V. Pupynina, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation).
E-mail: pupynina@bsu.edu.ru

Keywords: spatial cognition, spatial language, spatial semantics, discourse about space, route directions, descriptive component.

The aim of this article is to present the research into descriptive component in the content of route directions, which involves clarification of this term, ascertaining its functional scope, and defining its role in the content of route directions. In the content of route directions, instruction is prioritized over description by most researchers. Descriptive component is mostly analyzed in the context of landmarks, which downplays its importance in verbal representation of the route.

From theoretical perspective the research contributes to the body of knowledge about the interaction between two systems: perception of space and production of discourse about space. The results of the research may be useful for solving the challenge of bringing computer-generated route descriptions more in line with those provided by humans.

The study into the specificity of verbalizing knowledge about space allows us to define route directions as a type of discourse about space that is produced in the situation of cognitive and communicative interaction, is based upon subjective choice of elements of environment and verbal language for them, and is underspecified. These features account for both conceptual and linguistic flexibility of the components of route directions.

In descriptions of spatial semantics, there exists a number of primitive semantic concepts that can be applied to characterization of spatial language. Their use in this research leads to the definition of route directions as verbal localization of path in a certain environment. Path broadly understood as a trajectory of motion of the trajector with respect to the landmark is a route-forming constituent. From this perspective, the functional scope of descriptions in route directions can be determined on the basis of their role in verbal localization of the path.

In route directions on the sites of the UK national parks, the parts that have no explication of actions typical for instructions were marked and categorized as descriptions. As a result of further analysis, two categories of descriptions were discovered and described. The distinction was based on their role in localizing the path. These categories are: 1) descriptions that do not define the path in the narrow sense but are complementary; 2) descriptions that inform of the environment and simultaneously localize the path of the trajector's motion in it.

As a result, the research discovered differences between the categories under consideration in two aspects: in functional load (the second category has two functions: it describes the environment and implicitly instructs the way-searcher), in relevance (providing the structural unity of the route the second category has a higher degree of relevance than the first one).

In summary, the role of descriptions in route directions is not only to provide the mental image of the environment where way is searched, which is essential in itself, but also to verbally localize the path.

References

1. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow: Nauka.
2. Denis, M. (1997) The description of routes: A cognitive approach to the production of spatial discourse. *Cahiers de Psychologie Cognitive*. 16(4). pp. 409–458.
3. Brosset, D., Claramunt, C. & Saux, E. (2008) Wayfinding in natural and urban environments: a comparative study. *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*. 43(1). pp. 21–30. DOI: 10.3138/carto.43.1.21
4. Rehrl, K., Leitinger, S., Gartner, G. & Ortner, F. (2009) An Analysis of Direction and Motion Concepts in Verbal Descriptions of Route Choices. *Spatial Information Theory*. Proceedings of the 9th International Conference: COSIT 2009. Berlin: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. pp. 471–478.
5. Lefevre, H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Translated from French. Moscow: Strelka Press.
6. Tversky, B. (2012) Telling tales, or journeys. In: Gyselinck, V. & Pazzaglia, F. (eds) *From Mental Imagery to Spatial Cognition and Language*. East Sussex, NY: Psychology Press. pp. 3–16.
7. Mikhaylov, F.T. (1976) *Zagadka chelovecheskogo Ya* [The mystery of the human “I”]. Moscow: Politizdat.
8. Kolshanskiy, G.V. (2013) *Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective picture of the world in knowledge and language]. 5th ed. Moscow: Librokom.
9. Rakhilina, E.V. (1999) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: ot sochetaemosti k semantike* [Cognitive analysis of subject names: from compatibility to semantics]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.17223/19986645/54/8

Н.О. Булгакова, О.В. Седельникова

КОНЦЕПТОСФЕРА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ БАЗОВОГО КОНЦЕПТА И ЕГО ФУНКЦИИ В ПОЭТИКЕ РОМАНА

Выявляется базовый концепт романа Ф.М. Достоевского «Бесы», изучается его функция в организации смыслового пространства и поэтики произведения. Устанавливается, что базовым в романе становится концепт «бесовство». Анализ фрагментов произведения, в которых он объективируется посредством ядерных номинативных лексем, показал, что он становится ключевым для объединения всех элементов смысловой и поэтической структур романа, организует его сюжетно-композиционный и образный уровни.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, роман «Бесы», художественный концепт, бесовство, поэтика, сюжет, композиция, система персонажей.*

Роману Ф.М. Достоевского «Бесы» посвящено значительное количество исследований [1. С. 29–31]. В ряде из них проявляется интерес к изучению концептосферы произведения [2–5], однако данная проблема требует более подробного изучения.

В романе «Бесы» на роль базового претендует концепт «бесовство». Под влиянием особенностей социально-политической ситуации и желания определить природу и истоки кризиса, поразившего все сферы русской жизни, во второй половине 1860-х гг. писатель все настойчивее обращается к его всестороннему переосмыслинию, результатом которого становится одно из самых сложных в идейном плане произведений русской литературы, вызвавшее широкий общественный резонанс [6. Т. 9. С. 645].

На пристальное внимание романиста к концепту «бесовство» в процессе формирования замысла нового произведения указывают письма и заметки в рабочей тетради этого периода. Так, в 1868 г. Достоевский сообщает А.Н. Майкову об идее нового романа «Атеизм» [7. Т. 28. С. 329], которая позже трансформировалась в замысел об эпопее «Житие великого грешника» [Там же. Т. 9. С. 503]. В планах и названиях этих неосуществленных романов отражены размышления Достоевского о проблеме бесовства и его причинах, получивших переосмысление в романе «Бесы».

О том, что концепт «бесовство» прибрёл ключевое значение в этом произведении, свидетельствует письмо Достоевского А.Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г., в котором была обозначена главная идея нового романа. Писатель указал на её прямую связь с названием, заимствованным из евангельской притчи об исцелении бесноватого [Там же. Т. 29. С. 145].

Лаконичный автокомментарий к роману в письме цесаревичу Александру Александровичу от 10 февраля 1873 г. [7. Т. 29. С. 260] свидетельствует о том, что изначальный замысел произведения избежал трансформации в процессе работы и концепт «бесовство» не утратил своего смыслообразующего значения.

Для выявления особенностей проблематики и поэтики художественного произведения важным представляется изучение его названия [8. С. 6–7; 9. С. 115]. Концепт «бесовство» актуализируется в «заглавии романа – символической метафоре», в которой можно «вычитать» его идею [10. С. 553]. Оно, в свою очередь, неразрывно связано с двумя его эпиграфами: фрагментом стихотворения А.С. Пушкина «Бесы» и притчей из Евангелия от Луки. Философы и литературоведы неоднократно указывали на сакральное значение этой взаимосвязи для понимания идеи произведения и ее важную роль в романной поэтике [11. С. 99; 6. С. 654]. Так, определяющая смысловую функция концепта «бесовство» в романе «Бесы» раскрывается уже при обращении к истории его создания и взаимосвязи названия и эпиграфов.

В художественном произведении концепт приобретает эстетическую функцию, которая реализуется на основе смыслов, сформированных пространством национальной культуры [12. С. 10]. К концу первой трети XIX в. концепт «бесовство» укоренился в сознании носителей русского языка, а его главный репрезентант – слово «бес» приобрел устойчивую негативную семантику, связанную со значениями, составившими ядро концепта (силы зла, противостоящие Богу, являющиеся источником душевных и физических болезней и разрушения гармонии) [13. С. 169]. Осмысление концепта в русской словесной культуре нашло выражение во фразеологических сочетаниях со словом «бес», в которых воплощаются такие признаки, как *искушение* («бес-искуситель», «в нём бесово ребро играет», «седина в бороду – бес в ребро», «бесовское наваждение»), *лесть* («мелким бесом рассыпаться»), *кружение* («вертится как бес перед заутреней»), *вьюга и вихрь* («бесовская свадьба»), *физическая сила* («силен бес: и горами качает, а людьми, что вениками, трясет»), *злоупотребление алкоголем* («вина напиться – бесу предаться», «в пьяном бес волен») и пр. [14. С. 74; 15. С. 257]. Эти смыслы получили образное воплощение в русском фольклоре: *черт / бес* является центральной фигурой множества текстов, а их принадлежность разным фольклорным жанрам (преданиям, легендам, сказкам, рассказам, анекдотам, бывальщинам, быличкам) выявляет диалектическую сложность восприятия этого образа в народном сознании. Количественный фактор свидетельствует о постоянном ощущении русским человеком враждебной силы, несущей угрозу его физической и духовной сущности [16. С. 118]. Важно, что в фольклоре закрепляется и пренебрежительное, ироническое отношение народа к бесу [17. С. 32]. Значительную роль в становлении аксиологических аспектов концепта «бесовство» играли и произведения древнерусской литературы [Там же].

В первой трети XIX в. русские писатели начинают рассматривать концепт «бесовство» в качестве одного из важнейших структурных элементов пространства национальной культуры в ценностном плане. Он получает

осмысление в ряде произведений А.С. Пушкина («Сказка о попе и о работнике его Балде», «Бесы», «Капитанская дочка»), Н.В. Гоголя («Ночь перед Рождеством» и др.), В.И. Даля («Сказка о кладе»), О.И. Сенковского («Записки домового»), М.Ю. Лермонтова («Демон» и др.).

Таким образом, ко второй половине XIX в. концепт «бесовство», ядерными репрезентантами которого стали лексемы *бес*, *чёрт*, *демон*, укоренился в русской культуре и получил диалектически сложное осмысление. Он обрёл комплекс признаков, составивших его ближнюю периферию (зло, болезнь, психические расстройства и др.) и периферию дальнюю (социальные проблемы, душевные переживания и пр.) [2]. Кроме того, очевидно, что в сознании носителей русского языка закреплена оппозиция беса как низменной сущности и демона – сущности, обладающей романтическим ореолом [17. С. 133].

Концепт «бесовство» как элемент национальной картины мира, главным признаком которого в XIX в. становится «антагонизм добра и зла, культурных и социальных антимиров» [Там же. С. 32], в романе «Бесы» получает всестороннее переосмысление, обрастает новыми признаками, обусловленными авторским взглядом на причины кризиса, охватившего все слои российского общества.

Проявление концепта на всех уровнях поэтики художественного произведения обеспечивается с помощью слова. Поэтому в контексте выявления ключевого концепта романа важно установить связь между словом и идеей. При изучении базового концепта романа «Бесы» эта задача приобретает особую актуальность в связи со спецификой идиостиля Достоевского, который неоднократно вызывал пристальное внимание учёных [19–28]. Так, закономерно предположить, что ключевой концепт художественного произведения, написанного Достоевским, получит яркую актуализацию на лексическом уровне.

В романе «Бесы» ядро номинативного поля концепта составляют традиционные для русского языкового сознания лексемы *бес* (встречаются в тексте 20 раз), *демон* (4 раза), *чёрт* (1 раз), их дериваты *бесёнок* (3), *бесноватый* (1), *беситься* (1), *бесноваться* (1), *беснующийся* (1), *взбесившийся* (3). В семантическое поле концепта в романе включены слова, традиционные для национальной картины мира и обладающие семантикой болезни (*белая горячка*, *ревматизм*, *язвы*, *миазмы*, *с насморком*, *золотушный*, *болезненный*, *разболелись*), *грязи* (*свиньи*, *нечистоты*), *отвращения* (*мерзость*, *гаденький*), *страха* (*жутко*), *сумасшествия* (*безумные*), *смеха* или *насмешки* (*иронии*, *весела*, *хохотала*, *засмеялся*), *гордость*, *смерть* (*зарезать*, *потонем*), *неверие* (*сомневалось*, *не уверен*), *мучение* (*терзал*).

При этом, осмысливая концепт «бесовство» в контексте проблем современной ему российской действительности, Достоевский расширяет его аксиологическое поле. Так, концепт обогащается новыми признаками: *отсутствие серьёзности* (*легкомысленная*), *внезапность* (*внезапного*), *отношение к вере* (*канонически*), *логика* (*расчётиливый*), *ничтожность* (*маленький*, *из неудавшихся*), *уныние* (*грустный*, *задумчива*). В группах *от-*

вращение, сумасшествие, ничтожность, логика, мучение, внезапность и мышление преобладают оценочные признаки концепта, актуализированные автором в процессе осмыслиения проблемы, в то время как слова из остальных блоков воплощают фактические признаки, закреплённые ранее в национальной картине мира.

Сопоставление особенностей вербализации концепта «бесовство» в романе и в русской языковой картине мира выявляет специфику его осмыслиения Достоевским и позволяет уточнить взгляд писателя на проблему. Смысловое наполнение концепта дополняется признаками, характеризующими личные качествами персонажей, которые становятся объектом пристального внимания автора в этом произведении.

Анализ девятнадцати фрагментов романа, в которых концепт «бесовство» вербализируется посредством ядерных лексем-репрезентантов, показал, что данные контексты можно условно разделить на два типа по источнику актуализации идеи произведения: в словах хроникёра или персонажей.

Рассказчик, освещая произошедшие события, претендует на бесстрастность в их изложении: «Как хроникер, я ограничиваюсь лишь тем, что представляю события в точном виде, точно так, как они произошли» [7. Т. 10. С. 55–56]. Его взгляд на развитие ситуации отличается от мнения других персонажей, так как он рассказывает о случившемся по прошествии времени, что помогает ему по возможности объективно описывать события и разоблачать бесов [29. С. 246–247]. Введение фигуры хроникёра позволяет Достоевскому сформулировать проблему произведения в его экспозиции и расставить необходимые акценты, важные для полноценного понимания замысла. Предыстория, рассказанная Антоном Лаврентьевичем, предоставляет читателю возможность почувствовать дисгармонию в жизни города [30. С. 20], причины которой раскроются позже в словах героев.

Впервые концепт «бесовство» актуализирован в словах хроникёра в главе «Принц Гарри. Сватовство», в которой читатель знакомится с некоторыми деталями предыстории развернувшихся событий, описывает героев, освещая их характер и факты биографии. Наибольшее внимание летописец уделяет Ставрогину. В частности, он рассказывает, как в 1865 г. тот во время приезда в родной город вцепился зубами в ухо бывшего губернатора Ивана Осиповича, приведя всё общество в недоумение. Описание этого события отличается краткостью:

Когда караульный офицер прибежал <...> чтобы броситься на *взбесившегося* и связать его, то оказалось, что тот был в сильнейшей *белой горячке*; его перевезли домой к мамаше [7. Т. 10. С. 43].

Хроникёр не выражает субъективное мнение о происшествии, не стремится найти причины странного поведения Ставрогина. Антон Лаврентьевич не случайно приводит это событие в начале хроники. Несмотря на то, что он не объясняет причины поступка Ставрогина, рассказчик полагает необходимым зафиксировать происшествие. Это отдельное событие, представленное на фоне общего интереса общества к главному герою, тонко

отражает наличие некой внутренней драмы, что проявляется в его внезапной и необъяснимой болезни.

Для характеристики поведения Ставрогина, вызванного болезнью, хроникёр употребляет производное от слова *бес* причастие *взбесившийся*. Важно, что в приведённом фрагменте устанавливается прямая связь между бесовством и болезнью («белая горячка»), который получает далее всесторонне осмысление. К середине XIX в. в русской языковой картине мира это устойчивое выражение употреблялось не только в прямом значении («сумасшествие с перепою» [14. С. 74]), но и в переносном («всякое временное, внезапное помешательство; бред без горячки или при видимом, впрочем, здоровье» [Там же]).

В произведениях Достоевского выражение «белая горячка» также используется в различных смысловых контекстах. В романе «Бесы» оно встречается пять раз, обозначая состояние физического или душевного недуга (бред Лизы, Ставрогина [7. Т. 10. С. 167], его секунданта [Там же. С. 276], подпоручиков [Там же], Лембке [Там же. С. 393]). Однако в романах писателя встречается и более тонкий смысловой оттенок, который он придаёт этому выражению, – состояние на грани помешательства и бреда, связанное с наличием внутренней драмы, страданий, сомнений и мучений, испытываемых за поступки, нарушающие нравственные нормы. В этом состоянии находится Иван Карамазов перед встречей с чёртом, а Разумихин подозревает горячку у Раскольникова после того, как тот совершил убийство. Таким образом, Достоевский, говоря о горячке Ставрогина в начале романа, изначально указывает на одержимость героя бесами и возможность видений, о которых герой позже расскажет Даше и Тихону. В «Бесах» это выражение служит, таким образом, для создания ореола таинственности, окружающего Князя и указывающего на его трагедию, которая раскроется читателю позже.

Вербализация концепта «бесовство» в словах хроникёра реализована как в экспозиции, так и в завязке романа, где показывается подверженность этому явлению не только главного героя, но и других персонажей. Фразеологизм *овладевал бес* использован для описания эмоционального состояния Варвары Петровны после охлаждения к подруге детства Прасковье Дроздовой. Повествователь даёт эту характеристику матери Ставрогина, рассказывая об одном из ключевых происшествий, определивших начало романных событий: сцене в гостиной Варвары Петровны:

Но, видно, тогда-то и *овладевал* Варварой Петровной *бес самой заносчивой гордости*, когда она чуть-чуть лишь могла заподозрить, что ее почему-либо считают униженною [Там же. С. 129–130].

Используя данное выражение, хроникёр указывает на принадлежность Варвары Петровны к числу «беснующихся» героев. Рассказчик лаконично характеризует Ставрогину как носителя болезненной и неуправляемой, близкой к форме истерической реакции гордости. Характерная черта Варвары Петровны – деспотизм, проявляющийся в её отношениях как с Дрозд-

довой, Степаном Трофимовичем, так и с другими персонажами. Сама форма глагола «овладевал», актуализированного в словах рассказчика, отражает процессуальность и систематичность состояния, переживаемого матерью героя. Беснование Ставрогиной распространяется в её доме, в котором она является единоличной хозяйкой, распоряжаясь судьбами Степана Трофимовича и Даши. Этот дом – родовое гнездо Николая Ставрогина, дом «случайного семейства», в котором он был сформирован как личность, взрослея в отсутствие мудрого отца под присмотром деспотичной матери, при участии либерала 1840-х гг. Неудивительно, что у воспитанного здесь сына не сформировались духовные ценности и жизненные ориентиры. Для Достоевского было важно показать истоки современного бесовства и его связь с разрушением патриархальных ценностей в сознании русского дворянства, изобразив дом, где «...дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу» [7. Т. 21. С. 132].

Следующим фрагментом в событийной канве романа, в котором концепт «бесовство» актуализируется в словах хроникёра, является эпизод дуэли Ставрогина с А.П. Гагановым. Это событие, в отличие от предыдущих, является частью динамично развивающейся романной истории, в которой постепенно раскрывается идея произведения. Решив отомстить за выходку Князя, оттаскавшего за нос его отца, Гаганов спустя четыре года после происшествия вызывает Ставрогина на дуэль. Поединок превращается в фарс: Николай Всеволодович стреляет в воздух, а Гаганов, находясь в состоянии бешенства, промахивается. Для описания негодования последнего хроникер выбирает глагол *бесноваться*:

Для чего он щадит меня? – *бесновался* Гаганов, не слушая. – Я *презираю* его пощаду... [Там же. С. 226]

В сцене дуэли проявляются несколько граней бесовства, изображённого в романе. Центральной фигурой этого события является Ставрогин, действия которого определяют исход поединка. В отказе Князя выстрелить в противника видится свидетельство того, что он не является персонажем злодеем, главным бесом. В отличие от Онегина и Базарова, которые в аналогичной ситуации, не задумываясь, следуют традиции, Ставрогин обдумал поведение и стреляет в воздух. Он спокоен, что еще более оттеняет бешенство Гаганова. Дуэль для него лишь игра со смертью, событие, которое разнообразит мертвенность существования, а возможно, и остановит бессмысленное течение жизни. Но убивать он не намерен: «...я выстрелил вверх потому, что не хочу более никого убивать» [Там же].

Описывая состояние Гаганова, автор выбирает глагол *бесноваться*, семантика которого раскрывает глубину его душевной и эмоциональной неустойчивости и её болезненную природу. Герой беснуется, не в силах сохранять хладнокровие, будучи ослеплённым жаждой мщения. Одержаный идеей защиты собственной чести, лишённый сочувствия по отношению к другим людям, он готов рисковать жизнью, а также пойти на убийство,

став инициатором дуэли из-за события четырёхлетней давности. Так, с одной стороны, дуэль становится символом разрушения моральных ориентиров молодых представителей дворянской культуры, профанирующих высокие представления о чести ради удовлетворения одержимости. С другой стороны, дуэль помогает раскрыть грань сущности Ставрогина. В описании последующих событий хроникёр не использует лексемы, принадлежащие ядру концепта «бесовство».

Систематическое использование лексем, входящих в ядро концепта «бесовство», в словах Антона Лаврентьевича способствует актуализации и уточнению смыслового объёма концепта в романе. В трёх его композиционных частях (экспозиции, завязке и эпизоде, предшествующем кульминации) автор актуализирует смыслообразующие признаки концепта «бесовство», присущие русской языковой картине мира: *болезнь, гордость, ярость*. Однако Достоевский переносит их ближе к ядру концепта, привлекая к ним внимание читателей. Вербальное воплощение концепта указывает читателю на существование некоторой проблемы, обусловливающей нарушение ментального и эмоционального состояния героев, и заставляет задуматься о причинах повсеместно обнаруживаемых деформаций человеческой природы и социальных отношений. Хроникёр не раскрывает причины этой проблемы, поскольку, несмотря на способность разоблачать «бесовскую природу» [29. С. 244], он лишь «свидетель, свидетель не навязчивый, но объективный, добросовестный, искренний, а потому и располагающий к доверию» [31], но не способный постичь причины изображаемого им явления. Таким образом, изучение лексем-репрезентантов концепта «бесовство», представленных в словах хроникёра, в контексте содержания соответствующих эпизодов позволяет выявить «поверхностный» слой его аксиологического наполнения, определяющий специфику в сравнении с вербализацией концепта в русской словесной культуре середины XIX в.

Более глубокую проработку концепт «бесовство» получает в словах действующих лиц. Одна из значимых особенностей поэтики Достоевского, которая проявляется и в речи персонажей, – представление различных точек зрения о герое и событиях [19. С. 6, 79, 116–117]. Благодаря этому выявляется амбивалентность каждой личности, а читатель может самостоятельно составить мнение о персонаже и ситуации. Вследствие этого концепт «бесовство» получает яркое воплощение в словах героев романа, дающих характеристику другим персонажам.

На важную роль эпизода с дуэлью для актуализации концепта «бесовство» в романе указывает то, что главный репрезентант концепта встречается не только в речи хроникёра, но и в словах генерала. Не будучи персонажем, принадлежащим к близкому кругу Ставрогина, он выражает мнение городского общества:

<...> Ставрогин дрался с этим... Гагановым. И единственno с *галантною* целью подставить свой лоб человеку *взбесившемуся*; чтобы только от него отвzяться. Гм. *Это в нравах гвардии двадцатых годов* [7. Т. 10. С. 233].

Генерал оценивает участие Ставрогина в дуэли как соблюдение норм светской культуры и противопоставляет его поведение *взбесившемуся Гаганову*. Оппозиция двух представителей дворянства, созданная автором в сцене поединка, сохраняется и в словах генерала. Он одобряет решение Ставрогина принять вызов и выстрелить в воздух, видя в этом поступке благородный жест. В отличие от Антона Лаврентьевича, претендующего на бесстрастность повествования, этот герой высказывает чётко обозначенную положительную оценку поступка Николая Всеволодовича. Его слова еще более подчеркивают, что для обоих представителей молодого поколения, участвующих в дуэли, жизнь не является ценностью: ослеплённый яростью Гаганов стремится убить Ставрогина, для которого согласие на дуэль – пустая игра. Так, с помощью лексем, формирующих ядро концепта «бесовство» в романе, раскрывается одна из главных проблем современного поколения, заключающаяся в разрушении аксиологических установок, отсутствии осознания жизни – своей и других – как ценности. Молодые люди, воспитанные в атмосфере разрушения истин, сознательно идут на нарушение заповеди «не убий», а количество убийств, происходящих по ходу сюжета, превращает таковые из события исключительного чуть ли не в норму городской жизни.

Концепт «бесовство» актуализируется и в речи матери Лизы Прасковьи Ивановны, описывающей поведение дочери после отъезда Ставрогина, случившегося до начала развития романых событий. Представительница дворянства, отличающаяся наивным взглядом на мир, отмечает распространившееся вокруг нее бесовство, коснувшееся и её дочери:

... ну и стала **беситься**, тут уж и мне, матушка, **жития не стало**. Раздражаться мне доктора запретили, и так это хваленое озеро ихнее мне надоело, только **зубы от него разболелись**, такой **ревматизм** получила. ... Простились-то они по-дружески, да и Лиза, провожая его, стала **очень весела и легкомысленна и много хохотала**. ... Уехал он, – стала очень **задумчива**, да и поминать о нем совсем перестала и мне не давала [7. Т. 10. С. 55].

Лизой Тушиной, страдающей от истерических припадков [32. С. 135], в отличие от других женщин, связанных со Ставрогиным, движет страсть, одержимость героем. Мать девушки описывает её «беснование», сопряжённое с чувством по отношению к Николаю Всеволодовичу. Странность поведения Лизы обозначена глаголом *беситься*, а также прилагательными *весела*, *легкомысленна* и глаголом *хохотала*, которые указывают на нестабильное эмоциональное состояние девушки. В русской культуре эти характеристики, как отмечалось ранее, традиционно служат для обозначения одержимости человека бесами. Кроме того, в поведении Лизы проявляется и признак *уныние* (*задумчива*). Значение слов усиливается благодаря наречиям *много* и *очень*. Сама Дроздова также становится жертвой как будто медленно распространяющейся в пространстве города заразы, страдает от физической боли (*зубы разболелись*, *ревматизм*), которая мешает ей жить. Примечательно, что представленный фрагмент не несёт сюжетообразую-

щей нагрузки, поскольку героиня рассказывает о ситуации из прошлого. Концепт «бесовство» в данном эпизоде раскрывает такие смыслы, как *одержимость и болезнь*, указывающие на всеобъемлющее распространение бесовства как болезни современного общества, затрагивающего и девушек из высшего сословия, которые должны стать мудрыми хранительницами домашнего очага.

Наиболее активно концепт «бесовство» вербализируется в словах персонажей, которые расположены уже не в экспозиции, а в момент развития решающих событий. Так, Лебядкин после разговора со Ставрогиным испытывает страх, поскольку осознает, что группа заговорщиков под руководством Петра Верховенского подозревает его в том, что он может выдать их секрет. Для номинации революционеров он использует лексему *черти*, которая имеет бранное значение и служит здесь для актуализации социального аспекта бесовства:

Ой, *жутко*, ой, *жутко*; нет, вот тут так *жутко!* И дернуло меня сболтнуть Липутину. *Черт знает что* затеваю эти *чертти* <...> [7. Т. 10. С. 214].

Лебядкин ощущает разрушительную силу группы Петра Верховенского, подспудно чувствуя приближение социального хаоса, который является целью заговорщиков. Он знает, что участники этого сообщества не остановятся ни перед чем, чтобы сохранить существование их сообщества втайне. Таким образом, в данном контексте реализуется социально-политический признак концепта «бесовство». Участники группы обозначены стилистически и семантически сниженным словом *чертти*, что свидетельствует о низменности их поступков.

В представленном фрагменте важным способом актуализации концепта является разговорный синтаксис. Повторение междометия *ой* и наречия *жутко* способствует нагнетанию мрачной обстановки, характеризующей общий социальный фон. Этому же способствует повторяемость звуков «ч» и «ш» («чёрт знает что <...> черти»), создающая ассоциацию с чернотой и мрачностью, что усиливает зловещую коннотацию концепта и ощущение запутанности, выраженное с помощью этого фразеологического сочетания.

Важным для понимания идеи романа и сущности Ставрогина является фрагмент, в котором Варвара Петровна даёт характеристику сыну, используя номинативную единицу *демон*. Образ демона и категория демонического были неоднократного переосмыслены Достоевским, полагавшим, что «демоническое в личности и судьбе русского человека» представляло собой «порождение и отражение страшных парадоксов русской жизни, чреватой апокалиптическими потрясениями» [33]. Размышляя о проявлении этого образа в русской культуре, он называл Гоголя и Лермонтова «настоящими», «колossalными» демонами, смех и гнев которых заставили содрогнуться всю Россию» [Там же]. В беседе со Степаном Трофимовичем Варвара Петровна дважды использует выражение *демон иронии*, характеризуя сына. Ставрогина оправдывает Николая после объявления о его браке с Марьей Тимофеевной:

И если бы всегда подле Nicolas <...> находился тихий, великий в смирении своем Горацио <...> то, может быть, он давно уже был бы спасен от *грустного* и «*внезапного демона иронии*», который всю жизнь *терзал* его (О *демоне иронии* опять удивительное выражение ваше, Степан Трофимович) [7. Т. 10. С. 151].

Выражение *внезапный демон иронии* раскрывает одну из важных особенностей Ставрогина, необходимых для понимания его сущности, невозможность восприятия духовных ориентиров, отрицание им всех базовых ценностей. Т.А. Касаткина подчёркивает, что Ставрогин представляет собой высший тип ироника у Достоевского и, возможно, в мировой литературе [34. С. 8]. Варвара Петровна осуждает Степана Трофимовича, воспевавшего её сына, отмечая, что отчасти его влияние стало причиной трагедии Ставрогина. В данном контексте прослеживается романтизация образа героя, которая усиливается и благодаря его сравнению с Гамлетом. Достоевский намеренно делает акцент на приведённой метафорической конструкции, заставляя Варвару Петровну повторить её в качестве авторской ремарки. В представленном фрагменте драматизм поддерживается стилистически высоким глаголом *терзал*. Так, с помощью лексемы-репрезентанта концепта «бесовство» *демон* актуализируется значимая для русской словесной культуры романтизация образа Ставрогина, которая позже будет развенчана самим героем, а в ближней периферии концепта появляется новый для русской языковой картины мира признак – *уныние*, усиливаются признаки, характерные для обыденного сознания носителей русского языка, – *внезапность* и *мучение*.

Таким образом, вербализация концепта «бесовство» в репликах героев, располагающихся в первой части книги и характеризующих других персонажей, не связана с динамикой сюжета произведения, но позволяет читателю увидеть всеохватный характер этого явления глазами участников романских событий и обратить внимание на аксиологические акценты, которые выражены более ярко, чем в словах хроникёра. Бесовство пронизывает человеческие отношения, и разные герои, еще не осознавая проблемы, интуитивно угадывают суть происходящего. Автор указывает на это посредством отбора лексических единиц и их аранжировки.

Отдельную смысловую группу, в которой происходит активная актуализация концепта «бесовство», составляют реплики диалога Ставрогина и Даши. Герой использует номинативные репрезентанты концепта «бесовство» *бесёнок* и *бес* для обозначения беглого разбойника Федьки Каторжного, совершающего по приказу Петра Верховенского ряд преступлений, призванных посеять в городе хаос. Ставрогин рассказывает:

Слушайте, Даша, я теперь всё вижу приведения <...> Один *бесенок* предлагал мне вчера на мосту зарезать Лебядкина и Марью Тимофеевну, чтобы порешить с моим законным браком, и концы чтобы в воду <...> Вот это так *расчетливый бес! Бухгалтер!* Ха-ха! [7. Т. 10. С. 230].

Говоря Даше о предложении беглого каторжника разделаться с Марьей Тимофеевной и капитаном Лебядкиным, герой смеётся и называет его *бесёнком, расчётым бесом и бухгалтером*. Этот лексический ряд репрезентантов концепта «бесовство» характеризует не столько преступника, сколько самого Ставрогина. Одна из функций диминутивного суффикса -енок- в слове *бесёнок* – выделение мелкой роли преступника. Идея убийств и разрушений не принадлежит ему, он лишь исполняет приказы Петра Верховенского. С другой стороны, форма слова, которое использует Николай Всеволодович, указывает на равнодушие Князя к убийству людей.

Словосочетание *расчётым бухгалтером* раскрывают другие аспекты природы бесовства Ставрогина: логический взгляд на мир, в основе которого лежит арифметика, сформировавшая философию Раскольникова («За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!») [7. Т. 6. С. 54]. Подобное хладнокровие и расчётымость обусловливают духовную мертвность героя и его неспособность к сочувствию. Так в данном фрагменте ближняя периферия концепта «бесовство» дополняется признаком «логика».

Немаловажной для раскрытия граней сущности Ставрогина становится и реплика Даши, в которой, она называет героя демоном: «Да сохранит вас *бог* от вашего *демона* и... *позовите, позовите* меня скорей!» [Там же. Т. 10. С. 231]. Даша осознаёт глубокую трагедию Ставрогина и полагает, что способна помочь ему в борьбе с его демоном, так же как и его мать, романтизируя образ Князя. Находясь в зависимости от героя, она готова пожертвовать всем, чтобы быть рядом с ним, не осознавая, что не в силах помочь. Её стремление противостоять силам зла проявляется и в речевой конструкции «да сохранит вас бог». Однако вера Даши не спасла её от одержимости Ставрогиным, желания следовать за ним, выраженного повторением слова *позовите*.

В ответной реплике Ставрогина Даше актуализируется один из самых ярких аспектов концепта «бесовство» в романе: отказ героя от романтического ореола и маски «демона», признание собственной никчемности: «О, какой мой *демон!* Это просто *маленький, гаденький, золотушный бесенок с насморком, из неудавшихся*» [Там же]. Признание строится с помощью оппозиции «демон – бес», закрепившейся в русском языке. Б.Н. Тарасов указывает, что сознание Ставрогина характеризует «байроническая пресыщенность», обусловленная его «жаждой абсолюта» и «невозможностью его достижения» [35. С. 536]. В представленном контексте происходит разрушение байронического пьедестала демона, его развенчание и низведение, которое занимает важное место в авторской концепции образа Князя. Оппозиция *демон – бес* усиливается благодаря диминутивному суффиксу -енок- (*бесёнок*), дополняемому суффиксами -еньк- в обрисовывающих образ эпитетах. Тонкая работа Достоевского со словом лаконично и ясно объясняет трагедию героя, заключающуюся в неспособности совершить значимый поступок. В данном контексте реализация концепта «бесовство», представленная оппозицией *демон – бес*, раскрывает истин-

ную сущность Ставрогина, его бессилие и никчёмность, а также ведет к принципиальной для Достоевского деромантизации образа демона в русской культуре.

Таким образом, диалог героев представляет собой узловой момент романа, в котором происходит самообличение Князя, его признание в беспомощности и хладнокровии. На уровне поэтики главным способом актуализации концепта «бесовство» становится образная оппозиция Ставрогина и Даши. Трагические грани сущности героя, обозначенные хроникёром и другими персонажами с помощью базовых лексем-репрезентантов рассматриваемого концепта, раскрываются читателю более полно самим Ставрогиным в беседе с девушкой, а игра синонимами и их семантический потенциал позволяют писателю расставить акценты и указать читателю на необходимость внимательного прочтения эпизода.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение особенностей вербализации концепта «бесовство» в главе «У Тихона». Она играет ключевую роль для понимания сущности главного героя и нравственно-философского содержания романа. В этой главе разворачивается психологический поединок между Тихоном и Ставрогиным. Старец понимает, что беда героя заключается в равнодушии, так как он «тепл, а не горяч и не холoden» [11. С. 94] и потому не способен ни на какие значимые поступки.

Князь рассказывает бывшему архиерею о являющемся ему бесе и, отвечая на вопрос Тихона о продолжительности видений, провоцирует его, избегая прямого указания на одержимость этой сущностью:

...вы наверно думаете, что я всё еще **сомневаюсь и не уверен**, что это я, а не в самом деле бес <...> А вы разве никак не можете предположить, что это в самом деле бес? [7. Т. 11. С. 9].

В словах Ставрогина о приходящем бесе проявляется раздвоенность его сознания, которая обуславливает невозможность чётко определить природу терзающего его явления. Речь героя наполнена значительным количеством вопросов и конструкций с семантикой неуверенности, дополняющих ближнюю периферию концепта «бесовство»: *наверно, сомневаюсь и не уверен*. Эти слова обозначают крайнюю степень бессилия героя, отсутствие чётких убеждений из-за утраты веры.

Ответ Тихона на вопрос о существовании бесов противоположен по модальности реплике Николая Всееволовича: *«Беси существуют несомненно, но понимание о них может быть весьма различное»* [Там же]. В отличие от Ставрогина, лишенного способности верить во что-либо, смешивающего понятия о Добре и Зле, Тихон верит в Бога, а потому признаёт реальность беса, будучи при этом способным чётко их разграничивать. Это подтверждается и тем, что архиерей использует церковный вариант множественного числа слова *бес – беси*. Этими словами Тихон подтверждает одержимость Ставрогина бесами, которая до этого была представлена в тексте лишь имплицитно.

Неспособность Ставрогина верить во что-либо, оторванность от почвы, зыбкость его существования усиливаются по мере развёртывания концепта «бесовство» в диалоге с Тихоном. Князь стремится создать впечатление, будто бы он с насмешкой испытывает старца, задавая ему вопрос о существовании беса, а затем заявляя о канонической вере в него:

...я в *беса-то верю*, но под видом того, *что не верю*, хитро задаю вам вопрос: есть ли он или нет в самом деле? <...> я вам сериозно и нагло скажу: *я верую в беса, верую канонически*, в личного, не в аллегорию, и мне ничего не нужно ни от кого выпытывать, вот вам и всё <...> А можно ль веровать в *беса, не веря в бога?* – *засмеялся* Ставрогин [7. Т. 11. С. 10].

За вызывающим поведением Князя скрываются бессилие и раздвоенность его сущности. В речи героя это иллюстрируется повторением глаголов, свидетельствующих о его неверии: *сомневаюсь, не уверен, не верю*, а также в сложной противоречивой конструкции *«верую, но под видом того, что не верю»*. Ставрогин, заявляя об абсолютной вере в беса, сразу подвергает её сомнению, вызванному его неверием в Бога. Этим он подтверждает промежуточное положение между границами *холоден* и *горяч*, обусловливающее его духовную пустоту, отказ от Бога и способности верить, что, по мнению Достоевского, является причиной главной болезни современности [35. С. 541]. Примечательно, что, говоря о степени веры в беса, Николай Всеволодович использует наречие *канонически*, традиционно характеризующее следование правилам, установленным Церковью. Так, это наречие указывает на то, что вера Ставрогина в беса формальна, поскольку на настоящую герой не способен.

Одним из наиболее значительных фрагментов для актуализации концепта «бесовство» в главе «У Тихона» становится реплика архиерея, в которой после прочтения исповеди он раскрывает главный порок Ставрогина – гордыню. Прочитав письменное признание Ставрогина в насилии над ребёнком, Тихон предпринимает попытку убедить его покаяться и уйти в монастырь: «Всю *гордость* свою и *беса* вашего посрамите! *Победителем кончите, свободы достигнете!*» [7. Т. 11. С. 29]. По мнению старца, герою необходимо преодолеть один из самых тяжких грехов – гордыню, определяющую и беснование Варвары Петровны. Этот порок обуславливает желание героя опубликовать рассказ о насилии над Матрёшкой – шаг, от которого Ставрогин должен отказаться, чтобы нравственно возродиться. Такой поступок, по мысли архиерея, станет духовным подвигом героя, совершение которого в русском мировидении есть «спасение человека от себя ущербного и возвращение к себе истинному» [36. С. 5]. В словах Тихона с помощью лексем *свобода* и *победитель* лаконично выражается идея Достоевского о необходимости добровольной активной борьбы человека со Злом. По мысли писателя, она должна привести его к свободе – «высшему проявлению человеческой природы» [37. С. 77]. Стремление к ней, преодоление одного из самых тяжких грехов могло помочь Ставрогину найти путь к спасению, однако из-за бессилия и невозможности сопротивления захлестнувшему общество бесовству герой обречён.

Таким образом, глава «У Тихона» стала кульминационным элементом для актуализации концепта «бесовство» в контексте раскрытия сущности и трагедии главного героя романа. В ближней периферии концепта на передний план выходят такие важные признаки, как *гордость* и *неверие*, определившие течение жизни героя и её трагический исход. В поэтике эпизода концепт, как и во фрагменте диалога героя с Дашей, проявляется на уровне образной оппозиции. В разговоре архиерея и Ставрогина окончательно развенчивается образ главного героя, который постепенно раскрывался в предыдущих главах романа, утверждается его неспособность на значительные поступки, равнодушие и неверие в Бога.

Важным фрагментом для понимания идеи романа является отрывок, в котором Степан Трофимович осмысливает захлестнувшее общество беснование. В сюжетном плане кульминацией романа становится праздник, организованный губернаторшей [38. С. 128], в то время как на рефлексивном уровне кульминацией оказывается речь старшего Верховенского, в которой концентрация репрезентантов наиболее высока.

Осознав ужас беды, охватившей город, Верховенский просит книгоношу Софью Матвеевну прочесть ему евангельскую притчу об изгнании свиней: «*О свиньях...* это тут же... ces cochons... я помню, *бесы* вошли в *свиней* и все потонули» [7. Т. 10. С. 498]. По замыслу Достоевского, Степан Верховенский является представителем поколения либералов 1840-х гг., которое отличает непонимание России, её истории, культуры и духовных ценностей. Слепое следование идеи преобразования социальной, политической, духовной сфер жизни России по западной модели повлекло за собой неосмысленную адаптацию европейских теорий, приведшую к формированию рокового поколения нигилистов-революционеров. Однако именно Степану Трофимовичу, а не представителям молодого поколения Достоевский предоставляет возможность осознать суть и причины беды нового времени.

Структура фразы старшего Верховенского, проведшего ночь в припадке и забытьи, ломаная и прерывистая, поскольку он торопится озвучить внезапно открывшуюся ему мысль о распространившемся бесовстве. Герой трижды повторяет слово *свиньи*, подключающее аллюзию на Евангелие. Этой репликой Степан Трофимович побуждает сиделку прочесть фрагмент из притчи, использованный автором в качестве эпиграфа к роману. Софья Матвеевна произносит канонический текст в отличие от квазицитаты из эпиграфа, в которой автор заменяет компоненты текста оригинального [39. С. 57].

Поэтика интертекстуальности позволяет ярко актуализировать концепт «бесовство» в этом фрагменте. Достоевский приводит отрывок из Евангелия, сделав в нём четыре лексические замены (*бесы* – *оны*, *происшедшее* – *случившееся*, *в селениях* – *по деревням*, *видеть* – *смотреть*), одно добавление (*жители*) и одно опущение (*же*). Глагол *смотреть*, в отличие от слова *видеть*, обозначает лишь процесс наблюдения, а не результат. Лексема *происшедший* подразумевает регулярность действия, а *случившееся* – его единичность. Существительное *селение* имеет более широкое значение,

чем деревня. Таким образом, в эпиграфе Достоевский создает более конкретизированное, суженное пространство и временной период, что позволило ему адаптировать цитату к определённой истории, которая была положена в основу романа. В финале автор использует канонический фрагмент Евангелия, имеющий более широкое значение. Это позволило ему показать, что события, произошедшие в книге, типичны для всей России.

Безусловно, значимой для реализации концепта «бесовство» в романе оказывается реплика Степана Трофимовича после прочтения ему отрывка из притчи. В ней концентрация репрезентантов концепта (6) наиболее высока в сравнении с другими фрагментами произведения. Верховенский-старший постигает связь услышанного и происходящих вокруг него событий:

Эти *бесы*, выходящие из *больного* и входящие в *свиней*, – это все *язвы*, все *миазмы*, вся *нечистота*, все *бесы* и все *бесенята* <...> великая воля осенят ее свыше, как и того безумного *бесноватого*, и выйдут все эти *бесы*, вся *нечистота*, вся эта *мерзость, загноившаяся* на поверхности... и сами будут проситься войти в *свиней*. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша... et les autres avec lui, и я, может быть, первый, во главе, и мы *бросимся, безумные и взбесившиеся*, со скалы в море и все *потонем*, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит [7. Т. 10. С. 499].

Благодаря словам героя окончательно раскрывается взаимосвязь эпиграфа с содержанием романа и его философским смыслом. Выслушав строки из Евангелия, Степан Трофимович произносит монолог, свидетельствующий о его понимании происходящего. Верховенский осознаёт, что его поколение утратило духовные ценности и связь с народом, а бесы, к которым он относит себя, сына, – это трагедия, захлестнувшая всю Россию. Важно обратить внимание на стилистическую аранжировку фрагмента. Ритмическая структура фразы с нарушением последовательности высказываемой мысли свидетельствует о том, что герой произносит речь «от сердца», не успев логически переосмыслить её, а значит – искренне. Отсутствие логичности в данном случае представляет собой признак истинного прозрения героя и освобождения от бесовства, обретения пути к раскаянию и спасению. Лихорадочность сознания Степана Трофимовича выражена с помощью эллипсиса и заминок в речи. Фрагмент наполнен большим количеством повторений (*всё, за века, мы, первый, во главе, нечистота, может быть, великая, безумный*), организован хаотично, предложения состоят из нескольких незавершённых грамматических основ. Отрывок отличается разнообразием использования лексем-репрезентантов концепта «бесовство» с одноимённым корнем (*бесы, бесенята, бесноватый, взбесившийся*), иллюстрирующих многообразие типов «бесов», причин их болезни и степени вреда, который они наносят России. Автор достигает эффекта нарастающей катастрофы, масштабного хаоса, вихря, в который превратился охваченный бесами город, и, как ощущает читатель, вся страна: «...мы, мы, и *те, и Петруша... et les autres avec lui, и я*». Значимый для

Достоевского признак концепта – *болезнь*, последовательно проходивший через всю ткань романа, раскрывается в словах Верховенского наиболее ярко с помощью лексем *язвы, миазмы, больном*. Так, в этом фрагменте видно, как смыслы, актуализированные в динамике сюжета (*болезнь, грязь, сумасшествие, смерть*), более полно раскрывают аксиологические доминанты текста на его рефлексивном уровне.

Таким образом, создавая роман «Бесы», Достоевский опирается на национальную традицию переосмыслиения концепта «бесовство» в русской картине мира. Своеобразие его аксиологического содержания обеспечивается благодаря вербализации в ближней периферии признаков, которые в национальной картине мира актуализируются в периферии дальней: *отсутствия серьёзности, внезапность, отношение к вере, логика, ничтожность, уныние*. Изучая формы современного беснования, писатель сосредоточивает внимание на его нравственных и социальных аспектах. Так, в авторской иерархии формирующих его признаков актуализируется смысловая группа *болезнь*, приобретающая в романе социальный характер. Большая часть героев страдает от физических или психологических недугов, которые определяют их отношения с другими персонажами (Ставрогин и Гаганов, Лиза, Прасковья Ивановна, Ставрогин и Даша, Ставрогин и Тихон). Социальный характер болезни, захлестнувшей романное пространство, раскрывается в монологе Степана Трофимовича. Причины её распространения показаны с помощью других признаков, составляющих ближнюю периферию концепта (*презрение и гордость*). В русской литературе 1820–1860 х гг. они соотносились с феноменом индивидуализма и в языковой картине мира принадлежали к дальней периферии этого концепта. Достоевский, осмысливший проблему индивидуализма в «Преступлении и наказании», в романе «Бесы» описывает её распространение в широких масштабах и перерождение в бесовство под влиянием европейских идей и буржуазных ценностей при одновременной утрате веры и невозможности подавления собственного эгоизма без этой опоры. Писатель также обогащает аксиологическое содержание концепта такими признаками, как *логика, неверие, беспомощность*, определяющими природу нравственного разрушения человека. Важное значение для вербализации концепта *бесовство* в романе приобретают и оценочные смысловые группы *отвращение и страх*, указывающие на пагубную роль этой социальной болезни для всего общества.

Концепт «бесовство» является ключевым для организации поэтики романа. Исследователи неоднократно указывали на определяющую роль темы бесовства в этом произведении и подчёркивали её воплощение на разных уровнях поэтики произведения [40. С. 489–507, 492; 11. С. 99; 43. С. 234], а также отмечали различные типы актуализации образа беса в его структуре.

Изучение эпизодов, содержащих лексемы, принадлежащие ядру концепта «бесовство», выявляет его определяющую функцию для организации композиции романа: в экспозиции, представленной в первых двух главах

первой части, благодаря хроникёру читатель узнаёт предысторию главных героев и ощущает дисгармоничность их личностей и городского уклада в целом. Более яркую актуализацию концепт получает во второй и третьей частях книги, в которых описываются события после приезда в город Петра Верховенского и Николая Ставрогина: бытовые, политические и административные заговоры, убийства, самоубийства и пожар. Благодаря актуализации концепта «бесовство» обеспечиваются композиционная цельность и последовательность произведения.

Не менее важную роль играет концепт и в развертывании романного сюжета: получая реализацию в большинстве значимых эпизодов произведения, он обеспечивает единство отдельных сюжетных линий, объединяет в единую панораму множество отдельных историй, служащих доказательством масштабности кризиса, охватившего Россию.

Концепт «бесовство» обуславливает специфику динамики сюжета. Он актуализируется с помощью лексем, составляющих его ближнюю периферию во фрагментах, которые не влияют на темп развития событий, но отличаются высокой степенью рефлексивности, представляя субъективное восприятие и интуитивную оценку происходящего героями романа. Отчасти это объясняется своеобразием данного концепта в русской картине мира, в которой он относится к философской и религиозной сферам, опосредованно проявляясь в материальном мире [42. С. 43–46]. С другой стороны, рефлексивное осмысление концепта (в словах персонажей) характерно для избранной Достоевским в этом произведении повествовательной стратегии и способствует достижению поставленной им в романе задачи – изобразить проблему, исток которой – ложные идеи и искажение нравственных идеалов.

Особо важное место в сюжетном развёртывании концепта «бесовство» получает глава «У Тихона», которая, по замыслу автора, должна была располагаться между восьмой и девятой главами второй части. Максимальное раскрытие аксиологического наполнения концепта в сюжете романа происходит в седьмой главе третьей части, являющейся кульминацией произведения. В результате авторской работы со словом на уровне сюжета ярко воплощается мотив апокалипсиса, определяющий нравственное разложение героев, крушение социальных и моральных норм, регулирующих жизнь общества: бесчеловечные убийства, самоубийства, насилие над ребёнком.

Драматизм и особую динамику сюжета определяет большое количество персонажей романа, благодаря которому Достоевский подчёркивает широту распространения бесовства, а также многообразие типов людей, охваченных этой болезнью. Центром произведения становится Николай Ставрогин, которого окружают другие герои, усложняя его образ. Посредством многочисленных образных оппозиций раскрываются различные грани его сущности и причины болезни, поразившей молодое поколение. Населяя роман значительным количеством действующих лиц, писатель также выстраивает иерархию типов бесовства [10. С. 548]. Сложность проблемы и

ее конфликтная, в определенной степени провокационная постановка по отношению к традиционным православным ценностям, на разрушение которых указывает Достоевский, заставляют писателя особенно тонко работать со словесной тканью романа, чтобы заявить проблему не прямо, вызвав резкий отпор, а опосредованно, заставляя читателя задуматься над сутью описанных в романе событий.

Таким образом, концепт «бесовство» получает всестороннее осмысливание в контексте современной Достоевскому действительности, раскрывая точку зрения романиста на проблемы, определяющие глубокий кризис, поразивший русское общество. Он становится ключевым для объединения всех элементов смысловой и поэтической структур этого произведения, организует его сюжетно-композиционный и образный уровни. Помощью актуализации концепта «бесовство» выявлена пагубность стремления современников писателя отвергнуть традиционные нравственные нормы, показаны разрушительные последствия отказа от вечных ценностей.

Литература

1. *Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров.* СПб. : Пушкинский Дом, 2008. 467 с.
2. *Истомина Н.Ф.* Концепт «БЕСЫ» в одноимённом романе Ф.М. Достоевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2002. 179 с.
3. *Федотова Е.Е.* Концепт «Мысль» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник МГТУ. 2010. № 2. С. 69–73.
4. *Леготина Е.В., Кобякова Т.И.* Концепт «зло» в сознании русской языковой личности (на материале романов Ф.М. Достоевского) // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3 (65). С. 108–114.
5. *Бокова О.А.* Концепт «Тоска» в идиостиле Ф.М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2004. № 1–2 (31). С. 35–37.
6. *Захаров В.Н.* Снова «Бесы» // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. . канонические тексты / под ред. В.Н. Захарова. Петрозаводск, 2012. Т. 9.
7. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука. Ленингр. издание.
8. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. XII. Тарту, 1981.
9. *Тюпа В.И.* Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ. М. : Лабиринт, 2001.
10. *Захаров В.Н.* Эмблема романа: Россия и Христос // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 18 т. М., 2004. Т. 9. С. 544–555.
11. *Будanova Н.Ф.* О некоторых источниках нравственно-философской проблематики романа «Бесы» // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 93–106.
12. *Володина Н.В.* Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. 256 с.
13. *Мифы народов мира: энцикл.* М. : Сов. энцикл., 1980. Т. 1.
14. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. / совмеш. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Олма-Пресс : Крас. пролетарий, 2004. 700 с.
15. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2007.

16. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М. : Наука, 1975.
17. Найдыш О.В. Мифопоэтическое наследие в культурогенезе восточных славян // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2008. С. 25–33.
18. Найдич Э.Э., Роднянская И.Б. «Демон» // Лермонтовская энциклопедия / науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.». М., 1981. С. 130–137.
19. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979.
20. Чирков Н.М. О стиле Достоевского. М. : Изд-во АН СССР, 1963.
21. Чичерин А.В. Идеи и стиль. М. : Сов. писатель, 1968.
22. Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996.
23. Арутюнова Н.Д. «Палка о двух концах»: К проблеме семантической редукции в текстах Достоевского // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2005. Т. 64, № 2. С. 3–14.
24. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М. : Наука, 1979.
25. Слово Достоевского. 2000 : сб. ст. / под ред. Ю.Н. Карапулова, Е.Л. Гинзбурга. М. : Азбуковник, 2001.
26. Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий. А–В / гл. ред. Ю.Н. Карапулов ; авт.-сост. Ю.Н. Карапулов, Е.Л. Гинзбург, М.М. Коробова. М. : Азбуковник, 2008.
27. Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М. : ЛЕКСРУС, 2014.
28. Аши姆баева Н.Т. Достоевский: Контексты слов : сб. ст. СПб. : Серебряный век, 2014.
29. Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб. : Крига, 2010.
30. Рубцова Н.С. К вопросу о структурном единстве хроникёра в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25, вып. 3. С. 16–21.
31. Карякин Ю.Ф. Зачем хроникер в «Бесах». URL: <http://karyakinyury.com/ru/books/dostiapokalipsis/dostiapokalipsis.html> (дата обращения: 16.09.2017).
32. Сараскина Л.И. Бесы – роман-предупреждение. М. : Сов. писатель, 1990.
33. Жиликова Э.М. Демонические герои // Ф.М. Достоевский: Антология жизни и творчества. URL: <http://www.fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/072/> (дата обращения: 27.09.2017).
34. Касаткина Т.А. Без Бога... Роман Ф.М. Достоевского «Бесы». Ст. 2 // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения. Москва ; Иркутск, 2007. Вып. 14. С. 3–24.
35. Тарасов Б.Н. Вечное предостережение // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 18 т. Т. 9: Роман «Бесы» (1871–1872). М., 2004.
36. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Художественный текст как культурно-исторический феномен: Теория и практика прочтения : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2002.
37. Кашина Н.В. Эстетика Ф.М. Достоевского : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Вышш. шк. (вузы и техникумы), 1989.
38. Мелетинский Е.М. Заметки о творчестве Достоевского. М. : РГГУ, 2001.
39. Дубеник Е.А. Литературные ассоциации в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
40. Булгаков С.Н. Русская трагедия // Бесы: Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М., 1996.
41. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М. : Сов. писатель, 1989.
42. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. С. 43–46.

THE SPHERE OF CONCEPTS OF THE NOVEL *DEMONS* BY FYODOR DOSTOEVSKY: ON REVEALING THE MAIN CONCEPT AND ITS FUNCTION IN THE POETICS OF THE BOOK

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 125–146. DOI: 10.17223/19986645/54/8

Natalia O. Bulgakova, Olga V. Sedelnikova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nob@tpu.ru / sedelnikovaov@tpu.ru

Keywords: Fyodor Dostoevsky, novel *Demons*, literary concept, besovstvo, poetics, plot, composition, system of characters.

The article is devoted to the revealing of the main concept of the novel *Demons* by Fyodor Dostoevsky, analysis of its functions in the sense field organization and poetics of the book.

The concept “besovstvo” [devildom] became relevant for the writer in the light of the socio-political situation in Russia in the 1860s. In his interpretation, it was the reason of the moral crisis concerning all the social strata. The analysis of the materials that characterize the history of the *Demons* creation in its connection with the poetics of the title and the epigraphs showed that the main concept of the novel is “besovstvo”.

The identification of all the fragments with the nuclear lexical items of the nominal field of the concept “besovstvo” shows that three of them are verbalized in the chronicler’s speech, sixteen in the characters’ words. In the chronicler’s speech, the features *disease*, *fury*, *pride* point at the deformation of the moral values. In the characters’ speech (Stavrogin and Dasha, Tikhon, Stepan Trofimovich, etc.), the concept is verbalized in a more detailed way. In these fragments the features *logic*, *infidelity*, *contempt*, *pride*, *helplessness* revealing the reasons of the moral destruction as well as *disgust* and *fear* proving the pernicious character of this phenomenon are verbalized.

The functions of the chosen fragments in the development of the narrative, composition and character structure of the novel were determined, which helped establish that the concept “besovstvo” has a key role in the poetics of the book. It unites separate stories proving the large scale of the crisis.

The concept “besovstvo” determines the specificity of the plot: fragments where it is verbalized with key words have a reflective character and actualize the philosophical content of the book. In the exposition, the concept verbalization reveals the disharmony of the characters’ personalities and the town life. The concept representation is more active in the second and the third parts of the book. The chapter “At Tikhon’s”, highlighting the tragedy of the main hero, is of particular importance. The concept is entirely actualized in Stepan Trofimovich’s speech on besovstvo that covered Russia. The Apocalypse motive that is emphasized here determines the destruction of social and moral values that regulate the characters’ life. The concept actualization helps to create the system of characters, in which Stavrogin is the center.

Consequently, the concept “besovstvo” in the novel *Demons* represents the author’s view on the social and moral problems of his time, reveals the manifestation and reasons of the deep crisis that the Russian society was going through. It also unifies all the levels of the novel’s poetics, determines its narrative, composition and character structure, provides the unity of the literary text.

References

1. Shchennikov, B.N. & Tikhomirov, B.N. (eds.) (2008) *Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, letters, documents: reference dictionary]. St. Petersburg: Pushkinskiy Dom.
2. Istomina, N.F. (2002) *Koncept “BESY” v odnoimjonnem romane F.M. Dostoevskogo* [The concept “DEMONS” in Dostoevsky’s novel]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kaliningrad.

3. Fedotova, E.E. (2010) Kontsept “Mysl” v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo [The concept “Thought” in the works of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik MGTU*. 2. pp. 69–73.
4. Legotina, E.V. & Kobyakova, T.I. (2013) Kontsept “zlo” v soznanii russkoyazykovoy lichnosti (na materiale romanov F.M. Dostoevskogo) [The concept “evil” in the mind of the Russian language personality (based on the novels by F.M. Dostoevsky)]. *Vestnik VGU*. 3 (65). pp. 108–114.
5. Bokova, O.A. (2004) Kontsept “Toska” v idiostile F.M. Dostoevskogo [The concept “Anguish” in the idiostyle of F.M. Dostoevsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 1–2 (31). pp. 35–37.
6. Zakharov, V.N. (2012) Snova “Besy” [Demons again]. In: Dostoevsky, F.M. *Poln. sobr. soch. kanonicheskie teksty* [Complete works: canonical texts]. Vol. 9. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
7. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
8. Lotman, Yu.M. (1981) Semiotika kul’tury i ponyatiye teksta [Semiotics of culture and the notion of text]. *Trudy po znakovym sistemam*. XII.
9. Tyupa, V.I. (2001) *Analitika khudozhestvennogo (vvedenie v literaturovedcheskiy analiz)* [Analytics of the literary (introduction to the literary analysis)]. Moscow: Labirint.
10. Zakharov, V.N. (2004) Emblema romana: Rossiya i Khristos [The emblem of the novel: Russia and Christ]. In: Dostoevsky, F.M. *Poln. sobr. soch.: v 18 t.* [Complete works: in 18 vols]. Vol. 9. Moscow: Astrel’ AST.
11. Budanova, N.F. (1988) O nekotorykh istochnikakh nравственно-философской проблематики романа “Besy” [On some sources of the moral and philosophical problems of the novel “Demons”]. In: Fridlander, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Materials and Research]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
12. Volodina, N.V. (2014) *Kontsepty, universalii, stereotypy v sfere literaturovedeniya* [Concepts, universals, stereotypes in the field of literary studies]. 2nd ed. Moscow: FLINTA: Nauka.
13. Tokarev, S.A. (ed.) (1980) *Mify narodov mira: entsikl.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Sov. entsikl.
14. Dahl, V.I. (2004) *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo jazyka: izbr. st.* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language: selected entries]. Moscow: Olma-Press: Kras. proletariy.
15. Mokienko, V.M. (2007) *Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: historical and etymological essays on phraseology]. 2nd ed. Moscow: Flinta: Nauka.
16. Pomerantseva, E.V. (1975) *Mifologicheskie personazhi v russkom fol’klore* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka.
17. Naydysh, O.V. (2008) The Slavonic Demonology as One of Sources of “Folk Psychology”. *Vestnik rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya – RUDN Journal of Philosophy*. 1. pp. 25–33. (In Russian).
18. Naydich, E.E. & Rodnyanskaya, I.B. (1981) “Demon” [“Demon”]. In: Manuylov, V.A. (ed.) *Lermontovskaya enciklopediya* [Lermontov Encyclopedia]. Moscow: Sov. entsikl.
19. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky’s poetics]. 4th ed. Moscow: Sov. Rossiya.
20. Chirkov, N.M. (1963) *O stile Dostoevskogo* [On Dostoevsky’s style]. Moscow: USSR AS.
21. Chicherin, A.V. (1968) *Idei i stil’* [Ideas and style]. Moscow: Sov. pisatel’.
22. Arutyunova, N.D. (1996) Stil’ Dostoevskogo v ramke russkoy kartiny mira [Dostoevsky’s style in the framework of the Russian picture of the world]. In: Rozanova, N.N. (ed.) *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul’tura: Pamyati Tat’yan Grigor’evny Vinokur* [Poetics. Stylistics. Language and Culture: In memory of Tatyana Vinokur]. Moscow: Nauka.
23. Arutyunova, N.D. (2005) “Palka o dvukh kontsakh”: K probleme semanticheskoy reduksii v tekstakh Dostoevskogo [A “double-edged sword”: On the problem of semantic reduction in Dostoevsky’s texts]. *Izv. RAN. Ser. lit. i yaz.* 64(2). pp. 3–14.

24. Ivanchikova, E.A. (1979) *Sintaksis khudozhestvennoy prozy Dostoevskogo* [Syntax of Dostoyevsky's artistic prose]. Moscow: Nauka.
25. Karaulov, Yu.N. & Ginzburg, E.L. (eds.) (2001) *Slovo Dostoevskogo. 2000* [The word of Dostoevsky. 2000]. Moscow: Azbukovnik.
26. Karaulov, Yu.N. (ed.) (2008) *Slovar' yazyka Dostoevskogo: idioglossariy. A–V* [Dictionary of Dostoevsky's language: idioglossary. A-B]. Moscow: Azbukovnik.
27. Osokina, E.A. (ed.) (2014) *Slovo Dostoevskogo 2014. Idiostil' i kartina mira* [The word of Dostoevsky 2004. The individual style and the picture of the world]. Moscow: LEKSRUS.
28. Ashimbaeva, N.T. (2014) *Dostoevskiy: Konteksty slov* [Dostoevsky: Contexts of words]. St. Petersburg: Serebryanyy vek.
29. Stepanyan, K.A. (2010) *Yavlenie i dialog v romanakh F.M. Dostoevskogo* [The phenomenon and dialogue in F.M. Dostoevsky's novels]. St. Petersburg: Kriga.
30. Rubtsova, N.S. (2015) K voprosu o strukturnom edinstve khronikyora v romane F.M. Dostoevskogo "Besy" [On the structural unity of the chronicler in F.M. Dostoevsky's "Demons"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 25(3). pp. 16–21.
31. Karyakin, Yu.F. (2009) *Zachem khroniker v "Besakh"* [Why have a chronicler in the "Demons"?]. [Online] Available from: <http://karyakinyury.com/ru/books/dostiapokalipsis/dostiapokalipsis.html>. (Accessed: 16.09.2017).
32. Saraskina, L.I. (1990) *Besy – roman-preduprezhdenie* [Demons: a novel-warning]. Moscow: Sov. pisatel'.
33. Zhilyakova, E.M. (c. 2012) *Demonicheskie geroi* [Demonic heroes]. [Online] Available from: <http://www.fedorostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/072/>. (Accessed: 27.09.2017).
34. Kasatkina, T.A. (2007) *Bez Boga... Roman F.M. Dostoevskogo "Besy"*. St. 2 [Without God ... F.M. Dostoevsky's "Demons"]. *Tri veka russkoy literatury: Aktual'nye aspekty izucheniya*. 14. pp. 3–24.
35. Tarasov, B.N. (2004) *Vechnoe predosterezhenie* [The eternal warning]. In: Dostoevsky, F.M. *Poln. sobr. soch.: v 18 t.* [Complete works: in 18 vols]. Vol. 9. Moscow: Astrel': AST.
36. Gagaev, A.A. & Gagaev, P.A. (2002) *Khudozhestvennyy tekst kak kul'turno-istoricheskiy fenomen: Teoriya i praktika prochteniya* [Artistic text as a cultural and historical phenomenon: Theory and practice of reading]. Moscow: Flinta: Nauka.
37. Kashina, N.V. (1989) *Esteretika F.M. Dostoevskogo* [Aesthetics of F.M. Dostoevsky]. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk. (vuzy i tekhnikumy).
38. Meletinskiy, E.M. (2001) *Zametki o tvorchesstve Dostoevskogo* [Notes on the work of Dostoevsky]. Moscow: RSUH.
39. Dubenik, E.A. (2010) *Literaturnye assotsiatsii v romane F.M. Dostoevskogo "Besy"* [Literary associations in F.M. Dostoevsky's "Demons"]. Philology Cand. Diss. M.
40. Bulgakov, S.N. (1996) *Russkaya tragediya* [Russian tragedy]. In: Saraskina, L.I. (ed.) *Besy: Roman v treh chastyakh. "Besy": Antologiya russkoy kritiki* ["Demons": A novel in three parts. "Demons": An anthology of Russian criticism]. Moscow: Soglasie.
41. Karyakin, Yu.F. (1989) *Dostoevskiy i kanun XXI veka* [Dostoevsky and the eve of the 21 century]. Moscow: Sov. pisatel'.
42. Babushkin, A.P. (1996) *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the language]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 43–46.

УДК 821.161.1
DOI: 10.17223/19986645/54/9

И.О. Волков, Э.М. Жилякова

**ПРЕДКИ И.С. ТУРГЕНЕВА В КАЧЕСТВЕ ЧИТАТЕЛЕЙ:
Н.И. ЛАВРОВ И ВЕРГИЛИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ
РОДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)**

Статья посвящена частному аспекту проблемы «И.С. Тургенев и Вергилий». На материале личной библиотеки писателя производится анализ чернильных маргинаций на страницах четырёхтомного французского издания «Энеиды» (L'Eneide, 1804). В ходе аналитического разбора устанавливается наиболее вероятный читатель поэмы Вергилия и, соответственно, автор помет – Н.И. Лавров, двоюродный дед Тургенева. Героическая личность генерала 1812 г. сопоставляется с этико-философским содержанием означенных в процессе чтения поэмы моментов.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Н.И. Лавров, Вергилий, «Энеида».

Античная традиция вообще и творчество Публия Вергилия Марона в частности имели особое значение в становлении и развитии художественно-эстетических принципов И.С. Тургенева. Проблема творческой связи русского писателя с величайшим поэтом Древнего Рима в отечественном и зарубежном литературоведении обозначена в работах [1–4]. Однако при её изучении необходимо также учесть контекст, закономерно определённый материалами личной (родовой) библиотеки Тургенева – истинной лабораторией творчества.

1

Сочинения Вергилия в книжной коллекции Тургенева немногочисленны: они представлены русским стихотворным переводом «Георгик», выполненным в 1821 г. С.Е. Раичем (Амфитеатровым) [5], и двумя разными редакциями на французском языке. Во-первых, это Сочинения (Les oeuvres, 1774) в двух томах [6], куда вошли поэмы древнеримского поэта в переводе Пьера Дефонтена; во-вторых, четырёхтомное издание «Энеиды» (L'Eneide, 1804) [7] в переложении Жака Делиля. Оба варианта составлены в форме параллельно идущих текстов – латинского и французского.

Перевод «Энеиды» Делиля 1804 г. отмечен особым читательским вниманием – на нём оставлены многочисленные пометы. Во-первых, это чернильные (реже – карандашные) отчёркивания на полях (короткий горизонтальный штрих или вертикальная прерывистая линия) и подчёркивания в тексте (иногда волнистые), имеющие жирное начертание и неаккуратное, явно небрежное оформление. Во-вторых, надписи в виде буквенного сочетания «NB» (*nota bene*), а также одно слово на французском языке, точно

разобрать которое из-за расплывшихся очертаний невозможно (т. 3, с. 81: на полях, напротив 785-го стиха). Наконец, единожды употреблён знак «плюс».

Однако принадлежность указанных следов чтения именно Тургеневу более чем сомнительна, хотя писатель, безусловно, знал это французское переложение поэмы, поскольку в 1849 г. читал «Георгики» в переводе того же Делиля. О своём впечатлении он писал Полине Виардо: «Я не мог его докончить; право, это слишком пресно, и к тому же, эти александрийские стихи текут с отвратительной легкостью; это жидкое и безвкусно, как вода» [8. Т. 1. С. 428].

Установлению более вероятного автора помогает подпись на титульных листах второго и последующих томов: на французском языке вверху страницы чернилами выведено: «Lavroff» (Лавров). Как известно, в родословной Тургенева дворянский (калужский) род Лавровых составил отдельную линию: Екатерина Ивановна Лаврова (1767–1834) (Лутовинова в первом замужестве и Сомова во втором) приходилась писателю родной бабушкой, т.е. была матерью Варвары Петровны [9. С. 70]. Пометы на «Энеиде», по всей видимости, принадлежат брату Е.И. Лавровой – Николаю Ивановичу Лаврову (1761–1813). Основания для такого вывода даёт содержание выделенных в книге отрывков: оно непосредственно соотносится с личностью тургеневского деда, героическим образом прочно вошедшего в анналы русской истории.

2

Н.И. Лавров в конце XVIII – начале XIX в. представлял собой известную и значимую в военно-политических кругах России фигуру. Оба его родителя принадлежали к старинным дворянским родам, а дядя по матери, генерал-аншеф А.И. Бибиков (на смерть которого Г.Р. Державин написал оду), участвовал в подавлении Пугачёвского бунта [10. С. 19]. На протяжении трёх царствований Лавров прошёл путь от рядового лейб-гвардии Преображенского полка до генерал-лейтенанта, начальника штаба армии. Под командованием А.В. Суворова он не только штурмовал Измаил (1790), но также совершил переход через Альпы (1799). В 1806–1807 гг. Лавров участвовал в русско-прусско-французской войне [11. С. 8–9].

В течение почти целого года (со 2 ноября 1799 по 15 октября 1800 г.) дед Тургенева, находясь в Сибири, был шефом Томского мушкетёрского полка [12. С. 368]. Во время Отечественной войны 1812 г. Лавров состоял сначала при М.Б. Барклае-де-Толли, к которому испытывал большую неприязнь¹, а при Бородинском сражении его корпус перешёл в распоряже-

¹ В письме к А.А. Аракчееву (от 30 сентября 1812 г.) Лавров писал: «Имею честь препроводить 17 листов приказов фельдмаршала, из коих один Барклая, который *корчит* полководца» [13. С. 213].

ние М.И. Кутузова². Выйдя в начале 1813 г. в отставку по состоянию здоровья³, генерал отправился в родовое имение Холодово Орловской губернии. Скончался Лавров в ноябре того же года, направляясь в Орёл «для излечения от болезней» (цит. по: [16. С. 288]).

Село Холодово в 1834 г. по наследству досталось Варваре Петровне. Однако памятно оно было ей задолго до этого: именно отсюда зимой 1810 г. она бежала к дяде, спасаясь от унижений отчима [17. С. 14]. После смерти Варвары Петровны имение перешло во владение Тургенева. В 1867 г. писатель неоднократно пытался продать Холодово в связи с неприятной обременительной тяжкой со своим дядей-управляющим Н.Н. Тургеневым [8. Т. 8. С. 10, 12–13, 17].

В Военной галерее Зимнего дворца одним из портретов «генералов своих судеб» должно было стать и изображение Лаврова, однако на его месте находится лишь «рамка, затянутая зелёным шелком с гравированными на золочёной дощечке его чином, инициалами и фамилией» [Там же. С. 12]. На запрос нарочного о портрете генерала его сестра, Е.К. Сомова, отвела: «Покойный брат мой не позволял никому списывать с себя портретов, и по сей-то причине оного портreta не бывало как у меня, так же и у покойной его жены» (цит. по: [Там же. С. 12]). Однако А.А. Свирса считает официальные причины, призванные объяснить отсутствие изображения «яркого представителя военной элиты начала XIX в.», малоубедительными [19. С. 28]. По мнению учёного, на ненаписание или даже исчезновение портreta Лаврова из Военной галереи могли повлиять его особая близость к графу А.А. Аракчееву и непосредственное участие в устройстве военных поселений [Там же. С. 30–31].

3

Обращение к французскому переводу «Энеиды», «одному из лучших изданий» того времени [20. С. 106], для Лаврова имело особый смысл. В 1799 г., участвуя в боевых действиях под командованием Суворова, ему довелось быть в Италии. Физически и психологически Лавров ощутил себя освободителем от французского владычества народа Италии, который считался прямым наследником традиций древних римлян. Не случайно золотой век русской поэзии возрождает «в многоликом и полисемантическом образе Италии ощущимые черты её души – Рима» [21. С. 100]. Пережитые

² О замене Барклая-де-Толли на М.И. Кутузова в качестве главнокомандующего Лавров писал А.А. Аракчееву (30 августа 1812 г.): «По приезде князя Кутузова армия оживотворилась, ибо прежний с замерзлой душой своей, замораживал и чувства всех его подчинённых» [14. С. 66].

³ О серьёзном нездоровье Лаврова генерал В.И. Левенштерн (на то время адъютант Барклая-де-Толли) сообщает в своих «Записках»: «Я передал это приказание генералу Лаврову, но нашёл его в самом жалком состоянии: он был разбит параличом, почти не владел ногами, не мог ни ходить, ни ездить верхом. В физическом отношении это была олицетворённая немощь» (цит. по: [15. С. 362]).

Лавровым в Итальянском походе впечатления вошли в героический ореол его самосознания.

Знакомство с поэмой Вергилия, являвшей высокий образец лиро-эпического повествования о благородном пути человека и самоотверженном поиске родины, для Лаврова пришлось на период национального подъёма и гражданской экзальтации. Именно в своих заграничных походах он мог приобрести французское издание «Энеиды» и читать его в промежуток с 1804 по 1813 г. То есть история Энея усваивалась им либо в самой гуще событий текущего времени, либо уже в отставке, в провинциальном имении – через соотнесение собственного опыта с судьбой троянского героя.

Как образованный русский дворянин, детство и юношество которого прошли в период царствования Екатерины II, Лавров должен был прекрасно усвоить французский язык – непременную деталь светского этикета. Не случайно свою подпись на книгах (кроме поэмы Вергилия его именем в Спасской библиотеке также отмечен роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий»⁴) он ставит именно по-французски; также в его немногочисленных (обнаруженных и дошедших до нас) письмах встречается одна фраза на французском (при описании бедственного положения кавалерии Наполеона): «...они говорят сами, что лишились почти всех своих лошадей – nous sommes obligés de nous enservir de koniki – т.е. заменяться сквернымипольскими мужичьими лошадьми» [13. С. 212]. В то же время, очень хорошо владея «обязательным» языком русского общества, он, вероятно, совершенно не знал латынь, что объясняет полное отсутствие каких-либо помет на тех страницах «Энеиды», где дан текст оригинала.

Чернильные и карандашные знаки оставлены практически на каждой книге (песни) поэмы, за исключением первой и третьей. Наибольшее количество читательских обозначений сосредоточено в пределах четвёртой книги, где изображены любовь Диони и Энея, бегство героя и трагическая смерть карфагенской царицы. Необходимо заметить, что перевод Делиля относительно оригинала оказывается в некоторых местах дополненным, т.е. переводчик «дописывает» за Вергилия целые фрагменты, расширяет их. Показательно, что уже к концу первого тома (кн. 1–2) французский текст почти на двести стихов превосходит латинский. Некоторые стихи поэмы, выделенные Лавровым, относятся именно к поэтическим «изобретениям» Делиля.

Основной корпус помет связан с темой войны. Однако внимание читателя сосредоточено не на батальных сценах как таковых, а на своеобразных моментах мудрствования, когда действующие лица или сам автор рас-

⁴ В философско-политическом трактате Мармонтеля центральное место занимает фигура римского (византийского) военачальника, пребывающего в опале. На протяжении шестнадцати глав он с благородным пафосом и проникновенным патриотизмом произносит речи-поучения об отношениях воина и государства, облике истинного правителя и пр. Интересно, что в переводе «Велизария», организованном под руководством Екатерины II, принимал участие упомянутый дядя Лаврова – А.И. Бибиков. Ему была поручена глава XIII [10. С. 20].

суждают о проявлении разных свойств человеческой натуры на поле брани. К таким заключениям нравственно-философского характера относятся мысли о доблести и чести, мужестве и милосердии, справедливости и терпении:

«Энеида» в переводе Ж. Делиля	Подстрочный перевод с французского
Mourons le fer en main, voilà notre devoir: Tout l'espoir des vaincus est un beau désespoir [T. 1. P. 279]	Давайте умрём с железом в руке, вот наш долг: Всякая надежда для побеждённых – лишь прекрасное отчаяние
Et veut mourir cent fois plutôt que de céder [T. 2. P. 307]	И желает скорее сто раз умереть, чем уступить
<i>L'infortune aux grands coeurs commande un grand effort.</i> <i>Sachons souffrir le flux et le reflux du sort⁵,</i> Toujours la patience asservit la Fortune [T. 2. P. 367]	<i>Большая неудача требует больших усилий,</i> <i>Терпеливо перенесём прилив и отлив судьбы;</i> Всегда терпенье приносит удачу.
S'ils n'ont pour eux le nombre, ont pour eux le courage [T. 2. P. 373]	Если у нас нет количества, у нас есть храбрость
Toi, conserve un coeur ferme au milieu du danger [T. 3. P. 21]	Ты, сохрани твердое сердце в середине опасности
Donne aux vaincus la paix, aux rebelles des fers [T. 3. P. 115]	Дай побежденным мир, мятежникам – оковы
Fidèle dans la paix, vaillant dans les combats [T. 3. P. 191]	Верная в мире, доблестна в битве
C'est à l'audace, amis, qu'appartient le succès. [T. 4. P. 47]	Отвага, друзья, являет успех
Votre arrêt est dicté: la mort, ou la victoire [T. 4. P. 59]	<i>Продиктован вам приговор: смерть или победа</i>
Rien ne trouble leur coeur, rien n'affoiblit leurs bras; Vaincus, vous les voyez revoler aux combats [T. 4. P. 215]	Ничто не мешает их сердцам, ничто не ослабляет их рук; Вы видите, побеждённые – они снова стремятся в сраженье
Grand prince, permettez que, servant la patrie, J'achète quelque gloire aux dépens de ma vie [T. 4. P. 337]	Великий принц, позволь, за родину сражаясь, добыть себе славу ценой жизни.

Эти моменты этико-мировоззренческого обобщения, проходящего в условиях высокой патетики, обнаруживают особую гуманистическую природу эстетики Вергилия. В условиях социально-исторической катастрофы и в ситуации личного кризиса человек, по Вергилию, вынужден оправдывать свои страдания стремлением к будущему возрождению (движение к счастью). В этом индивидуальном подвиге (самостоянии) автор утверждает ценность человеческой личности.

К указанным фрагментам тесно примыкают суждения о человеческой судьбе, её изменчивости и непостоянности:

⁵ Здесь и далее в приводимых фрагментах из перевода Делиля курсивом выделяются те случаи, когда французский текст не имеет конкретного пересечения с латинским источником, т.е. целиком принадлежит поэтической фантазии переводчика.

Combien de son bonheur l'homme aisément s'enivre! Sans prévoir l'avenir au présent il se livre [T. 4. P. 77]	Сколь легко человек упивается счастьем! Не предвида будущего в настоящем, отдает ему себя
<i>Ignorons-nous le sort et ses jeux inconstans?</i> Il détruit, il répare, il change avec le temps, <i>Et, jetant à son gré des fers ou des couronnes,</i> <i>Des états ébranlés raffermi les colonnes</i> [T. 4. P. 231]	Пренебрегаем ли мы судьбой и непостоянством её игры? Она разрушает и возрождает, всё меняет с течением времени, Её воля меняется от оков до короны, Расшатанных зданий упрочивает колонны

Лавров выделяет отрывки, особенно проникнутые патриотическим пафосом. В них важно соотношение понятий *жизнь / смерть, победа / поражение, удача / невезение*, которое получает остро драматическое звучание в атмосфере сражения. Их тональность обозначенных моментов прямо соотносится с энтузиазмом и героическим воодушевлением, выраженным в письмах самого Лаврова. Так, он пишет А.А. Аракчееву незадолго до Тарутинского боя (30 сентября 1812 г.): «...всяк стремится к одному предмету, дабы Россию избавить от нашествия врагия. Умы до такой степени воспламенены, что генералы, что офицеры, солдаты и мужики лучше согласятся погребстись под развалинами своего, нежели слышать о мире, которым ласкает Наполеон своё войско. При помоши Всевышнего отмстим неприятелю – вот цель всех наших желаний...» [13. С. 213]. Примечательно и более раннее письмо к тому же адресату (30 августа 1812 г.): «Я имел честь командовать гвардией, которая храбростью, послушанием и порядком заслужила похвалу от всей армии. <...> Где смерть пожрала столько сынов России, я кое-как уцелел...» [14. С. 66].

Другая часть письма выделяет наиболее выразительные моменты повествования. К ним относятся фрагменты, в которых автор использует эпические сравнения, развёрнутые метафоры и метафорические эпитеты (при описании).

Déjà la Renommée, en traversant les airs, En a semé le bruit chez cent peuples divers. Foible dans sa naissance, et timide à sa source, Ce monstre s'enhardt, et s'accroît dans sa course [T. 2. P. 153]	Уже молва, пересекая воздух, Посеяла шум среди сотен разных народов. Слабый в рождении и робкий в начале своим, Этот монстр смелеет и увеличивается на ходу
Ainsi, quand des fourmis la diligente armée, Des besoins de l'hiver prudemment alarmée, Porte à ses magasins les trésors des sillons, Leur foule au loin s'empresse, et leurs noirs bataillons, Par un étroit sentier s'avancant sous les herbes, Entraînent à l'envi la dépouille des gerbes:	Таким же образом, когда муравьёв усердная армия, Из-за зимних напастей встревоженная, Приносит в свои жилища сокровенные запасы, Толпа их на расстояния далёкие спешит, и их чёрные батальоны Узким путём, скрытым в траве, продвигаются. Влекут за собой остатки снопов:

<p>L'une conduit la troupe et trace le chemin; L'autre, non sans effort, pousse un énorme grain; Celle-ci des traîneurs excite la paresse: <i>Pour le bien de l'État, tout agit, tout s'empresse;</i> <i>Tous ont leurs soins, leur tâche et leurs emplois divers,</i> Et d'ardens travailleurs les chemins sont couverts [T. 2. P. 181–183]</p>	<p>Один ведёт отряд и прокладывает путь; Другой, не без труда, толкает огромное зерно; Тот пробуждает отставших от лени: <i>Во благо государства все действуют, все поспешают;</i> <i>У всех есть своя забота, задача и место.</i> И рьяные труженики покрывают дороги</p>
<p>Ainsi, des aquilons ligués contre un vieux chêne, Lorsque sur l'Apennin le courroux se déchaîne, Ils s'élancent ensemble, ils sifflent, l'air frémit; De ses rameaux courbés sous son tronc qui gémit, Les feuillages épars jonchent en vain la terre; Lui, ferme sur son roc, triomphe de leur guerre [T. 2. P. 187]</p>	<p>Таким же образом, аквилон, призванный в союз против старого дуба, Когда на Апеннинах гнев разражается, Они вместе устремляются, они свистят, воздух дрожит; Его ветви гнутся под стоном ствола, Листва опадает напрасно на землю; Он твёрдо стоит на камне своём, торже- ствия в борьбе</p>
<p>A peine de la mer quittant le noir abîme Les coursiers du Soleil des monts doroiront la cime, Et, chassant devant eux l'humide obscurité, Soufflent de leurs naseaux des torrens de clarté [T. 4. P. 345]</p>	<p>С трудом тёмную пропасть морскую поки- дают Скауны солнца, вершину гор золотя, И, влажную тьму изгоняя, Выдувают своими ноздрями потоки света</p>
<p>Semble encor s'agrandir à l'aspect de là gloire. Avec moins de fierté s'élèvent jusqu'aux cieux Le sourcilieux Eryx, l'Athos audacieux, Avec moins de grandeur l'Apennin se présente, Quand sur les vieux glaçons de sa cime imposante, Superbe, il s'applaudit de ses bois toujours verts, Et porte jusqu' aux cieux le trône des hivers [T. 4. P. 417]</p>	<p>Кажется, при возрастающей славе сам облик разрастается. С меньшим благородством возвышается до небес гордый Эрикс, дерзкий Афон, С меньшим величием предстаёт Апеннина, Когда на древних льдах его громадной вершины, Великолепный, он приветствует свои веч- нозеленые леса И возносит к небесам трон зимы</p>

Проявляя интерес к стилистическим особенностям поэмы Вергилия, Лавров верно определяет наиболее характерные места в образном строем произведения. Он останавливается на объёмных живописных картинах, которые наглядно передают эпический пафос произведения. Оставаясь элементом описательного повествования, эти яркие изображения оформляются у поэта в целостный компонент. Важным здесь для Лаврова оказывается и то, что выразительность практически каждого фрагмента достигается посредством сопositionирования человеческого мира и природного, причём это сопряжение неизменно мотивировано темой сражения.

Отдельное внимание читатель заострил на образах Энея и, в меньшей степени, Диодона, причём при их «прочтении» он ставит совершенно опре-

делённый акцент: троянец как храбрый и честный воин, а царица Карфагена – любящая, отвергнутая и страдающая.

В изображении Энея для Лаврова важна его роль лидера-воителя, призывающего сограждан к мужеству и терпению, вдохновляющего их собственным примером и дающего им надежду на победу и спасение. Также в его облике отмечается способность сохранять достоинство человека в экстраординарной ситуации. В частности, это касается скорбного и одновременно благодарного чувства к павшим воинам, а также стремления вознести им должные почести:

Là, leur chef est assis, méditant en silence Ce que peut sa valeur, ce que doit sa prudence [T. 4. P. 31]	Там их лидер сидит, в тишине размышляя, Какой может быть его отвага, какой должна быть его осторожность
Courage, mes amis! de glorieux succès De votre heureuse audace ont été les essais. Plusieurs chefs sont tombés: mais ces grands sacrifices De nos tributs guerriers ne sont que les premières; A la patrie, à vous, ma main les immola: Ce Mézence si fier, mes amis, le voilà! Avançons maintenant, et jusques à Laurente Suivons de nos destins la course triomphante; Ma voix à votre ardeur promet d'autres combats: Préparez donc vos coeurs, vos armes et vos bras. Mais, avant tout, il faut consoler la mémoire De ceux qui de leur sang ont payé notre gloire, Et dans leur triste asile accompagner leurs corps, Seule marque d'honneur qui reste aux sombres bords: C'est leur sang qui pour nous conquit une patrie; Allez donc, et pleurez sur leur cendre chérie [T. 4. P. 177]	Мужайтесь, друзья! Славные успехи Были испытанием вашей удачливой смелости. Несколько воинов пало: но эти великие жертвы – Ратная дань первых шагов; Ради родины, ради вас моя рука умертвила их: Этот гордый Мезенций, мои друзья, вот он! Давайте двигаться дальше – до Лаурента, Давайте последуем триумfalным шествием за нашей судьбой, Мой голос к вашему пылу обращается и обещает другие сраженья, Приготовьтесь, ваши сердца и ваши руки приведите в готовность. Но в первую очередь мы должны утешить память тех, кто кровью заплатил за нашу славу. И в печальный приют сопроводить их тела, Единственная дань уважения, оставшаяся в тёмном kraю: Это их кровь, для нас завоевавшая родину; Идите и плачьте над их дорогим прахом

В образе Диодоны Лавров большей частью сосредоточен на моментах острого чувствования геройни. Во-первых, когда к ней приходит понимание того, что дарданский царь покидает её и личное счастье становится невозможным. Во-вторых, это момент принятия трагедии своей судьбы. Диодона восходит на костёр и встречает взглядом знакомые предметы, воскресающие в памяти наслаждения недавнего прошлого, показывающие силу и неувядаемость чувства к Энею:

Élise, tu le vois, le traître va me fuir. Déjà de toutes parts son vil peuple s'attroupe;	Решил, ты видишь, предатель меня покинуть. Уже со всех сторон его мерзкие люди со- бираются вместе;
---	---

Déjà de leurs vaisseaux ils couronnent la poupe; Leur voile attend les vents; <i>il part, et des rameurs</i> <i>La barbare allégresse insulte à mes douleurs.</i> Si j'avois pu m'attendre à ce revers horrible, Moins imprévu, ma soeur, il seroit moins terrible [T. 2. P. 183]	Уже своих судов они венчают корму; Их паруса ждут ветра; <i>он уходит, и гребцов</i> <i>Варварская радость оскорбляет мои страдания.</i> Если бы я могла предвидеть это несчастье, Меньше, сестра моя, это было бы мне страшно
Ce lit, ces vêtemens si connus à ses yeux, Suspendent un moment ses transports furieux. <i>Sur ces chers monumens, ce portrait et ces armes,</i> <i>Pensive, elle s'arrête et répand quelques larmes</i> [T. 2. P. 215]	Эта кровать, одежда, столь хорошо известная ей, Приостановили на мгновение её яростный плач. <i>На этих дорогих предметах, этом порт-рете и облачении воина</i> <i>Она оставляет в молчании несколько слёз</i>

В свою очередь, для Тургенева образ Диодоны будет особенно значим на протяжении всего творчества. Страдания карфагенской царицы в 1840-е гг. для писателя станут олицетворением драматизма жизни, а присущие ей глубоко природные черты чувственности и естественности в начале 1870-х гг. воплотятся в национальной сущности двух знаковых фигур: Евлампии Харловой («Степной Король Лир», 1870) и Марии Nikolaevны Полозовой («Вешние воды», 1872).

В живописании нравственного облика Энея для Лаврова значимым также оказывается глубина сыновнего чувства. Он особо выделяет те места, в которых троянский герой проявляет себя в качестве любящего сына, скорбящего об утрате дорогого отца:

Énée alors s'écrie: «O des biens le plus cher! O mon père! pourquoi fuir un fils qui t'adore? O mon père! demeure, attends, attends encore!» [T. 2. P. 371]	Эней тогда воскликнул: «О самый дорогой на свете! О мой отец! зачем бежать от сына, который тебя обожает? О мой отец! Останься, подожди, подожди ещё!»
Hélas! parmi les morts, et le fer, et les feux, Tous fier de me courber sous ce poids glorieux [T. 3. P. 23]	Увы! Среди смертей, и железа, и огней, Сгибаясь под этим славным грузом
Accompagnant son fils sur des rives lointaines, Partageoit à la fois et consoloit mes peines [T. 3. P. 23]	Сопровождая своего сына на берегах далёких, Одновременно разделял и утешал мои тяготы

Исключительность отношений отца и сына, а также «нравственная и эмоциональная связь между поколениями» вообще [22. С. 24] с большим пониманием выявлены Лавровым на примерах Лавза и Мезенция, Палланти и Эвандра. В первом случае им отмечено нравственное превосходство

сына над отцом, а во втором он выделяет желание отца на высоком образце воспитать честного и храброго воина:

Sous lui marche son fils, Lausus, dont le jeune âge S'essayoit dans les bois sur l'animal sauvage; Lausus, savant dans l'art de dompter les coursiers; Lausus, après Turnus, le plus beau des guerriers, Digne d'un meilleur roi, digne d'un meilleur père: <i>Il est tembre et vaillant, il sait combattre et plaire</i> [T. 3. P. 247]	При нём шёл его сын, Лавз, чьи молодые годы Испытаны в лесу на диких животных; Лавз ученый в искусстве приручения лошадей; Лавз, после Турна, самый красивый воин, Достойный лучшего царя, достойный лучшего отца: <i>Он гордый и доблестный, он умеет сражаться и нравиться</i>
De vos hautes leçons qu'il connoisse le prix: Savoir vous admirer, c'est avoir tout appris [T. 3. P. 367]	Твои высокие дела пусть будут ему уроком: Чтобы тобой привык восхищаться, это всё пусть изучит

Таким образом, двоюродный дед писателя подходит к прочтению и осмыслению эпической поэмы Вергилия с позиции непосредственного участника масштабных военных действий конца XVIII – начала XIX в. Героический пафос «Энеиды» был созвучен как общему настроению эпохи – пробуждению национального самосознания, так и индивидуальному миорчествию. Моменты лирического повествования, означенные Лавровым, точно соответствовали его эмоционально-психологическому состоянию и нравственно-философской позиции.

Хотя он воспринимает образно-поэтический и смысловой план «Энеиды» опосредованно – через французский перевод, в котором нередко можно встретить неточности, текст Делиля всё же оказался для него репрезентативным. В способах освоения и усвоения поэмы Вергилия Лавров проявляет себя как внимательный читатель, улавливающий особенности авторского стиля (его выразительные стороны) и способный выделить характерные моменты эмоционального и психологического изображения, этико-философского и героического обобщения.

Неизвестно, насколько хорошо сам Тургенев был знаком с историей жизни своего не столь отдалённого предка, умершего всего за пять лет до его рождения. О ближайших родственниках по материнской линии в письмах и воспоминаниях он говорит очень скромно, отдавая в этом плане большее преимущество роду Тургеневых. Однако не знать совсем о деде – сподвижнике Суворова и Кутузова, герое войны 1812 г. писатель, безусловно, не мог. К тому моменту, когда имение Холодово перешло к нему по наследству, библиотека Лаврова, вероятно, была уже перевезена в Спасское и входила в общее книжное собрание. Делилевский перевод «Энеиды» в какой-то момент вполне мог оказаться и в руках Тургенева (возможно, в период его «латиномании»), а поэты – войти в поле эстетической рефлексии.

Литература

1. Жилякова Э.М. «Зеленоватое море больших дорог...»: (И.С. Тургенев и Вергилий) // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2004. Вып. 4. С. 72–91.
2. Скоропадская А.А. Тургенев и Вергилий (на материале латинских цитат в письмах И.С. Тургенева) // Россия и Греция: диалоги культур : материалы III Междунар. конф. : в 3 ч. Петрозаводск, 2016. Ч. 1. С. 183–197.
3. Волков И.О. «Итальянский текст» в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 5–13.
4. Albrecht M. Turgenev und die Antike. Antike Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst // International Journal of the Classical Tradition. Boston. 1998. Vol. 5, № 1. S. 47–65.
5. Вергилиевы Георгики / пер. А. Р[айчах]. М., 1821. XXXIX, 181 с. // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 12.
6. Les Œuvres de Virgile / trad. par l'abbe des Fontaines. En 2 vol. Amsterdam, 1774 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 2080, 2081.
7. L'Enéide / trad. par J. Delille. En 4 vol. Paris, 1804 // ОГЛМТ. Ф. 1. Оп. 3. ОФ. 325 / 3550, 3551, 3552, 3553.
8. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1981–.
9. Чернов Н.М. Провинциальный Тургенев. М. : Центрполиграф, 2003. 425 с.
10. Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. 701 с.
11. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М. : Центрполиграф, 2009. Т. 2. Л–Я. 830 с.
12. Томский пехотный полк в боях и сражениях в XVIII–XX веках. Томск : Изд-во НТЛ, 2012. 428 с.
13. Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. XXIV, 691 с.
14. Дубровин Н.Ф. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1821 г.). СПб., 1883. 564 с.
15. Бородино. 1812–1962: Документы, письма, воспоминания. М. : Сов. Россия, 1962. 411 с.
16. Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография : сб. материалов. М., 2008. Вып. VII. 436 с.
17. Лебедев Ю.В. Тургенев. М. : Молодая гвардия, 1990. 608 с.
18. Военная галерея Зимнего дворца. Л. : Искусство, 1981. 239 с.
19. Свирса А.А. Клеврет графа Аракчеева: превратности судьбы военного интеллигента // Феномен российской интелигенции: История и психология : материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2000. С. 28–36.
20. Янушкевич А.С. Книги К.Н. Батюшкова в библиотеке В.А. Жуковского // Батюшков: Исследования и материалы : сб. науч. тр. Череповец, 2002. С. 99–130.
21. Янушкевич А.С. «Прочтение» и изображение мирообраза Рима в русской поэзии 1800–1840-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 98–115.
22. Аверинцев С.С. Две тысячи лет с Вергилием // Аверинцев С.С. Поэты. М., 1996. С. 19–42.

IVAN TURGENEV'S ANCESTORS AS READERS: NIKOLAY LAVROV AND VIRGIL (ON THE MATERIALS OF THE WRITER'S FAMILY COLLECTION OF BOOKS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 147–159. DOI: 10.17223/19986645/54/9

Ivan O. Volkov, Emma M. Zhilyakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: wolkoviv@gmail.com / emmaluk@yandex.ru

Keywords: Ivan Turgenev, Nikolay Lavrov, Virgil, *The Aeneid*.

The article focuses on a specific aspect of the issue of the creative interaction between Ivan Turgenev and the artistic tradition of the “Mantuan Swan” – Publius Vergilius Maro. On the material of Turgenev’s private (family) book collection located in Oryol (Russia), the writer’s notes are analyzed. The notes were made on the sheets of a four-volume French edition of *The Aeneid* (*L’Eneide*, 1804) translated by Jacques Delille, a classicist poet. In the course of the analysis, the identity of the most probable reader and, consequently, the author of the notes was determined – Nikolay Lavrov (1761–1813), Turgenev’s maternal grandfather.

The peculiarity and uniqueness of Lavrov’s personality (Alexander Suvorov’s and Mikhail Kutuzov’s confederate, the confidant of the Count Alexey Arakcheyev, a Russian General and statesman under the reign of Alexander I), its heroic nature (the veteran of glorious military expeditions and the 1812 war battlefield general) are closely related to the style of the notes on the pages of *The Aeneid*. The numerous marginal notes and notes in the text (thick curved lines) give an opportunity to characterize the specifics of his interest to the motives and images of Virgil’s epic poem and, as a consequence, to visualize the figure of a sensitive and attentive reader.

While reading the famous poem, Lavrov laid emphasis on the peculiarities of the writing style (its expressive means: epic comparisons, metaphors), the distinctive places from the emotional and psychological perspectives, as well as the significant moments of the moral-belief and heroic generalization.

General Lavrov, the hero of the Patriotic War whose portrait was certainly supposed to adorn the Military Gallery of the Winter Palace, is the right figure to interpret the content from the perspective of a direct participant of the historical events of the war (the epoch of the awakening national identity and civil exaltation). The elements of the lyrical-epic narration he marked in the literary work corresponded to his emotional and psychological states and to his ethical and philosophical position.

Highly popular in its time, Delille’s translation of *The Aeneid* could happen to appear in the hands of Turgenev at a certain point (probably, in the period of his interest in the literature of Rome), and the notes could become part of his aesthetic reflection. The writer’s own way to Virgil was deeply idiosyncratic and, to some extent, contradictory. However, a certain faint likeness of typological approximation between Turgenev’s artistic interpretation (letters, novellas of the 1870s “A Lear of the Steppes”, “Spring Torrents”) and the preceding reader’s (Lavrov’s) interpretation can be traced.

References

1. Zhilyakova, E.M. (2004) “Zelenovatoe more bol’shih dorog...”: (I.S. Turgenev i Vergiliy) [“Green Sea of Big Roads . . .”]: (I.S. Turgenev and Virgil)]. *Evropeyskie issledovaniya v Sibiri*. 4. pp. 72–91.
2. Skoropadskaya, A.A. (2016) [Turgenev and Virgil (on the material of Latin quotations in the letters of I.S. Turgenev)]. *Rossiya i Gretsya: dialogi kul’tur* [Russia and Greece: Dialogues of Cultures]. Proceedings of the III International Conference: in 3 parts. Pt. 1. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 183–197. (In Russian).
3. Volkov, I.O. (2017) “Italian text” in I.S. Turgenev’s “Torrents of Spring” (1871). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/1
4. Albrecht, M. (1998) Turgenev und die Antike. Antike Reminiszenzen als Mittel der Charakterisierungskunst [Turgenev and antiquity. Ancient reminiscences as a means of art characterization]. *International Journal of the Classical Tradition*. 5(1). pp. 47–65.

5. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325/12. Virgil. (1821) *Vergiliev Georgiki* [Virgil's Georgics]. Translated from Latin by A. R[ai]ch]. Moscow.
6. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325/2080, 2081. Virgil. (1774) *Les Oeuvres de Virgile* [The Works of Virgil]. Translated from Latin by Abbot des Fontaines. In 2 vols. Amsterdam.
7. Oryol United State Literary Museum (OGLMT). Fund 1. List 3. OF. 325/3550, 3551, 3552, 3553. Virgil. (1804) *L'Enéide* [The Aeneid]. Translated from Latin by J. Delille. In 4 vols. Paris.
8. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
9. Chernov, N.M. (2003) *Provintsial'nyy Turgenev* [Provincial Turgenev]. Moscow: Tsentrpoligraf.
10. Polovtsov, A.A. (ed.) (1908) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian biographical dictionary]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Gl. upr. udelov.
11. Volkov, S.V. (2009) *Generalitet Rossiyskoy imperii: enciklopedicheskiy slovar' generalov i admiralov ot Petra I do Nikolaya II* [Generals of the Russian Empire: the encyclopedic dictionary of generals and admirals from Peter I to Nicholas II]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
12. Golikov, V.I. & Chernov, K.A. (2012) *Tomskiy pekhotnyy polk v boyakh i srazheniyakh v XVIII–XX vekakh* [Tomsk Infantry Regiment in battles and fights in the 18th–20th centuries]. Tomsk: Izd-vo NTL.
13. Dubrovin, N.F. (1882) *Otechestvennaya voyna v pis'makh sovremennikov (1812–1815 gg.)* [The Patriotic War in the letters of the contemporaries (1812–1815)]. St. Petersburg: tip. Imperatorskoy akad. nauk.
14. Dubrovin, N.F. (1883) *Pis'ma glavneyshikh deyateley v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1807 po 1821 g.)* [Letters of the most important figures in the reign of Emperor Alexander I (from 1807 to 1821)]. St. Petersburg: tip. Imperatorskoy akad. nauk.
15. Beskrovnyy, L.G. & Meshcheryakov, G.P. (eds) (1962) *Borodino. 1812–1962: Dokumenty, pis'ma, vospominaniya* [Borodino. 1812–1962: Documents, letters, memoirs]. Moscow: Sov. Rossiya.
16. State Historical Museum. (2008) *Epokha 1812 goda: Issledovaniya. Istochniki. IstorioGRAFIYA: sb. materialov* [The Epoch of 1812: Research. Sources. Historiography: materials]. Is. 7. Moscow: Trudy GIM.
17. Lebedev, Yu.V. (1990) *Turgenev*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
18. Glinka, V.M. & Pomarnitskiy, A.V. (1981) *Voennaya galereya Zimnego dvortsya* [Military gallery of the Winter Palace]. Leningrad: Iskusstvo.
19. Svirsa, A.A. (2000) *Klevret grafa Arakcheeva: prevratnosti sud'by voennogo intellektual'nogo* [The clurette of Count Arakcheev: the vicissitudes of the fate of a military intellectual]. *Fenomen rossiyskoy intelligentsii: Istochniki i psikhologiya* [The phenomenon of the Russian intelligentsia: History and psychology]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg" Nestor-Istoriya. pp. 28–36. (In Russian).
20. Yanushkevich, A.S. (2002) Knigi K.N. Batyushkova v bibliotekе V.A. Zhukovskogo [Books of K.N. Batyushkov in the library of V.A. Zhukovsky]. In: Lazarchuk, R.M. (ed.) *Batyushkov. Issledovaniya i materialy* [Batyushkov. Research and materials]. Cherepovets: Cherepovets State University.
21. Yanushkevich, A.S. (2013) "Reading" and image of Rome in Russian poetry of 1800s–1840s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (25). pp. 98–115. (In Russian).
22. Averintsev, S.S. (1996) *Poetry* [Poets]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 19–42.

УДК 821.133.1.05
DOI: 10.17223/19986645/54/10

С.Г. Горбовская

**ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
«ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК» В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII–XX вв.:
ОТ ЖАНА ДЕ ЛАБРЮЙЕРА К РАЙМОНУ КЕНО**

Рассматривается процесс формирования и семантического расслоения образа «голубой цветок» – одного из самых распространенных в мировой литературе XIX в. Анализируются образы, основанные на гиперониме «голубой цветок» и гипонимах василек, незабудка, георгин, роза и др. в произведениях Лабрюйера, Руссо, Байрона, Новалиса, Эйхендорфа, Ламартина, Нервала, Диопона, Рембо, Редьярда Киплинга, Леси Українки, Раймона Кено и других авторов. Делается вывод о движении к «оптимистичному», «светлому» восприятию этого образа к концу XIX в., хотя примеры «грустного», трагического понимания «голубых цветов» также встречаются вплоть до 1910-х гг.

Ключевые слова: голубой цветок, незабудка, голубая роза, Новалис, Руссо, символ, образ, Кено.

Чаще всего внимание исследователей флорообраза в литературе останавливается на таких явлениях, как роза, лилия, фиалка, маргаритка, тюльпан, шиповник и некоторых других. Маленький цветок голубого или синего цвета тоже нередко становится одним из центральных мотивов в мировой поэзии и прозе. Речь идет либо об образах, основанных на фитонимах-гипонимах барвинок, василек, колокольчик, незабудка, голубая роза, голубой георгин, ирис, либо о гиперониме «голубой цветок» – образе Мировой Души, нерукотворной полевой природы, романтического пантезизма, возникшего в незавершенном романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1800), затем тема «голубого цветка» развивается в поэзии Й. фон Эйхендорфа (1818), в XX в. этот образ появляется в романе Р. Кено «Голубые цветочки» (1965).

Голубой цветок как художественный образ в европейской литературе возникает задолго до Новалиса и проходит исторический путь от риторической фигуры до многозначного символа. Один из самых ранних примеров встречается еще во французской литературе XVII в., например в трактате «О моде» (« De la Mode») Жана де Лабрюйера (Jean de La Bruyère, 1645–1696). В «Характерах» («Les Caractères», 1688) французский моралист (в духе цветочных метаморфоз «Гирлянды Юлии» («La Guirlande de Julie», 1638)) пишет об исключительной индивидуальности некоторых «модных» людей, в поведении которых, манере одеваться, говорить он находит параллели с полевыми безымянными цветами голубого цвета: «Персона, вошедшая в моду, похожа на тот безымянный голубой цветок, который растет на нивах, глушит колосья, губит урожай и занимает место

полезных злаков. Сегодня все гонятся за этим цветком, женщины украшают себя им, а завтра он снова окажется в пренебрежении, годный разве что для простонародья» [1. Р. 199]. И наоборот: «Персона, наделенная подлинными достоинствами, – это цветок, названный не только по своему цвету, но имеющей собственное имя, любимый всеми за красоту и аромат; он – украшение и гордость природы. Пусть кто-то питает к нему злобу или зависть – ему ничто не может повредить: это лилия или роза» [Ibidem]. В первой части характеристики «модной персоны» вероятнее всего речь идет о васильке (именно этот вид является одним из наиболее губительных сорняков), но в эпоху «риторических фигур» цветы, подобные васильку, не перечислялись в списках допустимых тропов, не входили в перечень канонических фигур, какими были тюльпан, роза, лилия, гранат, флердоранж (цветок померанцевого дерева), фиалка, гвоздика и некоторые другие растения, перечисленные, например, в «Гирлянде Юлии» или в различных списках и «Иконологиях». Поэтому голубой цветок остается у Лабрюйера безымянным и характеризует безликого охотника за модой, который становится символом скоротечности, всего мимолетного, проходящего, человека без имени, без особых достоинств. Роза и лилия же, наоборот, символизируют вечные ценности.

Начало традиции голубого цветка как субъективного, авторского символа в литературе зарождается в творчестве Ж.Ж. Руссо, а не Новалиса, как это принято считать. А именно в образе барвинка, который появляется на страницах «Исповеди» («Les Confessions», создана в 1765–1770, опубликована в 1782–1789) как символ, таящий в себе несколько семантик: знак Луизы де Варанс, цвет ее голубых глаз, символа памяти о давно минувших счастливых годах юности. Прогуливаясь с молодым философом в швейцарском предместье Шарметты, госпожа де Варанс заметила распустившийся барвинок и в восторге воскликнула: «Вот барвинок еще в цвету!» Именно благодаря этой фразе госпожи де Варанс барвинок становится одним из самых первых субъективных флорообразов европейского сентиментализма и романтизма, который ляжет в основу долгой и плодотворной традиции барвинка (и шире – «голубого цветка») в литературе XIX–XX вв. «Я никогда не видел барвинка, – пишет Руссо, – но не нагнулся, чтобы разглядеть его, а без этого, по близорукости, никогда я не мог узнать, какое растение передо мной. Я только бросил на него беглый взгляд, после этого прошло около тридцати лет, прежде чем я снова увидел барвинок и обратил на него свое внимание. В 1764 году, гуляя в Кресье со своим другом дю Пейру, я поднялся с ним на небольшую гору... В ту пору я уже начинал немного гербализировать. Подымаясь на гору и заглядывая в кустарники, я вдруг испускаю радостный крик: “Ax! Вот барвинок!” И действительно, это был он... По впечатлению, произведенному на меня подобной мелочью, можно судить о том, как глубоко запало мне в душу все, что относится к тому времени» [2. Т. 3. С. 201–202] (пер. М.Н.Розанова). Таким образом, барвинок является не только символом Луизы де Варанс, но и знаком далекого времени детства и юности. Первое знакомство с барвинком благо-

даря госпоже де Варанс увлекает Руссо интереснейшим процессом гербаризации, своеобразным поиском Истины через множество ботанических подвидов. Барвинок Руссо – это (помимо всего перечисленного) знак гербаризации, символ «биноминальной номенклатуры», эмблема массового интереса, как к ботанике, так и вообще к естествознанию в XVIII–XIX вв. Если Карл Линней (Carl Linnaeus, 1707–1778) в «Философии ботаники» (*«Philosophia botanica»*, 1751) называет символом ботаники, ее вершиной цветок, то для Руссо это, конечно, барвинок. Барвинки становятся символом и самого Руссо, его узнаваемым знаком. Доказательством тому служат, к примеру, известные слова Дж. Байрона в поэме «Дон Жуан» (*«Don Juan»*, 1819–1824): «Но, как Руссо, цветочек созерцая, «Voilà la pervenche!» – я восклицаю» [3. Т. 3. С. 454], свидетельствующие о большой увлеченности современников английского романика наблюдениями за природой и гербаризацией в духе Руссо.

Известно, что философия природы Руссо оказала влияние на натуралиссию немецких романтиков, особенно на эстетику Ф.В.Й. фон Шеллинга (Friedrich Wilhelm Joseph von Schelling, 1775–1854), на идеи которого, а также на опыт английского и французского сентиментализма конца XVIII в. опирался в своем творчестве Новалис (Фридрих фон Гарденберг, 1772–1801). Действие незавершенного романа «Генрих фон Офтердинген» (*«Heinrich von Ofterdingen»*, 1797–1800) датируется XIII в., но Новалис пишет не исторический роман, его абстрактное Средневековье – это время, связанное с философским поиском Истины, процессом, который в литературе действительного Средневековья часто символически описывался как поиск цветка (версии «Романа о Розе», «Роман о фиалке» Жерберта де Монтреля). Это было время рыцарства, крестовых походов во имя религии, культа Прекрасной Дамы. Важно отметить, что Средневековье, с его строгой сословной иерархией и религиозностью, было для Новалиса идеалом общественного устройства Европы (*«Христианство или Европа»* (*«Das Christentum oder Europa»*, 1799, опубл. в 1826), оно было своего рода идеальным, в восприятии писателя, образцом для современного хаотичного мира. Генрих фон Офтердинген – миннезингер, легендарный герой, который встречался в немецкой средневековой поэзии (*«Вартбургская война»* XIII в.)¹, а также в более поздних произведениях [4]. Генрих, как и поэт Клингсor, который тоже упоминается в *«Вартбургской войне»* как венгерский кудесник Клингфор, – вечные герои, главной целью которых является апология поэзии.

¹ «Вартбургская война» (*«Wartburgkrieg»*), поэма на южно-германском наречии о легендарном состязании певцов в Вартбурге в 1206–1207 гг. при дворе Германа Тюрингенского. Последнего славили Вальтер фон Фогельвейде, Вольфрам фон Эшенбах, Рейнмар и Шрейбер, а Генрих фон Офтердинген – Леопольда австрийского. Вторая часть поэмы – игра в загадки Генриха фон Офтердингена и венгерского волшебника Клингфора, его защитника. Автор поэмы – из школы Вольфрама, XIII в. Сюжет поэмы воспроизводится в новелле Л. Тика «Верный Эккарт и Тангейзер», в опере Вагнера «Тангейзер», в романе Т. Манна «Волшебная гора».

Проблема времени и вечности – одна из центральных в художественной концепции Новалиса², эта концепция у Новалиса основывается в том числе и на философии Плотина (204–270). Вечность присуща Единому, в ней нет перерывов, промежутков, в ней нет будущего, так как ей не к чему стремиться. Время происходит от Души, которая, наоборот, все время к чему-то стремится. Душа проделывает длительную и сложную дорогу к Единому, т.е. к вечности. Единое в романе Новалиса – соединение Природы, Космоса, Бога, соединение природных начал, времен года, дня и ночи, утра и вечера.

Из тех объяснений, которые дает Людвиг Тик (Johann Ludwig Tieck, 1773–1853) по поводу планов Новалиса на продолжение романа, видно, что происходящее связано не только с немецким героическим эпосом, но также со сказаниями других культур: «Вместе с тем все самые отдаленные и разнородные сказания, – писал Тик, – должны были быть объединены: греческие, восточные, библейские и христианские с воспоминаниями и намеками индийской и северной мифологии» [6. С. 138]. Новалис пытался создать роман-синтез всех культур, попытку примирить и объединить планету. Кроме того, он стремился к роману как средству «символического конструирования трансцендентального мира» [7. С. 536]. Символом единения для Новалиса, подобным вечному Древу Мировому, подобным розе ветров, центру с расходящимися во все стороны лучами, объединяющими все культуры, все мифологические, художественные, эзотерические течения, стал голубой цветок, связывающий времена и страны, чашечка которого и расположение лепестков напоминают движение по спирали, а также циферблат часов. Он является мифологемой, «поэтической системой романа» [8. С. 168–175].

Хорошо известно, что мотив голубого цветка происходит из немецкого фольклора, согласно ряду сюжетов которого немецкие пастухи прикрепляли волшебные голубые цветки (цветки папоротника) к своей одежде, чтобы обладать даром видеть закопанные клады [9. С. 7]. По народной легенде, голубой цветок – цветок надежды на встречу с долгожданным сокровищем, «голубая мечта». Новалис, как известно, был геологом, и связь этой легенды с развивавшейся в начале XIX в. геоботаникой (наука о связи роста цветов и растений в районе залежей различных ископаемых) вполне возможна. Многие исследователи литературного наследия Новалиса называют голубой цветок символом «души Мира», «синтезом природы и творчества», символом натуралистики, символом романтизма [Там же. С. 7–11; 10–13], Б.Г. Реизов называет «голубой цветок» символом «бегства в мечту» [14. С. 231–243]. Все эти определения относятся к философскому, эстетическому восприятию образа. Но должен был быть вполне конкретный импульс к выбору именно голубого цветка (голубого цвета).

² Проблеме времени и вечности в творчестве Новалиса посвящена статья И.Б. Казаковой «Природа между временем и вечностью в творчестве Новалиса» (2010) [5. С. 73–82]. Автор выделяет время и вечность как одну из основ натуралистической эстетики Новалиса в «Учитниках в Саисе» и «Генрихе фон Офтердингене».

Голубой в годы жизни Новалиса, согласно переводам восточного «селама», символизировал чистоту, верность и даль [15. С. 242]. Цвет для Новалиса категория философская. Высшим цветом является светло-голубой – цвет утреннего неба [8. С. 169], что отражено, например, в живописи Отто Рунге (Philipp Otto Runge, 1777–1810) – на его картине «Большое утро» («Der große Morgen», 1808), где изображены голубые цветы (предположительно цветы кабачка или тыквы) на фоне утреннего неба. Кроме того, для Новалиса голубой ассоциировался с идеальным представлением о Средневековье как эпохе рыцарского служения Прекрасной Даме, как цвет плаща Девы Марии, как цвет витражей в готических соборах [16. С. 32–35]. В XIX в. голубой и синий цвет – «любимый цвет» как в искусстве, литературе, так и в быту, в военной и политической символике [Там же. С. 71–98]. Во многом эта любовь к голубому связана с интересом к Средним векам: к истокам христианской религии, к рыцарству как явлению культуры, к поиску корней европейских наций.

Связь рассказа о миннезингере XIII в. в «Генрихе фон Офтердингене» с народным приданием о голубом цветке папоротника тюрингских пастухов вполне логична, но должен был быть цветок, близкий по времени к самому Новалису. Нельзя с полной уверенностью говорить о том, что знаменитый «голубой цветок» навеян в том числе и барвинком Руссо, но несколько фактов говорят в пользу этой версии. Во-первых, не было на тот момент в литературной традиции столь же знаменитого цветка голубого цвета; во-вторых, у Руссо барвинок символизировал госпожу Луизу де Варанс, женщину, которую Руссо полюбил в ранней юности и пронес ее образ через всю жизнь. Встреча тридцать лет спустя с маленьким горным барвинком стала для французского философа как будто встречей с самой Луизой и с «тем временем». Для Генриха фон Офтердингена голубой цветок, увиденный во сне, тоже в горной местности, также хранит в себе женские черты, а именно девичье лицо: «...ему захотелось приблизиться к цветку; но цветок вдруг зашевелился и вид его изменился; листья сделались более блестящими и прижались к растущему стеблю, цветок склонился к нему, и лепестки образовали широкий голубой воротник, из которого выступало нежное лицо» [6. С. 12–13] (пер. З. Венгеровой). Новалис не может не вспоминать также образ Беатриче, обожествленная муз Данте смотрела на флорентийского поэта в Эмпирее из чаши цветка (правда не голубого, а меняющего цвет от белого до огненно-красного, но ведь и синий или голубой цвет – одна из стадий огня, к тому же стихия голубого цветка (vasилька) – огонь [17]). В «Гимнах к ночи», например, Новалис открыто обращается к дантевскому образу розы Эмпирея: «...я храню неизменную вечную веру в небо Ночи, где светит возлюбленная» [18. С. 43].

А.Л. Вольский пишет о голубом цветке как о перманентной метаморфозе, этот цветок не может обладать каким-то одним прототипом, он постоянно перемещается, его ищет не только Генрих, но и все герои романа, за исключением отца Генриха, который добровольно отказывается от поиска [8. С. 168–175]. Голубой цветок – это синтез прототипов, концепций, идей.

В.Б. Микушевич сопоставляет женский персонаж Новалиса со святой Розалией, с Девой Марией, с Венерой [9. С. 8]. Все эти женские образы и сочетания цветов опять связаны с образом Софии – воплощением мудрости, творчества, радости. В христианстве она посредник между Богом и людьми, в Ветхом Завете она демиургическое веселое начало [19. Т. 2. С. 464–465]. Учитывая схожесть имени Софии с Софи фон Кюн (*Sophie von Kühn*, 1782–1797), она – посредник между землей и высшими сферами (голубым небом и золотыми светилами). А образ ее в цветке, хранящем в себе цвет неба, – возможность общения, иллюзия достижимости умершей возлюбленной. Матильда (земной идеал) и София (небесный идеал) составляют единое целое, они отражают путь Девы Марии на земле и на небе. Три основных цвета, связанных в иконографии с Девой Марией, отражены и в романе: золотой (светила), голубой (плащ Девы) и красный (кровь Христа и в разное время плащ или платье Марии). У Новалиса золотой – светила и золото; голубой – цвет одежд Софии и цвет цветка; красный – розы, которые разбрасывает Матильда во сне Генриха.

Французская исследовательница творчества Новалиса Анна Ламбрехт [20] называет «голубой цветок» Новалиса и немецких романтиков «метафорой страсти» (страстного поиска истины и любимой). Ссылаясь на оценку Г. Башляра (G. Bachelard «L'Eau et les rêves», José Corti, 1942; «La psychanalyse du feu», Gallimard, 1949), она называет «голубой цветок» – красным, страстным, сексуальным. Но страсть эта не только физическая, но и духовная, мистическая. Любовь неразрывно соединена с поэзией и далеким недостижимым идеалом. В связи с этим нельзя не обнаружить в образе Матильды также черты того идеала, который ищет Влюбленный во французском «Романе о розе» (Гильома де Лорриса и Жана де Мена).

К.Г. Юнг в «Психологии и алхимии» во «Сне 17» (о том, как Сновидящий идет по длинной тропе и находит на пути голубой цветок) также развивает эту мысль: «Известный “голубой цветок” романтиков, пожалуй, последнее благоухание мистической “розы”» [21. С. 182]. Юнг называет виды алхимических и розенкрайцеровских роз, о которых могла идти речь: «“золотой цветок алхимии” иногда может быть голубым цветком: “Сапфировый голубой цветок гермафрода”», «Семилепестковая роза как аллегория семи планет, семи стадий трансформации и т.д.», «Красно-белая роза, “золотой цветок” алхимии» [Там же. С. 182–189]. Юнг сводит воедино образ «голубого цветка» и «розы» из средневекового «Романа о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мёна как цветы, символизирующие поиск Абсолюта, любви, истины. У Данте из розы Эмпирея, реминисценции розы из «Романа о розе» XIII в., видны Beатриче и Дева Мария, образ модифицирован и разбит на любовный (сладостный) и религиозный. Роза в «Романе о Розе» (XVI в.) Клемана Маро символизировала именно Деву Марию. Из века в век поиск цветка, за которым таилась женская суть, подразумевал поиск Истины.

Вторым посылом к созданию образа маленького голубого цветка дикой природы могла быть работа И.-В. Гёте «Простейший растительный орга-

низм» («Протофит») (*«Die Urpflanze»*, 1787), описывающая поиск протофита, или прарастения (Гёте искал его в Италии), с целью опровергнуть некоторые аспекты линнеевской систематизации растений. Ботанические работы Гёте 1780–1790-х гг. вызывали широкий читательский интерес, Новалис вполне мог быть знаком как с этим очерком, так и с «Опытом объяснения метаморфозы растений» (*«Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären»*, 1790) [22]. Протофит – безымянный, никому не известный вид, который ищет Гёте. Научная сторона вопроса, важная для веймарца в «Простейшем растительном организме», для Новалиса отходит на второй план, а на первый выходит поиск Истины, поиск того же протофита, но не реальной природы, а метафизической.

Голубой цветок как философское отражение научного поиска Гёте связан еще с одним важным аспектом отношения Новалиса к творчеству Гёте. Как известно, первоначально приняв с восторгом роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (*«Wilhelm Meisters Lehrjahre»*, 1795–1796) [23], Новалис вскоре пересмотрел свое отношение к этому произведению, особенно к проблеме поэта и его предназначения. В чем-то роман Гёте влияет на «Генриха фон Офтердингена», к примеру на мотив учения и странствий молодого ищущего человека, на мотив поиска Истины, но Новалис не согласен с отречением Вильгельма от желания быть актером, воплотить в жизнь свои сокровенные мечты. Он не согласен с тем скромным творческим итогом, к которому приходит Вильгельм Мейстер. Генрих же ищет творчества и находит его повсюду, во всех и во всем. Голубой цветок, возможно, развивает эту мысль. Если протофит важен для Гёте как вид растения, как научный феномен, то Новалис создает маленький голубой цветок как символ духовного, высокого, бесконечного поиска. Его герой ищет не реальный цветок, а мечту о цветке, осуществляет поиск ради самого поиска. Возможно, недаром позднее, в работе «К учению о цвете» (*«Zur Farbenlehre»*, 1808–1810), Гёте, рассуждая о голубом, назовет этот цвет «прелестным ничто» (*«ein reizendes Nichts»*): «В качестве цвета он [синий] осуществляет энергию; однако он стоит на отрицательной стороне и в своей величайшей чистоте представляет собою как бы прелестное ничто. В созерцании его есть какое-то противоречие раздражения и покоя» [24], чем, в свою очередь, выскажет несогласие с доводами Новалиса, чей взгляд на поэтическую натуру творца мог казаться Гёте слишком идеалистическим.

Наконец, наиболее конкретным цветком-прототипом голубого цветка уместно назвать именно василек. Такая разновидность василька, которая по-немецки звучит *Kornblumen* (буквально – цветок во ржи) и правда напоминает пышный испанский воротник, о котором пишет Новалис, когда Генрих видит в чашечке цветка лицо Матильды (с голубыми – цвета василька – глазами). Кроме того, девушку, которая как бы «заменяет» Матильду (после ее смерти), зовут Циана, что обозначает с латинского «vasilek». Само название «голубой цветок» Новалис позаимствовал у немецкого художника Фридриха Шведенштайна (Грубена) (*Friedrich Schwesternstein*

(Gruben), 1770–1799) и его картины «Голубой цветок» («Die Blaue Blume», примерно 1794–1795), которая, к сожалению, не сохранилась. После отъезда Новалиса из Лейпцига, где жил Шведенштайн, между двумя друзьями велась интенсивная переписка, и в письмах Шведенштайн неоднократно отправлял Новалису акварели с синими васильками [25; 26. S. 28–30], которые были для Новалиса и Шведенштайна тайным символом Софи фон Кюн, скончавшейся после продолжительной болезни, мучившей девушку с 1795 по 1797 г. Шведенштайн переживет Софи на два года, Новалис – на четыре.

Тема «голубого цветка» в немецкой романтической поэзии будет продолжена Йозефом фон Эйхендорфом (Айхендорфом) (Joseph von Eichendorff, 1788–1857) в одноименном стихотворении 1818 г. Но поиск голубого цветка у Эйхендорфа становится поиском недостижимого, «грезящегося» счастья (оно должно расцвести в цветке, который никогда не найдут), скорее не прекрасной мечтой, как у Новалиса, а обреченностью искать. Он говорит о поиске ради самого поиска, об осознании того, что поиск ничем не увенчается, его «голубой цветок» – это символ кьеркегоровской «абсурдной» веры [27. С. 22–29] в идеал, веры ради самой веры:

Ich suche die blaue Blume,
Ich suche und finde sie nie,
Mir träumt, dass in der Blume
Mein gutes Glück mir blüh [28. S. 275].

«Die blaue Blume» («Голубой цветок»)

(Я ищу голубой цветок / Я ищу, но не найду никогда, / Мне грезится, что в этом цветке / Мое счастье должно расцвести).

«Голубой цветок» уже как утвердившийся в литературе романтический образ [29. Р. 249–257] возникает в произведениях таких авторов как Г. Цшокке «Усадьба в Арапу» («Der Freihof von Aarau», 1824), В. Мицлер «Прекрасная мельничиха» («Die schöne Müllerin», 1823), А. Шамиссо «Романсы о цветке» («Die Romanze der Blume», 1831), а также у М. фон Шенкендорфа, Л. Тика, Г. Шваба, Г. Гейне, Л. Уланда и др. [30]. На образ «голубого цветка» романтиков 1810–1830-х гг. влияет во многом упомянутая выше работа «К учению о цвете» Гёте, его рассуждения о голубом, говорящем о грусти, недостижимости истины, «прекрасном ничто». Этот «голубой» цвет противоречит «светлой» творческой семантике «голубого цветка» Новалиса, с его устремленностью к идеалу, к открытым перспективам, но именно юнкерский романтик одним из первых создал знак психологический, символический, многоуровневый, заставляющий читателя разгадывать образ, во многом благодаря тайне цвета, так же как и тайне вида цветка. В видовой неопределенности, в выборе голубого цвета, а также в прочной связанности с философией и обстоятельствами личной жизни автора суть романтического символа Новалиса. Новалис отходит от видовой прямолинейности классицизма, выводит на первое место цвет цветка (что по правилам литературного канона было запрещено в XVII–XVIII вв.),

наделяет общий образ глубоким загадочным смыслом, связанным с натуралистической философией, мистицизмом, а также с подробностями личной трагедии автора.

Воспринимаемая со стороны как болезненная и горестная атмосфера, окружавшая рано скончавшихся Новалиса и его невесту Софи фон Кюн, а также Ф. Шведенштайна, Г. фон Клейста, могла повлиять на дальнейшую коннотацию голубого цветка и голубого цвета: Эйхендорф называет «голубой цветок» символом недостижимого поиска, безысходности, для Гёте голубой цвет – цвет меланхолии и грусти, возможно, он напрямую связывает этот цвет с Новалисом и ранним романтизмом, как цвет обреченности на неизбежные страдания. Возможно, саму идею обреченности Эйхендорф также заимствует в еще одном стихотворении 1810-х гг. В 1813 г. Август фон Платен (Karl August von Platen-Hallermünde, 1796–1835) пишет стихотворение-сказку «Незабудка» (*«Vergißmeinnicht»*, 1813). Речь в сказке идет о голубой незабудке, растущей на скале, ради этого цветка юноша, стараясь завоевать внимание возлюбленной, гибнет, сорвавшись с уступа. Сюжет этого стихотворения заимствуется из старинной легенды. У Эйхендорфа идея образа голубого цветка приближается к концепции Платена о недостижимости счастья, но у последнего образ незабудки наполнен большим драматизмом. «Голубой цветок» Новалиса Гёте называет – «прелестным ничто», а также символом «чего-то темного», так как не видит перспектив в этом образе, связанном с оптимистическим идеализмом на фоне печальной участи автора и незавершенности его романа. С этого самого момента (времени написания «Генриха фон Оfterдингена», смерти Новалиса, написания Эйхендорфом стихотворения «Голубой цветок», а также трактата Гёте о цвете, где он рассуждает о «синем») голубой цветок наделен двойственным значением, и одно значение отрицает другое: 1) оптимистичный поиск Истины, символ Души Мира, символ прекрасного идеала, превращения «жизни в сон и сна в жизнь», чистого голубого неба (в связи с сопоставлениями концепции «Генриха» с идеей романа Жан-Поля «Невидимая ложа» (*«Die unsichtbare Loge»*, 1793), где символика цветов соединена с образом неба), рыцарства Средневековья (Новалис); 2) символ меланхолии, грусти, безысходности, своего рода къеркегоровской «абсурдной веры» в поиск «голубого цветка», который никогда не найдешь (Эйхендорф).

Двойственность значения «голубого цветка», которая зарождается в период немецкого романтизма, повлияет и на будущее развитие этой многозначной «новой риторической фигуры». Развитие также будет двойным: «голубой цветок» как символ прекрасной мечты и, наоборот, как символ грусти, недостижимости. Двойственность значения «голубого цветка» найдет свое воплощение и во французской литературе. Но, изучая этот вопрос, нужно учитывать, что о творчестве йенского романтика во Франции узнают достаточно поздно. Впервые о Новалисе и его «голубом цветке» пишет Ж. де Сталь в книге «О Германии» (*«De l'Allemagne»*, 1810) (где она рассказывает о Новалисе как религиозно-мистическом поэте, авторе «Гимнов к ночи») [31. Vol. 2. P. 293].

Первый фрагментарный перевод незаконченного романа «Генрих фон Офтердинген» появляется лишь в 1833 г. в «Новом германском журнале» (перевод Ксавье Мармье (Xavier Marmier)), а затем, тоже отрывочно, в 1857 г. в журнале «Живописный магазин» («Le magasin pittoresque»), а первый полный перевод на французский язык осуществился лишь в 1963 г. поэтессой Янетт Делетан-Тардиф (Yanette Delétang-Tardif). Исследователи влияния Новалиса на французскую литературу [32. Р. XI–LV; 33. Р. 143; 34] указывают на то, что немецкий романтик популярным становится во Франции лишь с 1850-х гг., а существенное влияние оказывает уже на писателей XX в. Исключением является лишь Ж. де Нерваль, который в 1830-х гг. проявляет большой интерес к творчеству Новалиса через произведения, опубликованные на немецком, и через «Новый германский журнал». Поэтому нужно понимать, что «голубой цветок», скорее даже его гипонимы (барвинок, василек, незабудка), проходят во французской литературе свой путь, наделены своим собственным французским генезисом, но общие концептуальные точки пересечения между «голубым цветом» немецких и голубыми цветами французских романтиков, вне всякого сомнения, наблюдаются: от повторения сюжетных линий, видов голубых цветов до обращения символики этих цветов, вслед за перекличкой фигуры новалисовского Генриха с героем из «Вартбургской войны», к далекой истории, древности, Средневековью, а также к старинным легендам, мифам и преданиям.

Во французской традиции самый ранний романтический «голубой цветок» встречается в творчестве Шатобриана в повести «Атала» («Atala», 1801). Шатобриан европейский «язык цветов» заменяет на экзотический (голубой цветок американских джунглей). Чтобы выразить духовную чистоту Аталы, ее недоступность, писателю был необходим цветок голубого цвета, цвета неба. Его выбор пал на синюю или голубую мальву, изображает он ее не отдельным цветком, а в виде венка на голове Аталы, символизирующего в христианстве чистоту Девы. Образ голубой мальвы обращен, прежде всего, к иконологии Девы Марии [16. С. 32–35], к цвету ее плаща и говорит о чистоте и невинности Аталы, пожертвовавшей жизнью ради служения Богородице.

Следующий «голубой цветок» раннего французского романтизма встречается в поэзии Альфонса де Ламартина. Это образ барвинка, который используется в разных сборниках «Поэтических медитаций» («Méditations poétiques», 1820, 1823 и 1849), особенно «Третьих», так называемых «Неопубликованных». Потеря маленькой дочери Юлии в 1833 г. во время паломничества в Бейруте поколебала веру Ламартина в справедливость Пророчества и послужила сигналом для создания мрачных флорообразов, тесно связанных с мотивом смерти. После 1833 г. поэзия Ламартина, в которой до поездки на Восток еще теплился оптимизм, прославлялся образ природы-титана, окончательно погрузилась в атмосферу грустной внутренней медитации. Символом романтического пантеизма в этот период становится барвинок – цветок дикой природы. Пантеистическая атмосфера

меняется, становится напряженной, пронизанной ощущением обреченности. В стихотворениях «Барвинок» (*«La pervenche»*, дата неизвестна), «Цветы» (1837) и «О странице, нарисованной насекомыми и растениями» (*«Sur une page peinte d'insectes et des plantes»*, 1849) возникает образ «цветов – голубых глаз», глядящих из мрачной тени трав (*«Pervenches, beaux yeux bleus qui regardez dans l'ombre...»*) [35. Р. 245].

С пантеистической точки зрения «голубые глаза, глядящие из тени полевых трав», – это глаза самой Природы, цвет неба, цвет соединения поэта с Мировой Душой, с космосом, в котором растворено божественное. Голубой цвет «глаз» природы передается у Ламартина также через образ озерной воды, в которой отражено небо (*«Пейзаж»*, 1843), этот цвет озерной воды нередко соединяется во французской поэзии с цветом голубых цветов – особенно василька (Цианы, нимфы озера) и незабудки, ради которой в воде или в болоте погибает влюбленный рыцарь, этот голубой цвет озера связан и с гётеевским юным Вертером, а также с озером дю Бурже (*Le lac du Bourget*) и Гротом на берегу этого озера (*Grotte de Lamartine*) в Экс-ле-Бен, где гибнут герои Ламартина. В отличие от барвинка Руссо, отражающего идею лучших дней прошлого, в отличие от оптимистического «голубого цветка» Новалиса (*«Генрих фон Оффтердинген»*), «цветок» Ламартина наделен семантикой грусти, близкой к пессимистическому «голубому цветку» Эйхендорфа и Платена, символизирующему Истину, которую невозможно найти [28. S. 275]. Также Ламартин выступает здесь последователем гётеевского восприятия романтического голубого как цвета печали, меланхолии³. Одной из главных идей поэтики Ламартина была констатация смертной природы человека, его временности и, наоборот, бесконечности природы через изображение прекрасного пейзажа. В стихотворении «Цветы» поэт пытался выразить глубокую грусть, осознание того, что по прекрасным дорожкам, похожим на «саван из цветов» (*«un linceul de fleurs»*), мы медленно идем к смерти, и цветы, эти «вазы, собирающие святую воду небес», иллюзорно раскрашивают нашу жизнь на Земле: «Если бы не вазы, через которые, капля за каплей, / Небо наделяет силой наши шаги, / Все было бы пустыней и дорога / В небо не кончалась бы» (*«Sans ces urnes où goutte à goutte / Le ciel rend la force à nos pas / Tout serait desert et la route / Au ciel ne s'acheverait pas»*) [35. Р. 124] (перевод мой. – С.Г.) Землю Ламартин называет «ничтожной горсткой грязи, из которой пробиваются колючие цветы» (*«O terre, vil monteau de boue / Ou germent d'épineuses fleurs»* [Ibid. Р. 124–124]) (перевод мой. – С.Г.). Растения сплетаются в единую ткань «савана», подготавливающую человека к смерти. Ламартин не видит оптимизма в картине земной природы, она лишь утешает человека, готовящегося перейти в мир иной.

Ф. Летессье делает предположение, что образ барвинка, будучи, по всей видимости, реминисценцией барвинка Руссо, подразумевает голубой цвет

³ На образ «голубого цветка» романтиков 1810–1820-х гг. влияет труд И.-В. Гёте *«К учению о цвете»*, его рассуждения о голубом, говорящем о грусти, недостижимости истины, «прекрасном ничто» (имея в виду «голубой цветок» Новалиса).

женских глаз. В комментариях к «Медитациям» Летессье перечисляет тех женщин, которых мог иметь в виду Ламартин. Это Жюли Шарль, Лена де Ларш, мадам де Ламартин [36. Р. 577] – три женщины сплелись у поэта в один образ Эльвиры, женщины с голубыми глазами. Глаза дочери Ламартина, маленькой Юлии, тоже были голубого цвета. Известен портрет, нарисованной госпожой де Ламартин в память о дочери, хранящийся в замке Сен-Пуан. Девочка изображена с букетиком цветов, среди которых несколько ярко-синих барвинков, две розы и белые полевые цветы. Очевидно, что для четы Ламартинов именно эти цветы (их подвиды и цвет) имели большое символическое значение. Сопоставление барвинка с цветом женских глаз развивает образ Природы-женщины (Руссо, Новалис), но у Ламартина барвинок представлен пессимистично. В какой-то мере он развивает тему смерти, связанную с образом Эльвиры, но переносит ее на уровень философских, религиозных размышлений, отрываясь от темы несчастной любви, разлуки с возлюбленной. Голубой цвет барвинка, будучи цветом глаз ушедших в иной мир близких людей Ламартина, становится у него цветом печали, а барвинок – знаком не любовным, а напоминающим о неизбежности смерти⁴.

«Голубые глаза» матери-природы, глядящие из поля или луга, отразятся во французской поэзии также в образе васильков. Во французской традиции начала XIX в. василек встречается в поэзии Ламартина («Медитации», «Поэтические гармонии» («Harmonies poétiques et religieuses», 1830), Гюго («Восточные мотивы» («Les Orientales», 1829; «Песни улиц и лесов» («Les Chansons des rues et des bois», 1865). Ярким примером является баллада В. Гюго «Васильки» («Les bleuets», 1828), где васильки – это многозначный символ, передающий идею христианства (голубой цвет плаща Девы Марии), цвет неба Андалусии, в которой существуют христианская и мусульманская культуры [38], также это образ голубой мечты, у Гюго – это девичья мечта о любви, но мечта эта может обернуться несчастьем, как это случилось с героиней стихотворения – Алисой, полюбившей мавра, пришедшего в Пеньяфель то ли из Туниса, то ли Мурсии или Севильи, и любовь эта обрекла девушку на вечное заточение в монастыре (голубой цвет прекрасной мечты о любви поглощается цветом синего покрова Святой Девы). Сюжет баллады выстраивается на основе мифа о сицилийской нимфе Циане, или Киане, которая тщетно пытается спасти Персефону, дочь Деметры и Зевса, похищенную Аидом [39]. В греческой мифологии Циана изображена веселой нимфой, резвящейся в хороводе подруг в пшеничном поле. Мотив влюбленности, мечты о прекрасном принце, а также историю нимфы с голубыми глазами, пляшущей в поле, Гюго передает в

⁴ Важно отметить, что Ламартин здесь близок к народной, фольклорной семантике барвинка. На Украине и в Польше, например, его называли «гробная трава», «могильница». Происхождение этих названий связывали с мифом о прорастании этого цветка из тела умершего юноши [37. Т. 1. С. 140–142]. В Западной Европе в Средневековье барвинок был цветком, с помощью которого инквизиторы «распознавали» ведьм, в Германии он был цветком счастья и т.д.

жанре старинного средневекового напева или рефрена, возвращаясь в конце каждой строфы к словам: «Вам все бы, девушки, гуляя, / Срывать в колосьях васильки!» (пер. В. Рождественского) («Allez, allez, ô jeunes filles, / Cueillir des bleuets dans les blés!») [40. Р. 723–727]. Этими словами Гюго выражает идею обреченности молодых дев мечтать о прекрасном, это закон бытия. Идея недостижимости счастья, поиска ради самого поиска у Эйхендорфа воплощается у Гюго в концепцию ожидания абстрактной любви, любви безымянной и фантастической, но эта любовь не всегда приносит счастье, а главное, никто не способен спасти человека, верящего в такое счастье, находящегося словно бы под чарами колдовства.

Еще один «голубой цветок» – незабудка – нашел воплощение в поэзии и прозе французского романтизма, а именно в творчестве Жерара де Нервала. Ж. Рише утверждает [41. Р. 96–101], что именно незабудка как флорообраз имела для поэта наиважнейшее значение. Он связывает использование этого образа в прозе и поэзии Нервала с проявлением интереса писателя к различным книгам по алхимии и каббале, где некоторым растениям отводилась особая символическая роль. Незабудка значилась «символом луны» и цветком поэтов. Но, по всей вероятности, незабудка играла более конкретную символическую роль, связанную с основной концепцией творчества Нервала, стремлением подчеркнуть значимость культурной памяти мысленным возвращением в различные слои древних эпох, интересом к утраченным знаниям. Кроме того, образ незабудки подхватывает у Нервала мотив, заложенный в штокрозе, в цветочном мотиве из сонета «Артемида» («Artemis», 1854), связанном с важными для Нервала женскими образами, как мифологическими, так и реальными.

Денотат «незабудка» играет важную иносказательную роль в повести «Аврелия, или Мечта и жизнь» («Aurélia ou le rêve et la vie, 1853–1854») и в этом произведении разделяется на два семантических плана. Первый раз во сне герой видит незабудку мельком, лишь вскользь упоминает о ней; между тем вереница женских образов, которые возникают в этом сне, от матери автора до Жени Колон (возлюбленной Нервала), говорит о том, что незабудка появляется здесь не случайно. Можно сделать вывод, что в первом эпизоде незабудка символизирует личную память. Если штокроза, которая тоже возникает в этом эпизоде, словно фантом из сонета «Артемида», объединила всех женщин, то незабудка стала знаком памяти о них. Нерваль, указывая на незабудку, словно бы хотел показать, что не забудет тех, кто ему дорог, а возможно, таким образом выражал глубокую тоску по тем, кого уже не было рядом.

Во второй раз незабудка появляется в конце повествования, за пределами сумбурного финала, который трудно назвать именно финалом, – в отрывочных мыслях, напоминающих «Фрагменты» Новалиса: «В Гималаях распустился маленький цветок. – Не забывайте меня! (т. е. «незабудка») – ... и послышался ответ на другом языке: «Миозотис!» («Sur les montagnes de l'Himalaya une petite fleur est née. – Ne m'oubliez pas! – ... et une réponse s'est fait entendre dans un doux langage étranger. – “Myosotis!”») [42. Р. 124].

Если вспомнить образ ромашки у Гюго из стихотворения «Звезда» («*Stella*»), которая тоже переговаривается с неким собеседником, со звездой или светилами, то поэт четко проводил линию соединения земли с космосом. У Нерваля же незабудка ведет диалог с другой незабудкой, со своим отражением, двойником. Нерваль говорит о соединенности культурных традиций, о зеркальности всего живого на земле как в географическом, так и во временном плане. К. Байль сопоставляет незабудку Нерваля, распустившуюся в горах, т.е. над миром, одновременно с двумя флорообразами Новалиса: голубым цветом (как символом религиозного мистицизма, Мировой Души), а также с «альпийской розой» (аллюзия на «мистическую розу» Данте) из стихотворения «Королю» («*An den König*») (как образ королевы Луизы, которая, словно роза на вершине горы, цветет над миром) [43. Р. 859–877]. В связи с сопоставлением К. Байль уместно также провести параллель со стихотворением Т. Готье «Маленький розовый цветок» («*La petite fleur rose*») из сборника «Испания» (1845). Преодолевая трудности восхождения на высокую гору, поэт думает о маленьком розовом цветке, «который нужно искать» («*La fleur qu'il faut chercher!*») [44. Vol. 2. Р. 109–110]. Цветок, который, по всей видимости, поэт сопоставляет с «розовой мечтой», – это поиск вдохновения, поиск счастья, которое прячется где-то там, на самой вершине скалы.

Название *ne m'oubliez pas* (буквально «не забывайте меня»), возникшее во Франции в XV в., созвучно именованию этого цветка на многих языках земного шара: нем. (*das Vergissmeinnicht*), англ. (*forget-me-not*), итал. (*nontiscordardime*), пол. (*niezapominajki*), дат. (*forglem-mig-ej*), нидерл. (*vergeet-mij-nietje*), исп. (*no me olvides*) и т. д. Научное название цветка *le myosotis* (XVI в.) (незабудка) происходит от греческих слов «мышь» и «ухо», маленькая, как ухо мыши [45]. Два разных названия незабудки – научное (*myosotis*), принятое во всех странах, и народное (*ne m'oubliez pas*), которое во всех языках пишется по-разному, но обозначает одно и то же, – символизируют движение от малого, частного, к всеобщему, планетарному, космическому. Латинское, произошедшее из греческого название может символизировать древность, имевшую большое значение для Нерваля, который стремился в своем творчестве к синтезу культур, религий и образов. Незабудка на вершине горы, а также незабудка как лексема становятся у него метафорой их изначального родства и одновременно знаком стремления к новому сближению. В этом флорообразе, по всей вероятности, через французский и греческий языки проявляются нити взаимосвязи стран, народов и культур, а также эпох – Античности и современности.

Важно отметить, что идея возвышенной мечты о незабудке, о ее диалоге со своим духовным, высшим двойником в корне отличается от позиции Августа фон Платена по поводу образа незабудки 1813 г. Немецкий драматург, начинавший свое творчество как поэт-романтик, неразрывно связывал этот образ, как было отмечено выше, с идеей неосуществимой мечты, с идеей обреченности человека и его надежд на роковой провал. Под впечатлением поэмы-сказки баварского поэта о юноше, который с уступа сорвал

для возлюбленной голубой цветок, упал в глубокую реку и утонул, М.Ю. Лермонтов пишет балладу «Незабудка» (1843) [46. С. 194–195] о рыцаре, который, сорвав для дамы сердца голубой цветок, растущий на болоте, гибнет со словами «не забывайте меня». У Лермонтова, при всей трагичности сюжета, сама незабудка символизирует не обреченный поиск, пустые надежды философа, ищущего Истину (как это было в «Голубом цветке» Эйхендорфа), а память – надежду гибнущего рыцаря на то, что возлюбленная будет его помнить. То есть в 1840–1850-е гг. начинается процесс «смягчения» семантики «голубого цветка», незабудка связана с основной семантикой своего национального названия («не забывай меня»), а голубой цвет воспринимается оптимистичнее, говорит о прекрасной мечте, об обновлении (приближается к концепции «голубого цветка» Новалиса).

В 1855 г., например, в творчестве французского шансонье Пьера Дюопона (Pierre Dupont, 1821–1870) появляется образ «голубого георгина» («*le dahlia bleu*») [47. Vol. 1. Р. 139], символизирующего особую, «голубую» мечту, стремление к обновлению, к иной жизни. Этот образ подхватывает в стихотворении в прозе «Приглашение к путешествию» («*L'invitation au voyage*») [48. Vol. 4. Р. 49–52] Шарль Бодлер, у которого «голубой георгин» и «черный тюльпан» Дюма становятся знаками особой фантастической страны Шлараффенланд (фр. *Pays de Cocagne*), где никто не работает, не грустит, не знает забот, а только ест, пьет, радуется жизни. В 1871 г. в поэме-письме «Что говорят поэту о цветах» («*Ce qu'on dit au poète à propos de fleurs*», 1871) [49. Р. 104–110] А. Рембо противопоставляет «цветам романтизма» «огромные голубые тирсы» («*les Bleus Thyrses immenses*») – символы обновления языка, забвения романтической меланхолии, ожидания радости, вдохновения в чем-то радикально новом. «Голубые тирсы» Рембо – это «новый» жезл Диониса – знак возрождения, плодородия, весеннего оптимизма. В конце XIX в. в европейской литературе намечается тенденция своего рода эмоционального просветления образа «голубого цветка» и голубого цвета. Этот оптимизм повлияет на концепцию пьесы М. Метерлинка «Синяя птица», окажет влияние на восприятие голубого цвета в живописи художников объединения «Голубая роза» и «Синий всадник», на «голубой период» Пикассо. Хотя меланхоличный голубой тоже будет пробиваться сквозь яркие лучи оптимистического голубого: например, в стихотворении Р. Киплинга (Rudyard Kipling) «Синие розы» («*Blue Roses*», 1890) [50], где речь идет о поиске синей розы, которую влюбленный хочет преподнести возлюбленной, но за годы поисков прекрасная дама умирает, и влюбленный, в отчаянии, признает, что лучше бы он дарил ей красные и белые розы, но был бы всегда рядом в ней; в пьесе Леси Украинки (1871–1913) «Голубая роза» («Блакитна троянда», 1896) [51. С. 387–452], где в основе концепции любви и творческого поиска (а именно в объяснении, что такое «голубая роза», в чем ее связь со старинной легендой о рыцаре и Прекрасной Даме) заложена идея сюжета сказки Платена и, особенно, баллады Лермонтова, хотя в роли «рыцаря» выступает геройня пьесы – молодая художница Любовь Гощинская, а незабудку

заменяет роза, чьи голубые лепестки передают идею памяти о прошлых временах, когда рыцарь служил Прекрасной Даме, как бы заимствуют символику незабудки, но одновременно у Леси Украинки также звучит идея безнадежности мечты, невозможности ее реализации; позднее идея недостижимой любви в образе голубого ириса-сабельника воспроизводится в рассказе Г. Гессе «Ирис» (*Iris*, 1918). На эти произведения и концепцию голубого цветка в определенной степени влияет пессимизм Платена, Эйхендорфа, Гёте.

В 1930–1940-х гг. «голубой цветок» в Германии будет связан с одной из самых страшных идей XX столетия – идеей превосходства одной группы людей над другой, с идеей сверхчеловека, голубой цветок Новалиса станет для идеологов Третьего рейха символом высшего идеала, стремления к обладанию особыми, недоступными для профанов знаниями [52]⁵. В их восприятии идеалистических идей романтизма тоже ощущалось стремление к познанию древних мудростей, связанных с эпохой Античности и Средневековья⁶. Одним из самых поздних обращений к образу «голубого цветка» можно назвать роман Раймона Кено (Raymond Queneau, 1903–1976) «Голубые цветочки» (*Les Fleurs bleues*, 1965) [53], где концепция голубого цветка («цветочек голубых риторики высокой», которыми, как не без иронии замечает Кено, в Средних веках усеяно все, даже грязь (возможно, намек на голубые цветы-сорняки Лабрюйера и «ничтожную горстку грязи, из которой пробиваются колючие цветы» у Ламартина), они пропадают повсюду в финальной сцене после то ли потопа, то ли вечного плавания по волнам истории) напоминает замкнувшийся круг или движение обратно, к Новалису, а через Новалиса, – в особое литературное Средневековье с вечными «голубыми цветами», как, например, у Жака де Лабрюйера. У Кено тоже возникает фантастический, мифологический мир

⁵ Р. Клауснитцер в книге «Голубой цветок под свастикой: восприятие литературы немецкого романтизма в эпоху Третьего рейха» [52] связывает образ голубого цветка с эпохой немецкого романтизма в целом, т.е. с эпохой Гёте, Новалиса, братьев Шлегелей, Эйхендорфа, Гофмана, Шамиссо и др. В своем исследовании он не столько анализирует образ голубого цветка, который называет «объединяющим символом», сколько изучает восприятие литературы романтизма в монографиях, диссертациях, в ходе семинаров ученых литературоведов эпохи Третьего рейха. В понимании Клауснитцера голубой цветок попадает под тень фашистской свастики, т.е. в гитлеровскую эпоху восприятие романтизма во многом переписывается под натиском новой идеологии. Вопрос о восприятии романтизма и голубого цветка в эпоху Третьего рейха является объектом целого ряда научных работ. В исследовании Клауснитцера дается подробная библиография этой темы.

⁶ Голубой цветок становится одним из главных символов Германии на протяжении XIX в. вплоть до наших дней. Василек («прусский цветок») – любимый символ кайзера Вильгельма I, затем Отто фон Бисмарка. Василек – символ немецкой нации (*Alldeutschen Bewegung*). В 1930–1940 гг. голубой цветок один из основных символов национал-социализма. В 1960-е гг. голубой цветок – символ движения хиппи в Германии, символ «эскапизма». Сегодня голубой цветок – символ Природы, чистоты окружающего мира, борьбы за экологию.

Средневековья, точнее, мир перемещений сквозь многие века французской истории, в котором обитает герцог д'Ож, а «голубой цветок» связан с незабудкой – символом памяти, хранящим в своей семантике всё: и меланхолию Эйхендорфа, и вечную веру в «голубую мечту» Новалиса, и диалог с иными мирами Нервала, и «голубой георгин» Дюпона, и «Приглашение к путешествию» Бодлера, средневекового рыцаря и Прекрасную Даму из «Голубой розы» Леси Украинки и «огромные голубые тирсы» Рембо – «цветы новой риторики», которые для Кено стали такими же «цветочками риторики великой», как безымянные голубые цветы Лабрюйера.

Литература

1. *La Bruyère J. Les Caractères ou Les mœurs de ce siècle / Texte établi par Robert Garapon.* Paris : Société d'édition d'enseignement supérieur, 1978. XLV. 622 p.
2. *Руссо Ж.-Ж. Избранное: Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / пер. с фр. М. Розанова, Д. Горбова.* М. : Терра, 1996. 659 с.
3. *Байрон Дж. Г. Сочинения : в 3 т. / пер. Т. Гнедич.* М. : Худож. лит., 1974. Т. 3. 576 с.
4. *Белоусов М.Г. Сюжет о Тангейзере в контексте немецкой литературы XIII–XX веков: (К проблеме «вечных героев» европейской литературы) : дис. ... канд. филол. наук.* М., 2003. 172 с.
5. *Казакова И.Б. Природа между временем и вечностью // Вопросы филологии.* 2010, № 1 (34). С. 73–82.
6. *Новалис. Генрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученники в Саисе / Новалис.* СПб. : Евразия, 1995. 239 с.
7. *Novalis. Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs : in 4 Bd. / hrsg. von P. Kluckhohn, R. Samuel.* Stuttgart : Kohlhammer, 1960–1975.
8. *Вольский А.Л. Герменевтика символа «голубой цветок» в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.* СПб., 2008. С. 168–175.
9. *Микушевич В.Б. Голубой цветок и дьявол // Новалис. Генрих фон Офтердинген. Гимны к ночи.* М., 1998. С. 7–11.
10. *Ионкис Г. Новалис и его голубой цветок // Ионкис Г. Золото Рейна. Сокровища немецкой культуры.* СПб., 2011. С. 130–141.
11. *Best O.F. Die blaue Blume im englischen Garten Romantik – ein Mißverständnis?* Frankfurt/M : Fischer-Taschenbuchverlag, 1998. 272 s.
12. *Schulz G. Universum und Blaue Blume. Zum Gedenken an Novalis (1772–1801).* Oldenburg : BIS Universität Oldenburg, 2002. 37 s.
13. *Schulz G. Leben und Werk Friedrich von Hardenbergs.* München : C.H. Beck, 2011. 110 s.
14. *Реизов Б.Г. О литературных направлениях // Реизов Б.Г. История и теория литературы.* Л., 1986. С. 231–243.
15. *Рукачук Л.Н. Язык цветов // Волшебный мир цветов.* СПб., 1997. С. 241–256.
16. *Пастуро М. Синий: История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш.* М. : Новое литературное обозрение, 2017. 144 с.
17. *Vasilek. (Centaurea cyanus).* URL: <http://www.magiyatrav.ru/mag-v2.html> (дата обращения: 04.10.2017).
18. *Новалис. Гимны к ночи.* М. : Энигма, 1996. 192 с.
19. *Мифы народов мира : в 2 т. / отв. ред. С.А. Токарев.* М. : Сов. энцикл., 1982. Т. 2. 718 с.
20. *Lambrecht A. La fleur : métaphore de la passion dans « Henri d'Ofterdingen » de Novalis et « Arriere-saison » d'Adalbert Stifter.* URL: <https://www.arabesques->

- editions.com/fr/la-fleur-metaphore-de-la-passion-dans-henri-dofterdingen-de-novalis-et-larriere-saison-dadalbert-stifter.html (дата обращения: 04.09.2017).
21. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М. : ACT, 2008. 603 с.
 22. Goethe J.W. von Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären. Gotha : Ettinger, 1790. 108 s.
 23. Goethe J.W. von Wilhelm Meisters Lehrjahre. Bd. 1–4. Berlin : Unger, 1795–1996. S. 375, 388, 381, 519.
 24. Goethe J.W. Blau // Zur Farbenlehre. URL: <http://www.textlog.de/6811.html> (дата обращения: 06.09.2017).
 25. Fitzgerald P. Die blaue Blume. Leipzig : Insel Verlag, 2000. 239 s.
 26. Hecker J. Das Symbol der Blauen Blume im Zusammenhang mit der Blumensymbolik der Romantik (Dissertation). Frommann, Jena : Verlag der Frommannschen Buchhandlung, 1931. 91 s.
 27. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Республика, 1993. С. 22–29.
 28. Eichendorff J. von Sämtliche Gedichte und Versepen. Frankfurt am Main : Insel Verlag, 2007. 608 s.
 29. Montandon A. Fleur bleue // Dictionnaire littéraire des fleurs et des jardins (XVIII–XIX siècles). Paris : H. Champion, 2017. P. 249–257.
 30. Die blaue Blume: Gedichte der Romantik. Dietrich Bode. Ditzingen : Reclam, 2013. 80 s.
 31. Staël J. de De l'Allemagne [pilonné en 1810, l'ouvrage paraît en Angleterre en 1813, puis en France de nouveau, en 1814]. Paris : Garnier-Flammarion, 1968. Vol. 2. 868 p.
 32. Dumont A. Novalis et sa traduction (d'un étranger à l'autre) // Hymnes à la Nuit. Paris : Les Belles Lettres, 2014. P. XI–LV;
 33. Glorieux J.-P. Novalis dans les lettres françaises à l'époque et au lendemain du symbolisme (1885–1914). Paris : Leuven University Press, 1982. 246 p.
 34. Schefer O. Novalis. Paris : Éditions du Félin, coll. «Les marches du temps», 2011. 277 p.
 35. Lamartine A. Méditations. Paris : Garnier Frères, 1968. 994 p.
 36. Letessier F. Notes sur «Troisièmes Méditations poétiques» // Lamartine A. Méditations. P. 545–625.
 37. Гура А.В., Усачёва В.В. Барвинок // Славянские древности. М., 1995. Т. 1. С. 140–142.
 38. Wachtel G. Victor Hugo et l'Espagne/Association des professeurs de lettres. URL: https://www.aplettres.org/Victor_Hugo_et_L_Espagne.pdf (дата обращения: 06.09.2017).
 39. Циана // Энциклопедия мифологии. URL: <http://godsbay.ru/hellas/ziana.html> (дата обращения: 01.09.2017).
 40. Hugo V. Les Orientales//Œuvres complètes: Odes et Ballades. Essais et Poésies diverses. Les Orientales. Paris : Ollendorf, 1912. P.723–727.
 41. Richers J. Gerard de Nerval // Nerval G. Poètes d'aujourd'hui. Paris : Pierre Segher, 1959. P. 96–101.
 42. Nerval G. Aurélia. Paris : Lachenal & Ritter, 1985. 160 p.
 43. Bayle-Goureau C. Nerval et Novalis: une conjonction poétique idéale // Revue d'histoire littéraire de la France. 2005. Vol. 105. P. 859–877.
 44. Gautier Th. España//Œuvres de Théophile Gautier – Poésies. Paris : Lemierre, 1890. Vol. 2. P. 109–110.
 45. Незабудка // Энциклопедия садовых декоративных растений. URL: <http://flower.onego.ru/voda/myosotis.html> (дата обращения: 20.03.2012).
 46. Лермонтов М.Ю. Незабудка // Отечественные записки. 1843. Т. 31, № 11. Отд. 1. С. 194–195.
 47. Dupont P. Chants et Chansons : 4 vol. Paris : Alexandre Houssiaux, 1855. Vol. 1. 278 p.

48. *Baudelaire Ch.* Petits Poèmes en prose // Œuvres complètes de Charles Baudelaire : 5 vol. Paris : Michel Lévy frères, 1869. Vol. 4. P. 49–52.
49. *Rimbaud A.* Poésies. Paris : Gallimard, 1999. 342 p.
50. *Kipling R.* Blue Roses/The Light that Failed. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Blue_Roses (дата обращения: 06.10.2017).
51. *Українка Л.* Блакітна троянда // Нова рада. Київ, 1908. С. 387–452.
52. *Klausnitzer R.* Blaue Blume unterm Hakenkreuz.: Die Rezeption der deutschen literarischen Romantik im Dritten Reich. F. Schöningh, 1999. 708 s.
53. *Queneau R.* Les Fleurs Bleues. Paris : Gallimard, 1965. 273 p.

FORMATION OF THE ARTISTIC IMAGE OF THE “BLUE FLOWER” IN THE WORLD LITERATURE OF THE 17TH–20TH CENTURIES: FROM JEAN DE LA BRUYÈRE TO RAYMOND QUENEAU

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 160–181. DOI: 10.17223/19986645/54/10

Svetlana G. Gorbovskaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: vard_05@mail.ru

Keywords: blue flower, forget-me-not, blue rose, Novalis, Rousseau, symbol, image, Queneau.

The attention of the researchers of the floral image in literature is most often attracted by such vivid examples as the rose, the lily, the violet, the daisy, the tulip, the rosehip, and some other phyto-forms forming an artistic image. A small blue or dark blue flower is also one of the most frequently encountered micro-symbols in prose and in poetry. The “blue flower” is either specified in the text, and the reader sees the images of periwinkles, cornflowers, bells, forget-me-nots, blue roses, blue dahlias, irises, or is used as a hyperonym, an independent image, a symbol of romanticism, the World Soul, the miraculous nature of fields, romantic pantheism, which appeared in Novalis’ unfinished novel *Henry von Ofterdingen*. Then the theme of the blue flower develops in its own way in the poetry of Joseph von Eichendorff, in the 20th century. this image appears in Raymond Queneau’s novel *The Blue Flowers* (1965). Floral images based on specific phytonyms (hyponyms) are of particular interest in the works of Rousseau, Lamartine, Nerval, Platen, Lermontov, Pierre Dupont, Rimbaud, Kipling, Lesya Ukrainska, and some other authors. Investigating the way of the formation of the “blue flower” in the 19th– 20th centuries, it is necessary to take into account that this literary micro-image is endowed with a dual meaning, and one meaning negates the other: 1) an optimistic search for Truth, the symbol of the World Soul, the symbol of the beautiful ideal, knighthood of the Middle Ages (based on the concept of Novalis’ “blue flower”); 2) a symbol of melancholy, sadness, despair, a kind of Kierkegaard’s “absurd faith” in the search for a “blue flower” that you will never find (coming from Eichendorff, Goethe, Platen). The article draws a conclusion about the movement toward “optimization” of the image by the end of the 19th century, although examples of the “sad”, tragic perception of “blue flowers” are also found right up to the 1910s. In the middle of the 20th century, the “blue flower” is used as one of the main symbols in the ideology of the Third Reich. In the final part of the article, when considering the image of “blue flowers” in Queneau’s novel, it is concluded that the author seeks to bring the “blue flower” closer to both Rousseau’s periwinkle and Nerval’s forget-me-not – a symbol of memory that preserves everything in its semantics: Eichendorff’s melancholy, Novalis’ eternal faith in the “blue dream”, Dupont’s “blue dahlia”, Baudelaire’s “Invitation to Travel”, the medieval knight and the fair lady from Kipling’s “Blue Roses” and Rimbaud’s “huge blue tiers” – the “flowers of the new rhetoric”. For Queneau, they are “flowers of the great rhetoric” like the nameless blue flowers of La Bruyère.

References

1. La Bruyère, J. (1978) *Les Caractères ou Les mœurs de ce siècle* [The characters or morals of this century]. Paris: Société d'édition d'enseignement supérieur.
2. Rousseau, J.-J. (1996) *Izbrannoe: Ispoved'. Progulki odinokogo mechtatelya* [Selected works: The Confessions. The Reveries of a Solitary Walker]. Translated from French by M. Rozanov, D. Gorbov. Moscow: Terra.
3. Byron, G.G. (1974) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. Translated from English by T. Gnedich. Moscow: Khud. lit.
4. Belousov, M.G. (2003) *Syuzhet o Taneyzere v kontekste nemetskoy literatury XIII–XX vekov: (K probleme “vechnykh geroev” evropeyskoy literatury)* [The plot of Tannhäuser in the context of German literature of the 13th–20th centuries: (On the problem of “eternal heroes” of European literature)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Kazakova, I.B. (2010) *Priroda mezdu vremenem i vechnost’yu* [The nature between time and eternity]. *Voprosy filologii*. 1 (34). pp. 73–82.
6. Novalis. (1995) *Genrik fon Ofterdingen. Fragmenty. Ucheniki v Saise* [Heinrich von Ofterdingen. The Disciples at Sais and Other Fragments]. Translated from German. St. Petersburg: Evraziya.
7. Novalis. (1960–1975) *Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs: in 4 Bd.* [Writings. The works of Friedrich von Hardenberg: in 4 vols]. Stuttgart: Kohlhammer.
8. Vol’skiy, A.L. (2008) Germenevtika simvola “goluboy tsvetok” v romane Novalisa “Genrik fon Ofterdingen” [Hermeneutics of the symbol “blue flower” in Novalis’ “Heinrich von Ofterdingen”]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertseva – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 81. pp. 168–175.
9. Mikushevich, V.B. (1998) *Goluboy tsvetok i d'yavol* [The Blue Flower and the Devil]. In: Novalis. *Genrik fon Ofterdingen. Gimny k nochi* [Heinrich von Ofterdingen. Hymns to the Night]. Moscow: Terra – Knizhnny klub.
10. Ionkis, G. (2011) *Zoloto Reyna. Sokrovishcha nemetskoy kul’tury* [Gold of the Rhine. Treasures of German culture]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 130–141.
11. Best, O.F. (1998) *Die blaue Blume im englischen Garten Romantik – ein Mißverständnis?* [The blue flower in the English Romantic garden – a misunderstanding?]. Frankfurt: Fischer-Taschenbuchverlag.
12. Schulz, G. (2002) *Universum und Blaue Blume. Zum Gedenken an Novalis (1772–1801)* [The Universe and the Blue Flower. In memory of Novalis (1772–1801)]. Oldenburg : BIS Universität Oldenburg.
13. Schulz, G. (2011) *Leben und Werk Friedrich von Hardenbergs* [Life and Work of Friedrich von Hardenberg]. Munich: C.H. Beck.
14. Reizov, B.G. (1986) *Istoriya i teoriya literatury* [History and theory of literature]. Leningrad: Nauka. pp. 231–243.
15. Rukavchuk, L.N. (1997) *Volshebnyy mir tsvetov* [The magic world of flowers]. St. Petersburg” MiM-Ekspress. pp. 241–256.
16. Pastoureau, M. (2017) *Siniy: Istoriya tsveta* [Blue: History of a color]. Translated from French by N. Kulish. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Magiyatrav.ru. (n.d.) *Vasilek. (Centaurea cyanus)* [Cornflower. (Centaurea cyanus)]. [Online] Available from: <http://www.magiyatrav.ru/mag-v2.html>. (Accessed: 04.10.2017).
18. Novalis. (1996) *Gimny k nochi* [Hymns to the Night]. Translated from German. Moscow: Enigma.
19. Tokarev, S.A. (ed.) (1982) *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Sov. entsikl.
20. Lambrecht, A. (n.d.) *La fleur: métaphore de la passion dans “Henri d’Ofterdingen” de Novalis et “Arriere-saison” d’Adalbert Stifter* [The flower: a metaphor for passion in Novalis’ “Heinrich von Ofterdingen” and Adalbert Stifter’s “Arriere-saison”]. [Online]

Available from: <https://www.arabesques-editions.com/fr/la-fleur-metaphore-de-la-passion-dans-henri-dofterdingen-de-novalis-et-larriere-saison-dadalbert-stifter.html>. (Accessed: 04.09.2017).

21. Jung, C.G. (2008) *Psihologiya i alkhimiya* [Psychology and alchemy]. Translated from German. Moscow: AST.
22. Goethe, J.W. von (1970) *Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären* [Attempt to explain the metamorphosis of plants]. Gotha: Ettinger.
23. Goethe, J.W. von (1795–1996) *Wilhelm Meisters Lehrjahre* [Wilhelm Meister's Apprenticeship]. Vols 1–4. Berlin: Unger. pp. 375, 388, 381, 519.
24. Goethe, J.W. (n.d.) *Blau* [Blue]. [Online] Available from: <http://www.textlog.de/6811.html>. (Accessed: 06.09.2017).
25. Fitzgerald, P. (2000) *Die blaue Blume* [The blue flower]. Leipzig: Insel Verlag.
26. Hecker, J. (1931) *Das Symbol der Blauen Blume im Zusammenhang mit der Blumensymbolik der Romantik* [The symbol of the Blue Flower in the context of the romantic floral symbolism]. Dissertation. Frommann, Ena: Verlag der Frommannschen Buchhandlung.
27. Kierkegaard, S. (1993) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Translated from English. Moscow: Respublika, pp. 22–29.
28. Eichendorff, J. von. (2007) *Sämtliche Gedichte und Versepen* [All poems and verses]. Frankfurt: Insel Verlag.
29. Montandon, A. (2017) Fleur bleue [Blue flower]. In: *Dictionnaire littéraire des fleurs et des jardins (XVIII-XIX siècles)* [Literary dictionary of flowers and gardens (18th–19th centuries)]. Paris: H. Champion.
30. Bode, D. (2013) *Die blaue Blume: Gedichte der Romantik* [The blue flower: romantic poems]. Dietrich. Ditzingen: Reclam.
31. Staël, J. de. (1968) *De l'Allemagne [pilonné en 1810, l'ouvrage paraît en Angleterre en 1813, puis en France de nouveau, en 1814]* [From Germany [shelled in 1810, the work appears in England in 1813, then in France again, in 1814]]. Vol. 2. Paris: Garnier-Flammarion.
32. Dumont, A. (2014) *Novalis et sa traduction (d'un étranger à l'autre)* [Novalis and his translations (from one stranger to another)]. In: Novalis. *Hymnes à la Nuit* [Hymns to the Night]. Paris: Les Belles Lettres.
33. Glorieux, J.-P. (1982) *Novalis dans les lettres françaises à l'époque et au lendemain du symbolisme (1885–1914)* [Novalis in French letters of the time and the aftermath of symbolism (1885–1914)]. Paris: Leuven University Press.
34. Schefer, O. (2011) *Novalis*. Paris: Éditions du Félin, coll. “Les marches du temps”.
35. Lamartine, A. (1968) *Méditations* [Meditations]. Paris: Garnier Frères.
36. Letessier, F. (1968) Notes sur “Troisièmes Méditations poétiques” [Notes on “The Third Poetic Meditations”]. In: Lamartine, A. (1968) *Méditations* [Meditations]. Paris: Garnier Frères.
37. Gura, A.V. & Usachyova, V.V. (1995) Barvinok [Periwinkle]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskie drevnosti* [Slavic antiquities]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
38. Wachtel, G. (n.d.) *Victor Hugo et l'Espagne* [Victor Hugo and Spain]. [Online] Available from: https://www.aplettres.org/Victor_Hugo_et_L_Espagne.pdf. (Accessed: 06.09.2017).
39. Godsbay.ru. (n.d.) *Tsiana* [Blue poppy]. [Online] Available from: <http://godbay.ru/hellas/ziana.html>. (Accessed: 01.09.2017).
40. Hugo, V. (1912) *Oeuvres complètes: Odes et Ballades. Essais et Poésies diverses. Les Orientales* [Complete works: Odes and Ballades. Diverse Essays and Poetry. The Orientals]. Paris: Ollendorf. pp. 723–727.
41. Richers, J. (1959) Gerard de Nerval. In: Nerval, G. *Poètes d'aujourd'hui* [Poets of today]. Paris: Pierre Segher.
42. Nerval, G. (1985) *Aurélia*. Paris: Lachenal & Ritter.

43. Bayle-Goureau, C. (2005) Nerval et Novalis: une conjonction poétique idéale [Nerval and Novalis: an ideal poetic conjunction]. *Revue d'histoire littéraire de la France*. 105. pp. 859–877.
44. Gautier, Th. (1890) *Oeuvres de Théophile Gautier – Poésies* [Works by Théophile Gautier – Poetry]. Vol. 2. Paris: Lemerre. pp. 109–110.
45. Flower.onego.ru. (n.d.) *Nezabudka* [Forget-me-not]. [Online] Available from: <http://flower.onego.ru/voda/myosotis.html>. (Accessed: 20.03.2012).
46. Lermontov, M.Yu. (1843) *Nezabudka* [Forget-me-not]. *Otechestvennye zapiski*. 31(11):I. pp. 194–195.
47. Dupont, P. (1855) *Chants et Chansons: 4 vol.* [Chants and songs: 4 vols]. Vol. 1. Paris: Alexandre Houssiaux.
48. Baudelaire, Ch. (1869) *Oeuvres complètes de Charles Baudelaire: 5 vol.* [Complete works by Charles Baudelaire: 5 vols]. Vol. 4. Paris: Michel Lévy frères. pp. 49–52.
49. Rimbaud, A. (1999) *Poésies* [Poems]. Paris: Gallimard.
50. Kipling, R. (1890) *Blue Roses*. [Online] Available from: https://en.wikisource.org/wiki/Blue_Roses. (Accessed: 06.10.2017).
51. Ukrainka, L. (1908) Blakitna troyanda [Rosary]. *Nova rada*. pp. 387–452.
52. Klausnitzer, R. (1999) *Blaue Blume unterm Hakenkreuz.: Die Rezeption der deutschen literarischen Romantik im Dritten Reich* [Klausnitzer R. Blue flower under the swastika: The reception of German literary romanticism in the Third Reich]. Paderborn, Munich, Vienna, Zurich: F. Schöningh.
53. Queneau, R. (1965) *Les Fleurs Bleues* [The Blue Flowers]. Paris: Gallimard.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/54/11

М.П. Гребнева

АРОМАТЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ АВТОРОВ О ФЛОРЕНЦИИ

А.К. Толстой, Д.С. Мережковский, И.Ф. Анненский, А.А. Блок и Н.С. Гумилев хорошо знали город цветов и воспроизводили его образ, который невозможно представить без ольфакторной составляющей, в своих произведениях. Флорентийские запахи можно поделить на две группы: на относящиеся к сфере жизни и характеризующие область смерти. К первым тяготеют ароматы воды, тумана, озера, реки, благоухающих цветов, любви, красоты, весны, незабываемых впечатлений, чудесного, ко вторым – дыма, гари, увяддающих цветов, расставания и разлуки.

Ключевые слова: *Флоренция, ароматы, жизнь, смерть, вода, ирис, лилия, роза, огонь, дым.*

Особую утонченность города цветов невозможно представить без его реальных и воображаемых ароматов. В силу того, что Флоренция – это локус контрастов, мы условно поделили все ее ароматы на запахи жизни и смерти. В этой связи наше внимание привлекли те русские авторы, которые хорошо знали эту часть Италии и в произведениях которых идет речь о ней, в том числе и о характеризующем ее ольфакторном ряде.

Так, А.К. Толстой впервые побывал во Флоренции в детстве. В автобиографии, предназначеннной для А. де Губернатиса, он вспоминал: «Тринадцать лет от роду я совершил с родными первое путешествие в Италию. Невозможно было бы передать всю силу моих впечатлений и тот переворот, который произошел во мне, когда сокровища искусства открылись моей душе, предчувствовавшей их еще до того, как я их увидел воочию» [1. Т. 4. С. 546].

В последний раз он посетил этот город в возрасте 58 лет, незадолго до своей смерти. В письме к К. Сайн-Витгенштейн от 7 (19) мая 1875 г. из Флоренции он размышлял: «Я не злоупотребляю впрыскиваниями морфина и продолжаю уменьшать дозы. Но все-таки они не только останавливают боли, но оживляют мои умственные силы, и если б они все это делали даже (но этого нет!) в ущерб моему здоровью, – к черту здоровье, лишь бы существовало искусство, потому что нет другой такой вещи, для которой стоило бы жить, кроме искусства!» [1. Т. 4. С. 565].

Центральным среди флорентийских произведений Толстого можно считать поэму «Портрет» (1872–1873). В письме к К. Сайн-Витгенштейн от 26 мая 1873 г. из Красного Рога он сообщал: «Я думаю, что я начну с того, что буду оканчивать маленькую поэму рифмованными октавами; Я написал ее этой зимой во Флоренции, и она не требует столь серьезной

работы, как драма («Посадник». – М.Г.). Сюжет немного идиллический. Это что-то вроде какой-то «Dichtung und Wahrheit», воспоминание детства, наполовину правдивое, любовь мальчика к картине» [1. Т. 4. С. 534].

Поэма навеяна представлениями о Флоре – богине цветов, Флоренции – городе цветов. Флора и Флоренция ожидают под пером русского писателя. Зрелый художник на пороге смерти вспоминает о своих юношеских ощущениях. Ему удается удивительным образом передать дух, дыхание, дуновение, запах, благоухание любимой женщины и самой любви. Связь между запахом и чем-то дивным, необычным подчеркивается в поэме: «...но в чудные виденья / Был запахом его (цветка. – М.Г.) я погружен» [1. Т. 1. С. 367]; «И запах мне почувствовался роз. / Чудесного я понял приближение...» [1. Т. 1. С. 380]. Это одна из особенностей восприятия Флоренции русскими людьми начиная с XV столетия. Для них она – чудо, сказка. Даже если бы автор и не написал, где он работал над своим произведением, это было бы очевидным. Мотив портрета также напоминает о Флоренции – городе живописи, живописцев и их творений.

Представления героя поэмы А.К. Толстого отличаются ассоциативной сложностью. Он не только видит растение в своей руке: «Случалось мне очнуться, в удивленье, / С цветком в руке. Как мной был сорван он – / Не помнил я...» [1. Т. 1. С. 366–367]; «То вздрагивал я, словно от морозу, – / Поблекшую руку скимала розу...» [1. Т. 1. С. 385], не только наблюдает за прекрасной женщиной, напоминающей дивный цветок и пребывающей в окружении цветов на портрете, но и обоняет их.

Сама метафора – женщина или ее скульптурное изображение как цветок – встречается в антологических стихотворениях, например, К.Н. Батюшкова «Мои Пенаты»: «Я Лилы пью дыханье / На пламенных устах, / Как роз благоуханье, / Как нектар на пирах!..» [2. Т. 1. С. 210], А.А. Дельвига «Лилея»: «Оставь, о Дорида, на стебле лилею; / Она меж цветами прелестна как ты...» [3. С. 350], А.А. Фета «Венера Милосская»: «Цветет божественное тело / Невзывающей красой» [4. С. 294]. Способность оживать демонстрирует, например, скульптурное изображение прекрасной Дианы в одноименном стихотворении у А. Фета, а превращаться из живой, цветущей женщины в статую у И.С. Тургенева – Джемма («Вешние воды»), Софи («Странная история»).

Можно предположить, что античные скульптурные изображения не привлекали и не могли привлечь внимания к обонянию, а вот живопись, возрожденческая итальянская живопись в частности, его могла инициировать, поскольку оживление героев и героинь на картинах в произведениях Н.В. Гоголя «Портрет», А.К. Толстого «Портрет», Д.С. Мережковского «Воскресшие боги», так или иначе связанных с городом цветов, является тому подтверждением.

Запах – это, с одной стороны, то, что представлено в тексте поэмы А.К. Толстого достаточно реалистично, аромат цветка или цветов, напоминающих если не герою поэмы, то ее автору о Флоренции и ведущих за собой в чудесные дали. Ключевым в этом описании можно считать слово «благоуханье»:

Цветы у нас стояли в разных залах:
 Желтофиолей много золотых
 И много гиацинтов, синих, алых,
 И палевых, и бледно-голубых;
 И я, миров искатель небывалых,
 Любил вникать в *благоуханье* их,
 И в каждом запах индивидуальный
 Мне музыкой как будто веял дальней [1. Т. 1. С. 366].

С другой стороны, ароматы сада, цветов в произведении не могут оставить равнодушным даже портрет, даже девушку, изображенную на нем:

Движеньем плавным платье расправляя,
 Она сошла из рамы на паркет... [Там же. С. 383]

Запахи в этом контексте – это то, что связано не только с реальной действительностью, но и с метафорическим ее переосмысливанием: аромат любви и красоты «Грудь украшал ей розовый букет» [Там же. С. 369]; «И, полный роз, передник из тафты / За кончики несли ее персты» [Там же], аромат удивительного («но в чудные виденья / Был запахом его (цветка. – М.Г.) я погружен» [Там же. С. 367]; «И запах мне почувствовался роз. / Чудесного я понял приближенье...» [Там же. С. 380], аромат весны («дышать цветами мая» [Там же. С. 383]. Кроме того, Толстой преклоняется без всякой иронии перед искусством и его воображаемыми ароматами, если перефразировать слова писателя в воспоминаниях и слова о предпочтениях учителя главного героя его поэмы: «И, что у нас так редко видишь ныне, / Высоко чтил художества цветы» [Там же. С. 367].

В конце поэмы роза в руках героя издает запах смерти,увядания, так как легкое дыхание мальчика и благоухание цветов в начале сменяются его прерывистым дыханием и гибелю цветка («...тяжело / Дышалось мне...» [Там же. С. 385], «Поблекшую рука сжимала розу...» [Там же. С. 385].

Другим преданнейшим поклонником Флоренции и ее ароматов был Д.С. Мережковский. Незадолго до смерти, в 1943 г., в Париже З.Н. Гиппиус писала книгу о нем, в которой упоминала о некоторых своих посещениях Флоренции. Первая их совместная поездка относится к 1891 г. Город цветов притягивает чету писателей и уже, как можно предположить, в 1893 г. [5. С. 202] состоялась другая встреча с ним, поездка, связанная с созданием романа Мережковского «Воскресшие боги»: «Начиная с «Леонардо» – он стремился, кроме книжного собирания источников, еще непременно быть там, где происходило действие, видеть и ощущать тот воздух и ту природу» [Там же. С. 196]. В контексте названного романа слова его жены о флорентийской атмосфере вовсе не являются преувеличением.

История Леонардо и Джоконды принадлежит Флоренции, происходит в ней, предопределяется ею. Так, по словам Мережковского, «Леонардо заметил, что у каждого города, точно так же, как у каждого человека, – свой запах: у Флоренции – запах влажной пыли, как у ирисов, смешанный с едва уловимым свежим запахом лака и красок очень старых картин»

[6. С. 441–442]. Другими словами, аромат Флоренции – это запах воды, водяной пыли, влажный запах, легкий и тонкий, едва уловимый, рассыпающийся на свои составляющие. В этом смысле им можно считать запах тумана, озера, реки и т.д. Любимыми цветами Джоконды оказываются ирисы: «...вокруг фонтана (вокруг источника, распыляющего воду. – М.Г.) росли его рукой посаженные и взелейянные ее любимые цветы – ирисы» [Там же. С. 426]. Благодаря такой достаточно странной конфигурации, цветы находятся вокруг фонтана, а не наоборот, у воды появляется запах.

Простота и естественность, в том числе и аромата, – это характеристика не только воды, но Моны Лизы и самой Флоренции: «Вслед за Камилло вошла та, которую здесь ожидали все, – женщина лет тридцати, в *простом* темном платье, с прозрачно-темной дымкой, опущенной до середины лба, – Мона Лиза Джоконда» [Там же. С. 427]; «Лиза подняла на Леонардо *спокойный* взор» [Там же. С. 429]; «Она держала себя и говорила так *просто*, что многие считали ее *неумной*» [Там же. С. 442]; «Да сохранит вас Бог, – сказала она все также *просто*» [Там же. С. 447]. Не случайно, что при встрече со своей музой Леонардо говорит о мадонне Софонизбе как о площадной торговке, от которой «пахнет, как из лавки продавца духов...» [Там же. С. 429]. В этом смысле с художником согласна и Мона Лиза: «Джоконда усмехнулась» [Там же].

Тонкость, простота и прелест ароматов Моны Лизы и Флоренции совпадают. Весь город уподобляется Мережковским дивному цветку: «...сначала к северу древняя колокольня Санта-Кроче, потом прямая, стройная и строгая башня Палаццо Веккьо, белая мраморная кампанила Джотто и красноватый черепичный купол Мария дель Фьоре, похожий на исполинский, нераспустившийся цветок древней, геральдической Алой Лилии; вся Флоренция, в двойном вечернем и лунном свете, была как один огромный серебристо-темный цветок» [Там же. С. 441].

Вечноцветущая и благоухающая Флоренция тождественна бессмертной любви Леонардо и Джоконды. Обаяние города – это обаяние Моны Лизы. Аромат Флоренции – это аромат любимой женщины. На своей картине Леонардо запечатлел не только Мону Лизу, но и любимый город. Появление Джоконды на страницах романа «Воскресшие боги» напоминает прилет чего-то еле уловимого: «Вдруг *легкое дыхание* ветра отклонило струю фонтана; стекло зазвенело, лепестки белых ирисов под водяной пылью вздрогнули. Чуткая лань, вытянув шею, насторожилась» [Там же. С. 426]. Конструкция «лепестки белых ирисов под водяной пылью», характеризующая возлюбленную Леонардо, синонимична той, с помощью которой Мережковский определяет Флоренцию, – «запах влажной пыли, как у ирисов».

Загадка картины Леонардо – это тайна его любви и к Моне Лизе, и к Флоренции. «Запах влажной пыли» привлекает внимание Мережковского и в тосканской природе, и на острове любви, в царстве богини Венеры, о котором рассказывает Леонардо, и в мастерской самого художника, и на картине прославленного флорентийца. Один и тот же пейзаж, один и тот же запах раз за разом повторяются в романе Мережковского: описание

природы – «Однажды, в конце весны 1505 года, был тихий, теплый и туманный день. Солнце просвечивало сквозь влажную дымку облаков тусклым, точно подводным (как в пещере. – М.Г.) светом, с тенями нежными, танцующими, как дым (водяной дым. – М.Г.) – любимым светом Леонардо, дающим, как он утверждал, особенную прелесть женским лицам» [6. С. 425]; *описание царства любви* – «А над самим островом – вечно голубое небо, сияние солнца на холмах, покрытых цветами, и в воздухе такая тишина, что длинное пламя курильниц на ступенях перед храмом тянется к небу столь же прямое, недвижное, как белые колонны и черные кипарисы (это облик Флоренции! – М.Г.), отраженные в зеркально гладком озере. Только струи водометов (ср. фонтан во дворе Леонардо. – М.Г.), переливаясь через край и стекая из одной порфировой чаши в другую, сладко журчат. И утопающие в море видят это близкое тихое озеро; ветер приносит им благовоние миртовых рощ...» [Там же. С. 430]; *описание картины* – «И, вместе с тем, была она призрачная, дальняя, чуждая, более древняя в своей бессмертной юности, чем первозданные глыбы базальтовых скал (ср. с описанием пещеры на острове любви. – М.Г.), видневшиеся в глубине картины – воздушно-голубые, сталактитоподобные горы будто нездешнего, давно угасшего мира (умершего, погибшего мира. – М.Г.). Извилины потоков между скалами напоминали извилины губ ее с вечной улыбкой. И волны волос падали из-под прозрачно-темной дымки по тем же законам божественной механики, как волны воды» [Там же. С. 457]; *описание мастерской художника* – «День был солнечный, ослепительно-яркий. Леонардо задернул полотняный полог – и во дворе с черными стенами воцарился тот нежный, сумеречный свет – прозрачная, как будто подводная, тень, которая лицу ее давала наибольшую прелесть» [Там же. С. 445].

Восприятие Леонардо и Мережковского настолько обострено, что они ощущают запах воды, жизни, в том числе и вечной жизни на картине. Вода и картина, их ароматы дополняют друг друга, в этом контексте, перефразируя А.К. Толстого, речь идет и о цветах художества. Запахи влаги и картины, причем и природные и рукотворные, соседствуют в романе Мережковского.

Иннокентий Анненский побывал во Флоренции летом 1890 г. Как оказалось впоследствии, это были мгновения счастья, связанные с поисками цветка мечты, скорее всего обретенного именно в «городе цветов»: «Как несчастный, осужденный искать голубого цветка, я, вероятно, нигде и никогда не найду того мгновения, которому бы можно сказать: «остановись – ты прекрасно» [7. С. 113].

Сын поэта задавался вопросом: «Нашла ли сложная и обреченная душа отца, хотя к концу его дней, свой «голубой цветок»?» [Там же]. И отвечал себе: «Не знаю. Едва ли. По крайней мере стихи его – одни из самых ярких по своей напряженной субъективности в русской лирике, иногда доходящие до жуткости «лирических документов», предположения такого не подтверждают...» [Там же].

Заметим, однако, что в лирике Анненского есть ряд стихотворений, объединенных образом лилии, белой лилии, которая традиционно считает-

ся символом Флоренции. Е.А. Некрасова полагает, что у Анненского это символ, который «лишен четкой конкретности» [8. С. 58], который «связывается с мучительными и одновременно возвышенными чувствами лирического героя» [Там же]. Думается, что доля конкретики, именно флорентийской конкретики, в этом символе все-таки есть.

Флоренция и ее запах оказываются драматичными не только для героя А.К. Толстого, но и Анненского. В первом стихотворении цикла «Лилии» (1901), во «Втором мучительном сонете», город для автора, как и для многочисленных предшественников, запечатлся в красоте цветка, в его равногодовитом запахе жизни («обетованье») и смерти («утрата»):

С тех пор в *отраве аромата*
Живут, таинственно слиты,
Обетованье и утрата
Неразделимой красоты... [9. С. 74].

Беспокоящий аромат таится в ночном сне-сказке аллей, в дышащих расставанием-смертью растениях. Эпитет «серебряный» и его производные станут повторяющимися при характеристике флорентийских реалий в стихотворениях Анненского о городе цветов:

И если чуткий сон аллей
Встревожит месяц сребролукий,
Всю ночь потом уста лилей
Там дышат ладаном разлуки [Там же].

Дьявольская отрава аромата цветов в произведении соседствует с ароматом божественным, с ладаном разлуки. Флоренция – это город с неподражаемым ольфакторным кодом. Для автора стихотворения отравляющее воздействие цветка неотделимо от его божественной эманации. Лилии оказываются средоточием надежды на взаимность и на недостижимость этой взаимности, цветы пахнут новой встречей и разлукой, надеждой на жизнь и неизбежностью смерти, они дышат благовонно и отравляюще, божественно и дьявольски. Красоту цветов и их запахов нельзя разделить («неразделенной красоты»), нельзя разлюбить («живут любовью без забвенья»), нельзя чем-нибудь заменить («незаполнимые мгновенья»).

Второе стихотворение цикла «Зимние лилии» сближается с первым и за счет мотива отравляюще-сладостного аромата, цветочного благоухания, и за счет эпитета «серебристый»:

Серебристые фиалы
Опрокинув в воздух сонный,
Льют лилеи небывалый
Мне напиток благовонный... [Там же].

И из кубка из живого
В поэтической оправе
Рад я сладостной отраве
Напряженья мозгового... [Там же].

Запах незабываемых впечатлений в первом стихотворении дополняется запахом воспоминаний во втором произведении, но и в том и в другом случае речь идет об ароматах жизни. Отрава аромата в первом случае относится со сладостной отравой благовонного напитка, пробуждающего память, во втором:

Живут любовью без забвенья
Незаполнимые мгновенья... [9. С. 74].

В белой чаше тают звенья,
Из цепей воспоминанья,
И от яду на мгновенье
Знанье кажется незнанье... [Там же. С. 75].

Во втором этюде обыгрывается также форма цветка, уподобляемого фиалу, кубку, чаше. Чаша, надо отметить, – это не только форма лилий, но и конфигурация самой Флоренции, которая находится в пространственном углублении.

Мотивы воспоминаний и мрачного дуновения, смертельного дыхания возникают в третьем стихотворении цикла – «Падение лилий». Название произведения в этом смысле говорит само за себя. Лилии оказываются в ситуации гибели, издающими запах смерти. Аромат жизни и ее бессмертных мгновений превращается в аромат смерти. Эпитет «серебряный» существует в этом стихотворении, как и в двух предыдущих. Тени-воспоминания сгорают в огне камина так же, как и сами цветы, но на миг они ожидают вновь:

Падут минутные строенья:
С могил далеких и полей
И из серебряных аллей
Услышь мрака дуновенье... [Там же].

Осеребренная светом месяца аллея дышит смертью. И запах этот можно, как парадоксально подчеркивает Анненский, услышать. Это аромат мрака, смерти, вянущих цветов:

Чтоб ночью вянущих лилей
Мне ярче слышать со стеблей
Сухой и странный звук паденья [Там же].

Запах увядания и тления возникал, как мы помним, и в повести А.К. Толстого. Это хорошо соотносится с представлением о Флоренции как городе контрастов. «Услышать» можно не только аромат, но и цвет («ярче слышать») умирающих цветов. Парадоксальность, феноменальность, чудесность – это все характеристики Флоренции в русской литературе о городе цветов начиная с XV столетия, как мы пытались подчеркнуть ранее.

В стихотворении «Еще лилии» (1923) также возникает образ лилий, но не увядших, не сгоревших, а обретенных на бессмертие, на вечную жизнь,

не утративших своего благовония. Мотив незабываемого присутствует и в этом произведении. Единственным напоминанием о прошлой земной жизни для лирического героя в ином мире оказываются запах лилии и форма этого растения:

Цветов мечты моей мятежной
Забыв минутную красу,
Одной лилеи белоснежной
Я в лучший мир перенесу
И аромат и абрис нежный [9. С. 174].

А. Блок в письме к матери от 23 февраля 1909 г. сообщает, что он с женой собирается ехать в Венецию и Флоренцию [10. С. 161]. Поэт заранее предполагает, что это путешествие ознаменуется новыми произведениями: «Новых стихов нет пока. А вот, я думаю, в Венеции, Флоренции, Равенне и Риме – будут» [Там же. С. 163]. Городу цветов Блок действительно посвятил целый лирический цикл, состоящий из семи стихотворений¹. В первом произведении, «Умри, Флоренция, Иуда...» (май – июнь 1909), возникает не просто упоминание о запахе роз, но о трупном запахе этого цветка, о запахе смерти, который преследует поэта:

Гнусавой мессы стон протяжный
И *трупный запах* *роз* в церквах –
Весь груз тоски многоэтажный –
Сгинь в очистительных веках! [11. Т. 3. С. 69].

Автор противопоставил запах водяной пыли и приглушенный свет творца Джоконды и Мережковского, свидетельствующие о жизни, желтой пыли и запаху гари, недвусмысленно указующих на смерть:

Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама! [Там же].

Звенят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон! [Там же].

Синий цвет ассоциативно напоминает и о поисках И. Анненским голубого цветка во Флоренции. Сине-голубая цветовая гамма появляется также в очерках Блока «Немые свидетели» и «Маски на улице»: «Из глубины обнаженных щелей истории возникают бесконечно бледные образы, и языки синего пламени обжигают лицо [10. Т. 5. С. 306–307]; «Только на горах, в соборах, могилах и галереях – прохлада, сумрак и католические напоминания о мимолетности жизни» [Там же. С. 307]; «А голубые ирисы в Кашинах – чьи это маски? Когда случайный ветер залетит в неподвиж-

¹ Думается, что лирический цикл, состоящий из ряда произведений, порождает мысль о соцветии, о цветке.

ную полосу зноя, все они, как голубые огни, простираются в одну сторону, точно хотят улететь» [10. Т. 5. С. 306].

Витающий над Флоренцией торговый дух, о котором Леонардо в романе Мережковского только упоминает с неудовольствием, как мы отмечали («...голос, как у площадной торговки, и пахнет, как из лавки продавца духов»), берет верх в стихотворении А. Блока, растоптанные лилии, вероятно, также и реалистически, и метафорически должны издавать запах увядания и смерти:

Ты пышных Медичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи! [11. Т. 3. С. 69].

Флоренция святая превращается во Флоренцию-изменщицу, в площадную синьору, туман и влага – в зной и огонь. Запах влажных ирисов трансформируется в запах дымных, опаленных, пахнущих гарью ирисов во втором стихотворении цикла, написанном в июне 1909 г.:

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин? [Там же. С. 70].

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя [Там же].

Третье стихотворение цикла «Страстью длинной, безмятежной» (июнь 1909) построено на контрасте воды и огня, запаха влаги и дыма. Ирис дымный в этом стихотворении соседствует с ирисом, издающим благование, душа автора пребывает и в огне страсти («занялась»), и в тишине и покое водной глади («безмятежной», «благовония струя»):

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя... [Там же].

А. Гумилева вспоминала, что в 1911 г. Н. Гумилев «задумал путешествие в Италию. Но всегда его что-то задерживало: осенью этого же года он основал с Сергеем Городецким Цех поэтов. Только весной 1912 г. ему удалось исполнить свою мечту и поехать в Италию» [12. С. 121]. Итогом посещения города цветов стали стихотворения «Фра Беато Анджелико» (1912), «Флоренция» (1913), «Сон» (1918).

Н. Гумилев назвал свое итальянское стихотворение «Флоренция» (1913), не упомянув, однако, имени города в его тексте:

О сердце, ты неблагодарно!
Тебе – и розовый миндаль,
И горы, вставшие над Арно,
И запах трав, и в блеске даль [13. Т. 1. С. 366].

Флоренция Гумилева – это не только «настоящий» и «вечный» город, это не только горы, Арно, розовый миндаль и даль в блеске, но это еще и место оживающего прошлого, времен казненного флорентийского проповедника и двух костров, напоминающих зверей:

Один – как шкура леопарда,
Разнообразен, вечно нов.
Там гибнет «Леда» Леонардо
Средь благовоний и шелков [Там же].

Другой, зловещий и тяжелый,
Как подобравшийся дракон,
Шипит: «Вотще Савонаролой
Мой дом державный потрясен» [Там же].

Именно такая противоречивая Флоренция запечатлелась в сердце Гумилева: прошлая и настоящая, ликующая и скорбящая. Произведение поражает узнаваемой простотой, безыскусственностью ароматов города цветов, естественными запахами воды, реки, травы, которым противостоят запахи «благовоний», как у Мережковского («...пахнет, как из лавки продавца духов»).

Однако здесь присутствуют не ароматы старинных картин, как у автора романа «Воскресшие боги» («...запах влажной пыли, влажный как у ирисов, смешанный с едва уловимым свежим запахом лака и красок очень старых картин»), а запахи дыма и гари от костров, пожирающих картину Леонардо и Савонаролу. Они напоминают и о костре, на котором был казнен флорентийский проповедник в первом стихотворении цикла А. Блока («Там, где святой монах сожжен»), и о дровах, горящих в камине у И. Анненского и порождающих воспоминания о городе цветов («В камине вьется золотая / Змея, змеей перевитая» [9. С. 75]), и о горячке, в которой пребывает герой А. Толстого в конце поэмы («...меня – то жаром жгло, / То вздрогивал я, словно от морозу...»).

Эталонное описание ароматов Флоренции, на наш взгляд, содержится именно в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги». Оно обусловлено мыслью автора о бессмертии Флоренции и одного из ее символов – картины Леонардо да Винчи «Джоконда». Город цветов вечен в равной степени, как вода, источник жизни, и старинная картина, запечатлевшая жизнь. Мысль о несокрушимости истинных произведений искусства и Флоренции представлена также в воспоминаниях А.К. Толстого и его поэме «Портрет», хотя соображения героя, мальчика, названного произведения и самого автора, зрелого человека, отличаются друг от друга. Поиски гармонии героям поэмы оборачиваются обретением ее автором в конце его

жизни, вопреки надвигавшейся смерти. Для И. Анненского, А. Блока и Н. Гумилева образ Флоренции с ее ароматами дисгармоничен, контрастен, так как запахи, свидетельствующие о благополучии и неизменной жизни, остались в прошлом, а в настоящем буйствуют ароматы, говорящие о бездуховности и неотвратимой смерти.

Литература

1. Толстой А.К. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1980. Т. 4.
2. Батюшков К.Н. Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1.
3. Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986.
4. Тютчев Ф.И. Фет А.А. Стихотворения. М., 1988.
5. Гиппус З. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991.
6. Мережковский Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). М., 1993.
7. Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : ежегодник. 1981. Л., 1983.
8. Некрасова Е.А. А. Фет, И. Анненский: Типологический аспект описания. М., 1991.
9. Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
10. Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. Л., 1983.
11. Блок А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1971.
12. Николай Гумилев в воспоминаниях современников. Париж ; Нью-Йорк ; Дюссельдорф, 1989.
13. Гумилев Н. Сочинения : в 3 т. М., 1991.

FRAGRANCES OF LIFE AND DEATH IN THE WORKS ABOUT FLORENCE BY RUSSIAN AUTHORS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 182–193. DOI: 10.17223/19986645/54/11

Marina P. Grebneva, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: grmarinagr@mail.ru

Keywords: Florence, scents, life, death, water, iris, fire, smoke.

The article examines the real and metaphoric flavors generated by Florence. In the most general form, they can be divided into two groups, those that relate to life and death. Aleksey Tolstoy, Dmitry Merezhkovsky, Innokenty Annensky, Alexander Blok and Nikolay Gumilev knew the city of flowers well and created its image, which can not be imagined without the olfactory component, in their works.

Tolstoy miraculously conveyed the spirit of Florence, the city of flowers, painting and love, in his letters, autobiography and especially in the poem “Portrait”. The hero of the poem not only sees, touches, but also smells a fragrant flower or a faded one, which smells of wilting, and sees a beautiful flower girl, decorated with flowers, carrying flowers and emitting fragrance, a girl who descended from a picturesque canvas to the real world. The image of the heroine of the poem is associated with the scents of love, beauty, spring, miracle.

Merezhkovsky believed that the fragrance of Florence is the “smell of damp dust, like that of irises”, the smell of water, water dust, a moist smell, light and subtle, it falls into components and conditions its derivatives – the incense of fog, lake, river. It is present in the famous painting of Leonardo da Vinci, who perpetuated the Mona Lisa. The simple and natural smell of water joins the “barely perceptible fresh smell of lacquer and the colors of very old paintings”, which emphasizes the contrast of the city of flowers, its special atmosphere of love, the beloved woman.

Annensky was looking for his dream flower in Florence. It can be assumed that the symbol of the city of flowers – the lily – became such a flower. The smell of lilies is diabolical and divine, it is the focus of the hope for reciprocity and the impossibility of this reciprocity. The flowers smell of a new meeting and separation, a hope for life and the inevitability of death, they breathe fragrantly and poisonously, divinely and diabolically. The beauty of flowers and their smells cannot be separated or replaced with anything.

Blok was looking for the smells of the Florence of the past in the present, in the contemporary reality. He is haunted by the cadaverous smell of roses, scorched by the fire of irises, smoke and burning, by the trading spirit that has replaced the smell of damp flowers. The trampled lilies he mentions probably emit the smell of wilting and death.

Gumilev emphasized the simplicity, the artlessness of the scents of the city of flowers – the smells of water, river, grass, and the artificial smells of “incense” that oppose them, as well as the smells of smoke and burning from the fires that devoured Savonarola and the painting by Leonardo.

In the works of Tolstoy and Merezhkovsky, the smells of life prevail over the smells of death, in the poems of Annensky they balance on the verge of complementing each other, and in the sketches of Blok and Gumilev the scents of death dominate over the fragrances of life.

References

1. Tolstoy, A.K. (1980) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Pravda.
2. Batyushkov, K.N. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Compositions: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Delvig, A.A. (1986) *Sochineniya* [Works]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
4. Tyutchev, F.I. & Fet A.A. (1988) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Gippius, Z. (1991) *Zhivye litsa: Vospominaniya* [Living Persons: Memories]. Tbilisi: Merani.
6. Merezhkovskiy, D.S. (1993) *Voskresshie bogi (Leonardo da Vinci)* [The Resurrected Gods (Leonardo da Vinci)]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Nauka. (1983) *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arheologiya: ezhegodnik. 1981* [Monuments of culture. New discoveries. Writing. Art. Archeology: Yearbook. 1981]. Leningrad: Nauka.
8. Nekrasova, E.A. (1991) *A. Fet, I. Annenskiy: Tipologicheskiy aspekt opisaniya* [A. Fet, I. Annenskiy: a typological aspect of description]. Moscow: Nauka.
9. Annenskiy, I. (1990) *Stikhotvoreniya i tragedii* [Poems and tragedies]. Leningrad: Sovetskii pisatel'.
10. Blok, A. (1980–1983) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
11. Blok, A. (1971) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols]. Moscow: Pravda.
12. Kreyd, V. (1989) *Nikolay Gumilev v vospominaniyah sovremenников* [Nikolay Gumilev in the memoirs of his contemporaries]. Paris; New York; Dusseldorf: Tret'ya volna; Goluboy vsadnik.
13. Gumilev, N. (1991) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/54/12

Г.А. Жиличева

ФУНКЦИИ МЕТАЛЕПСИСОВ В РОМАНАХ ПОСТСИМВОЛИЗМА

Рассматриваются функции металепсиса – приема, демонстрирующего пересечение границы между реальностью героев и миром повествователя. Материалом для исследования служат романы Вс. Иванова, В. Катаева, Б. Пастернака. Доказывается, что семантический потенциал приема (самоутверждение авторского «я» у Вс. Иванова, исчезновение авторского «я» у В. Катаева, конвергенция сознаний автора и героя у Б. Пастернака) зависит от нарративной стратегии. Металепсис индексирует коммуникативные установки разного типа, существующие в литературе постсимволизма: провокацию, агитацию, откровение.

Ключевые слова: металепсис, нарратив, нарративная стратегия, Вс. Иванов, В. Катаев, Б. Пастернак.

Металепсис – одна из самых популярных категорий нарратологии, характеризующих систему повествовательных инстанций. Ж. Женетт определяет металепсис как прием, с помощью которого автор (а точнее, экстрадиегетический нарратор) вмешивается в ход повествования: «брать (излагать) с переменной уровня» [1. С. 244]. Следовательно, металепсис проблематизирует главную конвенцию эпического произведения – разграничение изображенного мира и мира автора, читателя: «Все эти игровые эффекты выявляют самой своей интенсивностью значимость того предела, который они переступают вопреки всякому правдоподобию и который и есть собственно сама наррация (или изображение): подвижная, но священная граница между двумя мирами – миром, где рассказывают, и миром, о котором рассказывают» [1. С. 245].

Описывая историю изучения понятия, введенного Ж. Женеттом, Дж. Пир приходит к выводу, что исследователи обращают внимание на три основных параметра металепсиса: иллюзия одновременности времени рассказа и времени рассказывания, трангрессивное слияние двух или более повествовательных уровней, дублирование оси нарратор/наррататор осью автор/читатель [2. Р. 191]¹. Эти характеристики подчеркивают роль металепсиса в организации двойного регистра наррации, соотношения изображаемой и изображающей коммуникации, а также позволяют использовать категорию в качестве инструмента анализа метапоэтики.

¹ «Essentially, metalepsis functions with varying dosages of three parameters: (a) illusion of contemporaneity between the time of the telling and the time of the told; (b) transgressive merging of two or more levels; (c) doubling of the narrator/narratee axis with the author/reader axis».

Метапроза основывается на сложном взаимодействии «творческого хронотопа» и повествуемой истории. Одной из особенностей данного феномена, по мнению М. Липовецкого, является «обнажение приема», переносящее акцент с изображения реальности на изображение процесса творчества [3]. В метапрозе элементы авторефлексии складываются в особую сюжетную структуру [4], но «точечные» металепсисы присутствуют и в нарративах другого типа. В. Зусева-Озкан, подробно освещая историю возникновения и черты поэтики метаромана, отмечает, что «... обращения к читателю, оценка конкретного персонажа, равно как и указание на отдельный авторский ход или сюжетный поворот, сами по себе не делают роман метароманом» [5. С. 35], а минимальные вкрапления голоса автора могут использоваться и в романах с «авторскими вторжениями».

На наш взгляд, область применения металепсисов в повествовании разнообразна, они не только указывают на метапоэтический характер произведения, но и характеризуют личность повествователя, его отношение к истории. Однако если виды металепсиса обстоятельно обсуждаются в научной литературе [6], то вопрос о функциях этого приема в смысловой сфере нарратива остается открытым.

В статье на материале романов постсимволизма рассмотрим несколько примеров функционирования одного из традиционных видов металепсиса – вмешательства в историю со стороны вышестоящей нарративной инстанции. Чаще всего «авторское вторжение» оформляется включением в повествование фрагментов, в которых речь ведется от первого лица и которые содержат комментарии, актуализирующие взаимопроникновение текстовой и внетекстовой реальностей.

Период постсимволизма проходит под знаком поиска новых форм воздействия на читателя². Преодоление эстетического кризиса выражается в том числе и в экспериментах в области представления авторской позиции, проводимых на разных эстетических, идеологических, pragматических основаниях. Кроме того, проблематизируются и способы представления в нарративе образа творящего субъекта, отношения между «я» и «не-я», «своим» и «чужим» словом. О.А. Мельничук полагает, что «одним из главных приемов формирования глобальных текстовых стратегий, позволяющих читателю понять авторские интенции <...> является организация повествовательных инстанций» [9. С. 295]. Поэтому интригу образует не только описание судьбы персонажей, но и «событие рассказывания», в том числе и взаимодействие нарраторов.

Разнообразие манифестаций «авторских вторжений» в романах постсимволизма объяснимо актуализацией разных типов нарративных стратегий. По определению В.И. Тюпы, нарративная стратегия – это общая характеристика нарратива, постулирование объекта, субъекта и адресата

² Термин «постсимволизм» был введен И.П. Смирновым [7] и получил теоретическое обоснование на материале русской литературы в работах В.И. Тюпы [8].

дискурса [10]. Металепсис, на наш взгляд, оказывается способом манифестиации коммуникативной интенции: провокации, агитации, откровения.

В произведениях, связанных с эстетическими принципами авангарда, «авторские вторжения» выполняют свою «естественную» функцию, выявленную Женеттом, – указывают на игровую природу дискурса.

В романе Вс. Иванова «У» (1934), например, повествование ведется и комментатором-составителем и рассказчиком. Более того, составитель часто называет себя в третьем лице («Составитель в перевранном виде приводит слова Стерна» [11. С. 134]) или употребляет слово «мы», которое выступает не только в качестве стандартной риторической формулы, но и обыгрывает множественность нарраторов. Показательно, что в первой фразе романа упоминается Цезарь: «Некоторые подумают, – что мы поступили подобно Ю. Цезарю» [Там же. С. 135]. При этом составитель является двойником Вс. Иванова, заимствует факты из его жизни, например рассказывает о рождении сына Вячеслава (причем рождение сына сравнивается с завершением романа).

П.Л. Шулык пишет об эволюции стиля писателя: «Вс. Иванов, кажется, не может никак выбрать из речи безличной <...> и речи, в которой “автор выдвигает себя в качестве рассказчика”, создавая иллюзию своего подлинного голоса, играя на тождестве автора и рассказчика-очевидца, но все-таки приходит к третьей, с помощью которой, по типу М. Зощенко, “маскирует лицо автора”» [12. С. 99].

Однако в романе «У» «авторские маски» находятся в своеобразном интеллектуальном противостоянии, «разбухание» повествующего «я» воплощается через конкуренцию разных ипостасей автора. Оба нарратора являются «ненадежными», т.е. не предоставляют читателю объективную информацию. Начинающий писатель Егор Егорыч пытается рассказать (в жанре романа) о событиях в доме № 42, где он совместно с доктором Андреининым проводит своеобразное расследование, но испытывает большие сложности с изложением событий. Составитель нарушает линейную логику наррации, помещая в начало романа примечания к несуществующим фрагментам, превращая паратекст в пародийный элемент. В соответствии с комической природой дискурса расщепление повествовательной инстанции, нарративная модальность мнения лишают дискурс иерархичности, задают игровой характер коммуникации с реципиентом.

Повествование романа «У» «запускается» с помощью предисловия и примечаний, представляющих собой указания на литературные и философские источники реплик персонажей. Далее появляются примечания к примечаниям («Ко всем страницам и предыдущим примечаниям», «Продолжение “Ко всем страницам и предыдущим примечаниям”»), в которых повествователь объясняет принципы написания своего текста и рассказывает об обстоятельствах его создания. Жизнь персонажей начинает описываться в разделе «Ко всем примечаниям, ссылкам и прочей ерунде», однако повествование «о Савелии Львовиче и его семействе» вновь соскальзывает в авторский монолог, превращаясь, таким образом, в очередной ком-

ментарий-предисловие: «Если в дальнейшем я ничего не упомяну о Савелии Львовиче <...> считайте вышесказанное за символ» [11. С. 143].

Увидев следующий заголовок («Простите, можно начать по существу?»), читатель ждет появления следующего предисловия, но здесь наконец в повествование вступает голос рассказчика-участника событий. В результате начало романа оказывается замаскированным с помощью цепочки «авторских вторжений», а изложение событий возникает как «ответ» на информацию примечаний.

«Определяющая функция паратекста – метатекстуальная, то есть он задает в кратком или развернутом виде программу чтения текста, его код», – отмечает С. Зенкин [13. С. 149]. Однако у Вс. Иванова паратекст не только становится частью сюжета, но и включает элементы литературной мистификации. Более того, повествователь сначала постулирует ценность примечаний, а потом заявляет, что они являлись обманом: «И вот, наконец, с грустью мы должны сознаться, что дальше в предлагаемой книге напрасно любители точности поищут, соответственно примечаниям, подходящих текстовых установок. ИХ НЕТ!» [11. С. 139].

Помимо серии паратекстовых авторских высказываний в романе используются и внутритекстовые металепсисы. При этом встречаются и оригинальные двойные структуры: авторефлексивные комментарии Егора Егорыча сопровождаются высказываниями составителя, и наоборот.

Рассказчик рассуждает о несовпадении темпа событий и темпа его повествования: «Читатель вправе, – если он судит поверхностно, – сетовать на повышенную медлительность моих воспоминаний <...> И я полагаю, что общее наше стремление к истине позволит мне выторговать у читателя необходимую мне медлительность» [Там же. С. 247]. Далее медитация прерывается пометкой составителя: «*От составителя:* Предыдущая глава составлена с великим трудом. В записках своих Егор Егорыч явно многое замалчивает – да что в записках, мало ли кто замалчивает темные дела свои! – но и разговоре с нами Егор Егорыч был скрытен и суров касательно переживаний, которые он испытал в предыдущей главе, отдельваясь преимущественно лирико-эпическими возгласами и прибаутками» [Там же. С. 248].

Характерно, что тема поиска истины, используемая рассказчиком как оправдание хронологических неувязок истории, заменяется в разговоре составителя с воображаемым читателем темой лжи: «...уж как-то слишком финит Егор Егорыч, как-то слишком увертыивается» [Там же. С. 249].

Принципом повествования Вс. Иванова является сосуществование различных версий реальности, объясняемая разбитым «магическим кристаллом»: «...в те дни, когда назревали события, описанные в “У”, и когда составитель расколол очки, грустно глядя на стекляшки, вспомнил “магический кристалл”» [Там же. С. 139–140]. Поэтому становится возможным и «обратный» металепсис, когда рассказчик отвечает на вмешательство автора.

«Извините меня, дорогой составитель, что я столь нагло прервал ваши размышления. Помимо того, что вы влезли в роман, присвоив себе самый от-

борный кусок, который я хотел приберечь для себя (мы с вами близки, но не до такой же степени), вы еще изводите нас порицаниями» [11. С. 317].

Как реакция на речь автора-составителя выглядят и заглавия частей романа, явно принадлежащие кругозору Егора Егорыча и выполняющие роль «вторжений рассказчика»: «Простите, можно начать по существу?», «Продолжаем беседу», «Беседа приближается к смыслу дела». Следовательно, переход между уровнями нарратива осуществляется в обе стороны: из мира нарратора в мир персонажей и из мира персонажей в мир повествования.

«Переизбыток» металепсисов в романе приводит к тому, что они становятся не только приемом демонстрации «литературного солипсизма», но и способом пародирования диалогических отношений автора, героя и читателя, лежащих в основе жанровой конвенции романа. Металепсис как способ «перехватывания» повествовательной инициативы акцентирует ситуацию конфликтной, акратической коммуникации. Деконструкция границы между повествовательными инстанциями обусловлена нарративной стратегией провокации.

В романах, реализующих установки соцреализма, диалоги нарратора с читателем – элемент регламентирования повествуемого мира. Они функционируют не как проявления свободы воображения, а как знаки «самоумаления» субъекта перед лицом нормы миропорядка.

Так, в романе В. Катаева «Время, вперед!» (1931–1932) единственный фрагмент «я-повествования» написан как прямая декларация о согласии нарратора с «линией партии». «Авторское вторжение» имеет форму отсроченного предисловия к книге (фрагмент, названный «Глава первая», помещается в предпоследнюю главу романа). Несмотря на имитацию игрового композиционного приема, повествователь появляется здесь для того, чтобы отказаться от авторства в традиционном смысле этого слова (т.е. от роли творца вымышленного мира). Он сообщает читателю, что является добросовестным хроникером, говорит только правду, и признается, что из всех описанных деталей великой ударной стройки выдумал только циркового слона. При этом высказывается предположение, что за время написания романа слон уже появился в действительности, был привезен в городок строителей и привлечен к выполнению агитационных задач. Заметим, что ирония в данном случае отменяется включением в кругозор реципиента нормативной установки: вымысел в логике соцреализма возможен, только если он совпадает с «развитием реальности» [14].

Цирковая тема «лишается» карнавальной амбивалентности, становится ступенью к трудовому экстазу. Характерно, что именно бригадир-ударник разъясняет жене идеологическое значение зверинца, привезенного на стройку: «И зачем это, Костичка, на таком ответственном строительстве зверинец делают? <...> Как это зачем? Для культурного препровождения <...> Наша партия и рабочий класс занимаются детьми тоже в первую очередь» [15. С. 296].

Закономерно, что буря разрушает цирк в момент кульминации сюжета – установления рекорда производства. Слон тащит на ноге бревно, к которо-

му был прикован в зверинце, словно тоже вовлечен в производственный процесс, останавливается напротив экскаватора («механического слона») и аллегорически уравнивается с ним. В свою очередь, трудовой акт-подвиг приобретает характер «правильного» агитационно-театрального зрелища: бетономешалка помещена на помост, по которому ходят, как по сцене («Он прошелся по новому настилу, как по эстраде» [15. С. 301]).

Литература соцреализма должна свидетельствовать о подвиге и сама нуждается в инстанции, подтверждающей его легитимность. «Авторское вторжение» представляет собой письмо спецкору РОСТА, участвующему в освещении тех же событий, и называется «Письмо автора этой хроники в г. Магнитогорск, Центральная гостиница, № 60, т. А. Смолян /, спецкору РОСТА». Стратегия агитации предполагает, что значение имеет только задокументированный или отраженный в печати факт.

Хроника событий в повествовании соотносится с хроникой событий на плакатах, вывешиваемых на стройке каждый день, информация о рекорде публикуется в центральных газетах и т.д. Даже помогающие «трудовой магии» сведения о способе увеличения производства бетона персонажи получают из статьи в газете «За индустриализацию!». Текст статьи приводится в романе целиком (со всеми расчетами и таблицами): руководящий дискурс подлежит только воспроизведению, его нельзя пересказать (изменить). Газетная хроника подтверждает реальность происходящего в романе, встраивая ее во внетекстовую действительность индустриализации.

Автор, который находится на «вершине» иерархии нарратива, обладает всей информацией о стройке, знает итог событий до того, как его узнали герои (в анализируемой главе подчеркивается, что героев и повествующее «я» разделяют семь дней). Однако автор не является конечной инстанцией, через него транслируется дискурс власти.

Тема надзора диктует композиционный прием анализируемой главы – в содержание посвящения-предисловия включается связка интриги – проверка качества бетона, произведенного героями. Кроме того, автор отказывается и от своего пространства (он находится в Париже) ради прозрения идеологической истины (и возвращения на родину):

Пусть ни одна мелочь, ни одна даже самая крошечная подробность наших неповторимых, героических дней первой пятилетки не будет забыта.

И разве бетономешалка системы Егера, на которой ударные бригады пролетарской молодежи ставили мировые рекорды, менее достойна сохраниться в памяти потомков, чем ржавый плуг гильотины, который видел я в одном из сумрачных казематов Консьержери? [Там же. С. 424].

Включением фактов, изложенных в романе, в ряд исторических событий декларируется реальность повествуемого и нивелируется значимость воображения. Характерно, что негативное значение символа (бетономешалка-гильотина) блокируется. Таким образом, металепсис превращается в

агитацию и самоагитацию, а отказ от личного мнения приводит к исчезновению местоимения «я» в последней главе романа.

В отличие от романов соцреалистической и авангардистской направленности в произведениях, актуализирующих поэтику неотрадиционализма, авторские вторжения становятся указанием на конвергентную природу повествования. В романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1957) используется принцип «двойной фокализации», повествователь и герой взаимодействуют не как отдельные субъекты диалога, но сливаются в единую повествовательную идентичность, в своеобразного сверхнarrатора.

Для многопланового изображения повествуемого мира недостаточно позиции «всеведущего повествователя», поэтому во многих ключевых композиционных участках текста нарратор лишен полноты знаний о событиях и внутренних мотивах героев, но обладает возможностью их интерпретации (отсюда характерные маркеры: «можно было подумать», «оказалось», «может быть»). Более того, в романе присутствуют многочисленные фрагменты, в которых внешняя фокализация уступает место внутренней, нарратор присоединяется к кругозору протагониста (отсюда случаи повествовательной интерференции точек зрения, обозначенной следующими маркерами: «здесь», «сейчас», «кругом», «виднелось», «слышалось»).

Несмотря на метароманную природу повествования, в тексте присутствуют лишь два «авторских вторжения», образующих своеобразную композиционную рамку для изложения событий жизни главного героя.

В начале повествования, в главе 3 содержится металепсис, обозначающий вхождение нарратора и читателя в пространство изображаемого мира:

... одно время в Москве можно было крикнуть извозчику “к Живаго!”, совершенно как “к черту на кулички!”, и он уносил вас на санках в тридцатое царство, в тридевятое государство. Тихий парк обступал вас. На свисающие ветви елей, осыпая с них иней, садились вороны <...>
Вдруг все это разлетелось [16. С. 16–17].

Употребление местоимения «vas» вместо обычного для авторских вторжений «я» указывает на подтекст фрагмента – исчезает не только «сказочный» локус Живаго, но и локус повествователя, а также втягиваемого в описываемый «кадр» читателя. Поэтому импульсом наррации становится восстановление утраченной («все разлетелось») целостности мира.

В finale сюжетной линии протагониста обнаруживается еще один «минимальный» металепсис, маркированный местоимением первого лица. Данный фрагмент – медитация, посвященная цветам, окружающим гроб Живаго:

Царство растений так легко себе представить ближайшим соседом царства смерти. Здесь, в зелени земли, между деревьями кладбищ, среди вышедших из гряд цветочных всходов сосредоточены, может быть, тайны превращения и загадки жизни, над которыми мы бьемся... [Там же. С. 369].

Важно, что нарратор выбирает не местоимение «я», а местоимение «мы», соотносимое и с автором, и с читателем (дается апелляция к воображению: «так легко себе представить»), и с героем. Данный металепсис устанавливает закономерную аналогию между композиционно маркированной рефлексией нарратора и всеми остальными фрагментами романа, написанными от первого лица (медитациями героя, варыкинскими дневниками, московскими заметками об урбанизме). «Конвергентное» взаимодействие объясняется особой позицией Живаго: он не только актант сюжета, но и лирический герой стихотворений из «tetради Живаго». Закономерно, что «я-повествование» относится не к авторскому плану, а, в большинстве случаев (кроме заметок Веденяпина), к обозначению смысловой сферы протагониста.

В рассуждении о царстве растений повествователь не только обнаруживает свое присутствие, но и, по сути, указывает на свое сходство с протагонистом, пытается осмыслить его идеи, становится его читателем и интерпретатором, т.е. в какой-то степени уступает ему роль творца.

Неожиданный переход от нарративного прошедшего к глаголам настоящего времени позволяет создать впечатление, что данный фрагмент – это внутренняя речь героя. Вспомним, что одна из важнейших медитаций Живаго (тоже с глаголами настоящего времени), данная в косвенной форме, содержала слово «мы» и была посвящена соотношению мира растений и истории:

Он снова думал, что историю, то, что называется ходом истории, он представляет себе не совсем так как принято, и ему она рисуется наподобие жизни растительного царства <...> Лес не передвигается <...> Мы всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы вечно растущую, вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю [Там же. С. 341].

Рефлексия «леса истории», в свою очередь встраивается в интертекстуальные отношения с «Макбетом» Шекспира, перевод которого Пастернак делал во время написания романа. С. Витт находит аналогии романа Пастернака с драматургией Шекспира именно в понимании леса как сцены для философских прозрений. «Лес <...> своего рода театральная сцена, на которой роман демонстрирует важные черты своей поэтики и философии искусства» [17. С. 175].

В размышлениях Живаго содержится как бы «обратное» воспроизведение ситуации движущегося леса. У Шекспира Макбет, живущий на холме, противопоставляет себя лесу, которому он отказывает в праве на «историчность», полагая ее исключительно своей прерогативой. Соответственно, он превратно понимает смысл пророчества и радуется тому, чего следует опасаться.

М а к б е т.

Но этого не может быть! Я рад.

Нельзя нанять деревья, как солдат.

Нельзя стволам скомандовать: вперед.

Пророчество мне духу придает.
 Цари, Макбет, покамест не полез
 На Дунсианский холм Бирнамский лес
 (Акт IV. Сцена I) [18. С. 644].

Предрекаемое призраком движение леса оттеняет косность субъекта. Макбет, добившийся власти и замкнутый в своей роли, символически мертв, а сбывшееся пророчество лишь подтверждает это.

Макбет.

«Спокоен будь, пока Бирнамский лес
 Не двинулся на Дунсиан». И что же?
 Какой-то лес идет на Дунсиан.
 К оружию, к оружию – и в поле!
 Коль скоро то, что он сказал, не ложь,
 Ни здесь, ни там спасенья не найдешь.
 Я жить устал, я этой жизнью сыт
 И зол на то, что свет еще стоит
 (Акт V. Сцена V) [Там же. С. 672].

Макбет мыслит себя центром, по воле которого вершится история, однако, как часто бывает у Шекспира, такое самоопределение оказывается самообманом, ловушкой, из которой герой уже не может выйти – в данном случае не может «отменить» военную хитрость своих противников, «двинувших» Бирнамский лес, или разрушить все надоевшее ему мироздание.

Юрий Андреевич, напротив, понимает важность того, что, независимо от исторических обстоятельств, «жизнь каждого существовала сама по себе», и именно она бессмертна. Поэтому даже в лиминальной сюжетной ситуации он размышляет об искусстве как о «счастье существования». Кроме того, Живаго, выбирая метафору леса, противопоставляет историю «Наполеонов, царей, Робеспьеров» истории как естественной целостности. Движение леса для протагониста не является угрозой, лес сочувствует ему.

Точно не просто поясною панорамою стояли, спинами к горизонту,
 окружные леса по буграм, но как бы *только что разместились на них,*
выйдя из-под земли для изъявления сочувствия [16. С. 339].

Образ сочувствующих растений, выходящих из земли, повторяется и в лирике Живаго. В стихотворении «На Страстной» лес и сад принимают участие в «крестном ходе»:

И лес раздет и непокрыт,
 И на Страстях Христовых,
 Как строй молящихся, *стоит*
 Толпой стволов сосновых.
 А в городе, на небольшом
 Пространстве, как на *ходке*,
 Деревья смотрят нагищом
 В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога [Там же. С. 388].

Солидарность повествователя и героя проявляется в проецировании ситуации на евангельскую историю. Гроб Христа стоял в саду, гроб Живаго окружен цветами. Повествователь замечает: «Вышедшего из гроба Иисуса Мария не узнала в первую минуту и приняла за идущего по погодству садовника (Она же, мнящи, яко вертоградарь есть...)» [Там же. С. 369].

Следовательно, металепсис и местоимение «мы» подчеркивает, что в нарративе актуализируется тождество «озарений», приходящих в разное время в разные сознания. Нарратив актуализирует стратегию откровения. Взаимодействие «я» и «он»-дискурса в «авторских вторжениях» отражает принцип композиционного строения всего романа: «завершающий» голос нарратора исчезает, а текст кончается словами умершего, но бессмертного героя.

Таким образом, в результате нашего исследования обнаруживается, что семантический потенциал металепсисов (самоутверждение авторского «я» у Вс. Иванова, исчезновение авторского «я» у В. Катаева, конвергенция сознаний автора и героя у Б. Пастернака) зависит от нарративной стратегии. Металепсис становится ярким способом презентации активности нарратора (нарратор-агитатор, нарратор-манипулятор, нарратор-вестник) и индексирует коммуникативные модели разного типа, синхронно сосуществующие в литературе постсимволизма.

Литература

1. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 60–280.
2. Pier J. Metalepsis // Handbook of Narratology. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2009. Р. 190–204.
3. Липовецкий М. Русский постмодернизм: (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
4. Абашева М.П. Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. 320 с.
5. Зусева-Озкан В.Б. Поэтика метаромана. М. : РГГУ, 2012. 232 с.
6. Фокин С.Л. Металепсис, или Новые приключения неуловимых фигур нарратологии: (Заметки по новейшей истории теории повествования) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 9, вып. 2. С. 32–38.
7. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М. : Наука, 1977. 204 с.
8. Тюпа В.И. Литература и ментальность. М. : Вест-Консалтинг, 2009. 276 с.
9. Мельничук О.А. Повествование от первого лица. Интерпретация текста: на материале современной франкоязычной литературы : дис. д-ра филол. наук. М., 2002. 323 с.
10. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 8–25.

11. Иванов Вс. Вяч. Возвращение Будды. Чудесные похождения портного Фокина. У / сост. и вступ. ст. Т.В. Ивановой. М. : Правда, 1991. 478 с.
12. Шулык П.Л. Группа «Серапионовы братья» в контексте литературной эпохи 20-х годов. Каминец-Подольский : Аксиома, 2009. 152 с.
13. Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 368 с.
14. Добренко Е. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 557 с.
15. Катаев В.П. Растратчики: повесть. Время, вперед!: роман-хроника. М. : ACT, 2004. 497 с.
16. Пастернак Б. Доктор Живаго / вступ. ст. Е.Б. Пастернака. М. : Кн. палата, 1989. 429 с.
17. Витт С. О пространстве леса в поэтике Пастернака // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Пастернака / под ред. В.В. Абашева. М. : Языки славянской культуры, 2008. С. 175–189.
18. Шекспир В. Трагедии / пер. с англ. Б. Пастернака. СПб. : Азбука-классика, 2008. 864 с.

ROLES OF METALEPSSES IN POST-SYMBOLIST NOVELS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 194–205. DOI: 10.17223/19986645/54/12

Galina A. Zhilicheva, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gali-zhilich@yandex.ru

Keywords: metalepsis, narrative, narrative strategy, Vsevolod Ivanov, Valentin Kataev, Boris Pasternak.

This article deals with the narrative functions of metalepsis (in Gerard Genette's terms), a device that shows a transgression of the boundaries between the reality of characters and the reality of a narrator. It is devoted to the analysis of the “I-narration” fragments of mostly third-person narrated texts (so-called ‘authorial intrusions’). The article suggests that the meanings of those fragments correlate with the concept of personality, worldview and narrative mode manifested in the work.

Post-symbolist authors are always in search of new ways to influence their readers. The authorial position becomes a field of experiment (said experiments having various ideological, aesthetic and pragmatic reasons) as a part of a general concept of ‘overcoming an aesthetic crisis’. The image of the creator represented in the narrative, relationships between the “I” and the “Other” (in Bakhtin’s terms, “one’s own words” and “alien words”) appear to be questioned. Therefore, the intrigue of a post-symbolist work is centered around not only the lives of the characters but also the ‘event of narration’ and, in particular, interactions between the narrators. Such interactions can be studied via the analysis of metalepsis due to it being one of the most popular narratological categories describing the system of narrative levels.

The research is based on the novels by Valentin Kataev, Konstantin Vaginov, and Boris Pasternak, which belong to different paradigms of literariness (socialist realism, avant-gardism and neotraditionalism). Authorial intrusions of the novels, which belong to avant-garde aesthetics, fulfill the “natural” role (as described by Genette) of representing the game nature of the discourse. Socialist-realistic novels tend to include dialogues between the reader and the narrator as part of regulation of the narrated world. Here, authorial intrusions do not manifest the freedom of imagination, instead showing self-debasement in the face of the world order. In neotraditionalistic novels, authorial intrusions are the signs of a convergent nature of the narrative. These novels feature “double focalisation”, a form of interaction between the narrator and the protagonist where they are no longer on the different sides of the dialogue but rather merge into a united narrative voice, a supernarrator.

The article concludes with a statement that the semantic potential of a metalepsis (Ivanov and the self-esteeming narration, Kataev and the disappearing authorial "I", Pasternak and the convergence of the author's and the protagonist's consciousness) depends on the chosen narrative strategy (configuration of subject, object and addressee of discourse). Metalepsis is described as a strong way of representing the narrator's actions. It indexes the three main communicative models of post-symbolist fiction: "provocation", "agitation", "revelation".

References

1. Genette, G. (1998) *Figury* [Figures]. In 2 vols. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
2. Pier, J. (2009) Metalepsis. In: Huhn, P., Pier, J., Schmid, W. & Schönert, J. (eds) *Handbook of Narratology*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
3. Lipovetsky, M. (1997) *Russkiy postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki)* [Russian postmodernism (Essays of historical poetics)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
4. Abasheva, M. (2001) *Literatura v poiskakh litsa (Russkaya proza kontsa XX veka: stanovlenie avtorskoy identichnosti)* [Literature in search of its face: Russian prose of the late 20th century: Establishment of the author's identity]. Perm: Perm State University.
5. Zuseva-Ozkan, V. (2012) *Poetika metaromana* [Poetics of the metanovel]. Moscow: RSUH.
6. Fokin, S. (2006). Metalepsis, or The new adventures of the elusive figures of narratology (Notes of the newest history of the narrative theory). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9 – Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 9.* 2. pp. 32–38. (In Russian).
7. Smirnov, I. (1977) *Khudozhestvennyy smysl i evolyutsiya poeticheskikh sistem* [The artistic semantics and the evolution of the poetic systems]. Moscow: Nauka.
8. Tyupa, V. (2009) *Literatura i mentalnost'* [Literature and Mentality]. Moscow: Vest-Konsalting.
9. Mel'nicuk, O. (2002) *Povestvovanie ot pervogo litsa, interpretatsiya teksta: Na matriiale sovremennoy frankoyazychnoy literatury* [First-person narrative. Text interpretation: a case study of modern French literature]. Philology Dr. Diss. Moscow.
10. Tyupa, V. (2011) The narrative strategy of the novel. *Novyy filologicheskiy vestnik – The New Philological Bulletin.* 3 (18). pp. 8–25. (In Russian).
11. Ivanov, Vs. (1991) *Vozvrashchenie Buddy. Chudesnye pokhozhdeniya portnogo Fokina. U* [The Return of the Buddha. The Amazing Adventures of Fokin the Taylor. U]. Moscow: Pravda.
12. Shulyk, P. (2009). *Gruppa "Serapionovy brat'ya" v kontekste literaturnoy epokhi 20-kh godov* [The Serapion Brothers in the context of the literature era of the '20s]. Kamianets-Podilskyi: Aksioma.
13. Zenkin, S. (2018) Teoriya literatury: problemy i rezul'taty [Theory of literature: problems and results]. Moscow: New Literary Observer.
14. Dobrenko, E. (1999) *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kul'tury* [Forming the Soviet writer. Social and aesthetic origins of the Soviet literary culture]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
15. Kataev, V. (2004). *Rastratchiki: povest'. Vremya, vpered!: roman-khronika* [The Embezzlers. Time, Forward!]. Moscow: AST.
16. Pasternak, B. (1989) *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow: Knizhnaya palata.
17. Witt, S. (2008) O prostranstve lesa v poetike Pasternaka [On the Space of the Forest in the Poetics of Boris Pasternak]. In: Abashev, V. (ed.) "Lyubov' prostranstva...": *Poetika mesta v tvorchestve Pasternaka* ["Love of the space . . .": Poetics of place in Pasternak's works]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Shakespeare, W. (2008) *Tragedii* [Tragedies]. Translated from English by B. Pasternak. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.1

DOI: 10.17223/19986645/54/13

Е.Л. Вартанова, С.С. Смирнов

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМАХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКИХ МЕДИА¹

Представлены результаты исследования, являющегося частью проекта «Разработка фундаментальных основ отечественной теории медиа в условиях трансформации общественных практик и цифровизации СМИ». Выявлены, уточнены и систематизированы основные проблемы, препятствующие сбору количественных данных, полно характеризующих текущее состояние отечественных медиа. В качестве кейса детально рассмотрены трудности изучения медиасистемы одного субъекта Федерации – Республики Башкортостан.

Ключевые слова: средство массовой информации, наименование, учредитель, лицензиат, организационно-правовая форма, финансовый показатель.

Введение

Концептуальный аппарат медиатеории, очевидно, не может развиваться и совершенствоваться изолированно от системного изучения реальной медиапрактики. В связи с этим на первом этапе масштабного проекта «Разработка фундаментальных основ отечественной теории медиа в условиях трансформации общественных практик и цифровизации СМИ» было принято решение провести самостоятельное пилотное исследование, нацеленное на сбор всех доступных статистических сведений о медиасистеме России. Основная цель заключалась в создании максимально полного, единого и системно обновляемого массива данных, при помощи которого в перспективе можно было бы анализировать динамику развития национальной медиасистемы по различным переменным показателям (в общей сложности можно выделить несколько десятков таковых).

Пилотное исследование под рабочим названием «Медиакарта России» до сих пор не имело полных аналогов. В его основу был положен прагматичный экономический подход к изучению медиа, изначально сложившийся за рубежом в 1960–1980-е гг. [1–3], а с 1990–2000-х гг. получивший признание и в России – как в научном сообществе [4–5], так и среди представителей власти и бизнеса [6–9]. На макроуровне в качестве объекта исследования в медиаэкономике рассматривается медиаиндустрия (отрасль) в целом, на микроуровне – отдельное медиапредприятие (фирма) как пер-

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01408).

вичный актор. И когда стоит задача собрать разнообразные точные сведения о некой совокупности медиа, в центре внимания неизбежно оказываются конкретные хозяйствующие субъекты (издатели, вещатели и др.), поскольку именно они обладают наибольшим количеством счетных характеристик.

Отечественные исследователи уже не раз обращали внимание на неоднозначность многих процессов и явлений, наблюдающихся в постсоветской медиасистеме [10], а также особо выделяли проблему спорной идентичности сложившейся в России медиаотрасли [11]. Отдельно изучались трудности в организации статистического учета российских медиапредприятий, а также более узкий вопрос их нормативной маркировки в рамках экономических классификаторов [12]. Недостаток точных и полных количественных данных в той или иной степени обнаруживался при исследовании отдельных сегментов российской медиасистемы – регионального телевидения [13] и местных газетных изданий [14. С. 5–19], а также при изучении взаимосвязи общего развития медиаиндустрии страны и ее макроэкономических показателей [15]. Наконец, были выявлены существенные диспропорции в развитии региональных медиасистем России [16. С. 4–14, 84–104] и зафиксирована их низкая экономическая транспарентность [17. С. 4–6].

Таким образом, имея общее представление о множестве объективных трудностей, потенциально связанных с проведением данной работы, исследовательский коллектив изначально поставил перед собой одну главную цель – эмпирическим путем четко определить и классифицировать сами проблемы, препятствующие масштабным количественным исследованиям российских медиа, и уже только во вторую очередь попытаться сформировать какую-либо релевантную базу данных. Выявление конкретных нерешенных (и нерешаемых) вопросов в области прикладных медиаисследований, в свою очередь, должно быть в дальнейшем учтено при обновлении теоретических положений и актуализации научной терминологии.

Методология исследования

Исходя из результатов имеющихся наработок, было решено ограничить выборку исследования только теми медиа, которые зарегистрированы в качестве средств массовой информации Роскомнадзором (РКН) в соответствии с Федеральным законом «О средствах массовой информации» (1991). Это объясняется тем, что численность официальных СМИ регулярно фиксируется в соответствующем общероссийском реестре (перечне РКН, что позволяет оперировать счетными показателями². Любые медиа

² Известно, что в реестре РКН встречаются разного рода «странныости»: например, информационная программа телеканала НТВ зарегистрирована в качестве четырех отдельных СМИ («Сегодня утром», «Сегодня днем», «Сегодня вечером» и «Сегодня в полночь»), а такое СМИ, как «ТВ-6 Москва», по-прежнему числится в реестре, хотя вещание телеканала было прекращено в 2002 г.

(как офлайновые, так и онлайновые), формально находящиеся вне действующего правового поля и компетенции отраслевого регулятора остались за рамками исследования³. Тем не менее сам спектр вопросов и в данном случае остался достаточно широким. В рамках «Медиакарты России» были поставлены задачи выявить:

- количество реально выходящих в свет СМИ;
- их актуальные наименования (бренды);
- тип СМИ, тематику, периодичность, язык и охват (тираж);
- учредителей СМИ и лицензиатов (при наличии);
- экономические характеристики медиапредприятий⁴.

Пилотное исследование проводилось весной – летом 2017 г. силами сотрудников кафедры теории и экономики СМИ факультета журналистики МГУ и студентов магистерской программы «Теория и экономика цифровых медиа». Принимая во внимание большой объем изучаемой совокупности материалов (в реестрах РКН по состоянию на 01.01.2017 содержалось более 80 000 наименований СМИ и почти 24 000 лицензий на телерадиовещание) [18], было принято решение сузить первоначальную выборку до медиасистем субъектов Российской Федерации, столицы которых являются городами с населением более 1 млн человек (за исключением Московского и Петербургского регионов, медиасистемы которых имеют много пересечений с федеральным уровнем). В итоге в выборку вошли 13 субъектов Федерации:

1. Республика Башкортостан (Уфа).
2. Республика Татарстан (Казань).
3. Волгоградская область (Волгоград).
4. Воронежская область (Воронеж).
5. Нижегородская область (Нижний Новгород).
6. Новосибирская область (Новосибирск).
7. Омская область (Омск).
8. Ростовская область (Ростов-на-Дону).
9. Самарская область (Самара).
10. Свердловская область (Екатеринбург).
11. Челябинская область (Челябинск).
12. Красноярский край (Красноярск).
13. Пермский край (Пермь).

Данные субъекты Федерации представляются вполне репрезентативными для задач исследования, поскольку все они (за исключением Воронежской области), согласно статистике Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) [19], относятся к крупнейшим региональным рекламным рынкам (табл. 1), а следовательно, имеют и наиболее мощные с экономической точки зрения медиасистемы.

³ Медиапредприятия, в принципе не имеющие СМИ (производители контента, рекламные агентства, телеком-операторы и пр.), в исследование также не входили.

⁴ Использовались данные официальной финансовой отчетности за 2016 г., доступной на момент проведения исследования.

Таблица 1

**Объем региональной рекламы в средствах ее распространения
в крупнейших городах в 2016 г. (без учета московского
и петербургского регионального рекламного рынка), млн руб.**

Регион (город)	ТВ	Радио	Пресса	Наружная реклама	Итого по 4 сегментам
Волгоград	197	94	109	309	709
Екатеринбург	883	285	576	827	2 571
Казань	569	218	758	661	2 206
Красноярск	414	199	217	604	1 434
Нижний Новгород	652	221	332	522	1 727
Новосибирск	710	240	657	947	2 554
Омск	353	129	126	416	1 024
Пермь	466	145	271	354	1 236
Ростов-на-Дону	415	164	124	466	1 169
Самара	575	174	396	558	1 703
Уфа	444	145	149	593	1 331
Челябинск	448	158	206	590	1 402
Итого по 12 городам	6 126	2 171	3 921	6 848	19 066

Источник: АКАР.

Работа над «Медиакартой России» была разделена на два ключевых этапа. На первом из них планировалось провести сплошной «ручной» поиск всех СМИ каждого региона по всем доступным открытым источникам (сайты пресс-служб / информационных управлений администраций областей, районов, городов; сайты региональных отделений Союза журналистов; сайты рекламных и PR-агентств, электронные справочники общего доступа, любые упоминания в публикациях). При этом сетевые партнеры (франчайзи) или местные приложения общенациональных (столичных) СМИ рассматривались бы как региональные, но просто доступные в регионе в чистом виде «московские» СМИ региональными бы не считались. Если же СМИ является межрегиональным, то его «прописка» определялась бы по исходному (первичному) региону деятельности.

Далее предполагалось составить предварительный перечень наименований (брэндов) СМИ региона с разделением по категориям – эфирные телеканалы, неэфирные телеканалы, радиостанции, газеты, журналы (альманахи, бюллетени), информационные агентства, онлайновые издания.

После этого планировалось осуществить сравнение фактически полученного перечня с официальными реестрами по региону, полученными по запросу от Управления разрешительной работы, контроля и надзора в сфере массовых коммуникаций РКН. При помощи реестров предполагалось уточнить ряд неочевидных параметров (формальное наименование СМИ, форма распространения, учредитель, лицензиат, их организационно-правовая форма, реквизиты свидетельства и лицензии, география распространения, типы лицензий на вещание, языки), а также произвести отсев незарегистрированных субъектов медиасистемы. Затем опять же из открытых источников собиралась бы дополнительная более детальная информация о каждом из окончательно отобранных СМИ (формат, тематика, периодичность, аудитория, руководитель, штат, контакты). Этап планировалось завершить формированием итогового верифицированного перечня СМИ региона и составлением сводной универсальной карты на каждое СМИ (табл. 2), в рамках которой объединялись бы сведения из всех источников.

Таблица 2
Универсальная карта СМИ (I этап)

Субъект Федерации (по местонахождению)	x	География распространения	x
Фактический тип СМИ	x	Заявленный тираж / технический охват / данные по аудитории	x
Бренд СМИ	x	Формат и полосность / технические платформы распространения сигнала	x
Периодичность / время вещания / график обновлений	x	Цена (подписка, розница, абонентская плата)	x
Официальное наименование СМИ (по реестру РКН), форма распространения	x	Общая тематика, языки распространения	x
Тип, номер и дата выдачи свидетельства о регистрации СМИ	x	Учредитель (и) СМИ (официальное наименование, ОПФ)	x
Номер, лицензии, среда вещания, тип деятельности и сроки выдачи	x	Лицензиат (официальное наименование, ОПФ)	x
Адрес редакции (юридический и фактический), контакты	x	Владелец (ы) учредителя (официальное наименование, ОПФ)	x
Сайт СМИ, наличие вещания на сайте	x	Владелец (ы) лицензиата (официальное наименование, ОПФ)	x
Состав редакции (количество сотрудников)	x	Руководители СМИ (главный редактор, генеральный директор)	x

На втором этапе исследования фокус внимания предполагалось переместить на юридические лица – учредителей СМИ и держателей лицензий на телерадиовещание. При помощи базы «Интегрум. Компании» (данные ГМЦ Росстата) [20] планировалось провести поиск всех установленных в рамках первого этапа хозяйствующих субъектов и сбор основных экономических параметров по каждому из них (состав собственников и их доли, показатели выручки, прочих операционных доходов, валовой прибыли,

чистой прибыли). На учредителей и (при наличии) лицензиатов каждого СМИ также составлялась бы своя сводная универсальная карта (табл. 3–4).

Таблица 3
Универсальная карта СМИ (II этап). Печатные издания, онлайновые издания, информагентства

Фактический тип СМИ	Бренд СМИ	Наименование СМИ по реестру	Учредитель СМИ	Учредители СМИ	Выручка учредителя СМИ	Прочие операционные доходы учредителя СМИ	Валовая прибыль учредителя СМИ / лицензиата	Чистая прибыль учредителя СМИ
x	x	x	x	x	x	x	x	x

Таблица 4
Универсальная карта СМИ (II этап). Телеканалы и радиоканалы

Фактический тип СМИ	Бренд СМИ	Наименование СМИ по реестру	Учредитель СМИ	Лицензиат	Учредители учредителя СМИ	Учредители лицензиата	Выручка учредителя СМИ/лицензиата	Прочие операционные доходы учредителя СМИ / лицензиата	Валовая прибыль учредителя СМИ / лицензиата	Чистая прибыль учредителя СМИ / лицензиата
x	x	x	x	x	x	x	x	x	x	x

Таким образом, в результате исследования должна была сложиться достаточно полная картина деятельности всех легально функционирующих СМИ в 13 ведущих региональных медиасистемах России, что уже дало бы основу для проведения количественного анализа и некоторых обобщающих выводов. Полученные данные в идеале планировалось программно обработать и сформировать первую версию электронной «Медиакарты России», в перспективе доступной широкому кругу заинтересованных пользователей, включая академическое сообщество, органы власти и представителей медиаиндустрии.

Результаты исследования (I этап)

С целью апробировать (и при необходимости скорректировать) разработанную методологию и инструментарий в качестве стартового единичного объекта исследования была выбрана медиасистема Башкортостана. Во-первых, на основании того, что данный субъект Российской Федерации просто формально стоит первым в списке (код региона – 02 согласно по-

рядку перечисления субъектов в Конституции РФ). Во-вторых, потому, что Башкортостан является национальной республикой, где официально используются три языка (русский, башкирский и татарский), что определяет и особое разнообразие региональных СМИ. В-третьих, по показателям экономического развития (ВРП) Башкортостан стабильно находится в ТОП-10 российских регионов, т.е. в республике имеются определенные ресурсы для рыночных механизмов развития медиасистемы.

Первый этап исследования в случае с Башкортостаном прошел относительно успешно. В ходе ручного поиска информации по открытым источникам и сравнения собранных сведений с официальными реестрами РКН удалось составить полный рабочий перечень СМИ республики (всего 557 зарегистрированных наименований) и сводные универсальные карты на каждое из них. В результате анализа основных количественных показателей был выявлен ряд интересных тенденций (рис. 1–6).

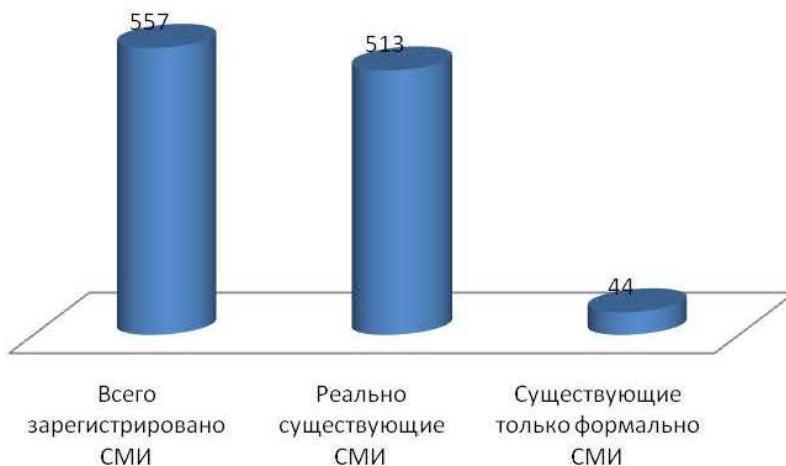

Рис. 1. Официальные СМИ Башкортостана в 2016 г.

Вопреки скептическим ожиданиям количество реально и формально существующих СМИ в Башкортостане оказалось сходным. Абсолютное большинство зарегистрированных СМИ республики выходят в свет (эфир), и только около 8% являются «призраками», существующими чисто юридически. Среди последних имеются все типы печатных и электронных СМИ. Не были выявлены и массовые расхождения между использующимися брендами СМИ и их официальными наименованиями в реестре РКН. Самая существенная проблема здесь заключается в том, что в реестре никак не фиксируется факт прекращения деятельности СМИ (как и факт полного отсутствия деятельности с момента регистрации), в силу чего однозначно установить реальность существования субъекта медиасистемы в любой момент без адресной проверки сведений по другим (прямым и косвенным) источникам не представляется возможным. При этом ни один

иной источник, к сожалению, также не дает стопроцентной гарантии точности информации.

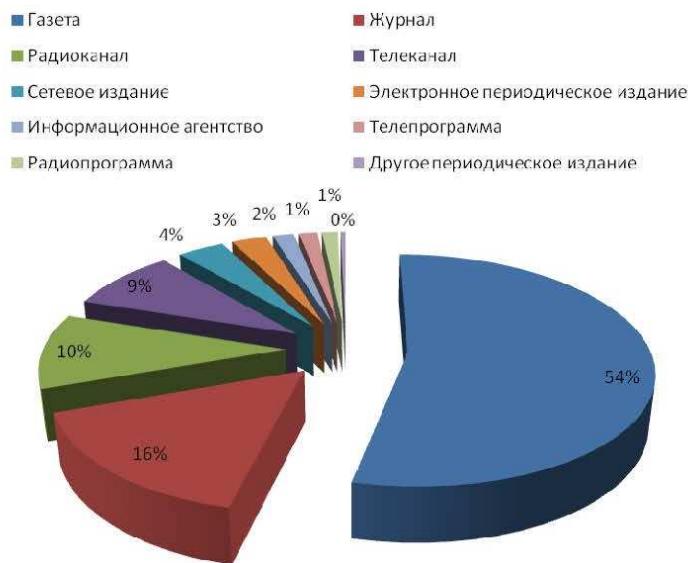

Рис. 2. Формы распространения официальных СМИ Башкортостана в 2016 г.

Количественный анализ форм распространения СМИ в республике выявил очевидное доминирование газет (более половины), что само по себе свидетельствует об инерционности региональной медиасистемы. При этом не вполне ясно, являются ли все газеты Башкортостана по-прежнему именно газетами (печатными изданиями) или уже превратились в онлайн-новые медиа (дополнительная регистрация в данном случае не требуется, равно как и при запуске онлайновой версии). Вероятность такого изменения, продиктованного объективными трендами развития медиарынка, довольно велика. Собственно в интернет-сегменте существует своя путаница: в реестре РКН одновременно используются два термина – «электронное периодическое издание» и «сетевое издание», т.е. онлайновое медиа может формально иметь либо одну, либо другую форму распространения, хотя разница между ними неясна. Подобное расхождение в терминах наблюдаются и в вещательном сегменте: здесь исторически сосуществуют пары «телеканал / телепрограмма» и «радиоканал / радиопрограмма», хотя в действительности речь может идти об одном и том же. Таким образом, формы распространения СМИ, юридически закрепленные реестром, не дают исчерпывающего представления о фактическом положении вещей, а скорее, напротив, искажают статистическую картину.

Языковое разнообразие медиасистемы в Башкортостане официально велико. Помимо русского, башкирского и татарского различными СМИ заявлены английский, марийский, чувашский, турецкий, немецкий, мор-

довский, удмуртский и др. Но в реестре РКН не фиксируется, какой именно объем контента отводится тому или иному языку. Другая проблема заключается в том, что отследить факты выхода контента СМИ на разных языках очень трудно (требуется постоянный мониторинг эфира, печатных номеров и интернет-ресурсов). В связи с этим указанные соотношения языков в республиканских СМИ можно рассматривать, скорее, как условные.

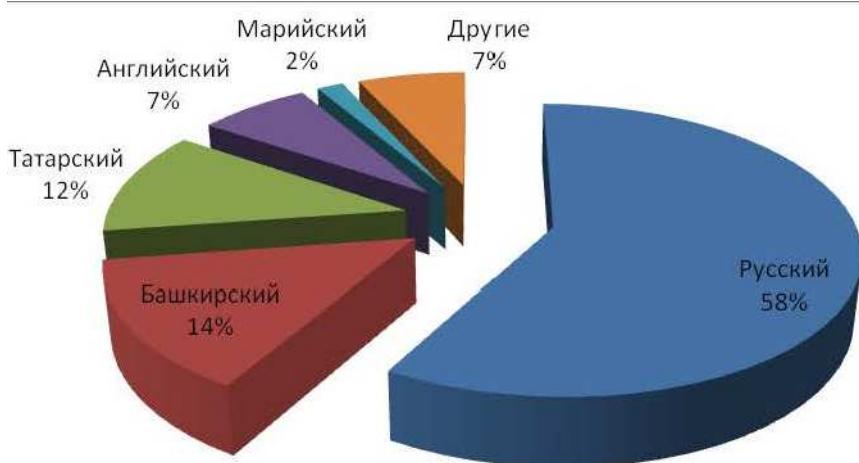

Рис. 3. Языки распространения официальных СМИ Башкортостана в 2016 г.

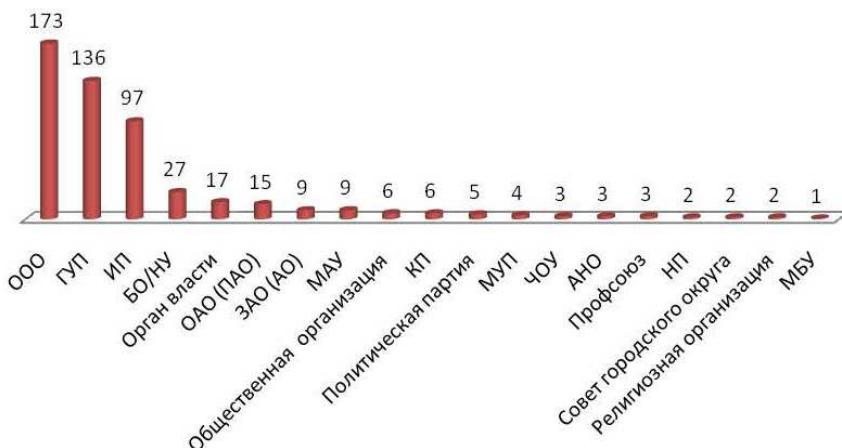

Рис. 4. Организационно-правовые формы учредителей СМИ Башкортостана в 2016 г.

Количественный анализ организационно-правовых форм учредителей СМИ Башкортостана выявил среди них весьма существенную долю бюд-

жетных (казенных) учреждений, так или иначе связанных с региональными или муниципальными властями (более 1/3). Но самым неожиданным результатом стала большая численность индивидуальных предпринимателей (почти 1/5). При этом в республике подтвердилась уже известная статистическая закономерность: общее число зарегистрированных СМИ не соответствует общему числу учредителей (557 против 520). Это объясняется тем, что в ряде случаев одна организация выступает учредителем сразу нескольких СМИ, а в ряде случаев одно СМИ имеет сразу несколько учредителей. Кроме того, официальные наименования СМИ и официальные наименования их учредителей зачастую не совпадают.

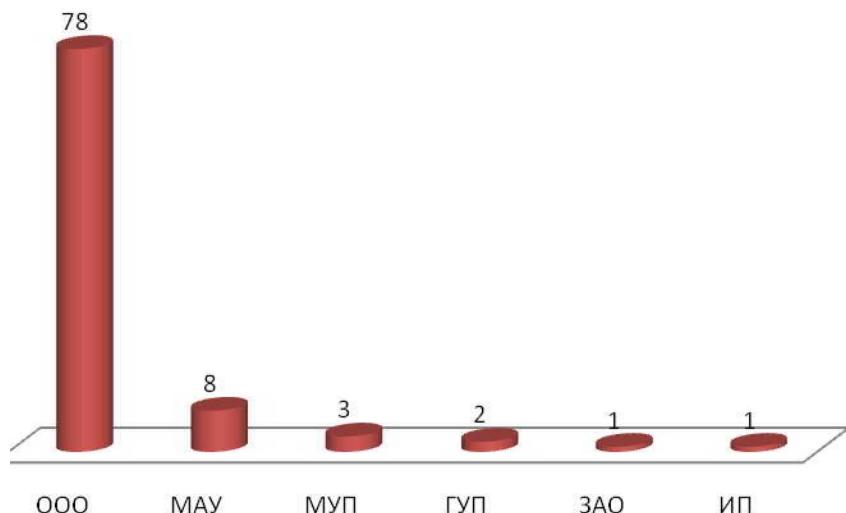

Рис. 5. Организационно-правовые формы лицензиатов (ТВ и РВ) Башкортостана в 2016 г.

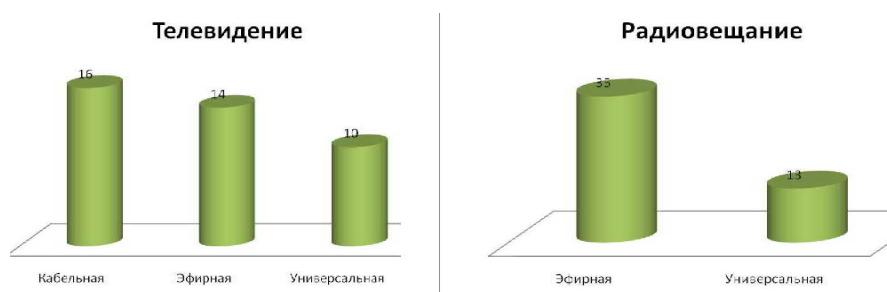

Рис. 6. Лицензии на вещание телеканалов и радиостанций Башкортостана в 2016 г.

Ситуация с держателями лицензий на вещание выглядит почти обратной – абсолютное большинство из них являются коммерческими организациями, а именно носят организационно-правовую форму ООО. На этом

основании можно сделать вывод, что государственные (поддерживаемые государством организации) Башкортостана в наименьшей степени вовлечены в деятельность электронных СМИ республики (особенно радио). В качестве лицензиатов чаще всего выступают те же организации, которые являются учредителями СМИ, что создает ту же асинхронность с наименованиями СМИ.

Соотношение типов выданных лицензий позволяет сделать вывод, что переход на мультиплатформенное вещание в Башкортостане формально еще не завершился. Традиционные эфирные и кабельные лицензии пока количественно доминируют над универсальными. Однако это не означает, что вещание в Интернете ведут только официальные обладатели универсальных лицензий, в связи с чем также возможна определенная статистическая неточность.

Результаты исследования (II этап)

Второй этап исследования, предполагающий изучение структурно-экономического аспекта деятельности СМИ региона, как и ожидалось, оказался более сложным (табл. 5–9). Первая и довольно специфическая проблема заключается в том, что номинальный учредитель СМИ (указанный в реестре РКН) не всегда является организацией, непосредственно ведущей хозяйственную деятельность данного СМИ (его выпуск), а делегирует эту функцию иной организации. При этом если первая организация зафиксирована и учтена регулятором, то вторая формально находится вне его поля зрения, поэтому найти и идентифицировать ее при помощи реестра невозможно.

Таблица 5

Пример расхождения номинального учредителя СМИ Башкортостана и реального хозяйствующего субъекта

Тип СМИ	Наименование СМИ	Регистрационный номер	Учредитель СМИ	Хозяйствующий субъект
Печатное СМИ, газета	Наше время Межгорье	ПИ №7-0818	Администрация г. Межгорье	МУП «Редакция газеты “Наше время Межгорье”»

Источники: РКН, Росстат.

Если же учредитель СМИ и хозяйствующий субъект очевидно совпадают, возникает спектр других проблем. По большому счету единственное, что удается выявить однозначно, – это имущественная принадлежность учредителей и лицензиатов (информация о собственниках вполне доступна в ГМЦ Росстата). Но с финансовой (бухгалтерской) отчетностью организаций, необходимой для понимания экономического положения СМИ, дело обстоит гораздо сложнее. Полный пробел, естественно, возникает в том случае, если учредителем является физическое лицо. Граждане России, не

зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, сами никогда не отчитываются перед органами государственной статистики о результатах своей экономической деятельности. В случае, если учредителем СМИ выступает общественная или религиозная организация, ситуация особо не меняется – формально такие хозяйствующие субъекты обязаны сдавать отчетность, но в действительности это зачастую не происходит.

Т а б л и ц а 6
Пример учреждения СМИ Башкортостана физическим лицом

Тип СМИ	Наименование СМИ	Регистрационный номер	Учредитель СМИ
Печатное СМИ, газета	Азбука Корана	ПИ № ФС77-27989	Тухватуллин Рустем Раулевич

Источник: РКН.

Т а б л и ц а 7
Пример учреждения СМИ Башкортостана общественной организацией

Тип СМИ	Наименование СМИ	Регистрационный номер	Учредитель СМИ
Печатное СМИ, газета	Ветеран содовой компании	ПИ № ТУ02-01498	Объединенная профсоюзная организация «Башкирская содовая компания»

Источник: РКН.

Массово игнорируют требование сдавать адекватную финансовую отчетность в Росстат и коммерческие организации, в особенности общества с ограниченной ответственностью: либо сведений нет в принципе, либо во всех строках Бухгалтерского баланса и Отчета о финансовых результатах (Отчета о прибылях и убытках) указывается «0». В последнем случае возникает обоснованное подозрение, что данные медиапредприятия существуют только «на бумаге». Официально ликвидированные юридические лица среди учредителей СМИ не встречаются (реестр РКН регулярно «чи-стится»), однако в базе регулятора остаются организации, не исключенные из ЕГРЮЛ, хотя и не ведущие какой-либо хозяйственной деятельности. Интерпретировать такой казус можно двояко: либо хозяйственную деятельность СМИ фактически ведут другие организации, либо СМИ тоже не существуют в реальности.

Но и в том случае, если организации своевременно сдают всю необходимую отчетность в органы статистики (т.е. условно соответствуют критерию прозрачности), понимание экономического положения СМИ складывается не всегда. Объективное затруднение возникает, когда одно юридическое лицо выступает учредителем сразу множества СМИ. В этом случае по отчетности просто невозможно установить, сколько приносит или во сколько обходится медиапредприятию отдельно взятое печатное / электронное медиа. Еще сложнее понять это, когда медиабизнес для учредителя СМИ вообще не является профильным. В такой ситуации экономиче-

ские результаты деятельности конкретного СМИ просто «растворяются» в общих финансовых показателях организации.

Таблица 8

Пример множественного учреждения СМИ Башкортостана одной организацией

Количество зарегистрированных СМИ	Учредитель СМИ	Финансовые показатели в 2016 г. (РСБУ, тыс. руб.)
126	ГУП Республики Башкортостан «Издательский дом «Республика Башкортостан»»	Выручка: 618 688 Прочие операционные доходы: 331 368 Валовая прибыль: 4 446 Чистая прибыль: 4 340

Источники: РКН, Росстат.

Таблица 9

Пример отчетности непрофильного учредителя СМИ Башкортостана

Наименование СМИ	Учредитель СМИ	Финансовые показатели в 2016 г. (РСБУ, тыс. руб.)
Металлург	ОАО «Белорецкий металлургический комбинат»	Выручка: 22 889 383 Прочие операционные доходы: 99 269 Валовая прибыль: 2 503 021 Чистая прибыль: 315 524

Источники: РКН, Росстат.

Заключение

Резюмируя, приходится признать, что попытка комплексного количественного изучения медиасистемы одного региона Российской Федерации убедительно продемонстрировала наличие на этом пути целого ряда пока еще непреодолимых препятствий. Отсутствие возможности собрать все искомые сведения и точно проверить их достоверность (если не де-юре, то де-факто) объективно лишает смысла продолжение работы по намеченной изначально выборке с тем же инструментарием. Отметим, что такой результат в целом был заранее спрогнозирован. Но, безусловно, обнаруженные нами сегодня барьеры не должны рассматриваться как константы, поскольку изменение внешних факторов (правовых, экономических, социальных) гипотетически может довольно быстро и радикально скорректировать ситуацию. В связи с этим представляется разумным периодически возвращаться к данному проекту и вновь тестировать возможности решения поставленных задач. Это объясняется тем, что адекватное развитие теории медиа неизбежно требует проведения регулярных эмпирических исследований. Медиасистема в условиях цифровизации меняется стремительно – возникают новые реалии, требующие своевременного расширения терминологии, и формируются новые тенденции, охарактеризовать которые в чисто кабинетном режиме не представляется возможным. И именно полевые исследования, использующие, прежде всего, количественные методы, становятся в современных условиях особо важными для верификации большинства научных гипотез.

Литература

1. *Smythe D.W.* On the Political Economy of Communications // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1960. № 37 (4). P. 563–572.
2. *Picard R.G.* Media Economics: Concepts and Issues. Newbury Park ; London ; New Delhi : Sage Publications, 1989. 136 p.
3. *Albaran A.B.* Media Economics: Understanding Markets, Industries and Concepts. Iowa : Iowa State Press. 1996. 256 p.
4. Гуревич С.М. Экономика отечественных СМИ. М. : Аспект-Пресс, 2004. 288 с.
5. Демина И.Н. Экономические аспекты деятельности масс-медиа. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. 176 с.
6. *Интернет в России в 2016 году: Состояние, тенденции и перспективы развития.* М. : ФАПМК, 2017. URL: <http://www.fapmc.ru/rospeschat/activities/reports/2017.html>
7. *Радиовещание в России в 2016 году: Состояние, тенденции и перспективы развития.* М. : ФАПМК, 2017. URL: <http://www.fapmc.ru/rospeschat/activities/reports/2017.html>
8. *Российская периодическая печать: Состояние, тенденции и перспективы развития.* М. : ФАПМК, 2017. URL: <http://www.fapmc.ru/rospeschat/activities/reports/2017.html>
9. *Телевидение в России в 2016 году: Состояние, тенденции и перспективы развития.* М. : ФАПМК, 2017. URL: <http://www.fapmc.ru/rospeschat/activities/reports/2017.html>
10. *Вартанова Е.Л.* Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М. : МедиаМир, 2014. 278 с.
11. *Иваницкий В.Л.* Модернизация журналистики: методологический этюд. М. : Изд-во МГУ, 2010. 360 с.
12. *Смирнов С.С.* Новый этап нормативного формирования идентичности российской медиаиндустрии // Медиаскоп. Электронный научный журнал ф-та журналистики МГУ. 2016. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/2095>
13. *Вырковский А.В., Макеенко М.И.* Региональное телевидение России на пороге цифровой эпохи. М. : МедиаМир, 2014. 144 с.
14. *Свитич Л.Г., Смирнова О.В., Ширяева А.А., Шкундин М.В.* Методологические предпосылки системного исследования городских газет // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 1. С. 5–19.
15. *Вартанов С.А.* Динамика развития медиаиндустрии России в 2000–2014 гг.: общие тренды и взаимосвязь с макроэкономическими показателями // Медиаскоп. 2015. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/1831>
16. *Кирия И.В., Довбыши О.С.* Региональные диспропорции в развитии медиасистем в России // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 3. С. 4–14; № 4. С. 84–104.
17. *Таиров А.Р.* Проблемы обеспечения прозрачности региональных рынков СМИ // Медиа. Информация. Коммуникация. 2014. № 9. С. 4–6.
18. Ассоциация коммуникационных агентств России. URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size
19. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr>
20. Интегрум. Компании. URL: <https://companies.integrum.ru>

ON THE CURRENT IMPORTANCE AND CHALLENGES OF QUANTITATIVE STUDIES OF RUSSIAN MEDIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 206–221. DOI: 10.17223/19986645/54/13

Elena L. Vartanova, Sergey S. Smirnov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: referent@smi.msu.ru / smirnov_s@rambler.ru

Keywords: media outlet, title, founder, license holder, form of business ownership, financial indicator.

This paper presents the results of a research, which is part of the project “Developing the Fundamentals of Russian Media Theory Under the Transformation of Social Practices and Mass Media Digitalization”. As the conceptual framework of media theory cannot develop and improve apart from a systemic study of actual media practices, it was decided to conduct an independent research aimed at collecting all available statistical data on the Russian media system. Being aware of the numerous objective difficulties potentially involved in this work, the team of researchers initially set a major goal to empirically determine and classify the challenges to large-scale quantitative studies of Russian media and only then try to establish a database.

Within the frames of the research “Russian Media Map”, it was intended to do the following: ascertain the number of actually existing mass media outlets, their actual brands, types, range of themes, periodicity, language and reach, their founders and license holders as well as the economic characteristics of media enterprises. The main method was an analysis of the official registers of two state bodies, Roskomnadzor and Rosstat. The media system of a large constituent entity of the Russian Federation, the Republic of Bashkortostan, was selected as a case for the pilot study. In the course of a detailed two-phase examination of mass media in the region, two major obstacles preventing the collection of statistical information were identified. The first basic problem is that it is impossible to find out the exact number of actually existing mass media outlets under the current accounting system. The second problem is related to the fact that the financial statements of media enterprises are not always complete and relevant.

The obtained results confirmed the suggestion that in contemporary Russia there is no possibility to collect all the required data on any sample of mass media and check their validity. However, the authors believe that the obstacles discovered in the course of the research should not be seen as constant because external changes can drastically improve the situation, so it seems reasonable to occasionally go back to the project to test the possibilities of solving the tasks at hand. This is explained by the fact that it is the studies involving quantitative methods that prove to be especially important for the verification of most scientific hypotheses.

References

1. Smythe, D.W. (1960) On the Political Economy of Communications. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 37 (4). pp. 563–572.
2. Picard, R.G. (1989) *Media Economics: Concepts and Issues*. Newbury Park; London; New Delhi: Sage Publications.
3. Albaran, A.B. (1996) *Media Economics: Understanding Markets, Industries and Concepts*. Iowa: Iowa State University Press.
4. Gurevich, S.M. (2004) *Ekonomika otechestvennykh SMI* [Economy of Russian media]. Moscow: Aspekt-Press.
5. Demina, I.N. (2003) *Ekonomicheskie aspekty deyatel'nosti mass-media* [Economic aspects of the mass media]. Irkutsk: Izd-vo BGUEP.
6. Federal Agency for Print and Mass Media. (2017) *Internet v Rossii v 2016 godu: Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Internet in Russia in 2016: Status, trends and development prospects]. Moscow: FAPMK. [Online] Available from: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2017.html>.
7. Federal Agency for Print and Mass Media. (2017) *Radioveshchanie v Rossii v 2016 godu: Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Radio broadcasting in Russia in 2016: Status, trends and development prospects]. Moscow: FAPMK. [Online] Available from: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2017.html>.
8. Federal Agency for Print and Mass Media. (2017) *Rossiyskaya periodicheskaya pechat': Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russian periodicals: Status, trends and development prospects]. Moscow: FAPMK. [Online] Available from: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2017.html>.

9. Federal Agency for Print and Mass Media. (2017) *Televideenie v Rossii v 2016 godu: Sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Television in Russia in 2016: Status, trends and development prospects]. Moscow: FAPMK. [Online] Available from: <http://www.fapmc.ru/rospechat/activities/reports/2017.html>.
10. Vartanova, E.L. (2014) *Postsovetskie transformatsii rossiyskikh SMI i zhurnalistiki* [Post-Soviet transformations of Russian media and journalism]. Moscow: MediaMir.
11. Ivanickiy, V.L. (2010) *Modernizatsiya zhurnalistiki: metodologicheskiy etyud* [Modernization of journalism: methodological essay]. Moscow: Moscow State University.
12. Smirnov, S.S. (2016) Identity of the Russian Media Industry: a New Stage of Its Normativ Formation. *Mediaskop – Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/node/2095>. (In Russian).
13. Vyrkovskiy, A.V. & Makeenko, M.I. (2014) *Regional'noe televideenie Rossii na poroge tsifrovoy epokhi* [Regional television of Russia on the threshold of the digital age]. Moscow: MediaMir.
14. Svitich, L.G., Smirnova, O.V., Shiryaeva, A.A. & Shkondin, M.V. (2015) Methodological premises of learning the system of city's newspapers. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 1. pp. 5–19. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(1).5-19
15. Vartanov, S.A. (2015) Dynamics of Russian Media Industry Development in 2000–2014: General Trends and Interrelations with Macroeconomic Indicators. *Mediaskop – Mediascope*. 3. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1831>. (In Russian).
16. Kiriya, I.V. & Dovbysh, O.S. (2014) Regional Disproportions in the Russian Media Systems Development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika – Moscow State University Bulletin. Series 10. Journalism*. 3. pp. 4–14; 4. pp. 84–104. (In Russian).
17. Tairov, A.R. (2014) Problems of transparency of regional mass media markets. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya – Media. Information. Communication*. 9. pp. 4–6.
18. Association of Communication Agencies of Russia. [Online] Available from: http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size. (In Russian).
19. Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications. [Online] Available from: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr>. (In Russian).
20. Integrum. (n.d.) *Kompanii* [Companies]. [Online] Available from: <https://companies.integrum.ru>.

УДК 070.4

DOI: 10.17223/19986645/54/14

Е.В. Перевалова

**БЛЕСК И НИЩЕТА «РУССКОГО ШЕФФИЛДА»:
«РАБОЧИЙ ВОПРОС» В ЦИКЛЕ ОЧЕРКОВ «СЕЛО ПАВЛОВО»
(«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ», 1872 г.)**

Исследуется цикл очерков «Село Павлово», напечатанный в 1872 г. в газете «Московские ведомости», издававшейся консервативным публицистом М.Н. Катковым. Выдвинуто и обосновано предположение, что автором данной публикации являлся писатель и публицист П.И. Мельников. Выявлено, что в очерках, которые стали одним из первых выступлений газеты по «рабочему вопросу», предлагались новые формы объединения работников для совместного производства в условиях зарождения в России капиталистических отношений. Сделан вывод, что основные положения очерков совпадали с программными заявлениями «Московских ведомостей» и отражали позицию газеты и ее издателя по «рабочему вопросу».

Ключевые слова: село Павлово, кустарное производство, ссудное и комиссиионерское товарищество, П.И. Мельников, «Московские ведомости», М.Н. Катков, «рабочий вопрос».

В 1870–1890-е гг. на фоне интенсивного развития капиталистических отношений, быстрого роста фабричного производства и значительных изменений в социальном составе населения России на страницах отечественной периодической печати одной из наиболее актуальных и активно дискутируемых тем стал «рабочий вопрос». Данным понятием в указанный период обозначался весьма многообразный и сложный комплекс проблем, связанных с формированием рынка свободного труда и положением низших рабочих сословий: появление пролетариата как нового социального слоя, условия его труда и быта, уровень жизни, правовое и политическое положение, различные формы объединения работников для совместного производства (артели, товарищества и т.п.), государственная политика в области регулирования отношений между предпринимателями и наемными работниками и т.д.

Большое торгово-промышленное село Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губернии – «русский Шеффилд»¹, как нередко называли его в прессе, население которого издавна занималось артельными кустарными промыслами – изготовлением металлических изделий, в указанный период привлекало пристальное внимание российских ученых, общественных деятелей и публицистов – сторонников разных политических взглядов и экономических теорий. Динамичные социально-политические и экономиче-

¹ Шеффилд – город в Англии, известный своим сталелитейным производством.

ские процессы в Павлове: сначала длительная тяжба павловцев с владельцем села графом Д.Н. Шереметевым и его наследниками, затем ожесточенное противоборство павловских торговых и промышленных кругов и их главных представителей – Н.П. Сорокина и Ф.М. Варыпаева – служили предметом оживленной полемики на протяжении нескольких десятилетий [1, 2]. В 1870-х и начале 1880-х гг. павловское противостояние, по образному выражению В.Г. Короленко, «отдавалось по всей России», а «газеты были полны описаниями павловской “классовой борьбы”, и павловские “вопросы” разделяли газетные лагери» [3. № 10. С. 107]. В 1870–1890-е гг. о Павлове неоднократно писали Н.Ф. Анненский, А. Штанге, А. Савельев, П.Д. Боборыкин и другие авторы [4–11], наиболее известными стали «Павловские очерки» В.Г. Короленко, опубликованные в 1890 г. в авторитетном либерально-народническом журнале «Русская мысль» [3].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать одну из неизученных публикаций о павловских кустарях, укладе их жизни и условиях труда – цикл очерков «Село Павлово», который стал одним из первых обстоятельных выступлений по «рабочему вопросу» газеты «Московские ведомости» – самого влиятельного консервативного издания 1860–1880-х гг. Их редактор-издатель – авторитетный публицист М.Н. Катков – являлся одним из главных идеологов консервативного лагеря и убежденно отстаивал умеренные социально-экономические преобразования на основе законодательных инициатив, источник которых он видел исключительно в самодержавной монархии – единственно приемлемой, с его точки зрения, формы правления в России. Цель статьи – проанализировать цикл очерков «Село Павлово», определить имя автора, выявить, насколько соотносились основные идеи очерков и предлагаемые в них меры улучшения экономического положения и условий труда павловских кустарных рабочих с программными заявлениями «Московских ведомостей» по «рабочему вопросу». Актуальность заявленной проблемы обусловлена усиливающимся в современной науке интересом к изучению консервативной прессы XIX в., а также необходимостью атрибуции публицистических выступлений «Московских ведомостей», значительная часть которых печаталась анонимно или подписывалась криптонимами, не предполагающими возможности отождествить их с тем или иным конкретным автором. Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности хранящегося в архивах НИОР РГБ и ранее не публиковавшегося письма П.И. Мельникова, обоснование авторства писателя в «Московских ведомостях».

Поводом для публикации очерков в «Московских ведомостях» послужил страшный, опустошительный пожар, случившийся в этом селе в ночь на 12 июня 1872 г. пламя, бушевавшее в течение шести часов, уничтожило почти половину Павлова: из полутора тысяч домов сгорело 515 (из них 50 каменных), из 800 сталеслесарных мастерских – 550, а также 115 каменных и деревянных торговых помещений на базарной площади, все склады железа, меди, стали и хлеба, три мыловаренных и один шорный завод [12].

К счастью, удалось перекрыть путь огню в нижнюю часть села, находящуюся за рекой Таркой, иначе размеры ущерба были бы еще больше. Значительная часть населения Павлова – около пяти тысяч человек – осталась без крова. «Я приехал в деревню и встречен был опустошением обширного промышленного села, имя Павлово, – сообщал 13 июня 1872 г. М.Н. Каткову писатель и публицист П.И. Мельников, проживавший в Нижнем Новгороде и приехавший в Павлово уже на следующий день после бедствия. – Из телеграмм Вы знаете главное. Прибавлю к этому ночь на нынешний день (холодную, ветреную), и до 5000, может быть, народа провела ее голодом под кровом неба. Сегодня сделано полицией распоряжение разместить погоревших по уцелевшим домам (остались лачужки, все лучшее сгорело). Много больных детей. А народ здесь живет от субботы до субботы, получая недельную заработную плату от скупщиков – скупщики же почти все погорели. Многие остались положительно в одних рубашках и без работы на долгое время – инструменты у всех сгорели. Ужасное положение» [13]. По свидетельству П.И. Мельникова, губернские земские власти, вместо того чтобы как можно более оперативно оказать помощь погорельцам, в первую очередь – скупить имевшийся на местных пристанях лес и быстро построить бараки, чтобы обеспечить лишившихся крова людей хотя бы временным жильем, ограничились лишь указанием выдать каждому пострадавшему домохозяину страховую премию в размере 150 рублей, но «вряд ли скоро выдадут – с горечью констатировал писатель, – формалистика свыше требуемой, а люди – болваны, а иные, пожалуй, и погорелому не прочь руку в карман запустить». П.И. Мельников, сам несколько лет прослуживший в Нижегородском губернском правлении и хорошо знакомый с нравами местного чиновничества, в письме к редактору влиятельной газеты подчеркивал глупость, нерасторопность и нерадивость служащих нижегородских канцелярий, занимавшихся ликвидацией последствий обрушившейся на жителей Павлова беды, и призывал его оказать содействие. «Проведите в передовой – об обязанностях земства в подобных случаях, – настойчиво писал П.И. Мельников М.Н. Каткову. – Напишите пожалуйста, научите дураков уму-разуму, да особенно дураков губернских. Они вас побаиваются и сделают все, чему Вы их научите» [Там же].

Спустя месяц в «Московских ведомостях» был опубликован цикл «Село Павлово», состоявший из пяти обширных очерков: первые два были напечатаны 17 и 18 июля 1872 г., третий и четвертый – спустя неделю, 25 и 26 июля, наконец, заключительный очерк появился 10 августа. С большой долей вероятности можно предположить, что автором этих очерков, подписанных лишь инициалами М.Е., являлся сам П.И. Мельников, который в приведенном выше письме М.Н. Каткову обещал «писать подробности» (правда, других его писем, адресованных редактору «Московских ведомостей», в которых бы упоминалось Павлово, не сохранилось). Для современников его авторство не подлежало сомнению. Так, В.Г. Короленко, рассказывая в своих «Павловских очерках» предысторию «павловского буханья», упоминал о «громовой статье» Мельникова в «Московских ве-

домостях» [3. № 10. С. 107–108], что, на наш взгляд, может служить вполне надежным свидетельством. В пользу авторства П.И. Мельникова говорит и тот факт, что писатель на протяжении многих лет был постоянным сотрудником изданий М.Н. Каткова. Во второй половине 1850-х гг. его повести и рассказы, опубликованные под псевдонимом «Андрей Печерский» в издаваемом М.Н. Катковым литературном и общественно-политическом журнале «Русский вестник»: «Поярков», «Дедушка Поликарп», «Старые годы», «Медвежий угол», «Непременный», «Именинный пирог» – сразу выдвинули Мельникова на одно из первых мест в литературе тех лет и прославили как одного из лучших «обличителей». «Я с Салтыковым по одной дорожке иду: что Щедрину, то и Печерскому», – с гордостью признавался в те годы П.И. Мельников [14. Т. 1. С. 188]. Его рассказы, в которых освещались негативные стороны в русской жизни, чаще всего – административно-чиновничий произвол, казнокрадство, взяточничество и т.п., а главными героями, как правило, были чиновники разных рангов, от мелких приказных, становых и исправников до высшего губернского начальства, очень высоко оценивались критикой. «Современник» Н.А. Некрасова причислял П.И. Мельникова к тем немногим литераторам, в творчестве которых органично сочетаются «значительный литературный талант с таким знанием дела и с таким энергетическим направлением», а его рассказ «Поярков» был назван Н.Г. Чернышевским «по художественному достоинству... одним из лучших произведений нашей литературы за настоящий год» [15. Т. 4. С. 736].

В 1866 г. П.И. Мельников, отказавшись от службы в Министерстве внутренних дел под руководством П.А. Валуева, переехал из Петербурга в Москву и стал одним из постоянных авторов «Московских ведомостей» и заведующим отделом внутренних известий газеты, причем свою службу у М.Н. Каткова он приравнивал к делу «государственному»: «Работать с Вами считаю за великую честь и на работу под Вашим руководством смотрю как на службу государственную, на которой могу принести больше пользы отечеству, чем состоя при Валуеве» [16. С. 31–33]. К сожалению, долго заведовать внутренним отделом «Московских ведомостей» писатель не смог: сказалось отсутствие привычки к каждодневному усидчивому труду, и ему вскоре пришлось отказаться от этой должности. Однако на протяжении многих лет он по-прежнему оставался одним из самых преданных и постоянных авторов «Русского вестника» и корреспондентом «Московских ведомостей». В частности, в «Русском вестнике» было опубликовано его самое известное произведение – дилогия «В лесах» и «На горах», которая благодаря широкому охвату действительности, глубокому осмыслению сущности важных общественных процессов и многостороннему их исследованию, значительному географическому и хронологическому диапазону действия, яркому, образному языку стала значительным явлением отечественного литературного процесса второй половины XIX в.

Напечатанные в «Московских ведомостях» очерки «Село Павлово» отличают столь свойственное всем художественным текстам П.И. Мельни-

кова детальное, во всех подробностях, описание занятий, обычаев, быта и труда местных жителей, глубокое проникновение в их тревоги и заботы, художественность изображения в сочетании с обличительным пафосом по адресу торговцев-перекупщиков и бюрократов-чиновников. В основе очерков лежали не только личные наблюдения автора, но и собранные и обобщенные свидетельства очевидцев, многочисленные статистические данные и другие факты, почерпнутые из ряда авторитетных источников, что также было характерно для творческой манеры П.И. Мельникова. Так, при написании очерков был использован обстоятельный труд секретаря Нижегородского губернского статистического комитета А.П. Смирнова «Павлово и Ворсма, известные стально-слесарным производством села Нижегородской губернии», изданный в 1864 г., книга профессора Санкт-Петербургского технологического института Н.Ф. Лабзина «Исследования промышленности: ножевой, замочной и металлических изделий в Горбатовском уезде Нижегородской губернии и в Муромском уезде Владимирской губернии», опубликованная в 1870 г., а также напечатанные в 1864 г. «Письма о путешествии цесаревича Николая Александровича по России» профессора Московского университета И.К. Баста.

Аргументом в пользу авторства П.И. Мельникова может служить упоминание в очерках о том, что их автору «случилось быть в Павлове 13 июня, т.е. на другой день после пожара» [17], что совпадает со временем пребывания писателя в селе. Можно отметить также некоторые текстуальные совпадения между очерками и письмом П.И. Мельникова М.Н. Каткову. Так, процитированное выше описание в письме бедственного положения, в котором оказались большинство пострадавших от пожара павловских мастеров и их семьи, почти дословно повторяется в тексте очерков: «До сих пор только двадцатая доля погоревших кустарей обеспечена работой; у прочих же нет ни места, где работать, ни инструментов, чем работать, ни одежды, во что одеться в холодные ночи, ни хлеба – чем накормить своих жен и малолетних детей... Положение ужасное!» [Там же]. Еще одним примером может служить то, как в письме П.И. Мельникова и в очерках определяются причины постигшей Павлово трагедии. В постскриптуме письма М.Н. Каткову писатель очень коротко, с телеграфной лаконичностью указывает: «10 числа было заговенье, народ был пьян, загорелось на постоялом дворе, что на акцизном языке значит кабак. Здесь пожарная команда отличная, но не было воды, а народ был либо пьян, либо бросился спасать свое. Все сгорело в продолжение 6 часов» [13]. В четвертой части очерков рассказывается о постигшем павловцев бедствии, однако по существу это лишь более подробное описание того, о чем уже известно из письма: после народных гуляний на заговенье в селе оставалось много посторонних, огонь вспыхнул в час ночи на постоялом дворе и сразу же перекинулся на расположенные рядом дома, а затем и на соседние улицы. Анализируя случившееся, автор отдает должное организации пожарного дела в Павлове: «...павловцы действуют на пожаре прекрасно», все село разделено на 123 пожарных десятка, в нем имеется от-

личная пожарная команда, и потому «крупных пожаров здесь не было с 1816 года», а в ночь на 12 июня «7 пожарных труб явилось сразу, а всего участвовало 25 пожарных труб» [17]. Однако скученность построек и сильный ветер с Оки способствовали быстрому распространению огня, а пожарные не смогли предотвратить возгорание все новых и новых построек, так как в резервуарах и других емкостях, рассредоточенных по всему селу на случай возгорания, отсутствовала вода. Организовать подвоз воды с реки также не удалось, так как павловцы, почти поголовно занятые слесарным производством, не держали скота, а хозяева сотни имевшихся в селе лошадей, люди, как правило, весьма зажиточные, в первую очередь стали вывозить на них собственное имущество, и даже когда явились подмога из соседних сел, «стали требовать вывозить свое добро». В качестве основных причин столь разрушительных последствий пожара автор очерков указывает, с одной стороны, овладевшую павловцами панику и несогласованность их действий, с другой – эгоистическое стремление состоятельных жителей села – торговцев-скупщиков – спасти свое собственное имущество. «Бедный класс потерял все: и дома, и инструменты, и одежду, а торговцы потеряли только дома, застрахованные по высокой цене. Капиталы и имущество их до последней мелочи спасены», – с негодованием резюмируется в очерке [Там же].

Все вышеперечисленное, как представляется, может служить убедительным доказательством того, что автором данной публикации в «Московских ведомостях» был именно П.И. Мельников. Благодаря его писательскому таланту, детальному знакомству с местным бытом и нравами, скрупулезному включению в текст многочисленных статистических данных очерки «Село Павлово» стали не только оперативным откликом на постигшую село трагедию, но явились едва ли не первым в качественной отечественной газетной периодике основательным исследованием состояния экономики и торговли села, сочетая при этом подробное описание каждогонедневных трудов его жителей, художественные детали, эмоционально-оценочные высказывания автора с весьма глубоким анализом социальной структуры Павлова, причин конфликтов между мелкими производителями и скупщиками-посредниками, рассмотрением мер, способных улучшить материальное положение павловских рабочих.

Рассмотрим подробнее содержание очерков. В первом из них изложена история возникновения стально-слесарного производства в Павлове, приведены подробные сведения о современном состоянии местной промышленности и торгового дела, о численности мастеров, занятых производством замков и других металлоизделий, о количестве продукции, приводятся скрупулезные расчеты себестоимости изготовления и т.п. Автор отмечает неоднородность хозяйственно-имущественного положения местных жителей, выделяя среди них состоятельных промышленников-фабрикантов, владельцев крупных сталеслесарных заводений – « заводов»: Ф.М. Варыпаева, А.И. Калякина, Ф.Ф. Воротилова и Банина, мелких производителей – хозяев небольших семейных мастерских, составлявших самую многочисленную группу населения Павлова, и торговцев-скупщиков,

которые занимались скупкой готовых изделий у мелких мастеров-производителей и поставкой им металлического сырья. При этом большая часть павловского производства – около девятнадцати двадцатых была сосредоточена в мелких мастерских и изготавливалось в домашних условиях: «Общая ценность выработки на фабриках не свыше 130–140 тысяч рублей, ценность слесарных изделий, изготовленных в Павлове и районе по домам, – 3 миллиона рублей. На долю Павлова приходится 1,5 миллиона рублей», – дотошно подсчитывается в очерках [12].

В отношении Мельникова к жителям села Павлова заметна существенная разница. С сочувствием он пишет о мелких промысловиках, рассказывает об их тяжелом труде (при этом, правда, не замечая, что и среди них, наряду с беднотой, которая жила «от скупки к скупке», от одной еженедельной выплаты до другой, встречались квалифицированные мастера, вполне материально обеспеченные и относительно независимые), отмечая, что изготовлением и обработкой изделий заняты не только мужчины, но также дети и женщины, которые «не умеют ни прядь, ни ткань, весь год за слесарной работой» [Там же]. Подчеркивается аскетичность быта павловцев, поголовно занятых изготовлением замков и ножей: в селе нет ни садов, ни огородов, жители не занимаются ни скотоводством, ни земледелием, почти все продовольственные товары приобретаются ими на рынке. Вот как, к примеру, описывается в очерках дом павловского мастера-кустаря: «Вы входите во двор – строение ветхое, почти все покривившееся набок. Дворик тесно застроен, на нем никакой живности, при доме ни деревца, ни кустика, при редком вы найдете две-три маленькие грядки со свеклой, морковью и луком. В доме на всем лежит отпечаток нищеты. Мужчины, женщины, дети с девятилетнего возраста – все за работой. Мастер стоит за верстаком без рубашки, женщины и дети в ситцевых рубашках наводят глянец на изделия. Работа в такой мастерской продолжается шесть дней в неделю от 16 до 18 часов в сутки. Больных всегда много, особенно лихорадкой. Разгоряченный за работой, вспотелый работник не всегда может удержаться, чтобы не освежить себя ковшом холодной воды – за это нередко и платит здоровьем» [Там же].

Публицист рисует перед читателем все подробности изготовления изделий, особое внимание уделяя самому тяжелому и наиболее вредному для здоровья работника процессу – лечению, т.е. обтачиванию поверхности готовых изделий кожей на камнях. Для удаления выделяющейся в ходе личения каменной пыли камни необходимо постоянно смачивать водой, однако павловские мастера, как правило, этого не делают, потому что обтачивание на мокрых камнях идет медленнее, что сокращает и без того скучные доходы: за неделю тяжелого труда павловский мастер вместе с семейством может выработать изделий на сумму не более 2 рублей 50 копеек. «Работа на сухих камнях убийственная вследствие отделяющейся от них пыли, – подводятся в очерке неутешительные итоги. – Ее вдыхают рабочие, и от того чахотка сделалась господствующей болезнью в Павлове и во всем павловском районе. В этом селе редкие мастера доживают до

45 лет. Старики бывают только в богатых семействах, лично не работающих, но таких семейств очень немного» [12]. Яркие картины «с натуры» подтверждались и дополнялись статистическими данными: о численности павловских кустарей, количестве и стоимости вырабатываемых ими изделий, преимущественно замков, ножей и т.п., что делало рассказ о тяготах и нуждах павловских рабочих еще более убедительным в глазах читателей: «Главный промысел на Павлове замки. Один мастер в неделю наготовляет в черне до 150 штук замков, другую неделю он отделяет их. <...> для отделки 150 замков нужно железа и меди на 1 рубль 45 копеек, угля на 50 копеек, за шлифовку замков на стороне мастер должен заплатить 90 копеек, всего 2 рубля 85 копеек. Полтораста замков он продаст за 5 рублей, остается заработку только 2 рубля 15 копеек. Столько же сработает его семейство» [Там же].

Не ограничиваясь описанием тяжкого труда павловских рабочих, Мельников пытается разобраться в причинах их нищенского положения, главной из которых считает их абсолютную зависимость от местных посредников-скупщиков. Эта весьма немногочисленная категория павловцев (по данным автора, их всего лишь 17 человек на все село) представлена в очерках как люди без чести и совести, притесняющие своих же односельчан, наживающиеся на их тяжелом труде и пользующиеся любой возможностью и любыми средствами, лишь бы увеличить свои доходы. Публицист кропотливо исследует механизм обогащения скупщиков, ни у одного из которых «нет ни фабрик, ни других промышленных заведений», но которые получают значительные доходы, скупая на местном рынке изделия по крайне низким оптовым ценам, а затем реализуя этот же товар на крупных ярмарках по значительно более высоким розничным. «В понедельник мастер выходит на базар, туда же являются и торговцы-скупщики (всего их 17 человек). Случись болезнь, случись мастеру не продать на базаре изделий – положение его делается ужасным, – пишет Мельников. – Если скупщики почему-то не взяли у мастера изделий, он может получить деньги у закладчика, но не более как в половину базарной цены, и притом на 2,5 или 3 процента в неделю, что составляет около 150 процентов годовых. Таким образом, мастера находятся в совершенной зависимости от скупщиков, которые держат в своих руках всю торговлю павловскими изделиями, скупая их на месте и распродавая по ярмаркам» [Там же]. В очерках приводятся примеры, когда некоторые павловские замки, по своему качеству не уступающие английским, зачастую продавались под видом «заграничной работы» за очень большие деньги, но при этом вся прибыль уходила в карманы скупщиков, а изготовители продолжали прозябать в нищете. «Уверяют, что было время, когда такие операции давали торговцам от 400 до 500 процентов выгоды», – резюмирует публицист [Там же].

Очеркист наглядно демонстрировал, что прибыль скупщиков складывается не только за счет весьма значительной разницы между оптовыми и розничными ценами на товар, но и благодаря использованию разного рода ухищрений и уловок, в результате которых всегда в убытке оказывались

производители изделий, тогда как сами скупщики получали дополнительные доходы. Он рассказывает об одном из самых распространенных приемов – когда скупщик большую часть расчетов с мастерами производит не наличными деньгами, а товарами из принадлежащих ему лавок и металлическим сырьем для работы на следующую неделю. В очерке даже приводилась сравнительная таблица цен на самые ходовые товары на базаре и в лавках скупщиков, и даже при беглом взгляде на представленные в ней цифры читателю становилось понятно, насколько выгоден подобный способ оплаты скупщикам и убыточен для мастеров, тем более что сырье сбывалось рабочим не только по завышенной цене, но часто и бракованное. «Он (скупщик. – Е.П.) продаст по вольной продаже за наличные деньги железо по 2 р. 20 к. и притом покупщик сам выбирает кусок, а покупая у мастера его изделия, ставит на счет ему в 2 р. 80 к. или 3 р., причем дает ему кусок без выбора. Таким образом сбывают весь брак. Сколько же они получают барыша при такой торговле?» – с негодованием писалось в очерке [12]. Отмечалось, что цены на продовольственные товары в лавках скупщиков не только значительно выше рыночных, но и сами товары, как правило, недоброкачественные: «Рабочий на базаре купил бы хорошей муки за 60 копеек, но он должен за 1 рубль или 1 рубль 10 копеек взять прогорклой, комьями слежавшейся муки, которую для печения хлеба толкуют в ступах, – возмущенно писал автор. – У иных скупщиков годами бывала и такая превосходная мука, что выпеченный из нее хлеб не ели даже свиньи, а мастера должны были его брать». В качестве наглядного примера, характеризующего нравы местных скупщиков, Мельников приводит трагикомический эпизод: «У одного из них (скупщиков. – Е.П.) был великолепный сибирский кот, любимец всей семьи и утеша владыки. Раз увидел этот домовладыка, что жена его кормит кота тухлой говядиной. “Что ты, дура, делаешь? – какой гадостью Ваську кормишь. Околеть может”. “Да уж сильно попортилась свежина-то, не бросать же ее”, – возразила жена. “Не пропадет, в понедельник сбудем, дай Васютке хорошенькой”, – ответил домовладыка» [Там же].

Властелинами судеб с иронией именуются в очерках торговцы-скупщики, от воли и настроения которых в буквальном смысле зависят здоровье и даже жизни тысяч жителей как самого Павлова, так и шестидесяти окрестных деревень и сел. Особо автор выделил фигуру Н.П. Сорокина – представителя торговой элиты Павлова, одного из лидеров «торговой партии» села. Крестьянин, разбогатевший в результате ряда удачных торговых операций, Н.П. Сорокин многие годы служил в мирском управлении села, а после реформы 1861 г. избирался уездным и губернским земским гласным, работал земским страховым агентом. Любопытно, что в характеристике, данной Сорокину Мельниковым, указания на его прирожденную ловкость, предприимчивость и коммерческую хитрость сочетались с намеками на политическую неблагонадежность и даже связь с революционными кругами: «Живо помним в Петербурге ловкого пролазу и большого говоруна, отмеченного природой (по 6 пальцев на руках), шмыгавшего по

департаментам. В одном кармане у него всегда доверенность от некоторых крестьян сыскивать с Шереметева по небывалым правам значительные суммы, в другом – листок “Колокола” и литографированный Бюхнер в русском переводе... Мы де люди развитые, образованные, даром что из крепостных» [18]. Безусловно, подобного рода характеристика могла быть продиктована исключительно стремлением публициста дискредитировать как самого Сорокина, так и торговые круги Павлова в целом.

Справедливости ради следует отметить, что Мельников был далек от огульного обвинения всех местных торговцев: он отмечал, что двое скupщиков из семнадцати – З.Н. Шмаков и И.Н. Емельянов – отличались честностью в расчетах с мастерами, в том числе всегда расплачивались за готовые изделия деньгами, а не натуральными продуктами, а после пожара пожертвовали значительные суммы в помощь пострадавшим и устроили в своих домах приюты для обездоленных. Однако это исключение лишь подчеркивало, по мнению публициста, хищническую сущность большей части павловских скupщиков, все действия которых направлены на достижение собственной выгоды. Заключительным «штрихом» к их характеристике стал следующий приведенный в очерках факт: уже 13 июня – на следующий день после постигшего Павлово страшного бедствия, когда большая часть погорельцев еще ютилась под открытым небом, на базарной площади села торговцы отстроили балаганы, так как 15–16 июня в селе должна была проходить большая ярмарка и они не хотели упустить доходы, которые им могла принести ярмарочная торговля. После ярмарки, 17 июня, эти же торговцы-скупщики попытались на волостном сходе учредить комиссию, чтобы обеспечить себе контроль за поступающими в пользование погорельцев пожертвованиями, пособиями и ссудами.

Если большинство павловских торговцев-скупщиков были представлены в очерках как бессовестные и бессердечные эксплуататоры, стремящиеся любыми способами нажиться на чужой беде, то владельцы фабрик, напротив, рисовались как весьма уважаемые люди, меценаты и благотворители. Так, лидер «промышленной партии» фабрикант Ф.М. Варыпаев характеризуется как человек, пользующийся значительной поддержкой среди простых мастеровых и «первый Павловский старшина, не принадлежащий к корпорации Павловской плутократии» [Там же]. Публицист «Московских ведомостей» не обнаружил серьезных социальных противоречий между мелкими промысловиками и владельцами крупного фабричного производства, полагая, что их объединенные усилия могут противостоять натиску торгового капитала, и потому возлагал большие надежды на состоятельных фабрикантов, которые, будучи независимы от посредничества павловских торговцев, способны возглавить борьбу со скupщиками. Он справедливо отметил, что на рынке изделия крупных предприятий и мелких производителей занимают разные ниши: дешевая, заурядная продукция, производимая в домашних мастерских, не могла составлять конкуренцию дорогому высококачественному фабричному производству: «Обычного соперничества между фабрикантами и кустарями в Павлово

нет ни малейшего, напротив, те и другие находятся в самых лучших взаимных отношениях. Это весьма редкое в промышленном мире явление. Это объясняется тем, что они не мешают друг другу, фабриканты делают товар изящный, кустари – для простонародья» [19]. Отсутствует конкуренция – следовательно, отсутствуют и враждебные настроения в среде мелких производителей по отношению к фабрикантам, а потому, как отмечалось в очерке, после пожара «ни один из нагих, голодных и лишившихся всего, кроме рук (которые, однако, без инструментов и без материалов ничего не значат), кустарей не помыслит зла ни на Варыпаева, ни на Калякина, ни на Воротилова, ни на Банина» [Там же]. Напротив, в очерках подчеркивается рост авторитета Ф.М. Варыпаева и его деятельное участие в восстановлении села и оказании быстрой помощи пострадавшим. Так, именно он взаимодействовал с Министерством финансов по оказанию помощи Павлову, благодаря его энергичным усилиям и по его инициативе было организовано снабжение погорельцев лесом, начат сбор денежных средств, организованы общественные мастерские, чтобы обеспечить зарплатком хотя бы часть погоревших мастеров, создан склад павловских изделий в Москве. «Желательно бы было, чтобы совместная работа в одном помещении довела павловских рабочих до артельной деятельности, – отмечает автор «Московских ведомостей». – Устройство общественных мастерских столь же необходимо в настоящее время, как и снабжение погорельцев хлебом» [17].

Очевидно, что в пробуждении общественной инициативы и в организации общественных мастерских Мельников видел одно из средств избавления мелких производителей Павлова от произвола скупщиков. Еще одним действенным средством он считал покупку и установку артельных паровых машин – для замены тяжелого ручного труда на механизированный, что не только изрядно ускорило бы процесс изготовления изделий, но и способствовало бы значительному снижению заболеваемости среди работников, а также избавило бы детей от изнурительного и непосильного труда. В очерках убедительно доказывалось, что с целью пресечения хищнического произвола торговцев-посредников в селе следует в первую очередь организовать ссудное и комиссионерское товарищество: благодаря первому мастера могли бы занимать деньги под небольшие проценты и под залог изготовленных изделий, что поставило бы их в меньшую зависимость от посредников и помогало бы пережить рыночные колебания цен на их продукцию, благодаря второму кустари получили бы возможность сбывать изготовленные ими замки и другие изделия на ярмарках, минуя скупщиков, что увеличило бы их заработки вдвое. По мнению автора, подобные учреждения должны возникать «по собственной инициативе народа и при собственных его средствах», однако после пожара подобное развитие событий в Павлове сделалось невозможным, а потому основным источником средств, необходимых для организации ссудного и комиссионерского товариществ, покупки паровых машин, а также для окончательных расчетов павловских крестьян с бывшими владельцами села по выкупным платежам

(к 1872 г. соглашение по выкупу еще не было заключено, а после пожара и вовсе могло быть отложено на неопределенный срок, кроме того, у жителей села накопилась значительная недоимка по оброку) должна была стать незамедлительная, «деятельная помошь со стороны правительства». «Необходимо, сколь возможно, скорейшее вспоможение павловцам... Помощь для поднятия кустарной промышленности нужна сейчас же... Каждый день отлагательств может принести вред», – решительно и энергично призывал Мельников. [19]. Можно предположить, что именно эту цель – подтолкнуть правительство к оказанию поддержки павловскому кустарному производству – и преследовал автор, описывая столь подробно и красочно бедственное положение жителей этого большого села в авторитетной газете, к мнению которой прислушивались многие влиятельные лица в правительстве. Как бы то ни было, эти надежды оправдались – в пятом очерке цикла, опубликованном спустя два месяца после пожара, с удовлетворением отмечалось, что «для Павлова сделано со стороны правительства все нужное для его восстановления после опустошения пожаром и для избавления бедных кустарей из-под тягостного гнета местных скупщиков» [20]. Уже к августу 1872 г. павловские погорельцы «получили 3000 рублей от императора, им отпущен лес по дешевой цене и с рассрочкой, выданы ссуды по 300 рублей на дом (в дополнение к страховой выдаче), казна дает 30 000 рублей на учреждение ссудного товарищества и 25 000 на учреждение товарищества комиссионерского» [21]. К сожалению, несмотря на принятые меры, предположению Мельникова, что «со временем <...> Павлово сделается одним из лучших городов» [17], не суждено было сбыться. Несмотря на то, что противоборство жителей села за свои права с представителями разных уровней власти, а затем – противостояние между промысловой и торговой элитой оказало весьма значительное влияние на общественную жизнь Павлова и гражданское сознание его населения, с течением времени интересы разных социальных групп павловцев все более расходились, и создать на базе павловского кустарного производства процветающий «русский Шеффилд» так и не удалось.

Публикация цикла очерков «Село Павлово» стала одной из самых наглядных иллюстраций к передовым статьям М.Н. Каткова по «рабочему вопросу» в 1870-е гг., в которых красной нитью проводилась мысль о необходимости введения строгого правового урегулирования в экономической сфере и установления «юридической равноправности рабочих перед хозяевами и строгой ответственности обеих сторон по заключенным между ними условиям» [22]. Катков отказывался признавать наличие в России «рабочего вопроса» в тех формах и проявлениях, в каких он существует в странах Западной Европы, с присущей им высокой конкуренцией на рынке вольнонаемного труда и весьма глубокими противоречиями между социальными слоями. По его мнению, в России отсутствовали предпосылки и почва для каких-либо осознанных революционных выступлений рабочих сословий: стачек, забастовок, демонстраций и т.п., но вместе с тем между хозяевами и работниками процветает «полное пренебрежение к взаимным

гражданским правам и обязанностям», результатом которого становятся «беззаконная кабала» и «полный произвол в отношениях к рабочим» [23]. Для улучшения положения рабочих сословий, полагал Катков, следует не «раздувать» «рабочий вопрос» в печати, а планомерно и систематически, в законодательном порядке решать указанные проблемы, и прежде всего – принимать законы, регулирующие отношения между рабочими и их работодателями и устанавливающие между ними «определенные договорные начала».

Развитие промыслов, подобных тем, о которых писалось в очерках «Село Павлово», редактор «Московских ведомостей» считал одной из эффективных мер для улучшения материального благосостояния рабочих сословий, особенно в тех местностях, где обработка земли не могла обеспечить достаточный уровень доходов населения. Он рассматривал рабочие артели как вполне естественную для России форму организации труда, «с которой повсеместно сжился наш народ <...> с которой издавна свыклились все классы общества» и которая представляла в его глазах «одно из могущественнейших средств к мирному разрешению рабочего вопроса» [23]. Вместе с тем Катков отнюдь не идеализировал подобные формы организации производства и весьма трезво оценивал характер взаимоотношений между членами рабочих артелей, полагая, что и они нуждаются в правовых механизмах регулирования. Эти положения нашли отражение в двух передовых статьях М.Н. Каткова в «Московских ведомостях» от 25 июля и 10 августа 1872 г., посвященных положению павловских рабочих после постигшего село несчастья. Редактор газеты в основном поддержал предложения П.И. Мельникова, за исключением обращенного к бывшим владельцам села призыва оказать «уступки для павловцев» при окончательных расчетах по выкупным платежам: Катков, который все прогрессивные преобразования на селе связывал в первую очередь с дворянским сословием, считал подобные уступки недопустимыми и настаивал на соблюдении интересов дворян-помещиков как на необходимом условии всех изменений в аграрной сфере. Он настоятельно советовал павловцам не рассчитывать на «снисходительность» бывших владельцев, «которые легко могут найти, что они уже достаточно сделали для своих крестьян», и рекомендовал вместо этого заручиться поддержкой со стороны Главного выкупного учреждения, чтобы обеспечить выкупную рассрочку и добиться выдачи добавочной ссуды для уплаты недоимок [24].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что анализ очерков «Село Павлово» позволяет конкретизировать программные заявления «Московских ведомостей» по «рабочему вопросу», а их содержание служит иллюстрацией к пропагандируемой в газете мысли о необходимости установления взаимовыгодных договорно-правовых начал в отношениях между работодателями и наемными работниками. В отличие от представителей нарождающейся народнической идеологии, которые видели в кустарных артелях своего рода «зародыш социалистических отношений», не имеющий ничего общего с капиталистическим хищничеством, «Московские ведомости» де-

монстрировали, что социальное неравенство глубоко проникло в среду кустарей и в ней процветает жесточайшая эксплуатация: скопщики-посредники обогащаются и наживаются, бессовестным образом обманывая мелких кустарей-производителей, которые живут в беспросветной нужде и нищете. Справедливо указывая на необходимость улучшения условий труда рабочих и введения правовых норм, регламентирующих отношения в сфере труда и капитала, газета также предлагала организацию общественных мастерских, создание ссудных и комиссионерских товариществ, подчеркивая, что подобные меры не только увеличили бы доходы рабочих и избавили их от произвола торговых посредников, но и способствовали бы пробуждению в рабочей среде инициативности и предпримчивости. Данные требования логично укладывались в рамки курса на «разумный консерватизм», провозглашенный издателем «Московских ведомостей» в качестве фундамента прогрессивного развития страны и понимавшийся им как «улучшение существующего», т.е. устранение недостатков существующего порядка вещей при сохранении всего позитивного, жизнеспособного, «всего того, что удовлетворительно» и что является «естественному развитием существующего» [25].

Литература

1. Верняев И.И. Реформа 1861 г. в торгово-промышленном селе: село Павлово Нижегородской губернии. Ч. 1 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 3. С. 16–41.
2. Верняев И.И. Реформа 1861 г. в торгово-промышленном селе: село Павлово Нижегородской губернии. Ч. 2 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 4. С. 3–31.
3. Короленко В.Г. Павловские очерки // Русская мысль. 1890. № 9. С. 14–49; № 10. С. 90–116; № 11. С. 105–193.
4. Боборыкин П.Д. Русский Шеффилд: (Очерки села Павлова) // Отечественные записки. 1877. № 1. С. 77–104; № 4. С. 345–394.
5. Анненский Н.Ф. Доклад по вопросу о положении кустарей Павловского района // Журналы XXVI очередного Нижегородского губернского собрания. 1890.
6. Штанге А. Как помочь кустарям замочникам Павловского района // Экономический журнал. 1889. № 7–8.
7. Савельев А. Павловские кустари // Волжский вестник. 1889. № 255–257.
8. А.С. О Павловском районе // Экономический журнал. 1893. № 4.
9. О павловских кустарях // Экономический журнал. 1881. № 3, 4.
10. Нужды кустарей Павловского района // Северный вестник. 1891. № 11.
11. Сорокин Н.П. Автобиография крестьянина села Павлово Нижегородской губернии Николая Петровича Сорокина (начало) // Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический. 1885. № 1. С. 82–104; № 2. С. 51–76.
12. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 17 июля. № 180.
13. Мельников П.И. Письмо М.Н. Каткову. Село Павлово. 13 июня 1872 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 6. Ед. хр. 50.
14. Усов П. П.И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. СПб., 1897.
15. Чернышевский Н.Г. «Поярков» Г. А. Печерского // Полное собрание сочинений : в 15 т. М., 1939–1953.
16. Мельников П.И. Письма М.Н Каткову. Санкт-Петербург. 25 июня 1866 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 41. Ед. хр. 2.

17. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 26 июля. № 187.
18. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 25 июля. № 186.
19. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 18 июля. № 181.
20. М.Е. Село Павлово // Московские ведомости. 1872. 10 авг. № 201.
21. Передовая статья // Московские ведомости. 1872. 10 авг. № 201.
22. Передовая статья // Московские ведомости. 1871. 11 марта. № 53.
23. Передовая статья // Московские ведомости. 1870. 8 июля. № 146.
24. Передовая статья // Московские ведомости. 1872. 25 июля. № 186.
25. Передовая статья // Московские ведомости. 1863. 24 июня. № 137.

GLOSS AND POVERTY OF THE “RUSSIAN SHEFFIELD”: THE “WORKER QUESTION” IN THE CYCLE OF ESSAYS “PAVLOVO VILLAGE” (*MOSKOVSKIE VEDOMOSTI*, 1872)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 222–237. DOI: 10.17223/19986645/54/14

Elena V. Perevalova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

Keywords: Pavlovo village, handicraft work, loan and broker associations, Pavel Melnikov, *Moskovskie Vedomosti*, Mikhail Katkov, “the worker question”.

The article investigates the cycle of essays “Pavlovo Village”, published in 1872 in *Moskovskie Vedomosti*, the most influential conservative newspaper of the 1860s–1880s, published by the authoritative publicist Mikhail Katkov.

The aim of the article is to analyze the essays, to determine the name of their author, to identify how the main ideas of the essays correlated with the proposed measures to improve the economic situation and working conditions of Pavlovsk artisan workers, with the program statements of *Moskovskie Vedomosti* on the “worker question”. The urgency of the stated problem is due to the growing interest in modern science in the study of the conservative press of the 19th century, as well as to the need to attribute the journalistic speeches of *Moskovskie Vedomosti*, a significant part of which was published anonymously. The scientific novelty of the research consists in the introduction into the scientific use of new, previously unexplored material, in particular, a previously unpublished letter by Pavel Melnikov, stored in the Archive of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library, and the justification of the writer’s authorship in *Moskovskie Vedomosti*.

An assumption that the author of this publication was the writer and publicist Melnikov was made and substantiated. The long-term cooperation of Melnikov with Katkov, textual similarities between the essays and the writer’s letter to the editor of *Moskovskie Vedomosti* and a number of other facts given in the article support this assumption.

The essays published in *Moskovskie Vedomosti* contained a detailed description of the way of life and working conditions of Pavlovo artisans – residents of a large commercial village Pavlovo of Nizhny Novgorod Province, which was long engaged in artisan crafts manufacture of metal products. It is revealed that the essays, which became one of the first performances of the newspaper on the “worker question”, proposed a new form of workers’ associations for joint production in the conditions of the emerging capitalist relations in Russia, namely, organization of public workshops, creation of loan and broker partnerships, which, in the author’s opinion, could not only improve the working conditions and increase the incomes of the workers-craftsmen, but also contribute to better initiative and entrepreneurial skills among them.

It is concluded that the main provisions of the essays coincided with the policy statements of *Moskovskie Vedomosti* and reflected the position of the newspaper and its publisher on the “worker question”, the essence of which was in the requirement to systematically and legally establish “contractual principles” in the relations between employers and workers.

References

1. Vernyaev, I.I. (2012) The reform of 1861 in the trade and handicraft village: Pavlovo of Nizhny Novgorod province (Part I). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorya – Vestnik St. Petersburg University. Ser. 2. 3.* pp. 16–41. (In Russian).
2. Vernyaev, I.I. (2012) The reform of 1861 in the trade and handicraft village: Pavlovo of Nizhny Novgorod province (Part II). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istorya – Vestnik St. Petersburg University. Ser. 2. 4.* pp. 3–31.
3. Korolenko, V.G. (1890) Pavlovskie ocherki [Pavlovo essays]. *Russkaya mysl'.* 9. pp. 14–49; 10. pp. 90–116; 11. pp. 105–193.
4. Boborykin, P.D. (1877) Russkiy Sheffield: (Ocherki sela Pavlova) [The Russian Sheffield: (Essays on the village Pavlovo)]. *Otechestvennye zapiski.* 1. pp. 77–104; 4. pp. 345–394.
5. Annenskiy, N.F. (1890) Doklad po voprosu o polozhenii kustarey Pavlovskogo rayona [Report on the situation of artisans of Pavlovo area]. *Zhurnaly XXVI ocherednogo Nizhegorodskogo gubernskogo sobraniya.*
6. Shtange, A. (1889) Kak pomoch' kustaryam zamochnikam Pavlovskogo rayona [How to help artisans producing locks in Pavlovo area]. *Ekonomicheskiy zhurnal.* 7–8.
7. Savel'ev, A. (1889) Pavlovskie kustari [Pavlovo artisans]. *Volzhskiy vestnik.* 255–257.
8. A.S. (1893) O Pavlovskom rayone [On Pavlovo area]. *Ekonomicheskiy zhurnal.* 4.
9. Ekonomicheskiy zhurnal. (1881) O pavlovskikh kustaryakh [On Pavlovo artisans]. *Ekonomicheskiy zhurnal.* 13, 4.
10. Severnyy vestnik. (1891) Nuzhdy kustarey Pavlovskogo rayona [The needs of the artisans of Pavlovo area]. *Severnyy vestnik.* 11.
11. Sorokin, N.P. (1885) Avtobiografiya krest'yanina sela Pavlova Nizhegorodskoy gubernii Nikolaya Petrovicha Sorokina (nachalo) [The autobiography of Nikolai Petrovich Sorokin, a peasant from the village Pavlovo of Nizhny Novgorod Province (beginning)]. *Severnyy vestnik. Zhurnal literaturno-nauchnyy i politicheskiy.* 1. pp. 82–104; 2. pp. 51–76.
12. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti.* 17 July. 180.
13. Archive of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Box 6. Item 50. Mel'nikov, P.I. (1872) *Pis'mo M.N. Katkovu. Selo Pavlovo. 13 iyunya 1872 g.* [Letter to M.N. Katkov. The village Pavlovo. June 13, 1872].
14. Usov, P. (1897) P.I. Mel'nikov, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' [P.I. Melnikov, his life and literary activity]. In: Mel'nikov, P.I. (Andrey Pecherskiy). *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. St. Petersburg: Izd. M.O. Vol'fa.
15. Chernyshevskiy, N.G. (1939–1953) “Poyarkov” g. A. Pecherskogo [“Poyarkov” by A. Pecherskiy]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete works: in 15 vols]. Moscow: Goslitzdat.
16. Archive of the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 120. Box 41. Item 2. Mel'nikov, P.I. (1866) *Pis'ma M.N. Katkovu. Sankt-Peterburg. 25 iyunya 1866 g.* [Letters to M.N. Katkov. St. Petersburg. June 25, 1866].
17. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti.* 26 July. 187.
18. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti.* 25 July. 186.
19. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti.* 18 July. 181.
20. M.E. (1872) Selo Pavlovo [The village Pavlovo]. *Moskovskie vedomosti.* 10 August. 201.
21. Moskovskie vedomosti. (1872) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti.* 10 August. 201.
22. Moskovskie vedomosti. (1871) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti.* 11 March. 53.
23. Moskovskie vedomosti. (1870) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti.* 8 July. 146.
24. Moskovskie vedomosti. (1872) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti.* 25 July. 186.
25. Moskovskie vedomosti. (1863) Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie vedomosti.* 24 June. 137.

УДК 070

DOI: 10.17223/19986645/54/15

В.А. Сидоров

ЦЕННОСТИ МИНУВШЕГО В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ 100-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анализируются тенденции в освещении 100-летия Октябрьской революции в массмедиа. Рассматривается роль коммуникативной памяти в передаче смыслов исторического события из прошлого в настоящее. Выделяется значение журналистики как субъекта коммуникативной памяти и ее носителей – СМИ – на примере газет разной политической ориентации, анализ которых выявляет приоритеты коммуникативной памяти в зависимости от учредителя издания. В основе исследования – методология ценностного анализа медиа.

Ключевые слова: журналистика, медиадискурс, коммуникативная память, картина мира, ценностный анализ, «отнесение к ценности».

1. Журналистика как оживляющая память

Личность созидается памятью. Память формирует общество. Есть людская – коллективная – память, и есть память человека – индивидуальная. Она сохраняет облик минувшего, но если видит в нем негативное содержание, – тогда меняются образ минувшего, иерархия и ценностные смыслы суждений прошлого и о прошлом, но сама память не уходит, просто она избирательна и всегда актуализирована. Еще Ю.М. Лотман отмечал «законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе» [1. С. 615]. Не потому ли мы от предков унаследовали, что человек без памяти достоин презрения – его называют «беспамятным», «Иваном, не помнящим своего рода», а по версии Чингиза Айтматова, манкуром – потерявшим или насильно лишенным памяти своего народа и взамен получившим чужеземное восприятие мира, чаще всего некое суррогатное – ни свое, ни чужое. Народ без памяти разрушается, гибнет, перелицовывается на чуждый манер, начиная с языка, потому что «разные языки подразумевают разный характер памяти», а еще – «без общей памяти невозможно иметь общий язык» [2. С. 616]. Память человека – индивидуальная и коллективная – имеет историческую природу, социально обусловлена, поэтому социальная память имеет для нас особое значение, представляя собой «систему хранения, переработки и передачи социально значимой информации, необходимой для функционирования общества... Социальная память – основа и условие существования индивидуальной памяти» [3. С. 410–411].

Жизнь – это память, а искажение памяти – шаг в небытие. «Нельзя изменить фактическую вещную сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена...» – пишет М.М. Бахтин и выделяет «роль памяти в этом вечном преображении прошлого» [4. Т. 5. С. 9]. В контексте высказывания философа и мы отметим, что журналистика представляет собой живую, преображающую память социума, день за днем фиксируя события, факты, мнения. «Историками своего времени» некогда называл журналистов А.Н. Радищев. Но журналистика не только летописание. Она подобна памяти каждого живущего, на свой манер оживляет для аудитории картины давнего и недавнего прошлого, желая «воздействовать на действительность, предъявляя ей ее правдивое отражение... предельно точно запечатленного каждого дня современной истории» [5. С. 295]. Но именно в этом понимании журналистика не столько история, сколько память. История все же представляет собой упорядоченное знание, тогда как память причудлива, сбивчива, бывает короткой и долгой, изменчивой и верной. Как жизнь. Как журналистика. И как жизнь она вступает в диалог с историей, становясь частью ее культуры, выступающей «основой формирования потоков новых смыслов, новых интерпретаций» [6. С. 379]. Журналистика выбирает в себя взаимосвязанные слои рефлексии общественного сознания по поводу бытия. Самый заметный, актуальный, слой дискурса – публичное обсуждение текущих социальных проблем. При этом обсуждение настоящего потенциально содержит в себе готовность к переходу на более глубокий слой медийного дискурса – историко-культурный, ибо причины возникновения новейших социальных проблем можно рассматривать в качестве продолжения уже когда-то поставленных на обсуждение: «...смыслы в памяти не “хранятся”, а растут» [7. С. 674–675]. Третий, и самый глубокий, слой отражаемого журналистикой дискурса – гносеологический – о познании личности, общества, государства, ценностных смыслов жизни, добра, красоты, следовательно, в то же время и аксиологический.

В историко-культурном медиадискурсе выделяются, прежде всего, журналистские практики важнейших каналов массовой коммуникации, включая сетевые. Журналистика воспроизводит (организует, формирует, поддерживает) дискурсивные практики по актуализируемым, наиболее спорным для общества вопросам истории. Тем самым в СМИ создаются картины минувшего, в которых обнаруживаются как приметы позднейших событий, так и современные журналистскому произведению, а в аудитории СМИ закладываются определенные представления о прошлом. Это еще не совсем коллективная память, а только часть культурного – через медиа – освоения мира, его прошлого и настоящего. Однако новые интерпретации событий минувшего всегда актуальны, но не всегда достоверны – память может быть искаженной, потому что она «удерживает образы событий и лиц с отчетливой позитивной или негативной окраской... Полярные образы триумфа и страдания, жертвенных и победоносных героев, коварных и жестоких врагов структурируют память... помогают давать определения

текущим ситуациям» [8. С. 43]. Только сохранять память недостаточно, надо знать, во имя чего и для кого ее беречь, а здесь, как всегда, «суроый опыт подтверждает, что все упирается в общечеловеческие вопросы, вопросы добра и зла» [9. С. 49].

Индивид наших дней подобен конструкту из материалов современной «массовой культуры», в которой расставляются новые значения и оценки прошлого, и он тянется к заново создаваемой и тщательно редактируемой памяти, ищет показавшиеся ему новыми интерпретации и смыслы прошлого, настоящего и вероятного будущего. «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить, а что подлежит забвению... Однако меняется не только состав текстов, меняются сами тексты... Тексты прошлого генерируют новые тексты» [8. С. 39], главным образом в каналах массовых коммуникаций, прежде всего сетевых. Так осуществляется, воспользуемся словами Ульриха Бека, «фабрикация символов культуры», ведущего к «единому товарному миру», в котором «бытие становится дизайном» [10. С. 81, 82] и «меняются технологии формирования общественного мнения» [11. С. 82]. И если память – о добром и злом, победах и поражениях – живительная часть бытия, то ее современный облик означает согласование противоречий в сознании человека – из позитивно понимаемого им прошлого черпаются силы жить сегодня. Для индивида массового общества культурные коды минувшего осовременивают политическая конъюнктура, и «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» всякий раз выглядят иначе. Но если политическая конъюнктура меняет культурные коды, то где гарантия, что новый облик прошлого более верен, более точен по сравнению с предыдущим и адекватен некогда реально случившемуся – это вопрос о подлинности памяти. Гарантией положительно-го ответа выступает целостность ядра культуры, представляющего собой, указывает М.К. Кантор, «бытийственную форму сознания, относящуюся к сфере социальной онтологии». Но и философ признает утрату подлинности культуры, разрушения целостности ее ядра [12. С. 11]. Все это еще более осложняет оценку прошлого.

В прошедшем человек оживляет идеи и ценности, в которых усматривает актуальные ответы на вопросы своего бытия, потому что идея – это и есть «возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации – за рамки существующего положения вещей и выражают их его понятий» [13. С. 344]. Утрата прежней целостности ядра культурной памяти и попытка обретения новой – вечное противоречие истории. Человек всегда будет переоценивать давно минувшее, и будет это делать с равными шансами на победу и поражение, открытия и заблуждения. Потому что у каждой эпохи свой социокультурный рисунок и свои возможности изменения культурной памяти социума. Зерно рефлексии о минувшем прогрес-сивно: «...разность, дифференциал – вот что дает смысл» [9. С. 51]. Переоценивать страницы исторической памяти – значит обретать ее новые смыслы. «Можно поэтому сказать, что смысл истории означает направленность ее на какие-то ценности...» – пишет А.А. Ивин, разделяя ценности

на объективные и субъективные [14. С. 259–260]. В связи с чем характеризует аксиологический подход к событиям и явлениям прошлого: «..если истории приписывается объективный, не зависящий от деятельности человека смысл, аксиология вырождается в рассуждения о том, как может человек способствовать реализации той глобальной цели, которая, в общем-то, объективно не зависит от его деятельности... Аксиология обретает пространство для своего существования только в случае, если человеческой истории придается субъективный, зависящий от деятельности человека смысл» [14. С. 267–268].

В XXI в. интерпретации ценностей памяти ускоренно перемещаются в медиа. На каналах массовой коммуникации прошлое подвергается селекции и трансформации, ему придается новое значение. Особым вниманием аудитории пользуются передачи, в которых предметом дискуссий стали персонажи политической истории страны, события прошлого. Однако «истинное интересует массмедиа лишь в очень ограниченных пределах... Проблема поэтому состоит не в истине, а в неизбежной, но вместе с тем желанной и управляемой селективности» [15. С. 47]. Культурная память в ее медийном выражении приобретает новую ценность, неадекватную предшествующей. «Предпочтение отдается **конфликтам...** Это порождает напряжение...» – писал Н. Луман [15. С. 49–50]. В социальном напряжении А.С. Ахиезер усматривает динамику, которая «может нести в себе потенциально опасные точки, угрожающие [обществу] расколом... Фокусы, несущие эти потенциальные угрозы, существуют в разной форме и степени в любой культуре» [6. С. 379].

«Культурный код – это традиционный устойчивый способ передачи знаний о мире, а также навыков и умений в данной культурной эпохе» [16]. В массовом обществе культурные коды понимания минувшего во многом вырабатываются практикой маскульта. «Пространство массовой культуры образуют доступные “послания”, передаваемые по каналам массовой коммуникации... и рассчитанные на “средний” уровень смыслов» [17. С. 12], отчего в нынешнем столетии для «переинтерпретации памяти» особое значение приобрели, во-первых, свойства технологически модернизируемого массового сознания и, во-вторых, медийные факторы эпохи, в которых можно усматривать истоки дискурсивных практик, когда «память конструируется не только “сверху”, правящими элитами, но и “снизу”, со стороны подчинённых групп» [8. С. 50; 11. С. 80]. И если «массовое сознание является сложным, системным образованием, в котором запечатлены знания, нормы и ценности, разделяемые массой» [18. С. 138], то его современными свойствами становятся, с одной стороны, отказ от культурных нормативов публичного общения, с другой – интенсификация проявлений в сетевой среде, подчеркивающая предрасположенность к спонтанному формированию социально заметных дискурсов.

В контексте социального модерна дискурс означает «некую способность свободной общественности обсуждать – рефлектировать, реконструировать, критиковать предпосылки социального бытия» [19. С. 327].

В стратифицированном обществе функционирование дискурса двойственено: с одной стороны, это институт формирования идеологических доминант в обществе, прививаемых ему правящими кругами через контроль над СМИ, с другой – это противоположный институт отторжения навязываемых ценностных приоритетов. В реальности оба дискурсивных начала сливаются, образуют совокупность, характеризующую общественное сознание, его отношение к социально значимой памяти. «Традиционные формы воспроизведения и трансляции культуры и межличностного общения, еще вчера казавшиеся незыблемыми и устоявшимися, резко изменились» [18. С. 212].

2. «Три разные памяти»: парадигма ценностного анализа

Среди внешних измерений памяти Я. Ассман, в частности, выделяет коммуникативную память – язык и коммуникацию, а также культурную память – передачу смыслов [20. С. 20]. И поскольку человек ищет в прошлом смыслы минувшего, поскольку его «обращение к исторической памяти происходит избирательно в непосредственной связи с настоящим, под влиянием текущих событий ассоциативно “активируются” ее непосредственные пластины» [21. С. 109], но всплывают они в памяти с неоднозначными оценками, память амбивалентна. Понимание прошлого порождено настоящим, его медийными процессами, в которых у журналистики особая и, как обнаруживается, противоречивая роль: журналистика как субъект медиа вырабатывает не столько собственные интерпретации истории, сколько репродуцирует принятые интеллектуальной и политической элитой. В то же время ни в среде журналистов, ни в научном сообществе не было и нет общего подхода к минувшему, нет единства в оценках его персонажей, и медийные картины истории несвободны от ее противоречивых трактовок субъектами информационного взаимодействия.

Выдвинутый М. Вебером принцип «отнесения к ценности», включенный в методологию теории ценностей, позволяет приблизиться к объективному пониманию предмета анализа – сложившимся в российских СМИ тенденциям в оценках такой важнейшей страницы отечественной и мировой истории, как Октябрьская революция. Корректность применения веберовского метода зависит от концепции исследования в целом. Так, в качестве концептуального условия применения принципа «отнесение к ценности» мы избрали зафиксированное Константином Симоновым суждение Маршала Советского Союза Г.К. Жукова: «Есть в жизни вещи, которые невозможно забывать, но помнить их можно по-разному. Есть три разные памяти. Можно не забывать зло. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая о будущем. Это третье» [22. С. 139]. Фактически перед нами план структурированного наблюдения – медийные тексты могут быть последовательно рассмотрены по названным аспектам памяти.

Центральной ценностью исследования, относительно которой раскрывается артикулируемая в СМИ память российского общества, выступает

концепт «Октябрьская революция». По нашей гипотезе, публичная полемика, какой же на самом деле была Октябрьская революция, указывает на невозможность непосредственной апелляции к знанию истории, т.е. самого события, тогда как установка условного символа «Октябрьская революция» в качестве дискутируемой ценности позволяет сосредоточить основное внимание на доминантах памяти в журналистике.

Метод ценностного анализа медиа привлекает к себе внимание теми особенностями, которые предопределила ему философская теория ценностей. Во-первых, аксиология в определенной степени «исправляет» присущий другим методологическим подходам недостаток гибкости в оценке результатов исследования, не провоцирует категоричность, так как при включении в исследовательскую процедуру реестра ценностей аналитик уже руководствуется склонностью к компромиссу, ему понятно, насколько короток список тех ценностей, на которых могут сойтись люди и культуры. Во-вторых, ценностный анализ медиа позволяет заново посмотреть на зоны устойчивого недоверия в социально стратифицированном обществе.

В исследованиях медиа окончательно избавиться от проявлений субъективного начала нельзя в принципе, но стремиться свести их к минимуму необходимо, и прежде всего за счет адекватной операционализации понятий. Поэтому три понимания памяти из образного суждения Г.К. Жукова обозначим как предпонятия, возможно применимые к почерпнутым из медийных текстов оценкам революции. Корректная интерпретация предпонятий связана с их отнесением к иному контексту.

Безусловно, свою память Г.К. Жуков относил, прежде всего, к событиям Великой Отечественной войны, которая в нашей стране сама по себе явила злом для всех и каждого. Но воспринимая ее как историческую данность, полководец понимал под «злом» любые непродуманные действия командного состава Красной армии, политического руководства страны, которые вели к неоправданным людским потерям, поражениям в сражениях, деморализации армии. Такое понимание зла следует из контекста записей К. Симонова бесед с Г.К. Жуковым. «Опыт» для маршала означал понимание всех составляющих военно-политической истории, стратегии и тактики, воинского духа рядового и командного состава, которые вели к победам и учет которых ложится в основание искусства ведения войны. Опыт, обращенный на перспективу военно-политических аспектов мирового исторического процесса, выступает как синтез изучения прошлого с размышлением о будущем.

В нашем анализе ареал значений слов полководца расширяется во времени и распространяется на историческое событие иного рода, в иной плоскости истории – революционное преобразование государства и общества. Поэтому операционализация понятий опирается на контекст выборки газетных публикаций о столетии Октябрьской революции.

Это в общей сложности 239 текстов в изданиях (рис. 1), которые типологически выглядят следующим образом: одна региональная газета и три федеральные; две ежедневные и два еженедельника; две газеты, непосред-

ственno связанные с органами власти и управления, и две независимые от них; три лояльных политике государства издания и одно оппозиционное. Предварительный анализ их публикаций показал, что в основном материалы представлены в трех жанрах: 1) аналитическая статья; 2) круглый стол историков / беседа корреспондента со специалистом(ами); 3) информация / хроника, контекстно связанная с историей революции. Если три вида памяти абстрагировать от той конкретности, которую подразумевал Г.К. Жуков, то можно убедиться, что они, адаптированные к контексту революционных событий столетней давности, позволяют получить пригодные для последующей интерпретации данные.

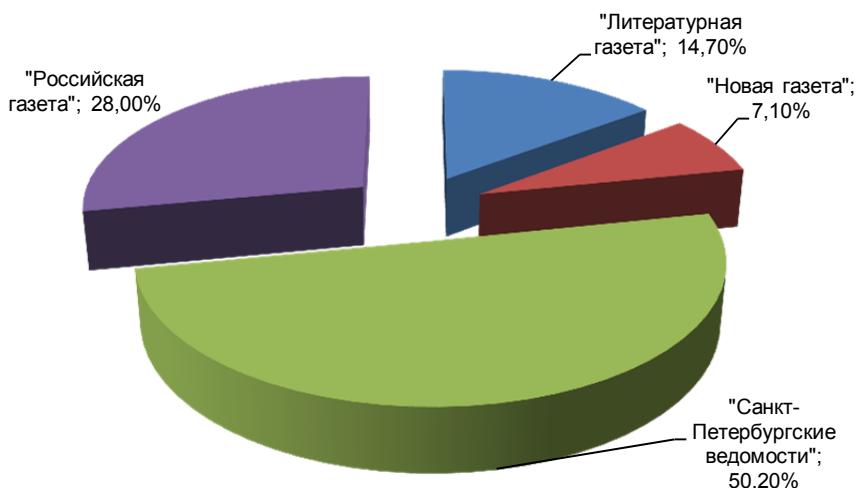

Рис. 1. Распределение публикаций по газетам

«Не забывать зла» – посыл свойствен негативному восприятию революции как события, приведшего, как полагают публицисты, к отставанию России от развитых стран, трагедии народа и массовым политическим репрессиям, поэтому не может быть примирения с прошлым: «К 100-летию бедствия вновь вспомнили о национальном примирении», – пишет публицист А. Рубцов, и напоминает, кого с кем примирить невозможно: «белых» и «красных», коллективизаторов с раскулаченными, «большевиков со всеми, кого в январе 1918 года вытолкал из политики усталый караул», поэтому для него официальное примирение, о котором сто лет спустя после революции говорят политики и публицисты, насквозь фальшиво: «Примирение через колено, которое сейчас навязывают, означает лишь одно: столетняя война в России будет продолжена и будет длиться, пока “победители” не сожрут оставшийся ресурс и самих себя» [23]. В этой трактовке во-

жди революции воспринимаются как отрицательные персонажи истории: «Ленин знал твердую точку опоры – «Есть такая Партия!». Он играющи взял власть... Фактически Ульянов перезапустил Империю Романовых, вместо прежнего авторитарного создал небывалый тоталитарный строй» [24]. В целом негативное представление «исторический факт революции как «зло»» доминирует в публикациях «Новой газеты».

Тем не менее в изученных публикациях присутствует и другая трактовка «зла» – социально-политическое устройство страны как тормоз ее развития. «Зло» – не само событие, а причины, которые к нему привели: «...куда деться от аграрного, рабочего или национального вопросов? А разве не возникал антагонизм между состоятельными классами, в цивилизационном плане чётко ориентированными на западные образцы, и народом, который стоял на исконных, традиционных ценностях? Свои проблемы имелись и внутри правящего слоя, расколотого на костную бюрократию, вороватую буржуазию, а также и у хронически хворающей оппозиционностью всему и вся интеллигенции...» [25. С. 3]. Такое понимание приведшего к революции «зла» отмечается в редких публикациях «Российской газеты»; чаще в «Санкт-Петербургских ведомостях», где эту линию целенаправленно вел историк В.В. Калашников.

Таким образом, важнейшим индикатором памяти в качестве посыла «не забывать зла» следует считать в высокой степени негативную оценку либо самой революции, либо вызвавших ее причин. Авторы публикаций с доминированием этого вида памяти считают Гражданскую войну, политические репрессии тридцатых годов закономерным продолжением Октябрьской революции, критикуют правящие круги за двойственное отношение к памяти о советском прошлом: с одной стороны, негативно оценивается революция, с другой – трагически воспринимается крушение СССР. Сложно составленная оценка революции и всей послереволюционной истории является еще одним индикатором вида памяти «не забывать зла». В этом аспекте показателен специальный выпуск «Российской газеты», в котором историками и экономистами анализируются уроки Великой русской революции. Позитивные оценки связывается с фактами ускоренной модернизации экономики – «ее мобилизационная модель обеспечивала СССР паритет с западными державами» (Ю. Петров, историк); «удалось сохранить целостность Российского государства» (Г. Попов, экономист). Негативные оценки исходят из других фактов истории, среди которых «гигантский расход человеческих жизней. Коллективизация, репрессии» (Г. Попов); «агрессивный государственный атеизм» (А. Закатов, представитель Дома Романовых); «советское правительство обрекло страну на экономическую блокаду» (Ю. Петров) [26].

«Не забывать опыта» – этот вид памяти прослеживается в информационных материалах, прежде всего, историко-культурного плана. В них отмечается стремление к объективному и беспристрастному описанию событий прошлого, без явных оценок и выводов. Отсутствие оценок выступает в качестве индикатора этих публикаций. В «Санкт-Петербургских

ведомостях» – 15 публикаций, к ним можно приплусовать 75 сугубо информационных материалов (38% от выборки в целом): в них раскрывается какая-либо сторона жизни 1917 г., описывается топография событий [27]; в «Российской газете» отметим информационные сообщения о тематически связанных с революцией телесериалах, реставрации реликвий прошлого – 37 публикаций (15% от выборки в целом): например, о съемке фильма режиссером В. Хотиненко, сообщение о часах с фигурой носорога в Зимнем дворце и пр. [28]. Общий знаменатель все тот же – отсутствие оценок. При этом публицисты предлагают изъять дискуссию об Октябрьской революции из медийного дискурса, лишить ее актуального характера: «Самое главное – вернуться к естественному ходу жизни. Вот когда вы повернетесь к реальности, у вас уже не будет искушения искать рецепты в прошлом» [29].

Не надо полагать, что редакции в определении своих идеологических предпочтений следуют неким явным указаниям «сверху», в настоящее время влияние властной политической элиты на СМИ скорее опосредованное, нежели прямое. Свое воздействие на идейную позицию авторов публикаций оказывает множество факторов – запрос аудитории; точка зрения издателя; глубина исторической памяти журналистов; оценки прошлого в широко тиражируемых высказываниях президента страны и т.д. В конечном счете синтезируется социальный заказ, воспринимаемый журналистикой. Социальный заказ предопределяют умонастроения социума, а они, как видно из материалов ВЦИОМ, показывают, что в обществе «последствия Октябрьской революции для страны оцениваются положительно (38% – “она дала толчок социальному и экономическому развитию страны”, 23% – “она открыла новую эру в истории России”), причем об этом говорит не только старшее поколение, но и молодежь» [30].

Итак, индикаторами этого вида памяти выступают: отсутствие в газетных материалах оценок революции; отрицание актуальности общественной дискуссии о событиях 1917 г.

«Не забывать прошлое, думая о будущем» – публикации, в которых наиболее силен этот вид памяти, в некоторой мере полемического характера; оценивая уроки Октябрьской революции, апеллируют к современной российской истории, определяют значение революции для будущего.

Однако этот вид памяти вызвал наибольшие затруднения в его идентификации в публикациях. Участники медиадискурса о столетии революции в своих выводах отразили не столько идейные предпочтения, сложившиеся в российском обществе, сколько наиболее ходовые интерпретации прошлого, циркулирующие в среде гуманитарной интеллигенции. Именно поэтому обнаружились разнотечения: если, по данным ВЦИОМ [30], на дату опроса (11.10.2017) отмечается выявленный за 10 лет рост положительных оценок таких разных политических фигур истории, как Николай II (с 42 до 60%), Дзержинский (с 44 до 57%), Ленин (с 50 до 53%), то общая тональность изученных текстов, где называются эти исторические персонажи, общероссийской тенденции не отвечает. Так, в «Новой газете» Ленин вос-

принимается однозначно в негативном ключе, в «Российской газете» и «Санкт-Петербургских ведомостях» авторы журналистских выступлений стараются не выходить за рамки умеренного подхода. И только «Литературная газета» раздвигает границы сложившейся газетной практики: «Нам не хватает глубины ленинской мысли, его решительности и воли в преодолении глубочайших противоречий, в которых оказалось наше общество из-за опрометчиво совершённых четверть века назад столь же скропалительных, сколь и ошибочных “реформ”». Следом выводится позитивная оценка Октябрьской революции, которая разрушила прежнее социально-политическое устройство страны как тормоз ее развития [31. С. 12].

3. Приоритеты памяти: анализ распределения по изданиям

Часть изученных газетных публикаций указывает на проективность интеллектуального настроя публичного диалога в качестве актуальной социальной ценности, на желание извлечь из истории уроки. Как отметил историк Сергей Полторак, «уроков много. Во-первых, власть должна уважать свой народ. Иначе это чревато революцией. Во-вторых, политические партии должны научиться договариваться между собой. События 1917 года показали – когда политики не могут прийти к компромиссу, проигрывают все» [32. С. 6]. Однако позиция историка не показательна для «Санкт-Петербургских ведомостей» (рис. 2), в газете доминируют материалы информационного характера, хроника событий без их оценки.

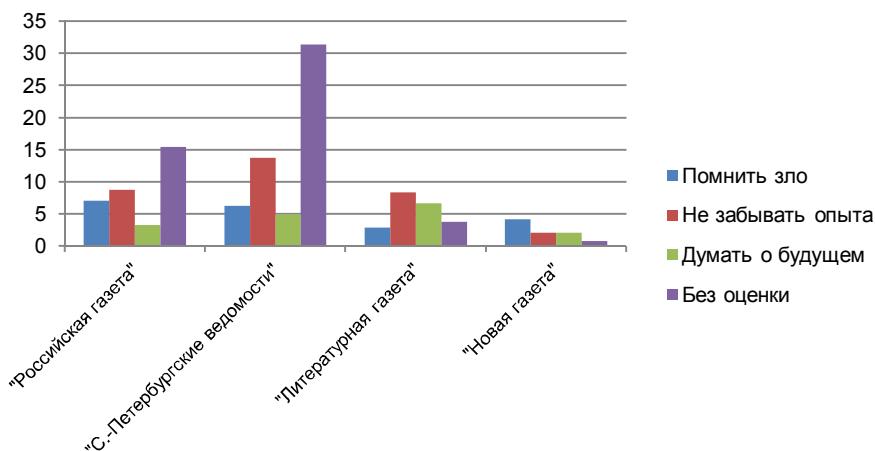

Рис. 2. Оценки революции по газетам и категориям (% от общего числа публикаций)

«Новая газета» (рис. 2), подчеркивая эпохальное значение революции 1917 г. в целом, заняла непримиримую позицию по отношению к Октябрю, революционному движению вообще. Публикации на эту тему носят раз-

вернутый характер, занимают значительные газетные площади. Наиболее явно выступает в них такой параметр памяти, как «не забывать зла» (11 эпизодов в 17 публикациях). Например, Г. Явлинский, придерживаясь концепции «Октябрьская революция как преступление» и переводя ее понимание в плоскость современности, где, как он полагает, по-прежнему силен большевизм, заявляет, что «современный большевизм включает в себя и квазиобщественный договор о нераскрытии преступлений, берущих своё начало в октябре 1917 года, о забвении их жертв, продолжении корыстного искажения отечественной истории, полном смешении в ней до неотличимости добра и зла» [33]. Немногочисленным выступлениям газеты на тему революции свойственно стремление проецировать опыт прошлого на политическое будущее страны. Этим отмечена каждая третья публикация газетной выборки. Также следует сказать, что «Новая газета» на своем интернет-сайте размещает больше материалов о революции, чем в бумажной версии, за счет публикации текстов выступлений политиков, лекций историка, которые не вписываются в традиционный газетный формат. Очевидно, что эти материалы столь важны для редакции, что неприемлема даже попытка ввести лекцию в традиционный формат газетной статьи, так как потребуется сокращение текста. В этом плане обратим внимание на лекцию профессора Андрея Зубова, квинтэссенцией которой можно считать следующие высказанные им положения: во-первых, «восемь месяцев (от Февраля к Октябрю) были не чем иным, как всё убыстряющимся падением 180-миллионной страны в страшные объятия коммунистической диктатуры»; во-вторых, «уже сто лет мы живем без России, мы живем в государстве некоем, созданном большевиками» [34]. Эти положения, укладывающиеся в параметры вида памяти «не забывать зла», по сути являются индикатором отношения «Новой газеты» к прошлому.

По результатам наблюдений за публикациями 2017 г. в «Литературной газете» (рис. 2) отмечается доминирование памяти «не забывать опыта» (20 эпизодов в 35 публикациях выборки). В своей политической оценке Октябрьской революции газета выступает как идеолог преодоления современного раскола нации: «...вокруг “столетия” заварилась никчёмная война между царским и советским в трактовке исторических мифов, во взаимных обвинениях и провокациях. Отношение к событиям столетней давности, даже столь значительным, – не повод для нового раскола» [35. С. 4]. Особенность идейной позиции газеты и в том, что именно в этом издании оказывается наиболее значительным удельный вес выступлений с осмыслением опыта прошлого ради будущего страны: фактически каждое второе выступление отвечает этой тенденции. Другая особенность выступлений «Литературной газеты» – минимальность показателя «не забывать зла», всего 7 эпизодов из всей выборки.

«Российская газета» – официальный орган правительства страны, и ее историческая аналитикадержанно демонстрирует императив памяти «не забывать прошлого, думая о будущем»: 8 раз в 67 публикациях. В основном среди выступающих идейно-политический подход к революции укладывается в формулы «не забывать зла» (17) и «не забывать опыта» (21).

Итоги обзора тенденций анализируемых газет в освещении Октябрьской революции показали, что не все отмеченные нами их типологические характеристики в равной мере определяющие для выработки идейной позиции изданий в оценках революции. Решающими стали связь редакций с органами власти и управления как своими учредителями, а также ранее утвердившаяся в политике редакций лояльность / оппозиционность власти. У «Российской газеты» и «Санкт-Петербургских ведомостей» среди учредителей правительства России и Санкт-Петербурга соответственно. Если под этим углом зрения рассматривать публикации названных изданий, то нельзя не отметить в них доминирование информационной составляющей, а также такого тяготеющего к нейтральному освещению революционного прошлого параметра памяти, как «не забывать опыта». Выходит, что в этих газетах происходит сознательная нивелировка возможных крайностей в оценках, и поэтому другие виды памяти – «не забывать зла» и «не забывать прошлого, думая о будущем» – не удостоились того внимания, которое проявилось к ним в «Литературной газете» и «Новой газете». В этих газетах, несмотря на малое число публикаций, полярность суждений доминирует.

И все же не полярные точки зрения авторов газетных публикаций об Октябрьской революции определили смысл такого вида памяти, как «не забывать прошлое, думая о будущем». Приоритеты смысла возникли в коллективных «отнесениях к ценности». Таковы круглые столы историков, философов, политологов в «Российской газете» и «Санкт-Петербургских ведомостях» (всего по 2 публикации в каждом издании) [36]. Эти материалы несут в себе проявления разных видов памяти, образуя из них сложные комбинации, сказываются глубина и многоплановость суждений авторов газетных выступлений: оценки участников дискуссий, как правило, носят взвешенный характер, в качестве аргументов подбираются факты, не вызывающие сомнений в их достоверности. Поэтому завершаются круглые столы, если не консенсусом, то очевидным компромиссом в проективной части дискуссии по поводу значимости Октябрьской революции для исторического пути России.

Но достигаемое согласие как медиасобытие происходило не часто, и его следует отделять от другого медийного явления – «омнибусов» П. Бурдье, представляющих собой «медийные факты, которые не разделяют (участников дискурса. – В.С.) на враждующие стороны и вызывают всеобщий консенсус» [37. С. 32]. «Консенсус омнибуса» выступает как проявление искусственного согласия, вызванного функционированием СМИ в русле «массовой культуры», в которой по определению занижены культурные нормы и ценности памяти, рассчитанные на «средний» уровень смыслов. В этих условиях «”массовая культура” формирует новые механизмы социального наследования прошлого,.. где архетипы (памяти) обретают новое звучание, воплощаясь в компьютерных технологиях, отчужденных от смыслового пространства повседневности» [18. С. 215].

4. «Омнибусы» медийного дискурса о революции

Предпринятая классификация газетных материалов по видам памяти показала, что процедура структурированного наблюдения позволила определить медиатенденции в освещении 100-летия Октябрьской революции. Однако полученные результаты поставили новые вопросы, среди которых, прежде всего, в какой мере выявленные тенденции тождественны социальному запросу.

Зафиксированные в текстах формализованные показатели видов памяти (по Г.К. Жукову) представлены в табл. 1.

Таблица 1
Доминирующие в СМИ виды памяти (по Г.К. Жукову)

Виды памяти	Количество публикаций	Количество публикаций в %
«Не забывать зла»	49	29,0
«Не забывать опыта»	79	46,7
«Не забывать прошлое, думая о будущем»	41	24,3
Итого	169	100

Полученные данные представлены за вычетом нейтральных информационных сообщений – исторических зарисовок, культурной хроники настоящего, политической хроники прошлого. В определенном смысле резонно: если информация об открывшейся в Русском музее выставке картин об эпохе революции имеет непосредственное отношение к событию, их авторы жили в те же годы [38], то сообщение о показанном на киностудии «Ленфильм» огромном макете крейсера «Аврора» [39] не связано с реальными событиями 1917 г. и потому оказывается вне поля данного исследования. Однако изучение текстов показало, что журналистские практики не в полной мере тождественны формуле Г.К. Жукова о видах памяти. Так, его тезис «не забывать прошлое, думая о будущем» включает в себя высокий уровень требовательности к прогностике, который так и не был достигнут публицистами: их осмысление уроков революции ограничилось призывом не повторять ошибки во взаимодействии власти и общества, решать острые социальные проблемы своевременно [32]. Даже интервью историков не выходят за рамки хроникального жанра [40]. Если обратиться к текстам, в которых отмечался другой вид памяти – «не забывать опыта», то и они в конечном счете отличались нейтрально-академическим подходом и по сути примкнули к численно значительной группе безоценочных информационных сообщений о событиях вековой давности. Напротив, в публикациях, соответствующих параметру «не забывать зло», подчеркнуто осовременивание исторической памяти, они явно выделяются среди всех остальных материалов, авторы которых избегают определенности суждений. Таким образом, две из трех градации памяти, соотнесенные с публикациями, не принесли значимо отчетливых результатов, что не позволяет сделать заключение о характере взаимодействия исторической памяти социума, с одной стороны, и памяти, формируемой в

журналистике, – с другой. В этом случае необходим вторичный анализ первичных данных на основе обновления модели выборки [41. С. 18].

Учитывая возникшую неопределенность в идентификации публикаций по таким параметрам памяти, как «не забывать опыт» и «не забывать прошлое, думая о будущем», объединим их в одну рубрику, получив 120 единиц подсчета, которые, отметим, неэквивалентны числу публикаций, так как в материалах круглых столов, бесед историков обнаруживаются разноименные оценки прошлого. Сюда же добавим данные из числа взятых в обработку зарисовок, исторических фактов и хроники событий прошлого (91 газетный текст), кроме тех, что непосредственно не относятся к выраженной в медиа исторической памяти (32 текста): репортаж о том, как коммунальные службы чистят к зиме памятник Ленину [42. С. 1] или упоминание театрального вечера Радзинского, на котором была представлена его драма, посвященная Октябрьской революции [43]. В итоге объем выборки для вторичного анализа – 260 единиц счета.

В обновленную выборку вошли: 49 материалов с тезисом «не забывать зла» (19%), поделенные между теми, кто под «злом» понимает саму революцию, и теми, кто видит «зло» в социально-политических причинах, приведших к ней (13 и 6% соответственно); 211 материалов, в которых или нет какой-либо оценки революции, или присутствуют признаки концепта «разрушение». Концепт «разрушение» представлен лексемами, в своих смыслах отражающими как негативные процессы гибели, разложения, развала, исчезновения, утраты чего-либо в результате революции – империи, армии, крестьянства, привычного уклада жизни, культуры, так и позитивные – окончательного устраниния царского режима, в целом мира угнетения, всеобщей безграмотности, экономической отсталости. Факты концепта «разрушение» только констатируются, подаются без оценок и выводов; публикации не провоцируют деление аудитории на враждующие стороны в ее оценках исторического события, т.е. возникает описанный П. Бурдье эффект «омнибуса», в данном случае в медийном дискурсе о революции. В текстах «омнибуса» выделяются два маркера: 1) *отсутствие* в журналистских выступлениях оценок революции; 2) *наличие* в публикациях концепта «разрушение» в контексте дискурса о революции.

Российский «консенсус омнибуса» в дискурсе о революции приобрел специфические черты, в его основе особенности общественного сознания, которые в значительной мере предопределили социальный заказ журналистике. По результатам изучения общественного мнения, проведенного ВЦИОМ в октябре 2017 г. [30], привлекают к себе внимание ответы респондентов на вопрос социологов «Какие чувства у Вас вызывают следующие деятели времен революции?». Этот вопрос задавался и ранее, поэтому была возможность показать динамику отношения общества к той или иной политической фигуре 1917 г. (рис. 3).

Отмеченный социологами рост симпатий к политическим фигурам эпохи революции вызван рядом социокультурных факторов. Выделим некоторые, относящиеся к предмету нашего анализа.

Какие чувства у Вас вызывают следующие деятели времен революции?				
Деятели эпохи революции	Годы	Вызывает скорее симпатию	Вызывает скорее антипатию	Затрудняюсь ответить
Николай II	2017.	60	20	20
	2008	44	22	34
	2005	42	28	30
Дзержинский	2017	57	19	24
	2008	40	24	36
	2005	44	28	28
Ленин	2017	53	30	17
	2008	42	30	28
	2005	50	32	18
Сталин	2017	52	30	18
	2008	28	48	24
	2005	37	47	16
Колчак	2017	35	37	28
	2008	32	30	38
	2005	20	41	39

Рис. 3. Динамика отношения в российском обществе к деятелям эпохи революции 1917 г. (данные ВЦИОМ, %, фрагмент)

Во-первых, значительна роль «массовой культуры» и ее распространения через медиа. Так, Колчак в телесериале «Адмирал» получил трактовку, прежде всего, как офицер, любящий свою женщины, и только потом как участник Гражданской войны. Трагизм истории его любви вызывает симпатии зрителей и заслоняет другие стороны фигуры Колчака (примечательно, что, по тем же данным социологов, не показала рост симпатий к себе фигура Деникина). Фигура Николая II, трагического персонажа истории России, многократно вспоминаемая на телевидении, в газетах, кино, также вызвала сочувствие респондентов.

Во-вторых, согласно результатам того же опроса ВЦИОМ 92% респондентов уверены в том, что «что бы ни случилось, сегодня революцию в стране нельзя допустить», хотя при этом 30% все же считают новую революцию вероятной [30]. Результаты объясняют потребность общества в укреплении государственной власти при выражаемом частью респондентов недовольстве фактами социальной несправедливости. Поэтому неслучайен рост симпатий к Ленину как выразителю идей социальной справедливости, а также Дзержинскому и Сталину, олицетворяющим в общественном сознании порядок и твердую власть.

В-третьих, растущее напряжение в международных отношениях повышает значение сильного государства, что обусловливает рост симпатий к персонажам истории страны, которые в глазах общества ассоциированы с могуществом России. Такие особенности общественного сознания нашли свое выражение в медиадискурсе о революции и проявились, прежде всего, в отказе большинства публицистов от ее категорических оценок. Тем самым известное положение П. Бурдье об «омнибусах», которое в его

труде носит негативную коннотацию, в изучаемом нами медийном дискурсе показывает позитивные аспекты, а наличие значительного числа нейтральных, устраивающих большинство оценок революции воспринимается как должное. Наличие некоторого числа полярных суждений в не очень больших по тиражу «Литературной газете» и «Новой газете» более характеризует сами издания как несущие на себе печать партийных пристрастий, а не выполняющие социальный заказ, формируемый для журналистики общественным сознанием.

Пожалуй, впервые за долгие годы в СМИ отношение к Октябрьской революции не отмечено доминированием полярных ценностных начал. Конечно, сделанный вывод касается прессы, не аффилированной с политическими партиями: из анализа партийная печать была исключена как не имеющая в настоящее время широкого распространения в массовой аудитории. Сегодня в СМИ оценки событий столетней давности ощутимо стали оценками *прошедшего*, уже случившегося, которое в публичной сфере не осовременивается. В этом утверждении мы исходим как минимум из двух положений: во-первых, считаем, что СМИ в своей совокупности отражают важнейшие аспекты актуального общественного сознания, а оно, как показывают данные социологов, не носит конфронтационного характера; во-вторых, преобладание в социуме «массовой культуры» занижает уровень его гражданского самосознания за счет доминирования упрощенных подходов к медийным фактам, усреднения содержания медиа, распространения обывательской философии консюмеризма.

В результате проведенного анализа подтвердился тезис о журналистике как обновляемой живой памяти общества. Журналистика стала ресурсом, в котором сохраняются исторические смыслы, и они же в этом ресурсе распутут. Некогда присущая медийному дискурсу полярность суждений об Октябрьской революции преобразовалась в СМИ в последовательную, несколько отстраненную от политической сути фиксацию больших и малых подробностей прошлого с привлечением новых архивных источников, концепций ученых и политиков. Тем самым сегодня закладываются основы продолжения начатого дискурса на уровне познания ценностных смыслов жизни, добра, красоты, личности, общества, государства.

Литература

1. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Ю.М. Лотман. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 673–676.
2. Лотман Ю.М. Память культуры // Ю.М. Лотман. Семиосфера. СПб., 2000. С. 614–621.
3. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М. : Республика, 2001.
4. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Собр. соч. : в 7 т. М., 2002. Т. 5.
5. Ученова В.В. Публицистика и политика // Ученова В.В. Три грани теории журналистики. М., 2009. С. 143–344.

6. Ахиезер А.С. Социокультурный субъект – перелом на рубеже тысячелетий: пре-
зумпция преодоления сложности // Субъект во времени социального бытия: Историче-
ское выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / отв.
ред. Э.В. Сайко. М., 2006.
7. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Ю.М. Лотман. Семио-
сфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки.
СПб., 2000.
8. Васильев А.Г. Культурная память/забвение и национальная идентичность // Куль-
турная память в контексте формирования национальной идентичности России в
XXI веке / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М., 2015.
9. Лифшиц Мих. Проблема Достоевского: (Разговор с чертом). М. : Академ. проект:
Культура, 2013.
10. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
11. Ricceri Marko. Religious messages and the world of the media: trends and experienc-
es in Europe in the field of religious communication and information systems // Religions and
Churches in a Common Europe / János Wildmann (Ed.). Bremen : EHV – Europaeischer
Hochschulverlag GmbH & Co KG, 2012.
12. Кантор М.К. История против прогресса: опыт культурно-исторической генетики. М. : Наука, 1992.
13. Ильинов Э.В. Философия и культура. Москва : Изд-во Моск. псих.-социал. ин-
та ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2010.
14. Ивин А.А. Аксиология. М. : Высш. шк., 2006.
15. Луман Никлас. Реальность массмедиа / пер. с нем. М. : Практис, 2005.
16. Морозова С.В. Культурология : учеб. пособие. Ч. 1, гл. 4. URL: [http://www.hi-
edu.ru/e-books/xbook880/01/part-005.htm](http://www.hi-
edu.ru/e-books/xbook880/01/part-005.htm)
17. Зверева В. Предисловие // Массовая культура: современные западные исследо-
вания / пер. с англ. М., 2005. С. 10–19.
18. Павлова Е.Д. Сознание в информационном пространстве. М. : Academia, 2007.
19. Марков Б.В. Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуника-
тивное действие / пер. с нем. СПб., 2000.
20. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая иден-
тичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. : Языки славянской культуры,
2004.
21. Тяжельникова В.С. Отношение к власти в контексте исторической памяти // По-
литико-психологические проблемы исследования массового сознания / под ред.
Е.Б. Шестопал. М., 2002.
22. Симонов К. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине.
М. : Книга, 1989.
23. Рубцов А. Примирение смерти подобно // Новая газета. 2016. № 26. URL:
<https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/13/71772-primirenie-smerti-podobno>
24. Радзиховский Л. Перезагрузка // Рос. газ. 2017. 6 нояб. URL:
<https://tg.ru/2017/11/06/leonid-radzihovskij-obshchestvo-ne-verit-v-revoluciui.html>
25. Чураков Д. Уроки и значение 1917 года // Лит. газ. 2017. № 1–2. URL:
http://www.lgz.ru/article/-1-2-6582-18-01-2017/uroki-i-znachenie-1917-goda/?phrase_id=1418793.
26. Савин А. Этот короткий XX век: положительные и отрицательные итоги Вели-
кой российской революции // Рос. газ. 2017. 9 нояб. URL: <https://rg.ru/2017/11/09/polozhitelnye-i-otricatelnye-itogi-velikoj-rossijskoj-revoluciij.html>
27. Румянцев А. Российская империя: последние дни: Хроника и топография собы-
тий // Там же. 2017. 3 марта; Алексеев В. Флигель памяти Ильича // СПб. ведомости.
2017. 6 июня; Мазохина Н., Гуськова И. Революция в песочнице: На открытках
1917 года политические персонажи представлены в виде детей // Там же. 2017. 22 сент.

28. К юбилею Октябрьской революции Хотиненко снимет фильм о Ленине // РОС. газ. 2017. 21 янв.; Фейбисович В. Часы с фигурой носорога // Там же. 2017. 26 янв.; К 100-летию революции ТАСС запустил проект «Столкновение с бездной» // Там же. 2017. 7 марта; Ноты революции: В Петербурге поставили оперу «Октябрь» о событиях революции // Там же. 2017. 28 сент.
29. Выжутович В. Наша история нас объединяет?: Тема с историком Геннадием Бордюговым // РОС. газ. 2017. 19 окт. URL: <https://rg.ru/2017/10/19/gennadij-bordiugov-istorija-sposobna-konsolidirovat-naciju.html>
30. ВЦИОМ. Пресс-выпуск. 2017. 11 окт. № 3488. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>
31. Цаголов Г. Рапира и заветы Ильича // Лит. газета. 2017. № 40. URL: <http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/rapira-i-zavety-ilicha-40-2017/>
32. Вертичих А., Глазеров С. Кто дал шанс большевикам? // С.-Петербург. ведомости. 2017. 7 нояб.
33. «Российские параллели: 1917–2017»: Лекция Григория Явлинского // Нов. газ. 2017. 29 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/29/71956-lektsiya-grigoriya-yavlinskogo-rossiyskie-paralleli-1917-2017>
34. Лиманский Г., Игнатенко А. «Столетие Февральской революции. Начало русского бунта»: Лекция Андрея Зубова // Нов. газ. 2017. 3 марта. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/03/71683-stoletie-fevralskoy-revolyutsii-nachalo-russkogo-bunkta-lektsiya-andreya-zubova>
35. Замостьянов А. 1917-й. Судьи и пересуды: раскол на красных и белых опасен // Лит. газ. 2017. № 19. URL: http://www.lgz.ru/article/-19-6597-17-05-2017/1917-y-sudi-i-peresudy/?phrase_id=875358
36. На злобу века: На первом заседании исторического клуба «Родина» обсудили уроки Февральской революции // РОС. газ. 2017. 16 февр.; Этот короткий XX век: Плюожительные и отрицательные итоги Великой российской революции // Там же. 2017. 9 нояб.; Точка невозврата: Февраль 1917 года поставил крест на существовании Российской империи // С.-Петербург. ведомости. 2017. 3 марта; Кто дал шанс большевикам? // Там же. 2017. 7 нояб.
37. Бурдье П. О телевидении и журналистике / пер. с фр. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры». Институт экспериментальной социологии, 2002.
38. Бегущие по волнам: В Русском музее открылась выставка о революции «Мечты о мировом расцвете» // РОС. газ. 2017. 26 сент. URL: <https://rg.ru/2017/09/26/reg-szfo/v-russkom-muzee-otkrylas-vystavka-o-revoluciij-mechty-o-mirovom-rascvete.html>
39. На «Ленфильме» выставили огромный макет крейсера «Аврора» // РОС. газ. 2017. 23 нояб. URL: <https://rg.ru/2017/11/23/reg-szfo/na-lenfilme-vystavili-ogromnyj-maket-krejsera-avrora.html>
40. Глазеров С. Восемь пунктов генерала Деникина: [Интервью с историком Александром Пученковым] // С.-Петербург. ведомости. 2017. 7 июня; Гуськова И. Революция в песочнице: На открытиях 1917 года политические персонажи представлены в виде детей: [Интервью искусствоведа Натальи Мозохиной] // Там же. 2017. 22 сент.; Фейбисович В. Часы с фигурой носорога // РОС. газ. 2017. 27 янв.; Сорокин А. «Просим открыть Кремль на Пасху...»: как В. И. Ленин в 1919 году разрешил отпраздновать Светлое Христово Воскресение в цитадели советской власти // Там же. 2017. 13 апр.
41. Энциклопедический социологический словарь / общ. ред. Г.В. Осипова. М. : РАН. Институт соц.-полит. исследований, 1995.
42. Березкин Л. Отмыть вождя Октября // С.-Петербург. ведомости. 2017. 3 окт.
43. Сурнина И. Пианисты начинают и выигрывают // Лит. газ. 2017. № 40. URL: http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/pianisty-nachinayut-i-vyigryvayut/?phrase_id=1418788

THE VALUES OF THE PAST IN THE HISTORICAL AND CULTURAL MEDIA DISCOURSE: UNDERSTANDING THE CENTENARY OF THE OCTOBER REVOLUTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 238–259. DOI: 10.17223/19986645/54/15

Viktor A. Sidorov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: v.sidorov@spbu.ru

Keywords: centenary of revolution, media discourse, social memory, picture of the world, value analysis, “reference to value”.

The subject of the author's interest is the media tendency to disclose a significant page of Russian history – the October Revolution. As a starting point of the research, the author has chosen a quotation of Marshal of the Soviet Union Georgy Zhukov, recorded by Konstantin Simonov: “There are three different memories. You can remember the evil. This is the first one. You can remember experience. This is the second one. You can remember the past, thinking about the future. This is the third one”. Three types of memory serve as three concepts of analysis. In fact, the words of the commander in a brief form contain the program of the research project, in which, first of all, the operationalization of the selected concepts is carried out, and the selection of media texts is subjected to examination.

Analysis of publications of 2017 in *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, *Rossiyskaya Gazeta*, *Literaturnaya Gazeta* and *Novaya Gazeta* confirmed the possibility of using the evaluative research of media texts through “three different memories” parameters. In total, 239 texts were examined in the media which are typologically represented by one regional newspaper and three federal ones; two daily and two weekly media; one official media, two media loyal to the state policy and one opposition media. Russian press in 2017 is characterized by an objective-neutral approach while covering the anniversary of the historic event. This approach finds its expression, first of all, in materials of an informational character: modern cultural news, the chronicle of 1917, historical sketches (123 texts from 239 analyzed). Analytical materials also favor the position of “not forgetting experience” (79). It strengthens the characteristic of the discourse about the revolution that leans toward the “medial” position of the public opinion. However, in *Literaturnaya Gazeta* and *Novaya Gazeta* there is a maximum concentration of the expression of the authors' political positions, and the value of the “October Revolution” concept is viewed from diametrically opposite directions. Generally, for the first time in recent years, the media attitude to the October Revolution was not marked by a distinct dominance of diametrically opposite evaluative principles. The evaluation of events that occurred a hundred years ago increasingly becomes the evaluation of the past, which was not actualized in the public sphere. This statement is based on at least two points: firstly, the author believes that the mass media reflect the most important aspects of the current public moods; secondly, the dominance of “mass culture” in the society reduces the level of its civic self-awareness averaging the content of the media and spreading the philistine philosophy of consumerism. Therefore, the production of “omnibuses” (media facts that do not divide society into feuding parties and cause universal consensus) begins to dominate in the media (in the words of Pierre Bourdieu). Thus, modern media practice indicates value-based reorientation which is taking place in the society.

References

1. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the thinking worlds: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB. pp. 673–676.
2. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the thinking worlds: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB. pp. 614–621.

3. Frolov, I.T. (ed.) (2001) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow: Respublika.
4. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collection of works: in 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari.
5. Uchenova, V.V. (2009) *Tri grani teorii zhurnalistiki* [Three facets of the theory of journalism]. Moscow: Aspekt Press. pp. 143–344.
6. Akhiezer, A.S. (2006) *Sotsiokul'turnyy sub'ekt – perelom na rubezhe tysyacheletiy: prezumptsiya preodoleniya slozhnosti* [Sociocultural subject – a turning point at the turn of the millennium: the presumption of overcoming complexity]. In: Sayko, E.V. (ed.) *Sub'ekt vo vremeni sotsial'nogo bytiya: Istoricheskoe vypolnenie prostranstvenno-vremennogo kontinuuma sotsial'noy evolyutsii* [The subject in the time of social life: Historical fulfillment of the space-time continuum of social evolution]. Moscow: Nauka.
7. Lotman, Yu.M. (2000) *Pamyat' v kul'turologicheskem osveshchenii* [Memory in culturological interpretation]. In: Lotman, Yu.M. *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov: Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere: Culture and Explosion. Inside the thinking worlds: Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB.
8. Vasil'ev, A.G. (2015) *Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i natsional'naya identichnost'* [Cultural memory/oblivion and national identity]. In: Kochelyaeva, N.A. (ed.) *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy identichnosti Rossii v XXI veke* [Cultural memory in the context of the formation of the national identity of Russia in the 21st century]. Moscow: Sovpadenie.
9. Lifshits, M. (2013) *Problema Dostoevskogo: (Razgovor s chertom)* [Dostoevsky's problem: (Conversation with the devil)]. Moscow: Akadem. proekt: Kul'tura.
10. Beck, U. (2001) *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?]. Translated from German. Moscow: Progress-Traditsiya.
11. Ricceri, M. (2012) Religious messages and the world of the media: trends and experiences in Europe in the field of religious communication and information systems. In: Wildmann, J. (ed.) *Religions and Churches in a Common Europe*. Bremen: EHV – Europaeischer Hochschulverlag GmbH & Co KG.
12. Kantor, M.K. (1992) *Istoriya protiv progressa: opyt kul'turno-istoricheskoy genetiki* [History vs. progress: the experience of cultural historical genetics]. Moscow: Nauka.
13. Il'enkova, E.V. (2010) *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK".
14. Ivin, A.A. (2006) *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow: Vyssh. shk.
15. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The reality of the mass media]. Translated from German. Moscow: Praksis.
16. Morozova, S.V. (2010) *Kul'turologiya* [Culture studies]. Pt. 1. Ch. 4. [Online] Available from: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook880/01/part-005.htm>.
17. Zvereva, V.V. (2005) *Predislovie* [Foreword]. In: Zvereva, V.V. (ed.) *Massovaya kul'tura: sovremennoye zapadnye issledovaniya* [Mass culture: modern Western studies]. Translated from English. Moscow: Pragmatika kul'tury.
18. Pavlova, E.D. (2007) *Soznanie v informatsionnom prostranstve* [Consciousness in the information space]. Moscow: Academia.
19. Markov, B.V. (2000) *Moral' i razum* [Morality and reason]. In: Habermas, J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
20. Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Translated from German. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
21. Tyazhel'nikova, V.S. (2002) *Otnoshenie k vlasti v kontekste istoricheskoy pamyati* [Relation to power in the context of historical memory]. In: Shestopal, E.B. (ed.) *Politiko-*

psihiologicheskie problemy issledovaniya massovogo soznaniya [Politico-psychological problems of the study of mass consciousness]. Moscow: Aspekt Press.

22. Simonov, K. (1989) *Glazami cheloveka moego pokoleniya: Razmyshleniya o I.V. Staline* [With the eyes of a person of my generation: Reflections on I.V. Stalin]. Moscow: Kniga.

23. Rubtsov, A. (2016) Primirenie smerti podobno [Reconciliation is similar to death]. *Novaya gazeta*. 26. [Online] Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/13/71772-primirenie-smerti-podobno>.

24. Radzihovskiy, L. (2017) Perezagruzka [Reboot]. *Rossiyskaya gazeta*. 6 November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/11/06/leonid-radzihovskij-obshchestvo-ne-verit-v-revolutsii.html>.

25. Churakov, D. (2017) Uroki i znachenie 1917 goda [Lessons and Meaning of 1917]. *Literaturnaya gazeta* 1–2. [Online] Available from: http://www.lgz.ru/article/-1-2-6582-18-01-2017/uroki-i-znachenie-1917-goda/?phrase_id=1418793.

26. Savin, A. (2017) Etot korotkiy XX vek: polozhitel'nye i otricatel'nye itogi Velikoy rossiyskoy revolyutsii [This short twentieth century: the positive and negative results of the Great Russian Revolution]. *Rossiyskaya gazeta*. 9 November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/11/09/polozhitelnye-i-otricatelnye-itogi-velikoy-rossiyskoy-revolutsii.html>.

27. Rumyantsev, A. (2017) Rossiyskaya imperiya: poslednie dni: Khronika i topografiya sobytiy [Russian Empire: Last Days: Chronicle and Topography of Events]. *Rossiyskaya gazeta*. 3 March.

28. Rossiyskaya gazeta. (2017) K yubileyu Oktyabr'skoy revolyutsii Khotinenko snimet fil'm o Lenine [To the anniversary of the October Revolution, Khotinenko will shoot a film about Lenin]. *Rossiyskaya gazeta*. 21 January.

29. Vyzhutovich, V. (2017) Nasha istoriya nas ob'edinyaet?: Tema s istorikom Gennadiem Bordyugovym [Our history unites us: a topic with the historian Gennady Bordyugov]. *Rossiyskaya gazeta*. 19 October. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/10/19/gennadij-bordiugov-istoriia-sposobna-konsolidirovat-natsii.html>.

30. VTsIOM. (2017) Press-vypusk [Press release]. *VtsIOM*. 3488. 11 October. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>.

31. Cagolov, G. (2017) Rapira i zavety Il'icha [The rapier and the covenants of Il'ich]. *Literaturnaya gazeta*. 40. [Online] Available from: <http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/rapira-i-zavety-ilicha-40-2017/>.

32. Vertyachikh, A. & Glezerov, S. (2017) Kto dal shans bol'shevikam? [Who gave a chance to the Bolsheviks?]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 7 November.

33. Novaya gazeta. (2017) "Rossiyskie paralleli: 1917–2017": Lektsiya Grigoriya Yavlinskogo ["Russian Parallels: 1917–2017": Lecture by Grigory Yavlinsky]. *Novaya gazeta*. 29 March. [Online] Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/29/71956-lektsiya-grigoriya-yavlinskogo-rossiyskie-paralleli-1917-2017>.

34. Limanskiy, G. & Ignatenko, A. (2017) "Stoletie Fevral'skoy revolyutsii. Nachalo russkogo bunta": Lektsiya Andreya Zubova ["The centenary of the February revolution. The Beginning of the Russian Riot": Lecture by Andrey Zubov]. *Novaya gazeta*. 3 March. [Online] Available from: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/03/03/71683-stoletie-fevralskoy-revolutsii-nachalo-russkogo-bunta-lektsiya-andreya-zubova>.

35. Zamost'yanov, A. (2017) 1917-y. Sud'i i peresudy: raskol na krasnykh i belykh opasen [1917. Judges and gossip: the split into the Red and the White is dangerous]. *Literaturnaya gazeta*. 19. [Online] Available from: http://www.lgz.ru/article/-19-6597-17-05-2017/1917-y-sudi-i-peresudy/?phrase_id=875358.

36. Rossiyskaya gazeta. (2017) Na zlobu veka: Na pervom zasedanii istoricheskogo kluba "Rodina" obsudili uroki Fevral'skoy revolyutsii [On the topic of the century: At the first meeting of the history club "Homeland" the lessons of the February Revolution were discussed]. *Rossiyskaya gazeta*. 16 February.

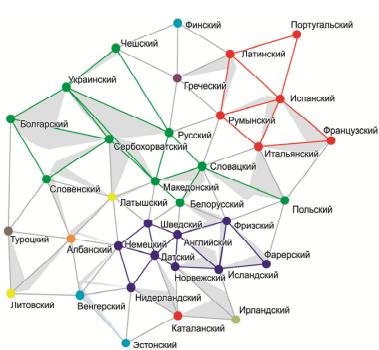
37. Bourdieu, P. (2002) *O televidenii i zhurnalistike* [On television and journalism]. Translated from French. Moscow: Pragmatika kul'tury, Institute of Experimental Sociology.
38. Rossiyskaya gazeta. (2017) Begushchie po volnam: V Russkom muzee otkrylas' vystavka o revolyutsii "Mechty o mirovom rastsvete" [Running on the waves: The Russian Museum opens an exhibition about the revolution "Dreams of the World Flourishing"]. *Rossiyskaya gazeta*. 26 September. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/09/26/reg-szfo/v-russkom-muzeze-otkrylas-vystavka-o-revolutsii-mechty-o-mirovom-rascvete.html>.
39. Rossiyskaya gazeta. (2017) Na "Lenfil'me" vystavili ogromnyy maket kreysera "Avrora" [Lenfilm exhibited a huge model of the cruiser "Aurora"]. *Rossiyskaya gazeta*. 23 November. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/11/23/reg-szfo/na-lenfilme-vystavili-ogromnyy-maket-krejsera-avrora.html>.
40. Glezerov, S. (2017) Vosem' punktov generala Denikina: [Interv'yu s istorikom Aleksandrom Puchenkovym] [Eight points of General Denikin: [Interview with the historian Alexander Puchenkov]]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 7 June.
41. Osipova, G.V. (ed.) (1995) *Entsiklopedicheskiy sotsiologicheskiy slovar'* [Encyclopedic sociological dictionary]. Moscow: Institute of Social and Political Sciences, RAS.
42. Berezkin, L. (2017) Otmyt' vozhyda Oktyabrya [To wash the leader of the October clean]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 3 October.
43. Surnina, I. (2017) Pianisty nachinayut i vyigryvayut [Pianists start and win]. *Literaturnaya gazeta*. 40. [Online] Available from: http://www.lgz.ru/article/-40-6616-11-10-2017/pianisty-nachinayut-i-vyigryvayut/?sphrase_id=1418788.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/19986645/54/16

А. А. Кретов, О. М. Воевудская,
И. А. Меркулова, В. Т. Титов

ЕДИНСТВО ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ

преподавания в вузах таких лингвистических дисциплин, как «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Лингвистическая типология и языковые ареалы», «Семантика», «Общая лексикология», «Славянская лексикология», «Романская лексикология», «Германская лексикология», «Балтийская лексикология», «Финно-угорская лексикология» и частные лексикологии 35 государственных языков Европы.

Монография адресована лингвистам – специалистам в области лексической семантики, лексикографии, социолингвистики и политической лингвистики.

Авторы монографии «Единство Европы по данным лексики» поставили перед собой цель, опираясь на ядерные смыслы исконной лексики современных европейских языков, выявить семантические связи, формирующие лингвокультурное пространство Европы, а также представить альтернативные подходы для обоснования лексико-семантической типологии языков.

С учетом долгое время бытовавшего мнения, что лексика – громадная, аморфная, сложная стихия, не поддающаяся систематизации, перед исследователями стояла непростая задача разработать новые подходы к системному описанию лексики. При этом поставленная задача усложнялась тем, что необходимо было описать лексику в типологическом аспекте. Типологическая установка в исследовании предопределила характер и объем лексики, предназначенный для этих целей.

Рецензия на книгу: Единство Европы по данным лексики / А.А. Кретов, О.М. Воевудская, И.А. Меркулова, [В.Т. Титов]. — Воронеж : Изд. дом Воронеж. гос. ун-та, 2016. — 412 с.

В монографии по данным словарей 35 государственных языков Европы анализируются отраженные в лексике ментальные сходства и различия носителей этих языков.

Монография содержит сведения о лексико-семантическом устройстве государственных языков Европы в самой существенной части лексики – параметрическом ядре.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в области языковой политики, политической лингвистики и лингвистического обеспечения социальных процессов, а также важностью получаемых данных для

Авторы начинают свое исследование с постулата, что лексика любого языка имеет системный характер, представляя собой иерархическую и полевую структуру, в которой важнейшей является оппозиция «ядро : периферия». Важнейшим шагом на пути к лексико-семантической типологии является выделение ядер лексико-семантических систем языков мира.

Объектом исследования стали 35 языков европейских стран: албанский, английский, белорусский, болгарский, венгерский, греческий, датский, ирландский, исландский, испанский, итальянский, каталанский, латинский, латышский, литовский, македонский, немецкий, нидерландский, норвежский, польский, португальский, румынский, русский, сербохорватский, словацкий, словенский, турецкий, украинский, фарерский, финский, французский, фризский, чешский, шведский, эстонский. Для исследования такого массива языков в типологическом ракурсе был апробирован метод параметрического анализа, разработанный В.Т. Титовым и реализованный группой воронежских ученых – В.Т. Титовым, А.А. Кретовым, О.М. Воевудской и И.А. Меркуловой.

Шесть глав монографии содержат последовательное параметрическое описание современных европейских языков, сгруппированных по степени родства. Первая глава монографии посвящена параметрической стратификации лексики славянских языков, вторая глава – лексике германских языков, третья глава – романским языкам, четвертая глава – финно-угорским языкам, пятая – балтийским языкам, шестая – другим европейским языкам, не вошедшим в вышенназванные группы.

К каждому языку применен единый алгоритм описания, включающий следующие параметры лексики:

- 1) функциональный параметр, учитывающий употребительность слов.
- 2) синтагматический параметр, учитывающий валентные свойства слов, который оценивается по количеству фразеосочетаний и иллюстрирующих речений со словом;
- 3) эпидигматический параметр, учитывающий полисемантический потенциал слов, который оценивается по количеству значений у слова;
- 4) парадигматический параметр, учитывающий способность слов вступать в синонимические связи.

По мнению авторов, степень весомости единиц лексико-семантической системы определяется путем выявления параметрического веса. По каждому из указанных параметров отбиралось от 1000 слов и по определенной формуле (см. с. 6) высчитывался параметрический вес каждого слова. Высчитанное таким образом множество единиц и формирует «ядерную тысячу». Для отбора лексики использовались разные типы двуязычных словарей. Важно отметить, что существенным при формировании лексико-семантических ядер исследуемых языков был критерий коммуникативной значимости лексики.

Преимущества такой методики авторы видят в следующем.

Во-первых, в ориентации на ядро лексики, которое состоит из лексических единиц, имеющих высокий системный вес.

Во-вторых, указанная минимизация объекта сравнения происходит посредством собственно лексических (системных) параметров: формальная простота, многозначность, широта сочетаемости, богатство синонимии. Слова попадают в ядро не случайным образом, а в соответствии с высокими показателями представленности того или иного параметра на фоне всех единиц словаря.

В-третьих, объектом сравнения оказываются наиболее важные в системном отношении слова.

Полевая иерархия отобранного материала отражена в соответствии с весом анализируемых единиц.

Единицы, представленные в ядрах по всем четырем параметрам, были отнесены к малому параметрическому ядру.

Единицы, представленные в ядрах по трем и более параметрам, – к большому параметрическому ядру, по двум параметрам – к большой периферии и по одному параметру – к потенциально релевантной лексике.

В рецензируемой монографии представлен также сопоставительный параметрический анализ лексики разных групп европейских языков.

В главе 7 монографии «Компьютерное генерирование карты лингвокультурного пространства языков Европы» рассматривается проблема оценки близости лексико-семантических систем сравниваемых языков и представления ее в форме пространственной диаграммы. На основании эмпирических данных вычислены коэффициенты корреляции между параметрическими ядрами, показывающие степень типологической близости сравниваемых языков, и дан алгоритм построения пространственной диаграммы. Значительное место уделено анализу полученных результатов.

В главе 8 исследователи ставят задачу установить лексическую составляющую Среднеевропейского языкового стандарта (СЕСт). Материалом для анализа служит «ядерная тысяча», выявленная во всех 35 языках путем параметрического отбора. Для решения поставленной цели авторы используют следующий алгоритм анализа:

- 1) от словаря к компьютерной базе данных;
- 2) от компьютерной базы данных каждого из 35 языков – к параметрическому ядру лексики;
- 3) от параметрических ядер лексики – к их семантическому сопоставлению;
- 4) от семантического сопоставления – к взвешиванию значений по количеству межъязыковых пар и выделению наиболее весомых смыслов, объединяющих языки Европы.

- 5) укрупнение семантических групп;
- 6) классификация и взвешивание полученных множеств.

В результате многочисленных подсчетов, сравнений всех данных был вычислен лексико-семантический компонент СЕСТА, который включает 85 значений (см. с. 365), представляющих ключевые концептуальные смыслы и тем самым формирующие лексическую картину мира европейских языков. За единицу подсчета в данном анализе авторы предлагают

пару слов, принадлежащих разным языкам, у которых совпадает не менее 50% метаслов, составляющих толкование на русском языке. Полученное множество содержит 80 156 пар слов и 4 247 разных значений, оказавшихся общими хотя бы для одной пары современных языков Европы. После процедуры взвешивания значений по количеству межъязыковых пар выявляются наиболее значимые смыслы, на следующем этапе подвергающиеся укрупнению в так называемые множества. Выделено три базовых множества: «Первостихии», «Абстракции» и «Тела». К первостихиям (субстанции) относятся *вода, земля, воздух, огонь*; к абстракциям относятся *пространство, движение, признак, форма, мереология*; к телам – *предметы, растения, животные, человек*. Статистический подсчет анализируемых единиц позволил авторам определить соотношение этих множеств в европейских языках. На первом месте оказались *абстрактные понятия* (40 534 – 59%), на втором месте – *понятия*, входящие в множество «Тела» (25 917 – 37%) и на третьем месте оказалось множество «Первостихии» (2 988 – 4%). Такая картина подтверждает гипотезу Б. Уорфа о преобладающей роли абстрактных концептов в среднеевропейской языковой картине мира.

Каждое множество было затем подвержено измерению с точки зрения количественного соотношения ключевых понятий и представлено в виде диаграмм. Сфера «Первостихии» распределилась следующим образом: «вода» – 43%, «земля» – 22%, «воздух» – 20% и «огонь» – 15%. В дальнейшем каждый из данных 4 концептов был просчитан и графически изображен с точки зрения распределения значений и их распространенности в парах языков.

Следующая сфера «Абстрактные понятия» – самая многочисленная. Здесь дается их деление на 3 множества: 1) хронотопное; 2) мереология; 3) признаки. Первое множество составляют концепты «время», «пространство» и «движение». Второе множество «мереология» раскрывает суть отношений между категориями *часть* и *целое*. Третье множество «признаки» составляют свойства тел и субстанций, к которым относятся их *форма, вес, размер, степень, однородность*, а также такие признаки, как осевой (узкий / широкий), осязательный (мягкий / твердый), оценочный (хороший / плохой), витальный (здоровый / больной), гравитационно-ориентированный (высокий / низкий и т.п.). Распределение данных признаков в СЕСте представлено графически. Наибольший вес имеет признак *степени* (с точки зрения эталона-нормы), затем признаки следуют по убыванию: *осознательный, оценочный, витальный, однородность, размер, гравитационно-ориентированный, осевой* и на последнем месте – *вес*.

Сфера «Тела» представлена в виде диаграммы, в которой множества распределились таким образом: «Человек» – 92%, «Растения» – 4%, «Предметы» – 2%, «Животные» – 2%. Судя по явному количественному перевесу множества «Человек», авторы правы, говоря об антропоцентричности СЕСта. Множества «растения», «животные» и «предметы» берутся исключительно в их отношении к человеку. Каждое из этих множеств представлено значениями по степени их значимости и распространенности.

Класс «Человек» подвергнут в данном разделе тщательному анализу. Выявлено три аспекта человека: *природный, психический и социальный*. Авторы соотносят эти три аспекта с традиционными категориями «тело», «душа» и «общество». Данна приблизительная организация класса «Человек». Подкласс «Человек природный» (условно «тело»). Здесь перечислены все значения, связанные с физиологическими особенностями человеческого организма, функциями человеческого тела. Так, *вitalность* человека связана с такими видами деятельности, как:

- 1) деятельность *перемещающая*;
- 2) деятельность *приобщающая*;
- 3) деятельность *производящая*;
- 4) деятельность *преобразующая*;
- 5) деятельность *имитирующая* (игра).

Подкласс «Психика человека» («душа») представлен значениями *ментальных процессов, эмоциональных состояний* и т.п.

Подкласс «Человек социальный» – самый многочисленный; представлен в значениях, выражающих *социальные роли человека, отношения, оценки, признаки*.

В последней главе 9 «Ментальное членение языков Европы в зеркале эксклюзем» поставлена иная цель, нежели в предыдущей главе, а именно: исследовать уникальные лексические смыслы, общие для определенной пары языков. Предметом исследования являются эксклюзивные семемы, которые авторы называют *эксклюземами*. Исследовательская задача заключалась в установлении того, как эксклюземы членят европейское ментальное пространство средствами лексики. Для эксклюземы важно не только выражать общие значения слов двух языков, но именно те значения, которые являются наиболее весомыми в системном плане, т.е. они непременно должны относиться к лексико-семантическому ядру этих языков. Далее дается последовательная стратификация пар европейских языков в порядке убывания числа эксклюзем. В списке приводится более 350 пар языков, в которых количество эксклюзем начинается с показателя 50 и завершается парами языков, имеющих по 1 эксклюземе. При этом можно наглядно проследить, как семантические связи пронизывают все языковое пространство Европы и образуют неожиданные языковые «танцы», не вписывающиеся в логику генетического родства пар языков. Ср.: английский – латышский, венгерский – шведский, украинский – шведский, белорусский – норвежский, греческий – датский и т.п. Анализируя полученную «палитру» европейских языков, сотканную из общих семантических эксклюзем, авторы монографии вывели закономерность, в соответствии с которой наибольшей силой *аттрактивности* (притяжения) обладают германские языки, а наименьшей – романские языки. Мерой аттрактивности авторы считают «сумму его семантических связей с другими языками, которая будет равна сумме пар слов данного и других языков с общими для них значениями» (см. с. 388). Аттрактивность смысловых связей наглядно продемонстрировала степень типологической близости язы-

ков, независимо от их ареальной и генеалогической общности. Латышский язык оказался в тесных связях с германскими языками, так же как македонский и албанский. Из романских языков наиболее германизированным оказался каталанский язык, из финно-угорских – венгерский.

Исследователи обратили внимание еще на одну интересную закономерность – связь языков с особенностями географического ареала: германские языки, функционирующие в островных, полуостровных странах, а также в горных регионах, обладают большей силой аттрактивности, чем языки континентальной локализации.

Сила связи внутри германских языков в пять раз превышает силу связей между прочими языками. Кроме того, сила связи германских языков с прочими языками близка к средней и почти в два раза больше внутренней связи между прочими языками.

Одним из основных в данном исследовании является вывод о том, что «в зеркале «ядерных» эксклюзом центром и доминантой ментального пространства Европы являются германские языки, обладающие необыкновенной внутренней сплоченностью и высокой аттрактивностью» (см. с. 394).

В заключение необходимо отметить, что данное исследование имеет большую теоретическую значимость по степени вклада в решение многих актуальных проблем языкоznания:

1. С точки зрения вклада в когнитивную лингвистику авторам монографии удалось «сконструировать» языковую картину мира европейских языков в ее лексико-семантической интерпретации; кроме того, через призму ядерных лексических смыслов было дано представление об общем концептуальном пространстве европейских народов.

2. Вклад в решение теоретического вопроса о строении лексики состоит в том, что с помощью метода квантитативного анализа авторы привели весомые аргументы в пользу системной организации лексики языка, базирующющейся на полевой иерархии: «малое ядро – большое ядро – периферия».

3. И наконец, главное достижение работы воронежских ученых состоит в том, что заложены основы и созданы предпосылки для формирования нового раздела теоретической лингвистики – *лексико-семантической макротипологии* языков как части лингвистической типологии.

Вместе с тем работы такого рода вызывают и много вопросов, которые связаны с согласием или несогласием с позицией авторов, принятием или неприятием тех или иных положений исследования, но тем не менее именно этот критический взгляд мотивирует ученых на дальнейшие размышления. Остановлюсь на некоторых спорных моментах работы.

1. Говоря о возможностях параметрического анализа лексики, авторы неоднократно апеллируют к «выходу» на ментальные особенности носителей европейских языков. Однако охват языков в континентальном масштабе не позволил авторам хотя бы контурно обозначить специфику языков в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах.

2. Несколько спорным представляется интерпретация функционального параметра анализа. Авторы вполне определенно указывают, что здесь

имеются в виду употребительность и частота употребления анализируемых единиц. Но в дальнейшем анализ эти аспекты не затрагиваются, при этом критерием функционального измерения авторы считают (звуковую? – З.Д.) длину слов, хотя, по логике, работая со словарными единицами по лексикографическим изданиям, авторы имели дело с графическим оформлением слова, но вовсе не с их акустическим воспроизведением.

3. Лексический материал некоторых языковдается с небрежным графическим оформлением, связанным с неправильным употреблением диакритических знаков, ошибочным написанием специфических букв. Так, на с. 321 в таблице с турецкими примерами и на с. 58–59 в таблице, представляющей чешскую лексику, многие слова графически искажены.

4. Некоторые разделы работы излишне перегружены описанием технических нюансов работы (см. с. 352 и далее), другие сплошь представлены таблицами (с. 335–350), что, возможно, информативно, но при этом их избыточность мешает удержать основную нить исследования и отвлекает от аналитической сути работы.

З.К. Дербисheva

BOOK REVIEW: *EDINSTVO EVROPY PO DANNYM LEKSIKI* [THE UNITY OF EUROPE ACCORDING TO VOCABULARY]

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 260–266. DOI: 10.17223/19986645/54/16

Zamira K. Derbisheva, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan).
E-mail: dezami2015@gmail.com

DOI: 10.17223/19986645/54/17

Рецензия на книгу: Матяш С.А. Стихотворный перенос (енjambement) в русской поэзии: Очерки теории и истории. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. – 464 с.

В книге изложены итоги многолетнего исследования нескольких проблем теории и истории стихотворного переноса (енjambement) в русской поэзии XVIII–XX вв. Среди проблем теории – выявление переносов, параметры описания их структуры, новые (открытые автором) типы; среди проблем истории – индивидуальность поэтических систем, характер рецепции опыта предшественников, история жанра через призму переносов. Специальные разделы книги посвящены общим, частным и эксклюзивным функциям переносов.

Для преподавателей высших учебных заведений, аспирантов, студентов и всех интересующихся стихотворной формой.

Выход в свет книги известного ученого-стиховеда Светланы Алексеевны Матяш о феномене переноса («енjambement») в отечественной поэзии – событие значительное. К созданию этого емкого труда, посвященного версификационному приему несовпадения метрико-графического членения стихотворного текста (на строки и строфы) с синтаксическим, привлекавшему внимание поэтов и теоретиков уже начиная с XVIII в., исследовательница шла более 20 лет. Ее статьи о проблемах переносов в отечественной поэзии хорошо известны специалистам, теперь идеи и находки интегрированы автором в единую книгу. И хотя в качестве жанрового подзаголовка книги выбрано наименование «Очерки теории и истории», перед читателем целостное и концептуально выверенное, аргументированное исследование непростого в своем функционировании явления, представленного на конкретном материале русской поэзии в разных проблемных аспектах. Эта многопроблемность, являющаяся одним из достоинств книги, логически связана с постановкой вопроса о переносе, каким видит его С.А. Матяш.

Как показывает автор, сложная ритмико-синтаксическая природа переноса вызывала и вызывает интерес как у лингвистов, так и у литературоведов, уже этим презентируя необходимость разноаспектного подхода к

явлению. Формирование нового этапа развития стиховедческой науки, характеризующегося переходом от исследования отдельных стиховых формантов к изучению их взаимодействия в структуре целого, сама С.А. Матяш называет в числе наиболее важных стимулов для обращения к системному изучению переноса – и целенаправленно реализует этот подход в процессе анализа интересующего ее феномена. Так, уже в первом разделе, обращая внимание на фактические различия интерпретаций исследователями несовпадения ритмического членения с синтаксическим в ситуации переноса, С.А. Матяш предлагает свою конструктивную методику выявления переносов, опирающуюся в первую очередь на сопоставление силы противостоящих друг другу «горизонтальных» (внутристрочных) синтаксических связей с «вертикальными» (межстрочными). Определяя основой переноса доминирование вторых над первыми (при сохранении актуальности фактора внутристиховых пауз, выделенного еще В.М. Жирмунским, хотя и в ином статусе), исследовательница открывает перспективы рассмотрения переноса в аспекте изучения специфики стихового синтаксиса, взаимодействующего с ритмической организацией текста.

Обращаясь далее к структуре переносов, С.А. Матяш – вполне оправданно и аргументированно – добавляет к двум традиционным параметрам (по месту и форме образования) еще четыре, связанные с характером клаузулы верхней строки, словоразделов в нижней, соотношения контактных и дистантных связей, а также набор и частотность синтаксических связей. Это позволяет сформировать сложную, но четкую, сущностно мотивированную и конкретную типологию явления, открывающую новые возможности для изучения функционирования переносов в конкретных поэтических произведениях на основе сравнительного анализа с применением статистического метода. Конкретной демонстрации этих возможностей посвящены последующие разделы книги.

При этом и сформированная аксиоматическая база характеристики переносов, и аналитические разработки конкретных поэтических текстов неизменно и дотошно учитывают опыт как классических, так и современных трудов других исследователей (М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой, М.И. Шапира, О.И. Федотова, В.С. Баевского, Л.В. Зубовой и др.), с которыми С.А. Матяш находится в постоянном творческом диалоге. Характерно, что на каждом этапе исследовательница не только скрупулезно аргументирует тот или иной вывод, позицию, но и нередко приводит альтернативные гипотезы, тут же мотивируя их несостоятельность.

Что же касается художественного материала, на котором строится анализ конкретных вопросов, связанных с феноменом переноса и его функционированием, то его основой служит в книге поэтическое творчество одиннадцати поэтов XVIII–XX вв. (В.К. Тредиаковского, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Е.А. Баратынского, Вяч. Иванова, М.И. Цветаевой, А.Т. Твардовского, И.А. Бродского, Т. Кирова; выборочно – также многих других), подвергающееся тщательной статистической обработке в соответствии со спецификой каждого из вы-

бранных проблемных подходов. Трудоемкость такой работы, обеспечивающей достоверность результатов, невозможно переоценить.

Книга поделена на три части: «Вопросы теории», «Вопросы семантики» и «Вопросы истории»; соответствующая аналитическая ориентация доминирует в очерках, составивших каждый из разделов (что не мешает С.А. Матяш обращать внимание на взаимосоотнесенность теоретического, исторического и семантического ракурсов в рамках отдельных исследовательских сюжетов).

В первой части предлагаются опыты анализа структуры переносов по традиционным и новым, предложенным исследовательницей параметрам, в эпическом, драматическом и лирическом русском стихе; исследование соотнесенности переноса с рифмой, строфикой, интонацией; поэтика нетрадиционных переносов («затяжных», «левых», «сказовых»). Каждая из проблем рассмотрена на конкретном текстовом материале и фактически представляет собой самостоятельное исследование. Но в целом выстраивается картина, свидетельствующая о неслучайном смыкании феномена переноса с разнообразными текстообразующими формантами, причем не только версификационной, но и, к примеру, жанрово-родовой природы. Особенно обстоятельными и перспективными представляются разделы, связанные с изучением драматического стиха в связи с проблемой переноса, осмыслиенные в аспекте исторической поэтики; многообразные наблюдения над особенностями переносов в стихотворном наследии А.С. Пушкина.

Внутренне богат и разнообразен также состав второй части, где очерки посвящены в первую очередь вопросам семантики переноса. Отталкиваясь от истории вопроса, уходящего корнями в XVIII в., сопоставляя основные подходы к семантике переноса, определившиеся в XX в., С.А. Матяш систематизирует эти данные и предлагает сформированную ею общую многоуровневую (и убедительно иерархизированную) типологию функций переносов. Этой типологией исследовательница руководствуется далее во всех очерках данного раздела. И анализ, и выводы чрезвычайно интересны и содержательны. Автор на конкретном материале выявляет композиционные функции переносов, их способность маркировать контрасты тем и образов, взаимодействовать с другими формантами стихотворных произведений. Исследуются пропорции изобразительных и выразительных функций в поэзии Н.М. Карамзина; устойчивый прием обозначения первого появления персонажа в поэмах А.С. Пушкина с помощью «визитного» переноса; и др. Частные, но конкретные и доказательные результаты использования переносов пополняют и корректируют сложившиеся представления о поэтике поэм Пушкина, специфических чертах лермонтовских заимствований, памяти стихотворной формы в поэзии А. Тарковского и др.

Очерки третьей части книги, выстроенные в хронологии авторов от В.К. Тредиаковского до И.А. Бродского и Т. Кибирова, выявляют реальную роль и значение переносов в индивидуально-творческих системах поэтов трех веков. Конкретные проблемные ракурсы здесь определяются, как

и во всей книге, характером поэтического материала, позволяя осмыслять его место в историческом процессе и находить ответы на самые разные вопросы, связанные с изучением истории отечественной литературы. Например, результат исследования системы переносов в поэзии Тредиаковского, свидетельствуя о первостепенном влиянии русской народной песни на его теоретический трактат, становится дополнительным аргументом в решении проблемы национальных истоков реформы русского стихоизложения. А анализ переносов в поэме Твардовского «Василий Теркин» помогает выявить механизмы сопряжения фольклорной и литературной традиций в этой поэме.

Таким образом, исследование стихового переноса, осуществленного С.А. Матяш и впервые в современной науке представленного в монографическом формате, убеждает, с одной стороны, в наличии универсального семантического потенциала изучаемого феномена в опоре на его фактическую связь с различными стихообразующими уровнями текста, а с другой – в разнообразии проявлений этого потенциала в конкретных исторических условиях (художественных систем, эпохальных тенденций и пр.).

В связи со всем сказанным нельзя не подчеркнуть, что значение рецензируемой книги ощутимо перерастает рамки сугубо стиховедческого знания. Сделанные С.А. Матяш наблюдения и изложенные соображения, выявленные ею структурные и эволюционные тенденции в русской поэзии будут интересны для заинтересованных теоретиков и историков литературы, сложившихся специалистов и студентов, вузовских и школьных преподавателей, исследователей самого широкого профиля. Конечно, для нестиховедов чтение этого профессионально безукоризненного труда зачастую может представить трудности, связанные и с терминологией, и со специфической методикой, используемой стиховедами. Но сложности такого рода вполне преодолимы, особенно при учете собственного С.А. Матяш стремления к четкости и понятности изложения материала, ее педагогической чуткости. При этом следование за мыслью автора позволяет читателю самым наглядным образом – через непосредственную верифицируемую работу с художественным текстом – убедиться в справедливости и основательности выводов, к которым приходит исследовательница. И понятийно-теоретическая база, и представленные в исследовании многочисленные конкретные проблемные разработки демонстрируют органичную вписанность переноса в литературную реальность, поливалентность функциональных контактов изучаемого явления с разными уровнями этой реальности. А отсюда – несомненная перспективность учета и дальнейших изучений этого приема в разных аспектах, в том числе историко-литературном.

Сложнейший для стиховедения вопрос о содержательности версификационных элементов и приемов в труде С.А. Матяш получает впечатляющую разработку. И это, пожалуй, особенно важно в наше время, когда неуклонно возрастающее доминирование прозы, размывание памяти рядового (и не только) читателя об уходящих в прошлое стиховых формах и

традициях, с одной стороны, и усложнение технологий и методик современного стиховедения – с другой, провоцируют представление об увеличивающемся разрыве этой области знания с другими. А это ведет к ослаблению востребованности стиховедческих находок и открытий «широким» литературоведением. С.А. Матяш, творчески опираясь на опыт отечественных исследователей, блестяще противопоставляет этому успешность использования конкретных стиховедческих знаний и разработок для решения больших и малых проблем теории и истории литературы, углубления интерпретации и анализа художественных текстов, и в этом – методологическое достоинство книги, проявляющееся в масштабах науки о художественной словесности в целом.

Л.Е. Ляпина

BOOK REVIEW: MATYASH, S.A. *STIKHOTVORNYY PERENOS (ENJAMBEMENT) V RUSSKOY POEZII (OCHERKI TEORII I ISTORII)* [ENJAMBEMENT IN RUSSIAN POETRY (ESSAYS ON THEORY AND HISTORY)]

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 267–271. DOI: 10.17223/19986645/54/17

Larisa E. Liapina, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: larissa.lyapina@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЙКОВА Ольга Владимировна – д-р филол. наук, зав. кафедрой лингвистики и перевода Вятского государственного университета (г. Киров).
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БЕРГЕЛЬСОН Мира Борисовна – д-р филол. наук, профессор школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).
E-mail: mirabergelson@gmail.com

БУЛГАКОВА Наталья Олеговна – аспирант кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: nob@tpu.ru

ВАРТАНОВА Елена Леонидовна – чл.-корр. Российской академии образования, зав. кафедрой теории и экономики СМИ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: referent@smi.msu.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: wolkoviv@gmail.com

ГОРБОВСКАЯ Светлана Глебовна – канд. филол. наук, доцент кафедры французского языка Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: vard_05@mail.ru

ГРЕБНЕВА Марина Павловна – д-р филол. наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: grmarinagr@mail.ru

ДЕРБИШЕВА Замира Касымбековна – д-р филол. наук, профессор отделения русского языка и литературы Киргизско-Турецкого университета «Манас» (г. Бишкек, Киргизия).

E-mail: dezami2015@gmail.com

ДИАС ФЕРРЕРО Ана Мария – канд. филол. наук, доцент кафедры перевода Гранадского университета (Испания).

E-mail: anadiaz@ugr.es

ЖИЛИЧЕВА Галина Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: gali-zhilich@yandex.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: emmaluk@yandex.ru

ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

КАЗАКОВ Андрей Викторович – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного университета (г. Киров).
E-mail: kazakov.andrey.bonus@yandex.ru

КАЛИТКИНА Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: dasty2@yandex.ru

КЕРО ХЕРВИЛЬЯ Энрике Федерико – д-р филол. наук, профессор кафедры греческого и славянских языков Гранадского университета (Испания).
E-mail: efquero@ugr.es

КИБРИК Андрей Александрович – д-р филол. наук, зав. отделом типологии и ареальной лингвистики Института языкоznания Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: aakibrik@gmail.com

КРАСНОБАЕВА-ЧЁРНАЯ Жанна Владимировна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и прикладного языкоznания и славянской филологии Донецкого национального университета им. Василя Стуса (г. Винница, Украина).
E-mail: zh.krasnobaeva@gmail.com

ЛЯПИНА Лариса Евгеньевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).
E-mail: larissa.lyapina@mail.ru

ОБУХОВА Ольга Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Вятского государственного университета (г. Киров).
E-mail: obuchova.75@mail.ru

ПЕРЕВАЛОВА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Московского политехнического университета.
E-mail: helenpv@yandex.ru

ПОЗДЕЕВ Вячеслав Алексеевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров).
E-mail: slavapozd@yandex.ru

ПУПЫНИНА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного университета.
E-mail: pupunina@bsu.edu.ru

СЕДЕЛЬНИКОВА Ольга Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета.
E-mail: sedelnikovaov@tpu.ru

СИДОРОВ Виктор Александрович – д-р филос. наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: v.sidorov@spbu.ru

СМИРНОВ Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и экономики СМИ Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: smirnov_s@rambler.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год, полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2018. № 54

Редактор Т.В. Зелева

Редактор-переводчик В.В. Кашпур

Оригинал-макет А.И. Лелоюр

Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 26.08.2018 г. Формат 70×100 $\frac{1}{16}$.

Печ. л. 17,25; усл. печ. л. 22,4. Цена свободная.

Тираж 50 экз. Заказ № 3447.

Дата выхода в свет 26.10.2018 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru